

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская история

В номере:

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

80 лет победы в Великой Отечественной войне



Роль высшего руководства СССР в достижении Победы

Послевоенные споры советских полководцев

*Истребительные батальоны
Москвы и Московской области*

*Нереализованные возможности сближения
позиции СССР и Ватикана в 1942 г.*

*Картографические материалы как источник
по истории боевых действий в Курляндии*

*Организация питания
на оборонных заводах Пензенской области*

Московские домоуправления военных лет

Война и футбол

*Фронтовики в советском обществе
в первые послевоенные годы*

*Органы мобилизационного планирования экономики
в 1945–1964 гг.*

Стародубский полк в войнах России 1654–1764 гг.

*Ф.Ф. Берг и проекты преобразования русской разведки
в середине XIX в.*

*Формирование Смоленского ополчения
во время Крымской войны*

МОСКВА

3

май
июнь
2025

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В.Н. Захаров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. Аракчеев, А.Н. Артизов, Б.В. Базаров, В.П. Булдаков, Р.Г. Гагкуев, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, В.В. Кондрашин, В.А. Кучкин, А.К. Левыкин, Д. Ливен, Е.А. Мельникова, С.В. Мироненко, К.В. Никифоров, Ю.А. Петров, Е.И. Пивовар, Р.Г. Пихоя, Д. Свак, А.В. Сиренов, А.К. Сорокин, В.А. Тишков, Е.А. Тюрина, У Эньюань, В.С. Христофоров, В.В. Шелохаев, А.В. Юрасов

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.Г. Агеева, А.Л. Беглов, О.В. Большакова, О.В. Будницкий, П. Бушкович, П.Г. Гайдуков, А.А. Горский, В. Дёнингдаус, С.В. Журавлёв, В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, А.А. Иванов, Д.Ю. Козлов, Н.В. Козлова, Б.И. Колоницкий, М. Крамер, В.Н. Круглов, Д.В. Лисейцев (зам. главного редактора), П.В. Лукин, А.В. Мамонов (зам. главного редактора), Л.В. Мельникова, А.П. Павлов, Д.Б. Павлов, Д.А. Редин, К.А. Соловьёв, П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8-499 723 69 10

Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

На обложке: К.Ф. Юон. Парад на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 г. (1949)

Роль высшего военного и политического руководства СССР в достижении Победы

Сергей Кудряшов

**The role of the supreme military and political leadership of the USSR
in achieving Victory**

Sergei Kudryashov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X25030018, EDN: FJGLFR

И.В. Сталин играл ключевую роль в управлении советским государством, без него не решался ни один принципиальный вопрос. Как следствие, его деятельность в качестве Верховного главнокомандующего — одна из наиболее дискуссионных проблем истории Великой Отечественной войны. В литературе, особенно зарубежной, встречаются попытки превратить его в главного виновника, а потом и бенефициара итогов войны¹. Но агрессия против СССР не являлась ни войной против его лидера, ни его личной войной — народы страны боролись за своё будущее и независимость. Поэтому важно понять, насколько деятельность Сталина отвечала общенародным интересам, как он выполнял функции руководителя и что сделал для достижения Победы.

Документы из российских архивов и научные исследования последних десятилетий убедительно показывают, что лидер ВКП(б) начиная с середины 1920-х гг. целенаправленно конструировал систему власти так, чтобы быть в ней главным звеном, обладающим непрекращаемым авторитетом. Под его тщательным наблюдением шла работа всех сфер государственной деятельности — от науки и образования до народного хозяйства и Вооружённых сил. Особую роль в консолидации режима играли репрессии, которые носили волнообразный характер, время от времени ослабевая, но никогда не прекращаясь². Историки до сих пор спорят об их причинах и смысле, поскольку довольно сложно рационально объяснить, к примеру, уничтожение десятков тысяч кадровых военных накануне войны. Однако диктатор видел в этом логику. Если ряд командиров критиковали руководство Наркомата обороны и лично К.Е. Ворошилова, то несложно предположить, что в кризисной ситуации они могли бы поставить под сомнение и дееспособность «вождя». Поэтому репрессии стали инструментом искоренения инакомыслия и потенциальной оппозиционности. Трудно сказать, верил ли Сталин в наличие в его собственной армии сети британских, германских, троцкистских, японских и прочих шпионов, но даже если сам он в чём-то и сомневался, то заставлял в это верить других.

Общее число репрессированных — вопрос дискуссионный. В литературе называют цифры от 40 до 75 тыс. командиров. Что касается рядовых и младшего командного состава, то этот вопрос пока не изучен. Основным источником све-

© 2025 г. С.В. Кудряшов

¹ Из недавно вышедших: McMeekin S. Stalin's war. N.Y., 2021.

² Подробнее см.: Хлевнюк О.В. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.

дений о числе репрессированных — отчёт заместителя наркома обороны СССР Е.А. Щаденко о работе возглавляемого им управления по начальствующему составу РККА. Согласно документу, в 1936—1939 гг. по различным мотивам из армии уволили 42,5 тыс. командиров и политработников, но в 1938—1940 гг. 11,2 тыс. из них восстановили³. В любом случае относительно общего списочного состава, который к тому же постоянно увеличивался (к концу 1939 г. в РККА насчитывалось 579 тыс. офицеров), репрессии не выглядят столь уж масштабными. Тем не менее большинство историков сходятся в том, что они существенно повлияли на боеспособность Вооружённых сил, дезорганизовав процесс принятия решений и подорвав преемственность руководства в основных армейских структурах. Так, с 1937 по 1939 г. сменились пять начальников Морских сил РККА и с 1937 по 1941 г. — пять командующих Военно-воздушных сил (из них по четверо человек расстреляли), шесть руководителей военной разведки (в живых также остался лишь один), девять начальников службы ПВО (двое приговорены к высшей мере), а за 1940—1941 гг. — три начальника Генерального штаба (Б.М. Шапошников, К.А. Мерецков, Г.К. Жуков)⁴.

Аналогичная картина наблюдалась в большинстве прочих наркоматов. Как следствие, у новых назначенцев на высокие государственные посты просто не хватало времени, чтобы войти в курс дела и приступить к нормальной работе. Одновременно репрессии создавали атмосферу неопределённости и страха, когда вставал вопрос о принятии самостоятельных решений. Из-за этого сложилась громоздкая и неэффективная процедура: военачальники разного уровня подробно информировали обо всем Наркомат обороны, Генштаб и лично Сталина, а затем ожидали указаний «сверху». Если же разъяснений из Москвы не поступало, многие успокаивали себя тем, что свои обязанности выполнили и «товарищу Сталину всё известно». В итоге возник паралич управления, которым умело воспользовались немцы при подготовке агрессии.

Рассекреченные материалы из архива Сталина и Политбюро ЦК ВКП(б), Наркомата обороны, оперативного и мобилизационного управлений Генштаба убедительно свидетельствуют о беспрецедентных мерах по укреплению обороноспособности страны, осуществлявшихся в 1939—1941 гг. Объёмы проделанной работы по созданию новых видов оружия и наращиванию мощностей по его производству громадны. В 1940 г. военные расходы достигли самого высокого уровня за всю историю СССР — 32,6% государственного бюджета. Примечательно, что почти 40% из них шло на авиацию. Кроме того, к началу войны произвели 639 тяжёлых танков КВ («Клим Ворошилов») и 1 225 средних танков Т-34. Осуществлялась масштабная строительная программа (новые укрепрайоны, аэродромы, дороги и проч.). Списочная численность РККА возросла с 1943 тыс. до 5434,8 тыс. военнослужащих, из которых в составе западных округов находились 2742,9 тыс.⁵ Объективная проблема заключалась в том, что преобразования проводились одновременно, стремительно, без достаточной проработки деталей. Это неизбежно вело к большим диспропорциям, отставаниям по срокам и разбалансированности механизма управления, многочисленным организационным и техническим проблемам.

³ РГВА, ф. 33987, оп. 3а, д. 1280, л. 36—50.

⁴ Мерецкова арестовали как шпиона 24 июня 1941 г., но освободили уже в августе. Подробнее см.: Печёнкин А.А. Высший состав Красной армии в годы Второй мировой войны. М., 2002.

⁵ Подробнее см.: Великая Отечественная война 1941—1945 гг. В 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны. М., 2012.

К июню 1941 г. РККА обладала всеми необходимыми средствами для отпора агрессору. Однако несвоевременное приведение войск в боевую готовность, отсутствие адекватных приказов, растерянность и замедленная реакция Кремля на стремительно менявшиеся события быстро привели к катастрофическим последствиям. Поведение Сталина в первые дни войны по-прежнему вызывает много вопросов. Долгое время в литературе доминировала выдвинутая Н.С. Хрущёвым версия о том, что «вождь» потерял чувство реальности и даже впал в протрацию⁶. Документы из архива Сталина и Политбюро её не подтверждают, хотя по-прежнему встречается мнение, будто 29 и 30 июня он пребывал в глубоком психическом кризисе. Однако следует учесть, что в течение недели Сталин находился в состоянии крайнего напряжения, постоянно проводил совещания и переговоры и спал очень мало. Он выдержал в таком тяжёлом режиме работы неделю, а затем два дня никого не принимал, что вполне объяснимо.

К тому же в те дни он получал массу противоречивой информации — реальной обстановки не знали ни нарком обороны С.К. Тимошенко, ни начальник Генштаба Жуков. В ситуации полной неясности издавались неисполнимые приказы о наступлениях, исходившие из предвоенных представлений о том, что армия выдержит любой удар и быстро перенесёт боевые действия на территорию врага. Но любое контрнаступление без хотя бы приблизительного понимания обстановки и планов противника, в отсутствие должной огневой и воздушной поддержки изначально обрекалось на провал. К отступлениям же Сталин относился подозрительно ещё со времён Гражданской войны, в каждом из них, даже вынужденном, искал измену и стремился оперативно наказать «предателей». Он не раз заявлял, что современная армия должна только наступать, не понимая, что отступление, как и оборона, — важный, порой необходимый инструмент тактики и стратегии. Трудно избавиться от впечатления, что «вождь» и его ближайшее армейское окружение действовали вопреки правилам военной науки.

Сталин и чрезвычайные органы управления. 30 июня 1941 г. совместным постановлением Президиума Верховного совета СССР, ЦК ВКП(б) и СНК СССР был создан Государственный комитет обороны (ГКО). В его первый состав вошли Сталин (председатель), В.М. Молотов (заместитель председателя), а также Ворошилов, Г.М. Маленков и Л.П. Берия. Первое постановление комитета вышло 1 июля 1941 г., последнее — 4 сентября 1945 г. Фактически в своей деятельности он сочетал функции правительства и Политбюро. Собственного аппарата новый орган власти не имел, его сотрудники работали в своих учреждениях. Масштабы задач требовали от Сталина и других членов комитета делегировать полномочия, поэтому из числа высших партийных и советских руководителей назначались уполномоченные ГКО⁷, которых направляли на наиболее важные оборонные предприятия и в регионы страны⁸.

22 октября 1941 г. ГКО образовал местные чрезвычайные органы — городские комитеты обороны, которым принадлежала вся полнота власти. Их созда-

⁶ См., например: Хрущёв Н.С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. В 2 кн. Кн. 1. М., 2016. С. 236.

⁷ В марте 1945 г. таких уполномоченных насчитывалось 40 (РГАСПИ, ф. 644, д. 457, л. 77).

⁸ Также 1 июля 1941 г. СНК СССР выпустил постановление «О расширении прав народных комиссаров СССР в условиях военного времени». Речь шла в основном о различных мерах финансового и экономического стимулирования (Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. 1941–1952 гг. М., 1968. С. 40–41).

ли в 74 крупных городах. Одновременно формировались различные временные комиссии для проверок или рассмотрения проблемных ситуаций. Всего за годы войны комитет принял 9971 нормативно-правовой акт, имевший силу закона военного времени. Разумеется, ГКО работал в тесном взаимодействии с наркоматами. Важно отметить, что возглавляли их зачастую молодые люди: ведомство тяжёлой промышленности — 36-летний В.А. Малышев, чёрной металлургии — 38-летний И.Ф. Тевосян, цветной металлургии — 36-летний П.Ф. Ломако, вооружения — 32-летний Д.Ф. Устинов, связи — 34-летний И.Т. Пересыпкин, Госплан — его ровесник Н.А. Вознесенский. А.Н. Косыгин в 36 лет стал заместителем председателя Совнаркома СССР, И.В. Ковалёв в 38 лет возглавил управление военных сообщений РККА и т.д. Все они были обязаны карьерным ростом лично Сталину.

Управлением армией и руководством военными действиями занималась Ставка Верховного главнокомандования (СВГК). Сталин возглавил её одновременно с ГКО — в июле 1941 г. Поскольку он являлся также первым секретарём ЦК ВКП(б), председателем СНК, наркомом обороны и Верховным главнокомандующим Вооружёнными силами, получилось, что в его руках сосредоточилась вся власть в стране. Однако совмещение столь разных постов создавало колоссальную нагрузку и требовало надёжных людей, которые могли бы взять часть функций на себя. Сталин полагался на членов Политбюро и правительства, а также высокопоставленных военных, которых хорошо знал и которым доверял. Они и распределили между собой основные обязанности и сферы руководства. В ЦК и ГКО первыми заместителями «вождя» стали соответственно Жданов и Молотов, а с декабря 1942 г. — ещё и Берия⁹. В СНК ему помогали 10, а в Наркомате обороны — 15 заместителей¹⁰. Каждый из них наделялся диктаторскими полномочиями. Решения и распоряжения ГКО были обязательны для беспрекословного исполнения всеми партийными, советскими, военными и общественными организациями, а также гражданами СССР. Такая структура управления позволяла быстрее принимать решения, наказывать провинившихся, продвигать по службе новые кадры. Но многое зависело от уровня подготовки и информированности соответствующего «куратора».

Членами Ставки, помимо Сталина, являлись Молотов, маршалы Советского Союза Ворошилов, Тимошенко, Жуков, С.М. Будённый и Б.М. Шапошников. В ходе войны в её состав включались А.М. Василевский и А.И. Антонов, занимавшие посты начальников Генштаба. Последнее кадровое изменение произошло 17 февраля 1945 г., когда в неё вошли Н.А. Булганин и адмирал Н.Г. Кузнецов. Несмотря на то что СВГК создавалась как коллективный орган, в полном составе она никогда не собиралась. Ставка — это прежде всего сам Сталин, а все остальные приглашались в зависимости от обсуждаемого вопроса. Василевский в 1964 г. вспоминал: «Никакой Ставки по существу не было, а это был Сталин... Ни на одном заседании Ставки [я] участия не принимал»¹¹.

⁹ Берия вошёл в состав Оперативного бюро ГКО, а в мае 1944 г. стал его председателем. Бюро представляло собой постоянно действующую рабочую комиссию, осуществлявшую оперативное руководство важнейшими отраслями промышленности и готовившую проекты крупных постановлений, которые должен был утверждать Сталин (РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1356, л. 120–121).

¹⁰ Всего за годы войны должность заместителя наркома обороны занимали 22 человека.

¹¹ «В годы войны... я был очень близок к Сталину». Беседа Маршала Советского Союза А.М. Василевского с сотрудниками ИМЛ при ЦК КПСС, 1964 г. // Исторический архив. 2024. № 2. С. 77, 95.

Жуков в 1966 г. разъяснил: «Мне кажется, не все понимают, что представляла собой Ставка Верховного главнокомандования в годы минувшей войны... Собиралась ли когда-либо Ставка для обсуждения стратегических и других вопросов? Нет. Кто был в Ставке и кто вёл там разговоры? Сталин. Сталин — это Ставка. Генеральный штаб — его аппарат»¹². По словам Кузнецова, «Сталин вызывал на заседания Ставки лишь того, кого находил нужным. По сути дела, установилось единоличное управление»¹³.

В шифровках и директивах «вождь» предпочитал давать указания от имени высшего военного органа: «Доложите Ставке», «Ставка требует» и т.д. Почти все они подписывались Сталиным и начальником Генштаба. Если же документ визировал только последний, то указывалось, что это делается «по поручению Ставки»¹⁴. В любом случае командный состав прекрасно понимал, что имеет дело именно с «вождём». Лишь 23 декабря 1944 г. приказ Ставки о порядке издания и подписи приказов (директив) СВГК, Наркомата обороны и начальника Генштаба регламентировал деятельность структур военного управления. Согласно новым требованиям, приказы и директивы по оперативным и организационным вопросам, имевшим важное значение для войск действующей армии, издавались и подписывались Ставкой (Сталиным). Приказы по Генштабу, распоряжения фронтам и приказания от имени Верховного главнокомандующего находились в ведении начальника Генштаба. Все остальные вопросы (перевооружение армии; создание мобилизационных запасов; изменение норм материального снабжения личного состава; обучение; политическая пропаганда и проч.) возлагались на Наркомат¹⁵.

Деятельность СВГК в начале войны отличало большое количество импровизированных, спонтанных и плохо подготовленных решений. Приказы из Кремля часто опаздывали, поэтому стратегической задачей стало налаживание связи с фронтами и своевременное получение информации от армейских штабов¹⁶. Решение оказалось не из простых: воздушные удары гитлеровцев по узлам связи и телеграфным линиям, а также действия диверсионных групп повредили 40–50 % коммуникаций. В результате для выяснения оперативной обстановки на фронты постоянно отправлялись представители Ставки, что тормозило работу в Москве. Лишь к концу августа 1941 г. в Генштабе сложилась стройная процедура получения сведений и подготовки информационных сводок — трижды в течение суток. Сталину они также докладывались три раза

¹² Маршал Жуков. Каким мы его помним. М., 1989. С. 217; Маршал Жуков: полководец и человек. М., 1989. С. 152–153.

¹³ Москва. 1988. № 5. С. 188.

¹⁴ Единолично Сталин подписывал лишь отдельные приказы административного характера (выговор, назначение или снятие командующего и т.д.). См.: Hill A. Stalin and the Stavka. Formulating Soviet strategy during the Great Patriotic War // *Supreme leadership in modern war: civil-military relations during competition and war* / Ed. by J. Lacey and W. Murray. N.Y., 2024. P. 145–169.

¹⁵ Всего за годы войны наркомат выпустил более 4 200 приказов, 223 из которых подписал лично нарком. Если приказ подписывался не им, то ставился гриф: «Одобен народным комиссаром обороны СССР».

¹⁶ 23 июля 1941 г. Сталин подписал приказ «Об улучшении работы связи в Красной армии», где отмечалось, что «неудовлетворительное управление войсками в значительной мере является результатом плохой организации работы связи и в первую очередь результатом игнорирования радиосвязи» (Документы по управлению и связи в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Опыт разработки и постановки задач войскам: военно-теоретический труд. М.; СПб., 2015. С. 71–74). От командного состава требовалось оперативно устранить этот недостаток.

в день (последний раз — до 24:00). Что же касается связи с фронтами, то её наладили только летом—осенью 1942 г. Задачу восприняли столь серьёзно, что к концу войны численность войск связи составила почти 10% общей численности Вооружённых сил¹⁷.

В исторической литературе отсутствуют детальные исследования деятельности Политбюро в рассматриваемый период. Создается впечатление, что его роль снизилась, поскольку собиралось оно нерегулярно¹⁸. Однако на деле, по-видимому, имеет место пересечение функций различных органов, в которых одновременно с членами Политбюро заседали и другие лица¹⁹. По крайней мере, на протяжении всей войны постоянно работала комиссия по делам Верховного суда, которая утверждала приговоры к высшей мере наказания. Через этот орган, история которого ещё не написана, прошли тысячи дел. В принятии решений участвовали все члены руководящего органа партии²⁰.

К началу войны в РККА числилось около 1100 генералов. Но найти тех, кто смог бы остановить наступление врага, оказалось непросто. Отсутствие надёжной информации и отступления на всех фронтах вызывали у Сталина раздражение и недоверие к офицерам. Показалось, что создания фронтов и назначения командующих недостаточно для эффективного контроля²¹, и 10 июля 1941 г. ГКО решил создать промежуточные органы — главные командования направлений: Северо-Западного (Северный и Северо-Западный фронты), Западного (Западный) и Юго-Западного (Юго-Западный и Южный), которые возглавили соответственно Ворошилов, Тимошенко и Будённый. От них требовалось не допускать самовольного отхода войск и сдачи ими стратегически важных пунктов и рубежей, добиваться стойкости и самоотверженности в обороне, мобилизовать население оккупированных территорий на развёртывание борьбы в тылу врага. Отдельно указывалось, что за самовольный уход с позиций «виновные командиры будут караться расстрелом»²². Военные историки рассматривают создание главных командований как позитивную и в целом эффективную меру²³. На деле, однако, они сильно замедлили принятие решений, внесли ненужную путаницу в руководство войсками и не обеспечили надлежащего контроля — поражения и отступления продолжались. Неудивительно, что летом 1942 г. их упразднили²⁴.

¹⁷ Подробнее см.: Связь в годы Великой Отечественной войны. М., 2023.

¹⁸ В состав Политбюро на 22 июня 1941 г. входили Сталин, Молотов, Ворошилов, Хрущёв, А.И. Микоян, Л.М. Каганович, А.А. Жданов, А.А. Андреев и М.И. Калинин. Кандидатами в члены числились Берия, Маленков, Вознесенский, А.С. Щербаков, Н.М. Шверник. До войны оно заседало регулярно (как правило, по четвергам), в годы войны собиралось редко.

¹⁹ Только 8 декабря 1942 г. Политбюро приняло постановление, разграничившее функции ГКО и СНК. Создавались Оперативное бюро ГКО (Молотов, Берия, Маленков, Микоян) и бюро СНК СССР (Молотов, Микоян, Андреев, Вознесенский, Шверник).

²⁰ *Сорокин А.К.* История одного правления. Сталин в 1917–1953 гг. Кн. 2. Война и мир Сталина. М., 2024. С. 413.

²¹ К декабрю 1941 г. действовали девять фронтов, на 1 июля 1943 г. — 12, а к концу войны — 10.

²² РГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 2, л. 1–1 об. Сталин подписал это постановление единолично.

²³ Великая Отечественная война... Т. 11. Политика и стратегия Победы. Стратегическое руководство страной и Вооружёнными силами СССР. М., 2015. С. 189–200.

²⁴ Главкомы не имели полномочий для принятия решений по использованию войск и руководству их боевой деятельностью. Кроме того, часто менявшаяся обстановка порой вынуждала Сталина отдавать распоряжения фронтам напрямую, вследствие чего нередко возникали различные недоразумения, ответственность командования за исход операций снижалась.

Более жизнеспособным оказался другой институт. Уже 22 июня 1941 г. в войска отправились шесть представителей Ставки. Им вменялось в обязанность прояснить ситуацию и срочно доложить о положении дел в Москву. Шапошников, находясь в штабе Западного фронта, быстро вник в обстановку и 24 июня направил донесение, в котором сообщил, что германское командование сосредоточило основные усилия не на юге, как предполагалось перед войной, а в центре советско-германского фронта. Правда, это уже не могло остановить немцев. Через неделю в тот же штаб приехал Л.З. Мехлис. В его задачу входило найти «виновных», что он и сделал, предложив 6 июля предать суду 17 различных должностных лиц штаба, объединений и соединений фронта. Для Сталина активность Мехлиса оказалась крайне важна — обвинив во всех неудачах командиров, он снял большую долю ответственности с «вождя», который в ответной телеграмме назвал действия своего подручного «верным способом оздоровления фронта»²⁵. 16 июля ряд руководителей Западного, Северо-Западного и Южного фронтов привлекли к суду военного трибунала. В соответствующем постановлении ГКО указывалось: «Паникёр, трус, дезертир хуже врага, поэтому расправа с паникёрами, трусами и дезертирами и восстановление воинской дисциплины являются нашим священным долгом»²⁶.

Представители Ставки выступали «глазами и ушами» Сталина, поскольку подчинялись и докладывали лично ему. В этой роли в годы войны побывали многие известные командующие, наркомы и члены ЦК ВКП(б): наиболее продолжительное время — Жуков, Василевский и Тимошенко, периодически — Будённый, Ворошилов, Кузнецов, Маленков, Мехлис, С.М. Штеменко, Н.Н. Воронов, А.А. Новиков и др. Эффективность их деятельности вызывает споры. Судя по отчётам, многое зависело от личных взаимоотношений между командующими и проверяющими. Институт представителей просуществовал до конца войны.

Весьма полезным для общего руководства войсками стало постановление ГКО 28 июля 1941 г., согласно которому в Генштабе на правах отдела создавалась группа офицеров из расчёта: на каждый штаб фронта и на каждую дивизию — двое, на каждый штаб армии — трое²⁷. Они должны были обеспечивать связь с действующей армией, проводить на местах проверки исполнения приказов и директив, оказывать помощь штабам и войскам, а также изучать и обобщать опыт боевых действий. Планировалось, что общая численность группы составит 1 124 человека, однако быстро выяснилось, что в армии нет такого количества профессионально подготовленных офицеров²⁸. Их стали искать на всех фронтах, в училищах и академиях. На 1 января 1942 г. в группе насчитывалось 134, а к 30 апреля 1942 г. — 203 офицера и двое служащих. За годы войны через неё прошли чуть более 400 человек. Архив Главного оперативного управления Генштаба содержит тысячи отчётов и аналитических записок, связанных с деятельностью группы. На их основе составлялись обобщённые доклады, которые внимательно изучались «наверху». Массовое рассекречивание этих материалов началось лишь недавно.

²⁵ Великая Отечественная война... Т. 11. С. 202–204.

²⁶ РГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 3, л. 95–96.

²⁷ Великая Отечественная. Государственный Комитет Обороны (июнь–декабрь 1941). Постановления и распоряжения. М., 2015. С. 192–195.

²⁸ ЦАМО РФ, ф. 7а, оп. 587, д. 1, л. 169; ф. 16а, оп. 1024, д. 2, л. 171–174.

Огромное значение придавалось партийно-идеологической работе — через политические отделы контролировались все воинские подразделения. На мой взгляд, единого мнения о роли политработников и их подчинённости вышестоящему командованию у руководства страны не сложилось. Не случайно институт военных комиссаров трижды вводился (1918, 1937, 1941) и трижды отменялся (1925, 1940, 1942). Тем не менее присутствие представителя партии считалось необходимым. Как следствие, несмотря на постоянное укрепление единоначалия, армейские командующие всей полнотой власти не обладали. На уровне крупных соединений (армия, фронт) руководство осуществлял коллективный орган — Военный совет. Возглавлял его командующий, вторым лицом являлся комиссар, назначавшийся СВГК и ЦК ВКП(б), а третьим — начальник штаба. В регионе дислокации Военному совету подчинялись все органы советской власти, любое его решение становилось обязательным к исполнению. Предложения о крупных боевых операциях вносились в Ставку и Генштаб за подписью всех членов совета.

Предпринимались и меры по расширению влияния в войсках коммунистов, прежде всего путём увеличения их числа. Делалось это двумя путями — через мобилизацию партийцев и упрощённый приём в состав ВКП(б) военнослужащих. Территориальные парторганизации передали действующей армии и флоту 1640 тыс. коммунистов, а в самой армии с 1 июля 1941 г. по 1 июля 1945 г. приняли в кандидаты и члены партии соответственно 3788 тыс. и 2376 тыс. человек. По подсчётам секретариата ЦК ВКП(б) более 3 млн коммунистов погибли в боях²⁹.

Важной опорой власти являлись органы государственной безопасности, всегда находившиеся в центре внимания Сталина. Накануне войны произошла их частичная децентрализация. Указом Президиума Верховного совета СССР 3 февраля 1941 г. НКВД СССР разделили на два наркомата: внутренних дел во главе с Берией и государственной безопасности во главе с В.Н. Меркуловым. В ведение НКГБ передавались подразделения, занятые ведением разведывательной работы за границей; борьбой с подрывной, шпионской, диверсионной, террористической деятельностью иностранных разведок внутри СССР; оперативной разработкой и ликвидацией остатков антисоветских партий и «контрреволюционных» формирований среди различных слоёв населения, в промышленности и сельском хозяйстве, на транспорте и связи; охраной руководителей партии и правительства³⁰. В первую очередь эта реорганизация готовила спецслужбы к работе в военное время, однако одновременное сокращение центрального аппарата обоих наркоматов (почти на 10 тыс. сотрудников) разбалансировало устоявшиеся связи, что и показала начавшаяся война³¹.

Непродуманность механизма взаимодействий двух ведомств в чрезвычайных условиях лета 1941 г. заставила Сталина вновь их объединить (указ Президиума Верховного совета СССР 20 июля)³². Берия представил новую

²⁹ Великая Отечественная война... Т. 12. Итоги и уроки войны. М., 2015. С. 185–191.

³⁰ См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 1. Кн. 2. Накануне. 1 января — 21 июня 1941 г. / Рук. группы авт.-сост. В.П. Ямпольский. М., 1995. С. 24.

³¹ См.: Зданович А.А. Реформы со знаком вопроса. Военная контрразведка в 1940–1941 гг. // Военно-исторический журнал. 2014. № 4. С. 33–38.

³² См.: Органы государственной безопасности СССР... Т. 2. Кн. 1. Начало (22 июня — 31 августа 1941 г.). М., 2000. С. 372–373.

структуру «органов»: 47 управлений, частей, отделов, групп и штабов³³. Круг задач, возложенных на них, существенно расширился, что определило направленность структурных изменений. 24 июня Политбюро утвердило постановление СНК СССР «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе», в соответствии с которым формировались истребительные батальоны НКВД. К концу июля появилось 1755 таковых, а в структуре Наркомата — их штаб во главе с генерал-майором Г.А. Петровым. 25 июня Сталин возложил на ведомство охрану тыла армии. Для руководства новыми формированиями на основе войск НКВД и милиции создавалось Главное управление войск по охране действующей Красной армии. Для выполнения спецзаданий в тылу германской армии 5 июля сформировали Особую группу, которую возглавил П.А. Судоплатов, а при ней — специальное войсковое соединение: отдельную мотострелковую бригаду особого назначения³⁴.

Главную роль в борьбе с изменой, дезертирством, шпионажем и в поддержании дисциплины играли особые отделы, которые подчинялись НКВД и соответствующему Военному совету. Двойное подчинение позволяло им обращаться к руководству страны через «свой» наркомат. Это делало их относительно независимыми, но одновременно создавало конфликты с армейским командованием. Так, особые отделы самостоятельно анализировали боевые операции и не посылали эти отчёты в Генштаб. Или, к примеру, начальник Особого отдела НКВД Сталинградского фронта Н.Н. Селивановский 25 июля 1942 г., во время подготовки немецкого наступления, обратился к Сталину с предложением сменить руководство фронта. «Вождь» вызвал его в Кремль и после беседы заменил командующего В.Н. Гордова на А.И. Ерёменко³⁵. Этот случай ярко иллюстрирует влияние «особистов».

К идее самостоятельного Наркомата госбезопасности Сталин вернулся весной 1943 г. 14 апреля постановлением ЦК ВКП(б) НКГБ СССР был воссоздан. В круг его задач вошли ведение разведывательной работы за границей; борьба с подрывной, шпионской, диверсионной, террористической деятельностью иностранных разведок внутри СССР (за исключением частей РККА, ВМФ и войск НКВД); борьба с антисоветскими элементами и проявлениями среди населения страны, в системе промышленности, транспорта, связи, сельского хозяйства; охрана руководящих кадров партии и правительства. 29 ноября вышло постановление СНК СССР, утвердившее штатный состав наркомата в количестве 97,8 тыс. сотрудников, в том числе 71,9 тыс. офицерского, 10,3 тыс. — сержантского, 6,6 тыс. — рядового состава³⁶.

Сталин лично дал название службе контрразведки — «СМЕРШ»³⁷. В её центральном аппарате насчитывалось 642 сотрудника, численность контрраз-

³³ См.: Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКР «Смерш», 1939 — март 1946: документы / Сост. В.Н. Хаустов и др. М., 2006. С. 307—308.

³⁴ См.: Органы государственной безопасности СССР... Т. 2. Кн. 1. С. 64—65, 77—79.

³⁵ Гордова не понизили и не уволили, он стал в апреле 1945 г. Героем Советского Союза, участвовал во взятии Берлина и закончил войну генерал-полковником. Однако после войны его арестовали за «критику советской власти» и расстреляли в 1950 г.

³⁶ См.: Политбюро и органы государственной безопасности. Сборник документов / Под общ. ред. О.Б. Мозохина. М., 2017. С. 594—595.

³⁷ См.: Лубянка. Сталин и НКВД... С. 371—372; *Зданович А.А.* «Смерш» на пути к Победе. М., 2014. С. 32—33.

ведки военных округов и фронтов, а также подчинённых им армейских особых отделов колебалась от 1700 до 3300 человек в зависимости от количества войсковых подразделений и родов войск. Согласно статистическому отчёту, за 1941–1945 гг. она арестовала 627,6 тыс. человек; 6 тыс. её сотрудников погибли³⁸.

Подобно другим армиям мира, дела военнослужащих РККА и военнообязанных рассматривали суды специальной юрисдикции — военные трибуналы. За годы войны они осудили 2530,7 тыс. человек, из них за самые серьёзные преступления (измена родине, шпионаж, террористические акты и проч.) — 527,4 тыс. Приговор к высшей мере наказания получили 217 тыс. человек (около 9%). Из общего числа служивших в армии, флоте и авиации в годы войны тем или иным формам наказания подверглись около 6,5 %. Разница объясняется тем, что не все осуждённые являлись солдатами и офицерами — трибуналы выносили приговоры всем проживавшим на территориях, где действовало военное положение³⁹.

Репрессии в армии в годы войны. На информацию о поражениях и отступлениях Сталин реагировал по опыту Гражданской войны — в тыловых районах уже в конце июня 1941 г. начали формировать заградительные отряды войск НКВД. 17 июля ГКО выпустил постановление о наделении органов контрразведки правом ареста дезертиров и их расстрела на месте. 5 сентября Ставка разрешила создание заградотрядов в дивизиях. С 22 июня по 10 октября они задержали 657 364 военнослужащих, из них арестовали 25 878, а расстреляли — 10 201 (менее 5%)⁴⁰.

Кроме того, Сталин сочинил и 16 августа подписал приказ Ставки № 270 об ответственности военнослужащих и членов их семей за сдачу в плен и оставление врагу оружия. Предписывалось «командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту... Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава»⁴¹. Столь жестокие меры носили весьма противоречивый характер, и их влияние на обстановку в армии требует исследования.

К тому же сам «вождь» до войны указывал, что «стрелять в людей, конечно, можно, но стрельба не главный метод нашей работы»⁴². Соответственно, любые репрессии и расстрелы имели пределы. Поэтому неслучайно он 4 октября подписал приказ «О фактах подмены воспитательной работы репрессиями»⁴³, осудивший незаконные репрессии, грубейшее превышение полномочий, самоуправство и рукоприкладство. Указывалось, что произвол может привести

³⁸ «СМЕРШ». 1943–1946. Главные документы и оперативные материалы / Сост. В.П. Долматов. М., 2023. С. 366–367.

³⁹ Справки Министерства юстиции СССР о численности осуждённых в период с 1940 по 1954 г. (ГА РФ, ф. Р-7523, оп. 89, д. 4408, л. 14–27).

⁴⁰ См.: Лубянка. Сталин и НКВД... С. 317–318.

⁴¹ Всех генералов, которых Сталин обвинил в трусости и предательстве, после войны реабилитировали. Приказ долго оставался секретным. Первую его публикацию см.: Военно-исторический журнал. 1988. № 9. С. 26–28.

⁴² Сталин в ответе Хрущёву на информацию о расстрелах крестьян румынской национальности, стремившихся перейти советско-румынскую границу (апрель 1941 г.) (РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 59, л. 5).

⁴³ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 463, л. 64–64 об.

к падению дисциплины и политико-морального состояния войск, толкнуть нестойких бойцов на сторону противника. Однако это не означало отмены репрессий по отношению к нарушителям.

В архиве Сталина и Политбюро содержится немало документов, на которых «вождь» размашисто писал: «расстрелять» или «расстрелять всех»⁴⁴. Данные о репрессированных среди высшего командования сильно разнятся⁴⁵. В условиях немецкого наступления 1942 г. ГКО 24 июня выпустил постановление «О членах семей изменников родины», согласно которому совершеннолетние родственники военнослужащих и гражданских лиц, осуждённых судебными органами, подлежали аресту и высылке на пять лет в отдалённые местности СССР. 28 июля Сталин собственноручно подготовил приказ № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной армии и запрещению самовольного отхода с боевых позиций», вошедший в историю под названием «Ни шагу назад!». Он увидел свет в условиях крупных неудач, главной причиной которых явились ошибочные действия командования, включая Ставку и её главу⁴⁶. Большинство нарушителей предлагалось расстреливать на месте. Такая практика существовала и ранее. Известно, что 11 сентября 1941 г. с санкции Сталина Мехлис приказал расстрелять перед строем штаба 34-й армии Северо-Западного фронта начальника артиллерии армии генерал-майора В.С. Гончарова⁴⁷.

Мне уже приходилось критиковать на страницах «Российской истории» этот приказ, переложивший ответственность за провалы на фронте на рядовых военнослужащих. До настоящего времени нет убедительных данных, что именно летом 1942 г. в Красной армии наблюдался всплеск случаев дезертирства, трусости и паникёрства, а также резкого падения дисциплины. Солдаты и офицеры достойно сражались, выполняя приказы командования. Это подтвердила и специальная проверка, с которой в начале августа на Сталинградский фронт прибыл начальник Управления особых отделов НКВД В.С. Абакумов. В течение нескольких дней он вместе с работниками центрального аппарата и Особого отдела НКВД фронта находился в частях и соединениях 62-й и 64-й армий, ознакомился с обстановкой, провёл беседы с командованием фронта, армий и отдельных соединений, а также, согласно приказу № 227, принял участие в создании заградотрядов. Ту же работу провели сформированные им три оперативные группы.

8–10 августа Абакумов отчитался о сложившейся обстановке, недостатках в управлении войсками, действиях органов военной контрразведки фронта перед наркомом внутренних дел СССР Берией. Из его докладов следует, что части и соединения стремились до последнего удерживать позиции и без

⁴⁴ Один из примеров — резолюция Сталина 29 января 1942 г. на предложение Берии расстрелять группу арестованных военных (РГАСПИ, ф. 17, оп. 171, д. 378, л. 196).

⁴⁵ По одним данным, только за первый год войны аресту подверглись 107 представителей высшего командного состава (1 маршал, 6 адмиралов, 72 генерала, 28 командиров дивизий и представителей высшего политсостава), из них 45 приговорили к расстрелу. По другим — расстреляли 48 генералов, 16 арестованных умерли в заключении, 32 освободили из заключения лишь после войны, 12 арестовали, а затем освободили и вернули в армию (*Звягинцев В.* Война на весах Фемиды. Война 1941–1945 годов в материалах следственно-судебных дел. Кн. 1. М., 2017; *Печёнкин А.А.* Высший командный состав... С. 222–232).

⁴⁶ Первую публикацию приказа см.: Военно-исторический журнал. 1988. № 8. С. 73–75.

⁴⁷ *Рубцов Ю.В.* Виновных нашли на передовой // Военно-исторический журнал. 1994. № 9. С. 8–11. Гончарова реабилитировали в 2002 г.

приказа не отступали. В шифровке 9 августа отмечалось, что «случаев паники и беспорядочного отхода частей в 63, 21, 64, 51 и двух танковых армиях, вызывающих необходимость применения действий отрядов, не было». За период с 6 по 8 августа заградотряды задержали «одинок и мелких групп» — 721 человека, из которых расстреляли — 27, арестовали — 23, направили в штрафные роты — 275; остальных передали на пересыльные пункты⁴⁸. Приказ № 227 не усилил дисциплину сколько-нибудь заметно и не сократил численность дезертиров, отступления с оставлением позиций продолжались и после него. Требует специального изучения и вопрос о числе военнослужащих, казнённых на его основании. По мере нарастания военных успехов этот документ утратил значение. 29 октября 1944 г. Сталин расформировал заградотряды, а их личный состав направили на пополнение стрелковых дивизий.

Об изменении отношения к наказанию красноармейцев можно судить по приказу 21 августа 1943 г. «О предоставлении права командирам частей и соединений направлять своей властью, без суда, в штрафные роты лиц сержантского и рядового состава, провинившихся в совершении некоторых видов преступлений». К ним отнесли и дезертирство. Штрафбаты использовались на наиболее опасных участках фронта и несли очень большие потери. Соответственно, после ранения «штрафник» получал право на амнистию и мог вернуться на прежнее место службы. Всего за годы войны советское командование сформировало 65 отдельных штрафбатов и 1028 отдельных штрафрот, в них направили 427,9 тыс. человек. До настоящего времени нет серьёзных исследований об эффективности этих соединений⁴⁹.

Сталин и Победа. Документы из личного архива «вождя», фондов Политбюро, ЦК ВКП(б), ГКО, СВГК, а также большинства армейских формирований позволяют детально рассмотреть поведение Верховного главнокомандующего в различные периоды войны. Главный вывод соотносится с известными аргументами большинства учёных. Уничтожив любые проявления политической оппозиции, Сталин добился неограниченных полномочий и всецело контролировал положение в стране. Предположения о его несамостоятельности, плохой информированности не подтверждаются. Председатель ГКО имел все средства и соответствующий аппарат для управления армией и страной. Командиры, министры и партийные руководители докладывали непосредственно в Кремль. Их карьера и жизнь всецело зависели от воли «хозяина».

В литературе по-прежнему идут споры о полководческих качествах и военной компетентности Сталина⁵⁰. В принципе, лидер государства не обязан обладать военными талантами — куда важнее вопрос делегирования полномочий. В этом отношении союзники по антигитлеровской коалиции — У. Черчилль и Ф. Рузвельт — ни в чём не превосходили советского партнёра, а он им ни в чём не уступал. Другое дело, что в случае с советским лидером речь идёт о такой степени концентрации власти, что именно его приказ имел решающее

⁴⁸ См.: Великая Отечественная война... Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013. С. 401–402.

⁴⁹ Подробнее см.: Дайнес В.О. Штрафбаты и заградотряды Красной армии. М., 2010.

⁵⁰ См., к примеру: Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Сталинизм и война. М., 1998; Рейман М. Рождение державы. История Советского Союза с 1917 по 1945 год. М., 2015; Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2015; Девятков С.В., Сигаичёв Ю.В. Сталин. Взгляд со стороны. Опыт сравнительной антологии. М., 2019; Экиштут С.А. Сталин. Опыт осмысления. М., 2023; Сорокин А.К. История одного правления... Кн. 2; и др.

значение. Наглядный пример — неправильная оценка им военного положения после успеха в битве под Москвой. «Инициатива теперь в наших руках, и потуги разболтанной ржавой машины Гитлера не могут сдержать напор Красной армии», — утверждал он 23 февраля 1942 г. в приказе № 55⁵¹, а затем, на протяжении всего года, неоднократно повторял в шифровках, что немцы не так сильны и их не нужно бояться⁵². Подобные установки привели к серии крупных поражений: под Ленинградом, в Крыму, в районе Харькова и на юге России.

Сталин внимательно следил за настроениями военных и иногда прибегал к весьма неординарным методам. Так, ещё весной 1942 г. он через Хрущёва заказал украинскому писателю А.В. Корнейчуку пьесу, в которой генералам и обществу объяснялись бы причины неудач в начале войны. В августе произведение, получившее название «Фронт», напечатала центральная газета страны «Правда», почти одновременно его начали ставить в театрах. Главная интрига заключалась в столкновении двух генералов — пожилого и молодого. Первый, обременённый опытом Гражданской войны, никак не мог приспособиться к современным условиям, а второй, наоборот, излучал силу воли и духа. Пьеса недвусмысленно намекала, что в поражениях повинны командиры «старой», «революционной» школы. Победы придут с новыми, молодыми — выдвиженцами Сталина⁵³. «Вождь» требовал, чтобы ему докладывали о высказываниях генералитета о пьесе и сильно раздражался, когда слышал критические отзывы. Но общая реакция оказалась сдержанной, и про неё постепенно забыли⁵⁴.

Иногда Сталин лично требовал выполнения заданий, но вёл себя при этом двусмысленно. Так, ГКО обязал горьковский судоремонтный завод «Красное Сормово» полностью перейти на выпуск танков Т-34 (план на 1941 г. — 700–750 машин), однако добиться этого не удавалось. Сталин первоначально хотел стимулировать руководство предприятия привычным способом: «Будем судить вас как преступников». Однако затем передумал, зачеркнул эту фразу и оставил только: «Надеюсь, что завод выполнит свой долг перед страной». В то же время директорам двух куйбышевских авиационных заводов он послал гневную телеграмму, в которой заявил: «Прошу Вас не выводить правительство из терпения и требую, чтобы выпускали побольше Илов. Предупреждаю в последний раз»⁵⁵. Известный конструктор артиллерийского вооружения В.Г. Грабин вспоминал о телефонном разговоре с ним 10 августа 1941 г.: «Очень прошу Вас, сделайте всё необходимое и дайте поскорее как можно больше пушек. Если для этого потребуется пойти на снижение качества, идите и на это»⁵⁶. Услышанное привело конструктора в замешательство, поскольку в соответствии с указом Президиума Верховного совета СССР 10 июля 1940 г. выпуск недоброкачественной продукции с нарушением стандартов являлся государственным преступлением и карался тюремным заключением на срок до восьми лет⁵⁷. С другой стороны,

⁵¹ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1948. С. 44.

⁵² ЦАМО РФ, ф. 96а, оп. 2011, д. 26, л. 81–89; ф. 148а, оп. 3763, д. 107, л. 177–184.

⁵³ См.: Корнейчук А.В. Фронт. М., 1942; Weiner A. Making sense of war. The Second World War and the fate of the Bolshevik revolution. Princeton (NJ), 2001. P. 43–46.

⁵⁴ Павленко Н.Г. Сталинские концепции военной истории // История и сталинизм. М., 1988. С. 358–360.

⁵⁵ Наркомат обороны в годы Великой Отечественной войны. М., 2025. С. 142–143.

⁵⁶ Грабин В.Г. Оружие Победы. М., 1989. С. 520.

⁵⁷ Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 — июль 1956 гг.). М., 1956. С. 393.

когда Сталин получил информацию о массовых заводских дефектах обшивки истребителей, вскрытых лишь на фронтовых аэродромах, он заявил авиаконструктору А.С. Яковлеву: «Враг не нанёс бы нам большего ущерба, не придумал бы ничего худшего. Это работа на Гитлера!.. Вы знаете, какую услугу оказали Гитлеру?! Вы гитлеровцы»⁵⁸.

В околонучной публицистике и сети Интернет циркулируют сведения о неоднократных визитах Главнокомандующего на линию фронта. Они порождены, как правило, пропагандой периода войны и многочисленными художественными полотнами на эту тему. В распоряжении историков есть только один документально подтверждённый факт. Утром 5 августа 1943 г. в двух километрах от села Хорошёво Калининской обл. Сталин встретился с генерал-полковником Ерёменко. Поводом послужила готовившаяся наступательная операция на Калининском фронте, однако разговор затронул самые разные темы — репрессии против военных (в этом Верховный обвинил Ворошилова, Будённого и Мехлиса), освобождённые генералы, военное искусство, салют в Москве и проч. Вероятнее всего, Сталину хотелось выговориться, потолковать «по душам» о наболевшем. Аудиенция закончилась обедом на двоих в его личном вагоне. К слову, «вождь» явно благоволил Ерёменко. К примеру, только его он посетил в госпитале после серьёзного ранения и только к нему приезжал на фронте. Правда, звание маршала полководец получил лишь в 1955 г.⁵⁹

В исторической литературе распространены поверхностные, подчас уничижительные характеристики части советских военачальников (Ворошилов, Тимошенко, Щаденко, Будённый, Г.И. Кулик и др.) и государственных деятелей (Меркулов, Булганин, Л.Ф. Цанав). Ситуация преподносится таким образом, что «полууголовные лица» (Берия и др.) всегда мешали, а военачальники «старой школы» не понимали особенностей «войны моторов», и именно постепенное избавление от них позволило Сталину выдвинуть «молодых», которые и помогли победить. Подобные трактовки во многом основываются на материалах судебных процессов хрущёвского периода («дело Берии») и мемуарах части известных полководцев — Жукова, Василевского и др. Ставшие доступными относительно недавно, источники (записные книжки, рабочие тетради, шифротелеграммы, переговоры указанных лиц по прямому проводу с Москвой и проч.) рисуют более сложную и неоднозначную картину. Эти люди занимали (и, как правило, совмещали) разные государственные и военные посты, обладали большой властью, от их усилий зависело выполнение значительной части правительственных заданий и директив, многих из них отличало личное мужество. Поэтому вклад «старой гвардии» в Победу несомненен, и эта важная тема ещё ждёт своих исследователей.

Многие военачальники отмечали, что в течение войны Главнокомандующий менялся, становился более чутким к их мнению. Это подтверждается статистикой его встреч в Кремле. Если за первые полгода войны Сталин принял командующих фронтами только 8 раз, то в 1942 г. — уже 43 раза, а в 1944 г. — 61. Конечно, вызов в Москву позволял решить многие вопросы оперативнее, тем более что часто совещания носили коллективный характер. Совершенствовалась структура Наркомата обороны и Генштаба, последний постепенно пре-

⁵⁸ Яковлев А.С. Цель жизни. Записки авиаконструктора. М., 1967. С. 285.

⁵⁹ Он оставил подробные записи о встрече со Сталиным: *Ерёменко А.И.* Дневники. Записки. Воспоминания. М., 2013. С. 162–170.

вратился в эффективный руководящий и координирующий орган. Интересно, что в апреле 1942 г., в ходе очередной реорганизации, в его структуре появился отдел по использованию опыта войны, который в марте 1943 г. стал управлением⁶⁰. Сталин также требовал изучать опыт боёв в войсках⁶¹.

Переплетение идеологического, административного, производственного и репрессивного аппаратов оказалось сильной мобилизующей стороной сложившейся системы управления, в которой Сталин играл центральную роль. Как Верховный главнокомандующий и непререкаемый лидер страны он причастен ко всем важнейшим событиям, несёт ответственность за многие поражения, но и его вклад в Победу также неоспорим. В этом — глубокое противоречие эпохи, которое всегда будет сказываться на оценке его личности и деятельности.

⁶⁰ См.: РГВА, ф. 4, оп. 11, д. 70, л. 428–430.

⁶¹ Там же, д. 76, л. 233–239.

Послевоенные споры советских полководцев о проблемах планирования и проведения стратегических операций в годы Великой Отечественной войны.

К.К. Рокоссовский против Н.Ф. Ватутина

Валерий Замулин

Post-war disputes between Soviet commanders about the problems of planning and conducting strategic operations during the Great Patriotic War.

K.K. Rokossovsky vs N.F. Vatutin

Valery Zamulin

(Southwest State University, Kursk, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X25030028, EDN: FJKNAJ

Бурные дискуссии в открытой печати и мемуарах между военачальниками о проблемах, возникавших в ходе минувших войн, позволяют исследователям приоткрыть занавес секретности над большой и кропотливой интеллектуальной работой командования, лучше понять логику и мотивы принимавшихся решений, а также взаимоотношения между людьми, нередко существенно влиявшие на результаты их действий. В Российской империи подобная полемика в печать почти не выплёскивалась. Если же это случалось, как, например, в 1880 г., то воспринималось царём и окружавшими его генералами крайне болезненно¹. В СССР, несмотря на все цензурные ограничения, активно развивавшаяся со второй половины 1950-х гг. военно-мемуарная литература уже в начале 1960-х гг. породила немало конфликтов среди полководцев. В их книгах встречались порой диаметрально противоположные описания одних и тех же событий, заметно отличались и оценки вклада фронтов, армий и корпусов (и, естественно, их командиров) как в успех отдельных сражений и битв, так и в общую победу над Германией². «Вся беда в том, — сетовал маршал Совет-

© 2025 г. В.Н. Замулин

¹ Летом 1880 г. в парижском «La nouvelle Revue» появилась, по выражению военного министра гр. Д.А. Милютина, «неприличная статья» о кампании 1877 г., написанная по рассказам и, как считалось, по желанию вел. кн. Николая Николаевича. Однако составленную тогда же и одобренную Александром II (а позднее и Александром III) «ответную статью» генерал-лейтенанта Н.Н. Обручева напечатали лишь в XX в. и то с грифом «не подлежит оглашению»: Особое приращение к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. IV. СПб., 1901. С. 70–95. Подробнее см.: *Милютин Д.А. Дневник. 1879–1881* / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2010. С. 210, 215–217.

² К примеру, маршал бронетанковых войск А.Х. Бабаджян выражал недовольство некоторыми суждениями, высказанными в книге бывшего члена Военного совета 1-й танковой армии генерал-лейтенанта Н.К. Попеля (*Бабаджян А.Х. Танковые рейды 1941–1945*. М., 2009. С. 437, 397), долго тянулся конфликт между маршалом бронетанковых войск М.Е. Катуковым и генералом армии А.Л. Гетманом (*Прудников В. Стальной ураган*. М., 2008), генерал армии А.В. Горбатов нелицеприятно описал методы управления войсками, практиковавшиеся в годы войны маршалом К.С. Москаленко (*Горбатов А.В. Годы и войны*. М., 1992. С. 244–251), и т.д.

ского Союза К.С. Москаленко, — что у нас исторические документы и мемуары пишут под углом зрения сегодняшнего дня. А надо писать так, как было на самом деле, причём не принижая других, не выпячивая себя»³.

Для руководителей партии, страны и армии подобные пререкания о сравнительно недавней истории являлись «головной болью», особенно когда они выходили за пределы узкого круга посвящённых в суть дела генералов и маршалов. Поэтому представители власти стремились не допускать широкого освещения «неоднозначных» эпизодов войны и устоявшихся представлений о них. Тем не менее дискуссии возникали, и наиболее крупными и резонансными среди них стали бурные споры о результатах немецкого наступления под Курском летом 1943 г. в полосе Центрального и Воронежского фронтов и о возможности на три месяца раньше окончить войну, т.е. о Висло-Одерской и Берлинской наступательных операциях. Разговор об этом начали в своих воспоминаниях, публиковавшихся в общесоюзной прессе и выходивших отдельными книгами, дважды Герои Советского Союза, маршалы Советского Союза К.К. Рокоссовский и В.И. Чуйков, пользовавшиеся и в армии, и в обществе большим уважением. Затем в обсуждении поднятых ими проблем приняли участие как полководцы «главного калибра», так и сотрудники военно-политических органов СССР. В пылу полемики авторы порою пытались «подправить» минувшие события и даже переписать их заново, чтобы напомнить про свой особый вклад в достижение победы.

В воспоминаниях, напечатанных в 1964 г. в журнале «Октябрь», Чуйков критически охарактеризовал боевые действия 1945 г., что произвело эффект разорвавшейся бомбы и напоминало скандал. В конце марта, после выхода третьего номера, маршал Советского Союза Г.К. Жуков, задетый мемуаристом, сначала связался по телефону с первым секретарём ЦК КПСС Н.С. Хрущёвым, а потом направил ему официальное письмо, в котором делился своим возмущением от прочитанного⁴. Хрущёв в возникшем конфликте встал на сторону Жукова, хотя тот и находился тогда в опале, и осудил Чуйкова за попытку бросить тень на тех, кто руководил Красной армией в последние месяцы войны. В июне 1965 г. в «Военно-историческом журнале» вышла статья Жукова с аргументированным опровержением взглядов Чуйкова⁵, после чего уже Василий Иванович обратился за поддержкой в ЦК КПСС. 17 января 1966 г. по распоряжению нового главы партии Л.И. Брежнева руководство Министерства обороны СССР пригласило Чуйкова и других наиболее осведомлённых ветеранов на специальную встречу, посвящённую планированию и проведению Висло-Одерской и Берлинской наступательных операций, а также анализу возможных ошибок, допущенных в них командующим 1-м Украинским фронтом Жуковым (его участие также предполагалось, но он не приехал)⁶. Организаторы этой уникальной дискуссии стремились снизить накал страстей среди генералов и маршалов и чётко очертить границы дозволенного для мемуаристов. Как выразился в ходе этого непростого разговора начальник Главного политического управления Советской армии генерал А.А. Епишев, «мы не можем допустить,

³ «Мы напрасно сейчас дерёмся» // Родина. 2005. № 4. С. 93.

⁴ Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост. В. Наумов и др. М., 2001. С. 497–500.

⁵ Жуков Г.К. На берлинском направлении // Военно-исторический журнал. 1965. № 6. С. 12–22.

⁶ Стенограмму встречи см.: «Мы напрасно сейчас дерёмся». С. 88–99.

чтобы в открытой печати критиковали военачальников»⁷. Впоследствии это требование стало правилом для цензуры, надолго перекрывшей учёным путь для полноценного изучения истории войны.

В январе 1966 г. большинство явившихся на заседание поддержали позицию Жукова, после чего двухлетний спор двух маршалов пошёл на спад. Тем не менее в 1960-е гг. историки могли ознакомиться с основными аргументами обеих сторон. Рассекреченные и опубликованные позднее письма и стенограммы ничего принципиально нового уже не открыли.

Совершенно иначе развивался заочный спор бывшего командующего Центральным фронтом маршала К.К. Рокоссовского с генералом армии Н.Ф. Ватутиным, командовавшим Воронежским (с октября 1943 г. — 1-м Украинским) фронтом и умершим 15 апреля 1944 г. от ран, полученных в бою с бандеровцами. В этом случае опровергать утверждения Рокоссовского об ошибках, якобы допущенных Ватутиным при планировании Курской оборонительной операции (на начальном этапе Курской битвы), взялся Жуков, который являлся летом 1943 г. заместителем И.В. Сталина и представителем Ставки Верховного главнокомандования сначала на Центральном и Брянском, а затем на Воронежском и Степном фронтах.

Со второй половины 1950-х гг. и в частных беседах, и на официальных встречах в военных училищах с генералами, прошедшими войну, не раз поднимался вопрос: «Почему, несмотря на то, что Москва знала о планах Берлина срезать Курскую дугу, в начале июля 1943 г. на её северном выступе войска Вермахта углубились в советскую оборону на 12–15 км, а на южном — до 35 км, в результате чего создалась угроза распыления советских стратегических резервов?». Даже в фундаментальном труде «Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история» авторы размышляли о том, «чем объясняется, что, имея к началу оборонительного сражения численное превосходство над врагом, как в людях, так и в технике, Воронежский фронт не смог наличными силами измотать и обескровить ударную группировку противника и остановить её наступление без привлечения новых сил». При этом они полагали, что «в отличие от Центрального, командование Воронежским фронтом не сумело точно определить, на каком направлении противник будет наносить главный удар. Оно рассредоточило усилия в полосе шириной 164 км, не массировало силы и средства на направлении главного удара врага»⁸.

Этот взгляд основывался на мнении Рокоссовского, высказанном не раз, в том числе и авторам данного издания, и развёрнуто изложенном в его мемуарах «Солдатских долг». Вспоминая про отражение немецкого наступления на Курск по плану «Цитадель» в июле 1943 г., маршал объяснял менее успешные боевые действия в южной части Курской дуги просчётами Ватутина при разработке плана обороны. «Наш левый сосед — Воронежский фронт, — писал Рокоссовский, — тоже остановил врага, которому здесь удалось вклиниться на 35 километров. Ватутина хорошо помогли резервы, созданные Ставкой. Войска Воронежского фронта постоянно усиливались частями из Степного военного округа, преобразованного 9 июля в Степной фронт. А затем этот фронт

⁷ Там же. С. 97.

⁸ Великая Отечественная война Советского союза 1941–1945. Краткая история / Под ред. П.Н. Поспелова. М., 1965. С. 244.

перешёл в наступление и отбросил врага на прежние позиции. Нам не понадобилось воспользоваться резервами Ставки, справились без них, потому что правильно расставили силы, сосредоточили их на том участке, который для войск фронта представлял наибольшую угрозу. И враг не смог одолеть такую концентрацию сил и средств. Воронежский же фронт решал задачу обороны иначе: он рассредоточил свои силы почти равномерно по всей полосе обороны. Именно поэтому, на мой взгляд, враг смог здесь продвинуться на сравнительно большую глубину, и, чтобы остановить его, пришлось втянуть в оборонительное сражение значительные силы из резерва Ставки»⁹.

Жуков, оставивший, наряду с Горбатовым, наиболее объективные мемуары о событиях на Огненной дуге и последовательно отстаивавший свои представления о ключевых моментах Курской битвы¹⁰, не согласился с такой оценкой. В «Воспоминаниях и размышлениях» он осветил проблемы летней кампании 1943 г. настолько откровенно, насколько это было возможно в 1960—1970 гг.¹¹ Маршал констатировал, что «критика... командования Воронежским фронтом построена на неточном подсчёте плотности сил и средств в специфических условиях оперативно-стратегической обстановки». Как отмечал Георгий Константинович, «не надо забывать, что по 6-й и 7-й гвардейским армиям Воронежского фронта противник в первый день нанёс свой удар почти пятью корпусами (2-й танковый корпус СС, 3-й танковый корпус, 48-й танковый корпус, 52-й армейский корпус и часть корпуса “Раус”), тогда как по обороне Центрального фронта — тремя корпусами. Легко понять разницу в силе ударов немецких войск с орловского направления и из района Белгорода»¹².

Впервые эти соображения Жуков привёл в статье, опубликованной в сентябре 1967 г. в «Военно-историческом журнале»¹³. Рокоссовский воспринял её крайне болезненно и уже в конце месяца направил главному редактору эмоциональное письмо, в котором подробно изложил своё видение подготовки и проведения Курской битвы, весьма далёкое от исторических реалий сражения, о которых уже тогда, в общем-то, знали многие. В словах маршала чувствовалась обида, вызванная, как ему казалось, принижением роли Военного совета Центрального фронта (и его собственной) в Курской оборонительной операции.

Говоря о подготовке к совещанию у Сталина 12 апреля 1943 г., на котором было решено перейти к преднамеренной обороне, Жуков указал в статье, что донесение об оперативной обстановке и намерениях противника перед Центральным фронтом в Ставку в начале месяца направил за своей подписью начальник штаба генерал-лейтенант М.С. Малинин. Это соответствовало действительности, но Рокоссовский усмотрел тут попытку свести всю огромную и многогранную работу по подготовке к операции к деятельности одного лишь начальника штаба, хотя оснований для такого прочтения статья не давала. Однако, проверяя отсутствующее в тексте утверждение, Константин Константи-

⁹ Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1988. С. 216.

¹⁰ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 490, 491.

¹¹ Следует учитывать, с каким трудом проходило согласование издания его книги во властных структурах. См.: Миркина А.Д. Не склонив головы // Маршал Жуков: полководец и человек. Кн. 2. М., 1988. С. 47—78.

¹² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. С. 490, 491.

¹³ Жуков Г.К. На Курской дуге // Военно-исторический журнал. 1967. № 9. С. 88.

нович заявлял: «Малинин был слишком порядочным человеком, и на подобные поступки, которые приписывает ему Г.К. Жуков, он никогда бы не решился»¹⁴.

Тут же маршал запальчиво уверял, будто за весь период, предшествовавший битве, заместитель верховного главнокомандующего якобы ни разу не появился на Центральном фронте, прибыл на его командный пункт лишь перед началом немецкого наступления, 4 июля 1943 г., и уже утром следующего дня убыл на Западный фронт. Между тем в марте–июне Жуков по несколько дней подряд находился в штабе Рокоссовского и в войсках 13-й, 48-й и 70-й армий, по долгу службы решая значительный комплекс вопросов, связанных с организацией обороны, что отражено во многих рассекреченных теперь документах Центрального архива Министерства обороны РФ.

В письме также сообщалось, что «ударная группировка противника, действовавшая против Воронежского фронта, состояла из 14 дивизий, из коих было 5 пехотных, 8 танковых и одна моторизованная, а ударная группировка противника, действовавшая против Центрального фронта, состояла из 15 дивизий в составе 8 пехотных, 6 танковых и одной моторизованной. Таким образом, если группировка противника, действовавшая против Воронежского фронта, несколько превосходила по количеству танков, то группировка его, действовавшая против войск Центрального фронта, значительно превосходила по количеству пехоты и артиллерии. Более удачные действия войск Центрального фронта объясняются не количеством войск противника, а более правильным построением обороны»¹⁵.

Видимо, автор письма запямятовал, что его фронт к 5 июля 1943 г., даже по данным советских историков, имел на 2740 артиллерийских и миномётных систем больше¹⁶, чем Воронежский, а группа армий (ГА) «Юг», развёрнутая в районе Белгорода, располагала в 1,5 раза бóльшим числом бронетехники, нежели ударная группировка немецкой 9-й армии (А), наступавшая южнее Орла. Всего же против Воронежского фронта действовали не 14 немецких дивизий, а 17, в то время как против Центрального фронта враг бросил в полном составе лишь 15¹⁷. Причём уровень их укомплектованности был разный: на севере Курской дуги — ниже, а на юге — выше. К примеру, против войск Рокоссовского действовала существенно ослабленная 10-я моторизованная дивизия Вермахта, не имевшая в своём составе даже полагавшегося ей по штату танкового батальона¹⁸. А в составе ударной группировки, наступавшей против фронта Ватутина, помимо нескольких танковых дивизий, находилась и 10-я танковая бригада (более 200 новых боевых машин Т-5 «пантера»¹⁹), которая по численности бронетехники соответствовала почти двум дивизиям.

В 1960-е г. этот спор двух авторитетных полководцев не получил развития. Письмо Рокоссовского до 1992 г. не было известно исследователям. Лишь в мемуарах маршалов сохранились следы их разногласий. В результате и в литературе, и в общественном сознании закрепилось мнение об «ошибке Вату-

¹⁴ Рокоссовский К.К. Письмо главному редактору «Военно-исторического журнала» В.А. Мациленко // Военно-исторический журнал. 1992. № 3. С. 31.

¹⁵ Там же.

¹⁶ История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. 7. М., 1976. С. 155.

¹⁷ National Archives and Record Administration (USA). Т. 314. R. 988. F. 148–155.

¹⁸ Ibid. Т. 315. R. 556. F. 000138.

¹⁹ Ibid. Т. 313. R. 368. F. 8654350.

тина», допущенной при подготовке к Курской битве и дорого стоившей советским войскам.

К началу июля 1943 г. Ватутин действительно существенно усилил стык 7-й гвардейской армии (гв.А), находившейся на крайнем левом крыле Воронежского фронта, с 57А Юго-Западного фронта. На левом фланге 7 гв.А он развернул в два эшелона две стрелковые дивизии, а силы и средства, переданные командующим в 40А, не прикрывавшую особо опасных направлений, были соизмеримы с теми, что получила по его приказу 6 гв.А, против которой 5 июля 1943 г., как и предполагалась изначально, фельдмаршал Э. фон Манштейн двинул наиболее мощную группировку ГА «Юг» — 4-ю танковую армию (ТА). Но, как известно, рубеж 40А и стык фронтов не были атакованы противником при реализации плана «Цитадель», и существенное усиление этих районов, на первый взгляд, может показаться ошибочным (равномерное распределение сил по всем вероятным танкоопасным направлениям). Некоторые историки видят в этом подтверждение неспособности руководства фронтом верно определить направление главного удара ГА «Юг»²⁰. Однако недавно рассекреченные ЦАМО РФ материалы фронтов 1943 г., ранее известные лишь узкому кругу лиц, принадлежавших к высшему командному звену Красной армии, позволяют лучше понять как замысел Курской оборонительной операции, так и трудности, возникавшие при его осуществлении.

С середины апреля 1943 г. Ватутину предстояло решить три важных и вместе с тем крайне сложных задачи: определить наиболее вероятные направления главного и вспомогательных ударов противника по его фронту; подготовить план действий своих войск, руководствуясь решением Ставки остановить неприятеля не далее тактической полосы; разработать принципиальную схему сосредоточения сил и возведения оборонительных рубежей для блокирования вероятного вражеского наступления.

Всем этим занимался тогда и Рокоссовский, но Ватутин изначально оказался в более трудном положении. Чтобы удержать ударную группировку Манштейна в тактической зоне, было необходимо создать в ней высокую плотность²¹ сил и средств, а их не хватало. В полосе Центрального фронта имелось лишь три вероятных направления на участке протяжённостью 95 км (31 % участка его обороны), где враг, перейдя в наступление, мог создать серьёзную угрозу. А на Воронежском фронте таковых было не менее четырёх на участке до 164 км (67 % участка фронта). При этом оба командующих получили примерно одинаковое количество войск и тяжёлого вооружения. На 5 июля 1943 г. численность боевого состава Центрального фронта составила 467 179 военнослужащих при протяжённости полосы обороны 306 км²², а Воронежский — соответственно 417 451 на 245 км²³. Поэтому цена ошибки в прогнозе Ватутина значительно возрастала, и это требовало от него более тщательно и творчески подходить к планированию и подготовке операции.

²⁰ Исаев А.В. 1943-й. От Харькова до Курска. М., 2008. С. 193.

²¹ Тактическая плотность — насыщенность определённого участка фронта войсками и боевой техникой, выражаемая количеством батальонов, танков, орудий и других видов боевой техники, приходящихся на 1 км фронта (Краткий словарь оперативно-тактических и общевоинских терминов. М., 1958).

²² ЦАМО РФ, ф. 203, оп. 2843, д. 426, л. 6/н.

²³ Там же, ф. 62, оп. 321, д. 138, л. 6/н.

Не имея возможности создать высокую тактическую плотность на всех вероятных направлениях удара немцев без использования всех имевшихся резервов, Ватутин решил усиливать устойчивость обороны за счёт повышения не тактической, а оперативной плотности²⁴, в том числе путём увеличения её глубины в центре и на левом фланге фронта. Разработанный им план Курской оборонительной операции был сложным и многоуровневым. Его цель состояла в том, чтобы не только сорвать наступление ГА «Юг», остановив и обескровив её в тактической зоне (изначально от войск требовалось задержать немцев на первых двух армейских полосах²⁵), но и подготовить благоприятные условия (прежде всего создать удобный плацдарм) для развёртывания стратегических резервов, предназначенных для быстрого перехода в контрнаступление на Харьков и далее к Днепру.

Генерал исходил из того очевидного на тот момент обстоятельства, что на первом этапе наступления неприятель будет прорываться в район Курска. В докладе Сталину 21 апреля Ватутин рассматривал направления Белгород—Обоянь—Курск и Белгород—Прохоровка—Скородное—Старый Оскол как наиболее вероятные для нанесения противником главного удара (по ним 5 июля 1943 г. и двинулась ГА «Юг») при вспомогательных атаках по линии Волчанск—Новый Оскол, т.е. в стык Воронежского и Юго-Западного фронтов, и Суджа—Обоянь—Курск²⁶. Соответственно под угрозой находились центр и левый фланг Воронежского фронта: 38А (суджанское направление), стык 40А и 6 гв.А (обоянское), 6 гв. (обоянско-курское) и её стык с 7 гв.А (курское и новооскольское), а также стык Воронежского и Юго-Западного фронтов (волчанское).

Учитывалось также, что наиболее удобными для действия танковых соединений врага являлись три района: вдоль дороги Белгород—Обоянь (Обоянское шоссе), по линии Белгород—Яковлево—Прохоровка—Марьино, между долинами рек Северского Донца и Разумной от Белгорода в общем направлении на г. Короча и далее на село Скородное. Поэтому следовало ожидать попытки протаранить танковыми клиньями при поддержке авиации рубеж 6 гв.А генерал-лейтенанта И.М. Чистякова (главный удар — Трефиловка, Восход, южная опушка леса юго-западнее Черкасского, южная окраина Триреченого, логи Задельный и Лапин, южная окраина Берёзова, Гремучий, Ерик, Шопино, высота 211.6, роща восточнее дома инвалидов, Чёрная Поляна²⁷) и 7 гв.А генерал-лейтенанта М.С. Шумилова (вспомогательный удар на Шишино, Старый Город, ИТК, Безлюдовку, Волчанск)²⁸. Тем самым ширина участка вероятного наступления основных сил противника достигала 111 км (46,3 % полосы обороны).

Этими соображениями и объяснялось распределение войск фронта. Особое внимание уделялось укреплению левого фланга (164 км), что позволяло перекрыть все четыре наиболее удобные для немцев направления (обоянское, курское, новооскольское и волчанское). Туда предполагалось выдвинуть в первый эшелон три общевойсковые армии (40А, 6-ю и 7-ю гвардейские),

²⁴ Оперативная плотность — средняя плотность группировки войск на определённом операционном направлении (или в пределах оперативного объединения) (Краткий словарь...).

²⁵ Согласно плану Ставки, для удержания Курского выступа предполагалось возвести три армейских полосы, три фронтовых и один государственный рубеж обороны по р. Дон.

²⁶ ЦАМО РФ, ф. 203, оп. 2777, д. 75, л. 121.

²⁷ Там же, ф. 335, оп. 5113, д. 235, л. 6.

²⁸ Там же, ф. 203, оп. 2843, д. 386, л. 2.

которым следовало занять две армейские полосы обороны. На третьей — за 6-й и 7-й гвардейскими армиями (обоянско-курское и курское, на г. Короча, направления) — закреплялась 69А, а далее первый фронтовой рубеж по линии Кривошеевка—Столбище держал резервный 35-й гвардейский стрелковый корпус (ск).

В центр и на левое крыло переводились также все подвижные (2-й и 5-й гвардейские танковые корпуса) и противотанковые резервы. Из 35 стрелковых дивизий, подчинённых Ватутину, 22 он собирался сосредоточить на обоянском и корочанском направлениях. В результате по всему фронту на одну дивизию в среднем приходилось 10 км рубежа обороны, а на направлении главного удара — 5,2 км. Армиям Чистякова и Шумилова передавались дополнительно 44 из 70 имевшихся у фронта артиллерийских полков усиления, половина из шести танковых бригад непосредственной поддержки пехоты (НПП) и 10 танковых полков НПП, 8 из 11 полков «катюш»²⁹.

Для успешной обороны Ватутин сделал всё, что было в его силах, заняв своими войсками четыре оборонительных рубежа на глубину до 60 км (от первой траншеи главной армейской полосы до последней траншеи первого фронтового рубежа). Столь значительное расстояние определялось сложным рельефом местности. Интервал даже между одними и теми же полосами (межполосье) на разных направлениях существенно колебался, как правило, в сторону увеличения. Из-за этого в центре и на правом фланге фронта возводились промежуточные рубежи, являвшиеся одной из особенностей системы полевой обороны на юге Курского выступа (на севере их не было).

Понять логику, заставившую Ватутина существенно усилить 40А генерал-лейтенанта Москаленко, до последнего времени было крайне сложно. К началу летних боёв 1943 г. она получила примерно столько же сил и средств, сколько и 6 гв.А, находившаяся, по мнению самого Ватутина, на острие предстоявшего главного удара. Однако 40А располагалась между суджанским и обоянским направлениями и не прикрывала ни одного опасного участка фронта. Почему же ей предоставили столь внушительные силы? Выяснить это помог лишь недавно рассекреченный доклад Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии (РУ ГШ КА), составленный 29 марта 1943 г. по распоряжению начальника Генерального штаба маршала Советского Союза А.М. Василевского для совещания со Сталиным 12 апреля³⁰. В нём анализировались три наиболее вероятных варианта наступательной операции Вермахта весной—летом 1943 г. В том числе — окружение Центрального и Воронежского фронтов в Курской дуге войсками трёх группировок, действующих не только на главных направлениях — орловском и харьковском (белгородском), — но и на скользяющем, где корпуса 2А могли двинуться на Льгов (план операции «Витамин А»: удар 13-го армейского корпуса (ак) 2А по рубежу 60А Центрального фронта) и с линии Севск—Сумы—Томаровка на Суджу (операция «Витамин Б»: наступление 7 ак 2А против 38А, 40А и на стык с 6 гв.А)³¹.

Как установил А.А. Зданович, до начала Курской битвы разведотдел штаба Воронежского фронта находился в тяжёлом состоянии. Из-за неукomплектованности, низкой профессиональной подготовки командного состава и допу-

²⁹ Битва под Курском. От обороны к наступлению. М., 2006. С. 48.

³⁰ ЦАМО РФ, ф. 15, оп. 11600, д. 1475, л. 4–7 об.

³¹ Там же, л. 6.

щенных в работе ошибок его эффективность была крайне низкой: информации поступало мало, а её качество не отвечало минимальным требованиям³². В мае в ситуацию пришлось вмешиваться даже Жукову, но положение кардинально не изменилось. Поэтому 29 июня, по требованию командующего, начальника разведотдела фронта отозвали в Москву, назначив на его место нового³³. Скорее всего, и Ватутин при разработке плана Курской оборонительной операции (в том числе при распределении сил), и Генеральный штаб при его проверке перед представлением в Ставку опирались на данные из доклада РУ ГШ КА.

Судя по документам, обнаруженным в Федеральном архиве ФРГ, в Берлине не только первоначально планировали активно использовать 2А в ходе наступления на Курск, но и реально готовились к этому вплоть до 5 июля 1943 г. и сосредоточили силы ударных группировок в исходных районах. Даже на вторые сутки «Цитадели» 2А была готова в любой момент ударить в спину 1ТА и 6 гв.А, если бы их бойцы и командиры не проявили беспримерную стойкость и не удержали рубеж южнее Обояни. Однако для военно-политического руководства Германии планы «Витамин А и Б», как и вся «Цитадель», были, по сути, вынужденным шагом, и за три месяца подготовки операции 2А не получила минимально необходимых ей сил и средств. Вследствие этого германское командование осознавало, что войска 7-го и 13-го армейских корпусов, выделенные для участия в операции «Витамин А и Б», не в состоянии обеспечить её успех. К тому же в первые наиболее напряжённые сутки «Цитадели» Генеральный штаб сухопутных войск Германии (ОКХ) и командование ГА «Центр» не смогли предугадать действия Ватутина и вскрыть переброску резервов из 38 и 40 армий в полосу 1ТА и 6 гв.А. Этим обстоятельством, а также упорством советских войск на обоянском направлении и нежеланием немцев рисковать последним резервом (2А), и объяснялось то, что наступление 7-го и 13-го армейских корпусов Вермахта сорвалось. Конечно, оно не изменило бы исход боёв под Курском, но могло осложнить положение Воронежского фронта, нанести его войскам большие потери и, возможно, позволило бы противнику дальше продвинуться вглубь их обороны южнее Обояни³⁴.

Таким образом, уже в марте 1943 г. РУ ГШ КА не только верно спрогнозировало намерение Берлина окружить два фронта в Курской дуге, но и выдвинуло точное предположение о наиболее вероятных направлениях главного и вспомогательного ударов. Ватутин учёл данные разведки Генерального штаба при разработке замысла операции и в своём письме к Сталину указал суджанское как возможное, но не наиболее вероятное, в отличие от обоянского, направление удара противника. При этом усилил он не 38А, а 40А, располагавшуюся между 38А, по которой, как докладывало РУ ГШ КА, противник собирался нанести вспомогательный удар, и 6 гв.А, где командующий фронтом предвидел наступление главных сил ГА «Юг». К тому же в докладе РУ ГШ КА рубеж 40А также указывался как возможный район действий 2А. Поэтому Ватутин рассчитывал в зависимости от ситуации и развития событий использовать 40А для оказания помощи как 6 гв.А, так и 38А³⁵.

³² Зданович А.А. Состояние органов разведки штабов фронтов и армий в период подготовки к Курской битве (апрель–июнь 1943 г.) // Право и образование. 2022. № 2. С. 88–98.

³³ Там же. С. 94–95.

³⁴ Подробнее см.: Замулин В.Н. Красная армия и срыв замыслов германского командования на участке Воронежского фронта летом 1943 г. // Российская история. 2024. № 2. С. 151–171.

³⁵ ЦАМО РФ, ф. 203, оп. 2843, д. 520, л. 220.

Рубеж 6 гв.А всегда оценивался Ватутиным как наиболее опасный. По его плану после начала боёв именно туда перемещались все подвижные резервы — 1ТА, 5-й и 2-й гвардейские танковые корпуса. По личному приказу начальника штаба фронта генерал-лейтенанта С.П. Иванова с конца мая их командование провело рекогносцировку маршрутов движения и ночные марши бригад как раз в армию Чистякова³⁶. На участке 52-й гвардейской стрелковой дивизии 6 гв.А подготовили передовой командно-наблюдательный пункт для командующего 1ТА генерал-лейтенанта Катукова, а на второй полосе в районе села Яковлево была в полном составе зарыта в землю 1-я гвардейская танковая бригада — передовой отряд 3-го мехкорпуса 1ТА. В полосе же 40А ничего подобного в то время не предпринималось.

Армия Москаленко изначально наряду с обороной своих позиций должна была способствовать контрударами сдерживанию группировки противника, направленной на 6 гв.А. При необходимости 40А следовало выделять соединения на усиление обоянского или суджанского направлений. Уже в ходе операции, с 5 по 15 июля, Ватутин вывел в полосу 6 гв.А из 38А лишь пять частей и соединений (в том числе одну стрелковую дивизию и две танковые бригады), а из 40А — 16, включая три стрелковые и одну зенитную дивизии, восемь танковых и истребительно-противотанковых бригад³⁷. Впрочем, даже ослабленная 40А 8 июля приняла участие в контрударе, проведя хотя и «демонстративные», но всё же успешные контратаки против 4ТА. В отчёте штаба армии об этом сообщалось как о заранее намеченных руководством фронта действиях, которые должны были отвлечь силы врага от 6 гв.А: «Согласованный вопрос перехода ударной группировки войск левого крыла 40 армии в наступление на Томаровку, после изъятия почти всех средств усиления и одной стрелковой дивизии»³⁸, распоряжением штаба фронта от 8.7.1943 г. был переключён на демонстративные действия в этом же направлении составом двух дивизий». Эту операцию командарм поручил провести с 10 часов утра командиру 52 ск генерал-майору Перхоровичу³⁹.

Рокоссовский действовал примерно также, как и Ватутин, но, учитывая большую мощь артиллерии и условия местности, отдал предпочтение увеличению не оперативной, а тактической плотности обороны. Он передал в подчинение 13А генерал-лейтенанта Н.П. Пухова, стоявшей на направлении, откуда ждали главного удара, колоссальные силы и средства, и подтянул к ней свои основные резервы. Войска Пухова также занимали четыре оборонительных рубежа (три армейских полосы и первый фронтовой рубеж), но по условиям местности расстояние между полосами в 13А было меньше, чем между такими же позициями Воронежского фронта, примерно в два раза. Поэтому глубина обороны на направлении вероятного удара здесь составляла не 60, а 30 км. Благодаря узости фронта 13А (32 км) и наличия у её командующего 12 дивизий, она добилась очень высокой тактической плотности (в среднем 2,7 км на соединение). «На угрожающем участке, — писал Рокоссовский, — где, зная тактику немцев, мы ожидали нанесения главного удара противника на фронте шириной 95 км, было сосредоточено 58 % стрелковых, и 70 % артиллерии и 87 % танков, и САУ... Второй эшелон и фронтовые резервы также были расположены на

³⁶ Там же, д. 426, л. 134.

³⁷ Курская битва / Под ред. И.В. Паротькина. М., 1970. С. 315.

³⁸ Их перебросили 6 и 7 июля 1943 г. на усиление 6 гв.А и 1ТА на обоянском направлении.

³⁹ ЦАМО РФ, ф. 203, оп. 2843, д. 520, л. 220.

направлении вероятного наступления основной группировки противника». Рокоссовский настаивал на том, что «правильное определение наиболее опасного для войск фронта направления наступления противника — соответствующая этому группировка войск, манёвр силами и средствами в процессе сражения явились основными факторами более успешных действий войск Центрального фронта, чем Воронежского, где основные — главные силы этого фронта, располагались равномерно на всём этом участке»⁴⁰. Но маршал умолчал, что поступить иначе на Воронежском фронте не представлялось возможным, поскольку там действовала более сильная группировка врага, нежели на севере Курской дуги, возможных направлений ударов изначально было вдвое больше, а артиллерии значительно меньше, чем у Рокоссовского. Не понятно также, почему при расчёте плотности обороны в полосе 13А, по мнению Рокоссовского, следовало учитывать её дивизии, перекрывавшие все три вероятных направления удара и находившиеся на всех четырёх рубежах (трёх армейских и фронтовом), а при ведении таких же вычислений в полосе Воронежского фронта войска 69А и 35 гв.ск исключались, хотя они занимали армейскую тыловую полосу и первый фронтовой рубеж, перекрывая два основных направления удара врага — обоянское и корочанское, по которому был нанесён удар. Именно об этом «неточном подсчёте» писал в воспоминаниях Жуков⁴¹.

Важно учитывать и то, что, когда Ватутин разрабатывал план операции, Москва ещё не решила, будет ли она в ходе летней кампании наступать или обороняться. До конца апреля помимо 69А и 35 гв.ск в его распоряжении находились только два резервных подвижных соединения — 2-й и 5-й гвардейские танковые корпуса⁴², которые можно было использовать исключительно для фланговых контрударов. Затем он получил 1ТА, однако Ставка сразу же запретила вводить её в бой в обороне, если, конечно, речь не шла о глубоком прорыве противника. Это объединение берегли для наступления на Украине. И лишь в конце мая, когда в Москве окончательно сложился замысел летней кампании, подвижные резервы (в том числе и 1ТА) включили в план операции, выделив им конкретные рубежи. Поэтому если бы Ватутин заранее сосредоточил 69А и 35 гв.ск на опасных направлениях для создания тактической плотности, как это сделали на севере, передав 13А резервный 18 гв.ск⁴³, он лишился бы всего общевойскового резерва и возможности влиять на оперативную обстановку, заведомо обрекая себя на поражение, особенно если противник предпринял бы не один, а два мощных удара, как и предполагалось. Не случайно Жуков и Василевский, активно участвовавшие в разработке плана общей для Центрального и Воронежского фронтов Курской оборонительной операции, поддержали предложенное Ватутиным распределение сил и средств.

Решение Ватутина существенно усилить рубеж 7 гв.А на стыке с 57А Юго-Западного фронта также иногда признаётся ошибочным. Но сам Николай Фёдорович, хотя и считал этот участок одним из наиболее опасных, всё же не думал выделять туда столь крупные силы (две дивизии в два эшелона). Приказ существенно укрепить стык фронтов отдал в ходе инспекторской проверки во второй половине мая Жуков. К тому времени план обороны Воронежского фронта был уже утверждён Ставкой и активно осуществлялся. Поэтому ре-

⁴⁰ Рокоссовский К.К. Письмо главному редактору... С. 31.

⁴¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. С. 490–491.

⁴² ЦАМО РФ, ф. 203, оп. 2843, д. 425, л. 48.

⁴³ Там же, ф. 62, оп. 321, д. 5, л. 150.

шение маршала, которое не подкреплялось выделением дополнительных сил, создало Ватутина и командующему 7 гв.А Шумилову массу проблем⁴⁴.

В целом при анализе подготовки к Курской битве не следует упускать из вида, что командующие фронтами оперировали теми силами и средствами, которые им представляла Ставка, исходя из её видения оперативной обстановки, а оно, к сожалению, не всегда соответствовало реальности. И хорошо, если «разрыв» между тем, что «требуется для решения поставленных задач» и «есть в наличии у фронта», удавалось заполнить талантом полководца и повышенным напряжением войск. У Рокоссовского летом 1943 г. такого «разрыва» практически не наблюдалось, ему предоставили всё необходимое для обороны, и даже больше, а у Ватутина он буквально «зашкаливал» из-за просчёта Ставки при определении главного удара противника на Курской дуге⁴⁵. И никакие выдающиеся способности генерала и его подчинённых компенсировать это не могли. Именно поэтому, а вовсе не из-за недалёковидности Ватутина, уже на второй день немецкого наступления Ставке пришлось спешно двигать на юг целые корпуса и армии.

В разработке Курской оборонительной операции участвовали 10–15 профессионалов высшего ранга. Штаб фронта готовил документацию и согласовывал её с представителями Ставки Василевским и Жуковым, которые в апреле–мае находились в войсках под Курском чаще, чем в Москве, затем она тщательно проверялась и анализировалась в Генеральном штабе и лишь после этого поступала на обсуждение в Кремль. Безусловно, никто не застрахован от ошибок, но в такой цепочке они могли иметь только очень крупный, стратегический характер. Во всяком случае, то, что в полосе 6 гв.А, оборонявшей вероятное направление главного удара противника, оперативная плотность войск ниже, чем на её стыках с соседями, а в 40А больше танков, чем в 6 гв.А, разработчики операции прекрасно знали. Ведь именно с наличия и распределения сил и средств и начиналось планирование любой обороны.

Замысел Ватутина заключался в том, чтобы с первых дней наступления противника, пользуясь сложным рельефом местности и координируя действия всех армий левого крыла фронта, распылить силы ударных группировок врага и нивелировать качественное превосходство их бронетехники. Это оказалось дальновидным и единственно верным решением, сыгравшим колоссальную роль в успешном отражении наступления ГА «Юг».

⁴⁴ Подробнее см.: *Замулин В.Н.* Забытое сражение Огненной дуги. М., 2009. С. 51–54.

⁴⁵ *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 3. М., 1990. С. 37.

Истребительные батальоны Москвы и Московской области. Июнь 1941–1942 гг.

Тимофей Медведев

**Fighter battalions of Moscow and the Moscow region.
June 1941–1942**

Timofei Medvedev

(Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences)

DOI: 10.31857/S2949124X25030032, EDN: FJRIKC

Великая Отечественная война — ключевое событие XX столетия для современного российского общества и государства. Масштаб этого военного конфликта повлёк за собой быструю перестройку институтов обеспечения безопасности страны, а также потребовал полной мобилизации людских и материальных ресурсов для её защиты. Всё это привело, в частности, к созданию истребительных батальонов НКВД — особых воинских частей, предназначенных для борьбы с десантами противника и усиления охраны тыла. В отечественной историографии в последние годы наблюдается рост интереса к деятельности различных добровольческих формирований начального периода войны. Но в основном историки фокусируются на проблемах, связанных с московскими и ленинградскими дивизиями народного ополчения¹.

Корпус работ о менее многочисленных, но «переживших» всю войну в качестве организационной структуры истребительных батальонах ограничен². Такие подразделения Москвы и Подмосковья в историографии упоминаются, однако вопросы, касающиеся их социального состава, институциональной истории и деятельности изучены фрагментарно, а исследовательский

© 2025 г. Т.Д. Медведев

¹ См., например: *Добров П.В.* Народное ополчение в годы Великой Отечественной войны. Донецк, 1996; *Шевченко А.И.* Дивизия ЛАНО. История 2-й дивизии Ленинградской армии народного ополчения. СПб., 2015; *Бирюков В.К.* Добровольцы-москвичи на защите Отечества. 3-я Московская коммунистическая стрелковая дивизия в годы Великой Отечественной войны. М., 2017; *Будницкий О.В.* Московское народное ополчение: причины и особенности создания // Российская история. 2020. № 3. С. 3–21; *Дроздов К.С.* Осеннее ополчение на защите Москвы (октябрь 1941 г. – январь 1942 г.): от рабочих и истребительных батальонов к регулярным частям Красной Армии // Российская история. 2024. № 5. С. 142–162.

² См., например: *Биленко С.В.* Истребительные батальоны в Великой Отечественной войне. М., 1969; *Биленко С.В.* На охране тыла страны. Истребительные батальоны и полки в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1988; *Яценко К.В.* Военно-организаторская деятельность государственных и политических структур областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003; *Пилишвили Г.Д.* Оперативно-служебная деятельность истребительных батальонов Курской области в 1942 году // Труды Курского областного научного краеведческого общества. Т. 1. Ч. 2. Курск, 2004. С. 61–66; *Пилишвили Г.Д.* Истребительные батальоны Курской области в 1942 году (февраль–сентябрь) // Курский край. Научно-исторический журнал. 2006. № 17–18. С. 4–6.

фокус направлен преимущественно на партизанское движение в регионе³. В связи с этим в данной статье предполагается рассмотреть процессы создания и комплектования истребительных батальонов, условия несения ими службы в различной обстановке, особенности их применения. Всё это позволит составить представление о деятельности изучаемых частей в период важнейшего сражения Великой Отечественной войны — битвы за Москву, а также дополнить имеющиеся в науке представления о способах мобилизации ресурсов. Временные рамки исследования в основном концентрируются на периоде июня 1941 — начала февраля 1942 г. Верхняя граница обусловлена началом создания истребительных батальонов, нижняя — освобождением региона от войск противника и окончанием процесса воссоздания на её территории этих подразделений.

Источниковая база статьи — комплекс отчётной документации органов НКВД, отложившийся в фондах Центрального государственного архива Московской области (ЦГА МО) и ГА РФ⁴. Изучены как рамочные документы (приказы и распоряжения руководства Наркомата), так и многочисленные отчёты — от обобщающих, поступавших из самих подразделений в центральные и местные органы управления ими (Центральный штаб истребительных батальонов и Штаб истребительных батальонов Москвы и области), до докладов командиров отдельных батальонов или их структурных частей. Среди этой документации выделяется массив политдонесений — ежедневно отправлявшихся в региональный Штаб сводок, в которых фиксировались все события, происходившие в том или ином батальоне. Также привлечены спецдонесения отдельных подразделений, которые составлялись по фактам происшествий в частях и их боестолкновений с бандитами, дезертирами или немцами. Наконец, задействованы источники личного происхождения — интервью военнослужащих, собранные членами Комиссии по изучению истории Великой Отечественной войны АН СССР («комиссии Минца») ⁵. Взятые «по горячим следам», они позволили дополнить исследование сюжетами о повседневной жизни изучаемых подразделений.

Создание истребительных батальонов: общий контекст. 24 июня 1941 г. вышло постановление СНК СССР «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе». В соответствии с ним при всех городских, районных и уездных отделах НКВД западных республик СССР, а также ряда областей РСФСР следовало создать истребительные батальоны численностью в 100–200 человек из «партийного, советского и комсомольского актива, способного владеть оружием». Судя по всему, их организация шла по принципу Красной гвардии 1917 г.: предполагалось мобилизовать в первую очередь служащих и рабочих — членов партии

³ Жук Ю.А. Истребительный батальон Красногорского райотдела УНКВД г. Москвы и Московской области // Историко-краеведческий альманах «Красногорье». № 9. М., 2003. С. 52–78; Брейтвейт Р. Москва 1941. Город и его люди на войне. М., 2006; Ладогский С.А., Ржевцев Ю.П. Московские «ястребки». Без грифа секретности. М., 2014; Потёмкин И.А., Синиченко В.В. Деятельность УНКВД Москвы и Московской области по организации партизанских отрядов, истребительных батальонов и диверсионных групп в 1941 г. // Политическая история России: прошлое и современность. Исторические чтения «Гороховая, 2». Вып. 19. СПб., 2022. С. 67–83.

⁴ ГА РФ, ф. 9478, оп. 1, д. 59, 70, 277, 473; ЦГА МО, ф. 4611, оп. 1, д. 2, 4, 7, 10, 75, 114, 139–140.

⁵ Научный архив ИРИ РАН, ф. 2, оп. 7, д. 5; оп. 9, д. 2.

и комсомола. Командирами назначались сотрудники НКВД или милиции, вооружение состояло из винтовок, гранат и двух ручных пулемётов со складов Наркомата обороны. Бойцы либо совмещали службу с работой на предприятиях и в учреждениях, либо переводились на казарменное положение, т.е. ставились на довольствие сотрудников милиции⁶. Данный вопрос в дальнейшем сильно повлиял на уровень их подготовки и боеспособность.

Партийным и военным структурам предписывалось оказывать новым формированиям всяческую поддержку, в том числе выделяя для их нужд автотранспорт. Для общего руководства батальонами формировался Центральный штаб при НКВД СССР, на местах — специальные оперативные группы при региональных управлениях ведомства. 11 августа приказом по Наркомату № 001151 опергруппы преобразовали в 4-е отделы УНКВД⁷. В июне 1942 г. из состава этих отделов вывели штабы истребительных батальонов, придав им самостоятельность. При этом и оперативные группы, и 4-е отделы, и региональные штабы подчинялись Центральному штабу⁸. 25 июня вышел приказ НКВД № 00804, конкретизировавший постановление СНК 1941 г.⁹ Уже эти базовые документы выявили несогласованность в подчинённости подразделений, которая в дальнейшем привела к существенным трудностям и проблемам.

Формирование, комплектование, боевая подготовка. В столичном регионе сосредоточивались стратегические промышленные предприятия, а Москва являлась важнейшим узлом железных и автомобильных дорог. Как следствие, защита города и области стала ключевой задачей не только военных, но и органов НКВД. В период битвы под Москвой должность начальника управления Наркомата по Москве и Московской обл. занимал старший майор госбезопасности М.И. Журавлёв, оперативную группу в составе 4-го отдела УНКВД возглавлял полковник А.М. Леонтьев¹⁰. Истребительные батальоны формировались в каждом районе столицы и области. К концу июля — началу августа их общая численность достигла 12,6 тыс., а к концу года — порядка 35 тыс. человек. По штату каждый включал в себя три стрелковые роты, состоявшие из трёх стрелковых и пулемётного взводов¹¹. Также имелись подразделения обеспечения. Однако такая структура соблюдалась не всегда. Например, 24 декабря 1941 г. вышел приказ командира Егорьевского батальона о реформировании данного подразделения, которое теперь насчитывало две роты¹². Очевидно, на местах имели право вводить структуру, отвечающую особенностям района действий. На командные должности выдвигали преимущественно призванных из запаса офицеров РККА или сотрудников НКВД. Большинство бойцов област-

⁶ НКВД—МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооружённым националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939—1956) / Сост. Н.И. Владимирцев, А.И. Кокурин. М., 2008. С. 55—56.

⁷ Органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня — 31 августа 1941 г. / Рук. группы авт.-сост. В.П. Ямпольский. М., 2000. С. 518—521.

⁸ Органы государственной безопасности... Т. 3. Кн. 1. Крушение «Блицкрига». 1 января — 30 июня 1942 г. / Рук. группы авт.-сост. В.П. Ямпольский. М., 2003. С. 519.

⁹ ГА РФ, ф. р-9478, оп. 1, д. 70, л. 1—3.

¹⁰ ЦГА МО, ф. 4611, оп. 1, д. 2, л. 3.

¹¹ Там же, д. 3а, л. 6—7.

¹² Там же, д. 3, л. 73.

ных частей являлись беспартийными, а в Москве, напротив, членов ВКП(б) и комсомольцев оказалось значительно больше¹³.

С одной стороны, истребительные подразделения Москвы и области отличались более профессиональным личным составом по сравнению с региональными. Их костяк составили рабочие заводов и фабрик, забронированные от мобилизации в РККА. Например, в подразделение, созданное в Железнодорожном районе Москвы, вошли трудящиеся железнодорожных предприятий и, в меньшей степени, самого Наркомата путей сообщения СССР, причём многие из них имели среднее или высшее образование¹⁴. В Таганском батальоне по состоянию на июль 1941 г. числились 120 «инженерно-технических сотрудников»¹⁵. Областные формирования изначально также в основном состояли из рабочих местных предприятий и «служащих советского аппарата»¹⁶. Однако после того, как «истребителей» полностью перевели на казарменное положение, значительную часть личного состава уволили в связи с просьбами руководства соответствующих предприятий вернуть им квалифицированные кадры. К примеру, если в июне 1941 г. в батальоне Пушкинского района состояли 229, то к началу 1942 г. — лишь 122 человека¹⁷. Причём большинство покинуло его в сентябре 1941 г., когда командование осуществило ряд проверочных мероприятий. С другой стороны, судя по всему, при создании таких частей отбором не занимались и зачисляли в них всех желающих, в том числе не имевших армейского опыта и даже негодных к строевой службе по состоянию здоровья. Некоторых работников руководители предприятий «посылали в истребительный батальон, чтобы освободиться от них»¹⁸ (видимо, своеобразная ссылка для ненужных, неквалифицированных или «проблемных» сотрудников).

Поначалу сохранялась неопределённость относительно того, нужно ли переводить батальоны на казарменное положение¹⁹. В итоге до конца августа новобранцы совмещали службу с работой²⁰. 9 июля специальным приказом их освободили от призыва в народное ополчение и труда на предприятиях, а городские части следовало доукомплектовать (до 500 человек в каждой)²¹. Однако фактически такой численности смогли достичь лишь несколько столичных батальонов, областные же насчитывали от 150 до 300 бойцов. С осени бо́льшая часть «истребителей» проходила службу на казарменном положении²². В освобождённых в ходе битвы за Москву районах применялась новая схема формирования частей. Из-за нехватки обученного личного состава специальным приказом Журавлёва предписывалось создавать «взводы постоянной готовности» (в основном из батальонов, действовавших в восточных районах области) численностью 30–40 человек. Остальные совмещали службу с работой,

¹³ ЦГА МО, ф. 4611, оп. 1, д. 2, л. 1, 22.

¹⁴ Научный архив ИРИ РАН, ф. 2, оп. 18, д. 1, л. 1.

¹⁵ Там же, д. 2, л. 1.

¹⁶ ЦГА МО, ф. 4611, оп. 1, д. 4, л. 55–59.

¹⁷ Там же, л. 63.

¹⁸ Научный архив ИРИ РАН, ф. 2, оп. 9, д. 2, л. 33.

¹⁹ Там же, оп. 18, д. 1, л. 1.

²⁰ ЦГА МО, ф. 4611, оп. 1, д. 2, л. 6.

²¹ Органы государственной безопасности... Т. 2. Кн. 1. С. 222–233.

²² Так, к 1 июля 1943 г. в Москве и области действовали 72 батальона общей численностью 5145 человек, из них 61 (почти 4 тыс.) несли службу, проживая в казармах (ГА РФ, ф. 9478, оп. 1, д. 59, л. 25).

но в случае необходимости должны были прибыть в распоряжение батальона²³. Это позволяло, с одной стороны, иметь «под рукой» часть бойцов и командиров, с другой — снизить нагрузку на службы обеспечения и оставлять людей в распоряжении гражданских ведомств. Впрочем, уже в середине 1942 г. большинство военнотружущих областных истребительных батальонов вернулись в казармы, где оставались до конца войны, получая довольствие сотрудников милиции.

Необходимо отметить, что в Московской обл. число подразделений, чьи бойцы не совмещали службу с работой, оказалось самым значительным в РСФСР. Так, из 37 батальонов, действовавших на территории Дагестанской АССР, на казарменном положении находилось 15, в Краснодарском крае — 40 из 78. Особая ситуация сложилась в Ленинградской обл., где все 20 действовавших в восточных районах и пригородах Ленинграда истребительных частей перевели на повышенную готовность ещё в 1941 г.²⁴ Причиной этого стала в первую очередь сложная военная обстановка.

До перевода на казарменное положение областные и городские батальоны Московского региона проходили 30-часовую программу обучения, включавшую занятия по стрелковой, строевой, инженерной подготовке, а также специальные курсы по патрулированию местности, «борьбе с диверсионными группами и отдельными диверсантами»²⁵. Бойцы должны были заниматься по два часа в день, однако из-за занятости на основном месте работы часто не могли освоить даже такую усечённую подготовку. После перевода в казармы учебное время увеличили до 192 часов в месяц как для обычных стрелков, так и для специалистов (сапёров, связистов, химиков). Они готовились по стандартным общевоинским программам (стрельба, тактика, рукопашный бой и т.д.), кроме того, осваивали специальные курсы по изучению расположения охраняемых объектов и тактике городского боя²⁶. Осенью 1941 г., когда противник находился на ближних подступах к Москве, также готовились группы истребителей танков²⁷. В январе 1942 г. количество часов сократили до 184²⁸.

В целом учёба долгое время не учитывала специфику службы батальонов. В документах Центрального штаба проведение первых занятий по поиску диверсантов на местности датируется октябрём 1942 г.²⁹, на общесоюзном уровне программу подготовки ввели только в апреле 1943 г.³⁰ Обращает на себя внимание то, что нижний уровень командного состава вплоть до начала 1942 г. фактически не имел специальной выучки, лишь для офицеров (командиров батальонов и их заместителей) с осени 1941 г. проводились кратковременные выездные курсы³¹. Из-за не всегда качественного обучения имели место несчастные случаи: так, комиссар Лотошинского истребительного батальона погиб в результате срабатывания мины при попытке её установить³².

²³ ЦГА МО, ф. 4611, оп. 1, д. 139, л. 71.

²⁴ ГА РФ, ф. 9478, оп. 1, д. 59, л. 30.

²⁵ ЦГА МО, ф. 4611, оп. 1, д. 10, л. 2.

²⁶ Научный архив ИРИ РАН, ф. 2, оп. 7, д. 5, л. 1 об.

²⁷ ЦГА МО, ф. 4611, оп. 1, д. 4, л. 155.

²⁸ Там же, л. 46.

²⁹ Там же, л. 270.

³⁰ ГА РФ, ф. 9478, оп. 1, д. 277, л. 100.

³¹ ЦГА МО, ф. 4611, оп. 1, д. 4, л. 59.

³² Там же, л. 48.

На состояние областных батальонов серьёзное влияние оказывала передача их наиболее подготовленных и боеспособных бойцов и командиров в армию и войска НКВД. Так, на 25 января 1942 г. из Лотошинского района Московской обл. в РККА передали 77 человек³³, в январе—апреле из области в ряды Вооружённых сил переводили от 20 до 100 человек ежемесячно³⁴, а всего за год — 4081 человека (из них порядка 1 тыс. — призывники 1924 г.р.)³⁵. В основном выбывшие заменялись на лиц старших возрастов или допризывников.

Применение истребительных батальонов. Изучаемые подразделения изначально готовились к отражению немецких десантов и ликвидации диверсантов. Опасность массовых операций по заброске вражеских частей заставила формировать отдельные оперативные группы вне структур истребительных батальонов³⁶. Этим объясняется стремление руководства НКВД создать максимально широкую сеть «групп содействия» последним из числа местных жителей (пожилых людей, женщин и школьников). Так население привлекалось к обеспечению безопасности тыла, частично вооружалось, становилось ресурсом для пополнения самих батальонов. Данный пример также иллюстрирует способы мобилизации населения, не подлежавшего призыву в РККА³⁷. Однако, поскольку крупных десантов немцы на московском направлении не высаживали, ограничиваясь мелкими диверсионными группами, батальоны стали использоваться для борьбы с нарушителями режима военного времени, бандитами и дезертирами. Их бойцы дежурили у административных зданий, предприятий, мостов и других стратегических объектов, патрулировали дороги и населённые пункты.

25 июня 1941 г. начальник столичного гарнизона генерал-лейтенант И.Г. Захаркин своим приказом установил график работы для учреждений и порядок передвижения гражданских лиц³⁸. С 1 июля 1941 г. по 1 июля 1943 г. «истребители» задержали несколько десятков тысяч нарушителей режима военного времени, а также 16 парашютистов, 162 «шпиона и диверсанта» (больше всего в стране), 138 бандитов и пособников, более 5 тыс. дезертиров и уклонистов³⁹. Статистика по задержанным на территории СССР коррелирует с вышеприведёнными данными: всего за 1942 г. задержали 903 диверсанта и шпиона, 4836 бандитов и их пособников, свыше 192 тыс. «лиц без документов и подозрительных»⁴⁰. Провести точную категоризацию задержанных не представляется возможным. Так, в число «дезертиров» сотрудники органов госбезопасности иногда включали бывших военнослужащих, совершавших вооружённые нападения (в документах использовался специальный термин «банда дезертиров»), а «шпионами и диверсантами» могли оказаться не только работавшие на врага лица, но и те, кто по тем или иным причинам показались подозрительными.

Отдельный эпизод истории столичных истребительных частей — их участие в поддержании порядка 15—16 октября 1941 г. Тогда после сообщения

³³ Там же, д. 75, л. 6.

³⁴ Там же, д. 136, л. 121.

³⁵ Там же, д. 253, л. 104.

³⁶ Органы государственной безопасности... Т. 2. Кн. 2. Начало. 1 сентября — 31 декабря 1941 г. / Рук. группы авт.-сост. В.П. Ямпольский. М., 2000. С. 74—75.

³⁷ ЦГА МО, ф. 4611, оп. 1, д. 2, л. 7.

³⁸ Органы государственной безопасности... Т. 2. Кн. 1. С. 79—80.

³⁹ ГА РФ, ф. р-9478, оп. 1, д. 59, л. 27—31; ЦГА МО, ф. 4611, оп. 1, д. 139, л. 20.

⁴⁰ ГА РФ, ф. р-9478, оп. 1, д. 277, л. 65.

Совинформбюро о прорыве фронта, начала эвакуации ряда предприятий и распространения слухов об отъезде правительства в городе начались паника, беспорядки и грабежи, единственный раз за всю историю закрылось метро, а жители массово бежали на восток. В этих условиях «истребители» получили приказ Журавлёва взять под усиленную охрану стратегические объекты, выставить посты на дорогах (прежде всего на Горьковском направлении), обеспечить «растаскивание пробок на шоссе»⁴¹, пресекать грабежи магазинов и другие разбойные действия⁴². Однако порой выполнить поставленные задачи оказывалось невозможным из-за противоречивости указаний начальства. Так, в частности, Красногвардейский батальон 16 октября сначала получил приказ выдвигаться и воспрепятствовать грабежам, причём без оружия, потом этот приказ был отменён и предписано ждать особого распоряжения, которого так и не последовало⁴³. В то же время истребительные батальоны подмосковных городов Электростали и Ногинска выставляли заслоны на Горьковском шоссе, и там трое военнослужащих получили травмы при попытке остановить автомобиль, объезжающий затор⁴⁴. Вполне возможно, что в Подмоскovie система управления батальонами не была нарушена, и они смогли оперативно приступить к выполнению задач.

Паника полностью прекратилась после принятия 19 октября постановления Государственного комитета обороны «О введении в Москве и прилегающих к городу районах осадного положения», которое предполагало строгие меры (вплоть до расстрела на месте) для «нарушителей режима военного времени, паникёров и мародёров». Судебная власть перешла в руки военных трибуналов, которые рассматривали дела в ускоренном порядке. В столицу ввели 2-ю отдельную мотострелковую дивизию внутренних войск особого назначения, поддерживавшую в городе порядок на протяжении всей войны⁴⁵.

После этих событий 33 городских и областных истребительных батальона в полном составе влились в число «дивизий московских рабочих», составив костяк двух из них⁴⁶. Сформированные ввиду угрожающего положения на фронте, эти дивизии стали «второй волной» Московского народного ополчения, сыгравшего важную роль в отражении немецкого наступления. Очевидно, что советское руководство стремилось использовать для стабилизации ситуации на фронте все резервы. Ввиду этого численность оставшихся в городе и в подчинении НКВД частей значительно сократилась. Однако после успеха контрнаступления РККА батальоны начали оперативно восстанавливать. В декабре 1941 г. специальный приказ наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии № 001683 предписал начать их формирование на всех освобождаемых территориях⁴⁷. Судя по всему, в развитие данного приказа УНКВД по Московской обл. выпустило директиву № 209, в которой ставились задачи в том числе и перед такого рода подразделениями. Они должны были выявлять и ликвидировать «немецких шпионов-диверсантов» и «антисоветский элемент», задерживать

⁴¹ ЦГА МО, ф. 4611, оп. 1, д. 8, л. 107.

⁴² Там же, д. 3а, л. 64.

⁴³ Интервью с В.Б. Золотарёвым // «Я помню». Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны (URL: <https://iremember.ru/memoirs/razvedchiki/zolotarev-vilen-borisovich/>).

⁴⁴ ЦГА МО, ф. 4611, оп. 1, д. 8, л. 107.

⁴⁵ *Брейтвейт Р.* Москва 1941... С. 110.

⁴⁶ Научный архив ИРИ РАН, ф. 2, оп. 7, д. 5, л. 5 об.

⁴⁷ НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом... С. 66–67.

бандитов, дезертиров и прочих нарушителей порядка, проводить разминирование, организовывать сбор оружия и санитарные мероприятия⁴⁸. Дополнительно их привлекали для борьбы с последствиями авиационных налётов, сбора листовок и оружия у местного населения и на полях сражений⁴⁹. По состоянию на 1 января 1942 г. в районах области, не занятых противником, дислоцировалось 36 батальонов, а к концу месяца их число достигло 54⁵⁰.

К важнейшим задачам «истребителей», особенно осенью 1941 г., следует отнести подготовку пополнения для армии и само участие в боях с противником. Так, в Московской обл. к началу 1942 г. боевой опыт получили 5 189 человек из них⁵¹. Больше их число в указанный период задействовали в качестве военнослужащих только в Ленинградской обл., где в сентябре–октябре 1941 г. практически все областные и часть городских батальонов оказались на передовой⁵². Чаще всего истребительные части либо подчинялись командирам войск РККА, либо вступали в бои с немцами самостоятельно (как правило, при быстрых и глубоких прорывах советской обороны). К сожалению, они показали достаточно низкую эффективность, в частности, в районе Малоярославца или Рузы⁵³. В ряде случаев подразделения использовались в качестве передовых разведывательных отрядов. К примеру, в районе Серпухова в ноябре 1941 г. местный батальон разбили на группы и придали армейским подразделениям для разведки, отдельных диверсионных действий и обороны стыков между различными стрелковыми частями⁵⁴.

Из числа наиболее подготовленных «истребителей» формировались партизанские отряды. Этот процесс развернулся достаточно широко, особенно активно — в ноябре, на пике наступления Вермахта. Основная масса переводилась из батальонов «по заявкам», т.е. либо они включались в состав уже имеющихся групп для перехода линии фронта, либо сами составляли их основу. К примеру, из подразделения, действовавшего на территории Высоковского района, партизанам передали 25 человек. Отличившихся отбирали в спецотряд 4-го отдела УНКВД Московской обл. («88-й истребительный батальон») — школу для подготовки диверсантов-подрывников, из которых затем составлялись диверсионные группы. Так, из Высоковского батальона в эту школу перешли пять человек⁵⁵. Что касается общих занятий по партизанской деятельности, то они, судя по имеющимся программам, начались только в феврале 1942 г.⁵⁶ Возможно, определённую подготовку бойцы и командиры получали и ранее, однако данных о специальных программах в тот период пока не выявлено.

Оценить степень эффективности действий таких отрядов и групп на основании имеющихся документов сложно, поскольку связь с ними поддерживалась

⁴⁸ ЦГА МО, ф. 4611, оп. 1, д. 10, л. 347.

⁴⁹ Там же, д. 2, л. 114.

⁵⁰ Там же, д. 10, л. 348.

⁵¹ ГА РФ, ф. 9478, оп. 1, д. 59, л. 2. В этой статистике, очевидно, не учтены бои и командиров подразделения, переданных на формирование партизанских отрядов и диверсионных групп.

⁵² *Медведев Т.Д.* Истребительные батальоны Ленинградской области на защите города в период лета 1941 — весны 1942 гг. // Новейшая история России. Т. 11. 2021. № 3. С. 589—605.

⁵³ ЦГА МО, ф. 4611, оп. 1, д. 114, л. 20.

⁵⁴ ГА РФ, ф. 9478, оп. 1, д. 473, л. 11.

⁵⁵ ЦГА МО, ф. 4611, оп. 1, д. 75, л. 11, 14.

⁵⁶ Там же, д. 4, л. 102.

нерегулярно⁵⁷. Кроме того, многие из них не смогли перейти линию фронта и вернулись в места дислокации. В первой половине 1942 г., после стабилизации фронта на Западном направлении, интенсивность «опартизанивания» истребительных частей существенно снизилась. Во многом это объяснялось сокращением их численного состава в связи с призывом в ряды РККА. Это говорит о превалировании потребности армии в кадрах над задачами, стоявшими перед НКВД, а также об ограниченной эффективности «истребителей».

Подводя итог, следует отметить, что истребительные батальоны, оперативно созданные в Москве и Московской обл. из числа добровольцев, использовались для выполнения практически неограниченного круга срочных задач в зависимости от обстановки, сложившейся в тот или иной период на фронте и в тылу. Отсутствие чётких планов и программ подготовки личного состава, его серьёзная текучесть, многозадачность подразделений вызвали многочисленные проблемы при их применении. Вместе с тем именно они явились первым опытом создания в освобождённых от противника районах истребительных взводов постоянной готовности, масштабированного в дальнейшем. В определённом смысле их можно считать олицетворением советской системы быстрой мобилизации ресурсов в начальный период войны.

⁵⁷ Партизаны в битве за Москву. 1941–1942. Архивные документы и материалы / Сост. М.М. Горинов, М.Ю. Моруков, И.В. Рыжова. М., 2008. С. 71–75.

СССР и Ватикан в 1942 г.: нереализованные возможности

Алексей Беглов

The USSR and the Vatican in 1942: missed opportunities

Aleksey Beglov

(Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X25030046, EDN: FJVJHG

Интенсивные контакты союзников по антигитлеровской коалиции втягивали в свою орбиту и других участников международных отношений, в том числе Ватикан, находившийся ранее в состоянии острого конфликта с СССР. Возможность улучшения взаимоотношений Москвы и папской курии появилась вследствие формирования в первые годы Второй мировой войны «нового курса» в религиозной политике И.В. Сталина. Её изменение не было одномоментным и заранее просчитанным¹. Напротив, она складывалась в процессе трудного поиска и непростого диалога, в котором участвовали и западные союзники. Поначалу её проведение сочеталось с прежними репрессиями против верующих². К тому же не сразу выяснилось, какие именно религиозные сообщества она затронет. И если в 1944–1946 гг. стало очевидно, что «новый курс» советского руководства не распространился на католическую церковь³, то в начале Великой Отечественной войны говорить об этом было преждевременно.

В довоенный период Римская курия и Совнарком прошли путь от попыток заключить договор и установить *modus vivendi* до полного охлаждения и враждебности в 1930-х гг. В 1917–1918 гг. католики с надеждой смотрели на смену власти на территории бывшей империи. Даже декрет «Об отделении церкви от государства» 1918 г., предусматривавший национализацию имущества религиозных организаций, воспринимался как направленный преимущественно против Православной Российской Церкви⁴. В 1921–1923 гг. в России действовала Папская миссия помощи голодающим, распределявшая собранные Ва-

© 2025 г. А.Л. Беглов

Статья подготовлена при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, соглашение № 075-15-2024-537.

¹ Беглов А.Л. Что было до «кремлёвской встречи»? Становление политики «нового курса» советского руководства в отношении Русской православной церкви в 1941–1943 годах // Новая и новейшая история. 2024. № 6. С. 164–178.

² Будницкий О.В. Репрессии против верующих накануне и во время Великой Отечественной войны 1939–1945 гг. // Российская история. 2019. № 3. С. 100–124.

³ Токарева Е.С. Католическая церковь в России в контексте «нового религиозного курса» И.В. Сталина (1944–1946 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 15. 2024. Вып. 12(146). Ч. 1 (URL: <https://history.jes.su/s207987840033623-4-1/>).

⁴ Петракки Д. Невозможное сосуществование: Святой Престол и религиозный вопрос в России между конкордатом и крестовым походом, 1924–1934 // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 9. 2018. Вып. 4(68) (URL: <http://history.jes.su/s207987840002212-2-1/>); Токарева Е.С. Ватикан в фокусе советской политики и пропаганды. 1921–1941 годы. М., 2023. С. 14–17.

тиканом средства в разных частях страны⁵. Однако уже 21–26 марта 1923 г. в рамках кампании по изъятию церковных ценностей состоялся процесс над представителями католического духовенства. Казнь прелата Константина Буткевича и высылка в 1924 г. архиепископа Яна Цепляка, управлявшего Могилёвской епархией, усилили взаимное недоверие⁶. Последующие попытки курии договориться с советским руководством не привели к значимым результатам. В 1926 г. посланный папой епископ Мишель д'Эрбиньи тайно рукоположил новых иерархов, но практически все они довольно быстро оказались арестованы или высланы⁷. На своих кафедрах оставались только епископ Пий Невё в Москве (до 1936 г.) и епископ Александр Фризон в Крыму (до 1935 г.)⁸.

После инициированного Пием XI в 1930 г. «крестового похода молитв» в защиту верующих в СССР советская печать обвинила Ватикан в агрессивной политике⁹. Правда, в середине 1930-х гг., когда Коминтерн поддерживал создание «народных фронтов», в большевистской пропаганде стали иногда различать Ватикан и объединения рабочих-католиков. Затем риторика партийной прессы вновь ужесточилась вслед за заключением пакта Молотова–Риббентропа 1939 г. и присоединением к СССР западных областей Украины и Белоруссии, где были сильны позиции католического и униатского духовенства.

С началом Великой Отечественной войны ситуация резко изменилась. Советские пропагандисты стали указывать на антифашистскую позицию всех христианских конфессий и неприятие ими расистской идеологии III рейха. В газетах всё чаще описывались преследования католиков в Польше, Франции и других оккупированных странах. Председатель «Союза воинствующих безбожников» Е.М. Ярославский даже подготовил в сентябре 1941 г. статью «Почему религиозные люди против Гитлера?». В этом тексте, впрочем, так и не опубликованном, говорилось о нацистских гонениях против верующих и духовенства, упоминалось о сопротивлении им Ватикана и утверждалось, что перед лицом фашизма теряют значение «разногласия по вопросу о религии»¹⁰. Вместе с тем неясно, какие практические шаги могли последовать за подобными заявлениями и означала ли в данном случае смена риторики «допущение советской власти возможности союза с Ватиканом?»¹¹.

⁵ Доммарко М.К. Задание важное и опасное. Голод 1920-х годов: Советское правительство и миссия Святого Престола. М., 2022. С. 75–228, 271–296; Токарева Е.С. Ватикан в фокусе... С. 68–74, 111–123, 126–141, 191–193.

⁶ Беглов А.Л., Токарева Е.С. Судебный процесс над католическим духовенством 1923 г. в освещении посланца Ватикана в России // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 9. 2018. Вып. 4(68) (URL: <http://history.jes.su/s207987840002218-8-1>); Доммарко М.К. Задание важное и опасное... С. 234–262; Токарева Е.С. Ватикан в фокусе... С. 75–106.

⁷ Лиценбергер О.А. Римско-католическая церковь в России: История и правовое положение. Саратов, 2001. С. 242–246; Токарева Е.С. Ватикан в фокусе... С. 210, 212–221, 321.

⁸ Балашова Е.Г. Епископ Пий Эжен Невё – «глаза и уши» Ватикана в советской России: от частушек до высокой политики. Выдержки из писем-отчётов католического епископа, апостольского администратора в Москве на рубеже 1920-х – 1930-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 9. 2018. Вып. 4(68). (URL: <https://history.jes.su/s207987840002203-2-1/>).

⁹ Pettinaroli L. La Politique russe du Saint-Siège (1905–1939). Roma, 2015; Беглов А.Л. «Крестовый поход молитв» 1930 г. и реакция на него в СССР // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 9. 2018. Вып. 4(68) (URL: <http://history.jes.su/s207987840002219-9-1>).

¹⁰ Подробнее о рукописи статьи Е. Ярославского см.: Токарева Е.С. Ватикан в фокусе... С. 315–316.

¹¹ Там же. С. 324.

О том, что в определённый момент такой шанс существовал, свидетельствуют предпринимавшиеся в Москве в первой половине 1942 г. негласные попытки установить контакты со Святым престолом. Они отразились в корреспонденции о. Леопольда Брауна (1903–1964), настоятеля московского католического прихода Св. Людовика Французского¹². Член католического Ордена ассумпционистов¹³ Браун прибыл в Москву в 1934 г. в составе американской дипломатической миссии, поскольку соглашение, подписанное в 1933 г. Ф.Д. Рузвельтом и М.М. Литвиновым, гарантировало гражданам США свободу вероисповедания на территории СССР¹⁴. В начале войны о. Леопольд был единственным представителем Ватикана в Москве¹⁵.

Уже осенью 1941 г. Ватикан фактически оказался включён в отношения союзников по антигитлеровской коалиции. Христианские круги в США, в том числе конгрессмены-католики, раздражённые антирелигиозной политикой, проводившейся в СССР, выступили против его подключения к программе ленд-лиза, предложенной администрацией Рузвельта. Дабы исправить ситуацию, требовалось склонить Ватикан к смягчению отношения к СССР, а советское руководство — к демонстрации терпимости к религиозной жизни в стране¹⁶.

В начале октября 1941 г. представитель президента А. Гарриман и посол Л. Стейнхардт привлекли Брауна к консультациям о том, каких именно перемен в советской религиозной политике следует добиваться. Тогда же он составил для представителя Рузвельта в Ватикане М. Тейлора два меморандума — краткий (2 октября) и пространный (5 октября). Предполагалось, что Тейлор сообщит их также папской курии. О. Леопольд убеждал своих адресатов, что настал исключительно благоприятный момент для того, чтобы подтолкнуть правительство Сталина к реальному облегчению положения верующих. Но для этого усилия американской дипломатии желательно было подкрепить благосклонной реакцией папы на ещё весьма скромные шаги московских властей. Развёрнутый вариант меморандума уже 11 ноября переслали из Вашингтона

¹² Она направлялась тогда как в США, так и в Рим (разумеется, не напрямую, а также — через США или Лондон), и сохранилась в архиве Государственного секретариата Ватикана: Archivio Storico della Sezione per i Rapporti con gli Stati della Segreteria di Stato, Città del Vaticano. Fondo Affari Ecclesiastici Straordinari, далее — AA.EE.SS.).

¹³ Конгрегация августинцев Взятия в небесную славу Пресвятой Девы Марии (Congregatio Augustinianorum ab Assumptione) была основана в 1845 г. и занималась преимущественно просвещением и миссионерством. В XIX — первой половине XX в. ассумпционисты активно действовали в Восточной и Южной Европе. К этому ордену принадлежал и предшественник о. Брауна на посту настоятеля епископ Пий Невё.

¹⁴ Аналогичное обязательство предусматривала и ст. 9 договора СССР с Германией 1925 г. (Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых с иностранными государствами. Вып. III. М., 1927. С. 79).

¹⁵ Подробнее о нём и его миссии в Советской России см.: *Беглов А.Л., Фадеев И.А.* Судьба католического храма св. Людовика в Москве в освещении американского ассумпциониста // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 12. 2021. Вып. 8(106) (URL: <https://history.jes.su/s207987840016675-1-1/>).

¹⁶ *Майнер С.М.* Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика. 1941–1945. М., 2010. С. 289–303; *Филиппов Б.А.* Ф. Рузвельт, Пий XII, И. Сталин и проблема репутации СССР в годы Второй мировой войны // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 4(71). С. 84–102; *Беглов А.Л., Фадеев И.А.* Американские представители в СССР и судьба советской религиозной политики в начале Великой Отечественной войны. Из корреспонденции отца Леопольда Брауна 1941 года // Новая и новейшая история. 2023. № 3. С. 207–227.

в Ватикан, но там его получили только 5 февраля 1942 г. Через десять дней помощник государственного секретаря Ватикана Д. Тардини подготовил ответ, в котором говорилось, что заявлений советского правительства недостаточно, но присутствие в СССР значительного числа поляков позволяет продемонстрировать «реальное изменение системы в отношении религии»¹⁷.

Весной 1942 г. о. Леопольд предпринял новую попытку повлиять на руководство курии. Неизвестно, действовал ли он при этом по своей инициативе или по рекомендации из Вашингтона. Но 20 марта в письме к Тардини, отправленном, вероятно, через Лондон, посетовав на трудности коммуникации со Святым престолом и руководством своего ордена, настоятель московского костёла отметил прекращение антирелигиозной пропаганды в СССР и указал на целесообразность использовать столь благоприятный момент для установления *modus vivendi* между Ватиканом и Кремлём, где будто бы безусловно желали «осознано продемонстрировать своё благожелательное отношение к католицизму». По словам Брауна, об этом заявил в Лондоне неназванный «влиятельный сотрудник по связям советского правительства»¹⁸.

О. Леопольд призывал всерьёз отнестись к открывающейся возможности, хотя и не называл прямо источник своей информации. Он писал, что сведения об этом заявлении ему сообщило «одно иностранное лицо», непосредственно участвовавшее в разговоре с советским представителем и «находящееся в настоящее время» в Москве. По контексту письма можно сделать вывод, что речь шла о ком-то из членов дипломатической миссии Национального комитета движения «Свободная Франция», прибывшей в столицу СССР в начале марта 1942 г. В неё входили Р. Гарро, его заместитель Р. Шмитлейн и генерал Э. Пети. 13 и 14 марта они встречались с главой НКИД В.М. Молотовым и его заместителем С.А. Лозовским, а 15 марта присутствовали на мессе в костёле Св. Людовика. Через несколько дней о. Леопольд в своей квартире организовал для представителей Франции «скромный приём», на котором присутствовали не более шести человек¹⁹.

Браун утверждал, что в Лондоне советский дипломат якобы заявил, будто переговоры с курией возможны «*исключительно* при посредничестве нового французского правительства», т.е. голлистов, а вмешательство в этот процесс поляков совершенно недопустимо. Характерно, что данный фрагмент своего письма о. Леопольд написал на латыни, а не на французском, как остальную его часть, причём используя иносказательные выражения. Так, поляки обозначались здесь как «народ кардинала Святой Марии Мира», поскольку примас Польши — архиепископ Гнезненский и Познаньский Август Хлонд — с 1927 г. являлся кардиналом с титулом церкви Санта-Мария-делла-Паче («Святая Мария Мира») ²⁰.

Документы, подтверждающие подобный зондаж со стороны НКИД в марте 1942 г., в отечественных архивах пока не обнаружены. Можно было бы предпо-

¹⁷ Беглов А.Л., Фадеев И.А. Американские представители в СССР... С. 212–225.

¹⁸ AA.EE.SS. Pontificato: Pio XII. Parte I (1939–1948). Russia. Pos. 691a. Liberta religiosa. 1941–1947. F. 175.

¹⁹ Беглов А.Л., Фадеев И.А. Католический священник в дипломатическом многоугольнике. Меморандум отца Леопольда Брауна о деятельности в качестве настоятеля московского католического прихода в 1934–1945 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 16. 2025. Вып. 3(149) (URL: <https://history.jes.su/s207987840035336-8-1/>).

²⁰ AA.EE.SS. Pontificato: Pio XII. Parte I (1939–1948). Russia. Pos. 691a. Liberta religiosa. 1941–1947. F. 176. Курсивом отмечены слова, подчёркнутые в документе.

ложить, что рассказ о беседе в Лондоне мог быть инициативой самих деголлевцев, которые таким образом пытались поднять свой вес в глазах представителя Святого престола и самой Римской курии. Однако едва ли весь эпизод был ими полностью выдуман. Косвенно о достоверности их сообщения свидетельствует упоминание в одном из донесений М. Тейлора 1944 г. о состоявшейся примерно в 1942 г. «долгой беседе» в Лондоне с послом И.М. Майским²¹. Правда, если о. Леопольд утверждал, что зондаж исходил от советской стороны, то Тейлор писал скорее о собственных попытках наметить пути улучшения отношений Ватикана и СССР, чей имидж гонителя религии не устраивал Вашингтон. Причём, согласно изложению посланца Рузвельта, обсуждались даже не переговоры с курией, а только заявление «маршала Сталина» о приверженности принципу свободы вероисповедания.

Возможно, в сообщениях Тейлора и Брауна речь шла об одном и том же эпизоде, о котором как-то оказались осведомлены эмиссары «Свободной Франции», сообщившие об этом о. Леопольду в выгодном для себя ключе (упомянув о необходимости поддерживать контакты только через них). Впрочем, нельзя исключать и того, что французские посредники ничего не придумали и советская дипломатия действительно уже в марте 1942 г. пыталась зондировать способы сближения с Ватиканом в обход американцев.

При этом о. Леопольд не разделял левых взглядов и не сочувствовал коммунистическому режиму, отчётливо представляя особенности его конфессиональной политики. Ни приукрашивать реальность в интересах Москвы²², ни сознательно вводить в заблуждение курию он бы не стал. В свете этого его свидетельства о зондажах советской стороны становятся особенно ценными. Когда в Ватикане получили его мартовское письмо, неясно. Но лишь 3 октября, отвечая на него, Тардини снова констатировал, что СССР так и не предоставил доказательств, подтверждающих изменение отношения большевиков «к вышеозначенной проблеме»²³.

Между тем 1 мая 1942 г. Браун через посольство США направил в Нью-Йорк объёмный пакет для священника Р. Кигана — исполнительного директора «Католических благотворительных организаций» (*Catholic Charities*) и президента Национальной конференции по социальной работе, хорошо известного курии и лично Пию XII. Киган последовательно носил почётные титулы папского камергера (1924), придворного прелата его святейшества (1937) и апостольского протонотария (1940). В своём письме о. Леопольд просил его сделать так, чтобы полученная им из Москвы посылка попала в руки папы²⁴. В ней находился документ «О разрешении церковных вопросов на занятых восточных

²¹ Письмо, отправленное Тэйлором Рузвельту 17 июля 1944 г., см.: *Di Nolfo E. Vaticano e Stati Uniti. 1939–1952. Milano, 1978. P. 328.*

²² Во всяком случае, он категорически уклонялся от таких предложений, поступавших от дипломатических представителей Комитета «Свободная Франция» в 1944 г. Подробнее см.: *Беглов А.Л., Фадеев И.А.* Католический священник в дипломатическом многоугольнике...

²³ *Беглов А.Л., Фадеев И.А.* «Железо горячо, и пришло время его ковать»: отец Леопольд Браун о перспективах возобновления диалога между СССР и Ватиканом в 1942 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 15. 2024. Вып. 11(145). (URL: <https://history.jes.su/s207987840033345-8-1/>); *Беглов А.Л., Фадеев И.А.* Американские представители... С. 213–215, 225.

²⁴ AA.EE.SS. Pontificato: Pio XII. Parte I (1939–1948). Russia. Pos. 702. F. 34–44; *Беглов А.Л., Фадеев И.А.* «Из этого документа можно извлечь высокие моральные преимущества». Германская религиозная политика на оккупированных территориях СССР и отношения союзников по антигитлеровской коалиции с Ватиканом весной 1942 г. // Новая и Новейшая история. 2025 (в печати).

территориях», датированный 31 октября 1941 г. и подписанный инспектором Экономической инспекции «Центр» генерал-лейтенантом Вайгангом. Согласно общепринятой версии, изложенной и в сопроводительном письме настоятеля московского костёла, этот документ был захвачен солдатами Красной армии и передан американцам, а также самому Брауну. Причём он подчёркивал, что «местные правительственные власти... очень желают, чтобы эта информация достигла Ватикана». Помимо немецкого текста, ранее неизвестного историкам, в пакете находились его переводы на французский и английский языки. Последний, по словам о. Леопольда, был сделан при помощи секретаря американского посольства²⁵.

Автор названного документа констатировал наличие религиозного возрождения на оккупированных территориях Советского Союза и «сильное стремление к возврату под власть церкви или церквей» людей старшего поколения (тогда как молодёжь будто бы успела проникнуться атеистическим воспитанием). Ожидалось, что при оккупационной власти развернётся конкуренция за паству между общинами всех конфессий, «которые, несомненно, в ближайшее время будут драться за завоевание новой земли на востоке». Исходя из этого, допуск «священнослужителей всех вероисповеданий» в занятые Вермахтом районы признавался необдуманном и опасным. В тексте указывалось, что христианская проповедь о «богоизбранном народе» вредна для местного населения, поскольку консервирует в его сознании «большевизм как чистейшее воплощение еврейства», тогда как задача «германских правителей» — эту идеологию искоренить. Исходя из этого, предлагалось подготовить особых миссионеров, способных «проповедовать во всех отношениях свободное от еврейского влияния “учение о боге”». Вместе с тем особо указывалось, что «эта задача имеет... своей предпосылкой закрытие находящихся в восточных областях церквей, заражённых еврейскими догматами»²⁶.

Ряд особенностей и речевых оборотов этого текста позволяют предположить, что он был составлен сотрудниками советских спецслужб²⁷, осуществивших тем самым полноценную операцию по вовлечению Ватикана в политику Москвы. Но даже если речь идёт о подлинном трофейном документе, его передача американским союзникам и представителю Святого престола с очевидной целью довести его содержание до сведения папы являлась более чем красноречивым жестом.

Руководство СССР явно стремилось дискредитировать религиозную политику Германии на оккупированных территориях и умело использовало для этого одну из самых чувствительных для Ватикана тем — ветхозаветные корни христианства, которые немецким католическим епископам и самому понтифи-

²⁵ Русский текст документа известен исследователям по варианту, хранящемуся в РГАСПИ, как «Оперативный приказ № 20 Главного управления имперской безопасности “О разрешении церковного вопроса на занятых восточных территориях”»: *Васильева О.Ю.* Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М., 1999. С. 87–90; *Одинцов М.И.* Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1995. С. 42–43; Политика Третьего рейха по отношению к Русской православной церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов. Сборник документов / Сост. М.В. Шкаровский. М., 2003. С. 190–192.

²⁶ AA.EE.SS. Pontificato: Pio XII. Parte I (1939–1948). Russia. Pos. 702. F. 34–44.

²⁷ Подробнее см.: *Беглов А.Л., Фадеев И.А.* «Из этого документа можно извлечь высокие моральные преимущества»...

ку приходилось защищать от нападков нацистских идеологов²⁸. Возможно, при этом учитывались и надежды католиков на укрепление своих позиций в СССР, включая даже «проникновение в Азию»²⁹. В этом контексте было важно, что полученный Брауном текст недвусмысленно говорил о том, что оккупанты не собираются допускать представителей каких-либо христианских конфессий на занятые ими территории.

Кроме того, Ватикан пытались убедить в намерении немцев уничтожить традиционное христианство (в любых его конфессиональных формах), заменив его суррогатом религии, подчинённой нацистским представлениям, что, разумеется, выглядело хуже советских гонений. Во всяком случае, о. Леопольд в это поверил: считая документ подлинным (видимо, так же его восприняли и американские дипломаты), католический священник сделал из него именно те выводы, к каким его пытались подтолкнуть. Прося Кигана как можно скорее передать трофейный документ в Ватикан, чего «очень желают» и «местные правительственные власти», Браун не сомневался, что разоблачение планов гитлеровцев даст союзникам «высокие моральные преимущества» перед Германией. Особенно важным ему казалось то, что «документ был скрыт от иностранной и местной прессы, но был доверен американской дипломатии»³⁰.

В Ватикане доставленный американцами текст, судя по сохранившимся на нём подчёркиваниям, тщательно изучили, но никак на него не отреагировали. Пий XII бережно относился к интересам Германии и Италии и видел себя посредником в конфликте великих держав, а не сторонником одного из блоков. Не случайно в 1944 г. он выступит против требования безоговорочной капитуляции Германии³¹. При этом антикоммунизм папы и его сотрудников, видимо, не предполагал включение Советской России в систему мирового баланса сил.

Одновременно в Ватикане продолжали рассматривать далеко идущие планы духовного покорения советского пространства. 19 мая 1942 г. появилась «Памятная записка о религиозной ситуации в России», подготовленная в курии Общества Иисуса (Ордена иезуитов) и направленная в Конгрегацию чрезвычайных церковных дел³². В основе рассуждений её неизвестного автора лежали сообщения, поступавшие из частей итальянской армии, воевавших в СССР. Их капелланы наблюдали за возрождением церковной жизни на оккупированных территориях, которое, если верить записке, наметилось «уже в последние предвоенные годы» и создало благоприятные условия для распространения католической веры. Чтобы воспользоваться ими, папской курии предлагалось

²⁸ Апологии Ветхого Завета как части Священного Писания христианской Церкви большое внимание уделялось в 1933 г. в пред рождественских проповедях архиепископа Мюнхена кардинала М. Фаульхабера и в папской энциклике 1937 г. «Mit Brennender Sorge» (нем. «Со жгучей обеспокоенностью»), составленной при участии того же Фаульхабера. См.: *Бровко Л.Н.* Церковь и Третий рейх. СПб., 2009. С. 87–92, 246–249; *Wirsching A.* Mehr Nähe als Distanz? Kardinal Michael von Faulhaber und der Nationalsozialismus // Distanz und Nähe zugleich? Die christlichen Kirchen im «Dritten Reich». München, 2017. S. 199–223.

²⁹ *Петракки Д.* Невозможное сосуществование...; *Беглов А.Л., Токарева Е.С.* Что думали в Ватикане о религиозном возрождении на оккупированной территории СССР в 1942 г. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. 2024. Вып. 120. С. 167–168.

³⁰ AA.EE.SS. Pontificato: Pio XII. Parte I (1939–1948). Russia. Pos. 702. F. 35.

³¹ Ср. заметки о международной политике Пия XII временного поверенного в делах СССР в Италии Л.Б. Гельфанда, сделанные летом 1939 г.: *Токарева Е.С.* Ватикан в фокусе... С. 698–699.

³² *Беглов А.Л., Токарева Е.С.* Что думали в Ватикане... С. 163–179.

создать особый орган, который собирал бы информацию о России и руководил действиями миссионеров на местах. Среди них большую роль предстояло сыграть католикам-мирянам, засланным через Иран или Турцию. Рекомендовалось даже внедрить некий гибрид латинского и византийского богослужения, поскольку среди верующих в СССР «нет той фанатичной и нездоровой приверженности обряду, что была прежде», и отойти от строгого «необщения в таинствах», причащая православных до их формального обращения в католицизм, дабы «не помешать спасению душ»³³. Неизвестно, обсуждался ли этот документ и кто собственно его читал, но оставленные читателем пометы весьма благосклонны к изложенным в тексте идеям. Следовательно, в Ватикане продолжали делать ставку на миссионерскую деятельность, причём именно на оккупированных нацистами и их союзниками территориях СССР.

Таким образом, весной 1942 г. советские дипломаты активно зондировали возможность сближения СССР и Ватикана. При этом предпринимались попытки дискредитировать намерения и действия немецких властей на оккупированных территориях. Следует учитывать, что в первой половине 1942 г. поворот в конфессиональной политике Москвы ещё только намечался: не были окончательно определены ни его задачи, ни тот круг религиозных сообществ, которые он затронет³⁴. Гипотетически и католики могли оказаться в числе бенефициаров сталинского «нового курса». Проявив в 1942 г. недоверие к советским инициативам, Ватикан упустил этот шанс.

³³ Там же. С. 174–175.

³⁴ Беглов А.Л. Что было до «кремлёвской встречи»?.. С. 164–178.

Отражение в картографических материалах действий Красной армии против курляндской группировки Вермахта в октябре 1944 – мае 1945 г.

Артём Домнин

**Cartographic materials of the actions
of the Red Army against Courland group of the Wehrmacht
from October 1944 – May 1945**

Artem Domnin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X25030054, EDN: FKGOGS

В ходе становления штабной культуры карты – уменьшенные изображения поверхности земли, выполненные по математическим законам, – приобрели особое значение. Они являлись одним из основных средств управления войсками и передачи необходимой информации об орографических и гидрографических особенностях театров военных действий при планировании боевых операций. По мере научно-технического прогресса и развития теории и практики войн усложнялась и картография: в середине XX в. помимо топографических уже использовались разнообразные специальные военно-географические карты. На них отражались движение фронтов, направления основных ударов, штурмов укрепленных позиций и городов и т.п. Они часто привлекаются исследователями для наглядной демонстрации планов и действий советского и германского командования в 1941–1945 гг. Однако, если в изучении карт международных конфликтов с эпохи Древнего мира до первых десятилетий XX в. уже имеется определённая традиция и даже обобщающие труды¹, то попытки раскрыть их потенциал как источника по истории Великой Отечественной войны предпринимаются редко. Обычно внимание к ним ограничивается решением частных исследовательских задач (восстановление боевого пути воинского формирования², определение принадлежности братских могил, обнаруженных при работе поисковых групп³) или сбором сведений справочного характера⁴. Это объясняется отсутствием сложившейся методики работы с неоднородным комплексом карт, возникших при планировании, ведении и осмыслении боевых действий между СССР и Третьим рейхом.

© 2025 г. А.И. Домнин

¹ Бескровный Л.Г. Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957. С. 104–105, 223–228, 345–347, 449–450; Российская историческая картография (XV – начало XX вв.): краткий словарь-справочник. М., 1997; Смагин Р.Ю. Военная карта как исторический источник // Восток – Запад: проблемы взаимодействия. Исторический и культурологический аспекты: материалы региональной научно-практической конференции. Новосибирск, 2010. С. 109–118.

² Катионов О.Н. Военные карты как источник по истории 29 сд первого периода Сталинградской битвы // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2023. Т. 5. № 1. С. 45–52.

³ Катионов О.Н., Волков Р.Е. Карты-схемы как источник исторической информации о событиях Великой Отечественной войны // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2018. № 6. С. 43–49.

⁴ Военная энциклопедия. В 8 т. Т. 3. «Д» – Квартирьер. М., 1995. С. 499–504.

Систематизация картографических материалов, хранящихся в Центральном архиве Министерства обороны РФ, позволяет лучше понять особенности данной категории источников и их значение для анализа ситуации на том или ином оперативно-стратегическом направлении. В частности, большой интерес представляют карты, составленные в период противостояния Красной армии и зажатых на Курляндском полуострове остатков группы армий (ГА) «Север» (с 25 января 1945 г. ГА «Курляндия») в октябре 1944 — мае 1945 г. В мемуарной и научной литературе эти события известны как «блокада» или «ликвидация» курляндской группировки немецких войск, «сражение против “Курляндской крепости”», «Курляндский котёл»⁵.

Топогеодезическое обеспечение советских войск в 1941–1945 гг. осуществляло Военно-топографическое управление (ВТУ) Генерального штаба Красной армии, которому подчинялись Московская и Ленинградская геодезические части и проводившие съёмку местности топографические (их число во время войны достигало 26), геодезические (до 7), моторизованные топографические (до 14), аэросъёмочные (3) отряды и две аэросъёмочные эскадрильи⁶. Некоторые из них встретили начало войны у самых границ, проводя работы на территориях, присоединённых к СССР в 1939–1940 гг.⁷

Созданные управлением картографические материалы делятся на три типа. Первый представлен топографическими картами с «подъёмом» (военно-топографическими картами), которые в основном и использовались в армии. Поверхность на них отображалась в крупном или среднем масштабах, а генерализация характеризовалась универсальными количественным и качественным отбором, что делало такие карты наиболее удобным средством изучения местности для командиров и командующих. В войсках использовали топографические карты семи вариантов, которые делились на тактические (масштаб от 1:10 000 до 1:100 000, т.е. в 1 см от 100 м до 1 км) и оперативные (от 1:200 000 до 1:1 000 000 — в 1 см от 2 до 10 км)⁸. «Миллионная» карта (1:1 000 000) применялась в работе Генерального штаба, а наиболее распространённой являлась «стотысячная» (1:100 000), служившая для графического отражения планов и развития обстановки в армейских, корпусных и даже дивизионных штабах, в управлениях небольших фронтов (состоявших из двух-четырёх общевойсковых армий) и в штабах крупнейших оперативно-стратегических объединений на отдельные группировки (например, правого крыла 1-го Белорусского фронта во время операции «Багратион»).

После перехода страны на метрическую систему мер в армии была разработана новая разграфка топографических карт. Каждый лист «миллионной» карты имел физические размеры 44,5×39,2 см, отображал площадь местности

⁵ Баграмян И.Х. Так шли мы к победе. М., 2015. С. 442, 443, 447–473, 565; Ерёмко А.И. Годы воемездия. 1943–1945. М., 1969. С. 490–509; Казаков М.И. Над картой былых сражений. М., 1971. С. 260–280; Военная энциклопедия. В 8 т. Т. 4. Квашнин — Марицкая. М., 1999. С. 356; Куровски Ф. Котел смерти в Курляндии: хроника сражений группы армий «Север», 1944–1945. М., 2010.

⁶ Долгов Е.И., Сергеев С.В. История частей топографической службы. М., 2012. С. 24–37, 147–373. Разница между геодезическими и топографическими отрядами состояла в том, что первые из них не участвовали в определении и уточнении начертания переднего края противника, составлении огневой документации, изготовлении макетов местности, создании планов населённых пунктов, а вторые — не привлекались к составлению каталогов координат.

⁷ Бызов В.Е. Военно-топографическая служба: уроки 1941 года // Геодезистъ. 2001. № 3. С. 8–13.

⁸ Герасимов Ф.Я. Справочник по военной топографии. М., 1943. С. 8–11.

в 174860 км² и делился на части в остальных шести масштабах, причём каждый из них имел свою буквенно-цифровую номенклатуру обозначений. По ним штаб части, соединения или объединения заказывал листы, охватывавшие зону ведения боевых действий соответствующего воинского формирования, после чего осуществлял их склейку. На уровне дивизии обычно хватало одного-двух листов «стотысячной» карты, корпуса — до четырёх, армии — до десяти, фронта — до шестнадцати⁹.

«Подъём» карты выполнялся карандашами 1–8 цветов и заключался в нанесении условных обозначений, направлений ударов и различной справочной информации для отражения текущей обстановки, планировавшихся операций и хода боевых действий. По своему назначению военно-топографические карты делились на четыре группы. На первой из них отражались запланированные мероприятия: карты решений командующих и командиров, задач войскам в соответствии с боевыми приказами, планы перегруппировок. Тут же указывались составы задействованных в операции сил и противостоявших формирований противника, направления намеченных ударов, рубежи с обозначением времени выхода на них определённых частей и соединений, маршруты движения колонн с записью длины пути в километрах. Вторая группа представлена картами положения войск, в том числе линии фронта, на которых требовалось максимально подробно наносить расположение и состав частей и соединений, включая находившиеся в движении. Противник при этом, как правило, не отмечался. Третью группу, наиболее многочисленную и насыщенную различными сведениями, составляют карты хода боевых действий, а именно рабочие и отчётные карты обстановки. Их «ведение» являлось одной из основных обязанностей оперативных отделов штабов, в которых ежедневно или чаще ответственные офицеры фиксировали вновь занятые соединениями или частью рубежи. В зависимости от объёма разведанных, требований командования и уровня штабной культуры в конкретном формировании с разной степенью полноты обозначались и сведения о противнике, причём более подробно такая информация представлялась на картах оперативного положения войск.

Появление четвёртой группы военно-топографических карт — обобщавших ход боевых действий — вызвано созданием по приказу наркома обороны от 25 апреля 1942 г. в составе Генерального штаба отдела по использованию опыта войны (с 8 марта 1944 г. развёрнут в управление). Для ведения этой работы в армейских и фронтовых штабах предусматривались сначала соответствующие штатные должности помощников начальников оперативных отделов и отделений, а с 11 декабря 1943 г. — отделения¹⁰. На них возлагалось составление отчётов о каждой операции, сопровождавшихся картами и схемами, о чём свидетельствуют присутствующие на них подписи помощника начальника отдела по использованию опыта войны, начальника отдела по использованию опыта войны оперативного отдела 70-й армии и т.п.¹¹ В первый год этой практики поступавшие приложения почти не отличались от отчётных карт, но к концу войны в основном стали отвечать своему предназначению. Лучшие их образцы являются наглядным, доходчивым, структурированным историческим источ-

⁹ Там же. С. 71–92.

¹⁰ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 11. Политика и стратегия Победы: стратегическое руководство страной и Вооружёнными силами СССР в годы войны. М., 2015. С. 702, 709–710.

¹¹ ЦАМО РФ, ф. 241, оп. 2593, д. 364; ф. 427, оп. 11105, д. 245.

ником. Правда, количество таких карт относительно невелико, поскольку оперативные отделы фронтовых и армейских штабов часто оставались недоукомплектованными, а офицеры, ответственные за их составление, привлекались к выполнению других работ.

Несмотря на требования полевых уставов и военно-топографических справочников, на картах часто встречались мелкие недостатки, например, отсутствие указания на гвардейский статус части или соединения, нарушение предписанных форм сокращений. Многие «ошибки», скорее всего, объяснялись небрежностью или затруднениями в выполнении «картографических» обязанностей в условиях интенсивных боёв. Такие неточности могут запутать исследователя, но нельзя забывать, что карты велись для командования, которое, как правило, легко читало их даже при самом низком качестве исполнения. Следует отметить, что топографические карты без «подъёма» также являются ценным источником, например, при выявлении изменений между топогеодезической основой довоенного периода и после боевых действий, т.е. позволяют проследить формирование беллигеративных ландшафтов.

Ко второму типу картографических материалов, готовившихся в ВТУ Генерального штаба, относятся специальные карты, создававшиеся для обеспечения отдельных служб, видов и родов войск, для ведения боевых действий в особых природно-географических условиях, а также для выполнения специальных задач. Они составлялись во всех масштабах — от общегеографических мелкомасштабных до крупномасштабных планов городских кварталов, отдельных объектов местности или оборонительных рубежей. Разнообразны и сферы их применения: планирование операций с актуализированной информацией (изменениями местности, отдельными участками рек, горными перевалами; разведывательные, синоптические карты); целеуказание (например, для бомбардировок); организация вождения (навигационные карты и др.); уточнение характеристик театра военных действий (в частности, с обозначением танкоопасных направлений и танконедоступных районов); тыловое обеспечение (пути сообщения с подробным указанием особенностей автомобильных и железных дорог, мостов, тоннелей, включая их пропускную способность, и т.д.). В зависимости от предусмотренных сроков актуальности подготовка специальных карт осуществлялась заблаговременно, накануне или во время выполнения боевых задач¹². Узкое назначение этих материалов определяет особенности их использования в качестве источника при изучении, прежде всего, развития военного искусства и опыта ведения боевых действий в различных условиях. Например, выпуск в 1942 г. «Военно-географической карты Европейского театра военных действий» — довольно крупного для такого типа документов масштаба (1:1 500 000) — свидетельствует о комплексном подходе советского командования к подготовке предстоявших наступательных операций с применением различных родов войск¹³. С проектированием Дороги жизни связаны «Схемы замерзания Ладожского озера»¹⁴.

Третий тип — военно-исторические карты, создававшиеся преимущественно для анализа и обобщения данных о развитии военного искусства и при изучении конкретных конфликтов выполняющие в основном справочную

¹² Военная энциклопедия. Т. 3. С. 502—504.

¹³ Военно-географический альбом. 1941—1945 / Сост. А.И. Глухов, А.В. Шурховецкий. М., 2016. С. 104—107.

¹⁴ Там же. С. 78.

функцию. Мелкомасштабные военно-экономические и военно-политические карты полезны для формирования общих представлений об административно-территориальном делении, соотношении потенциалов противоборствовавших сторон. Значительным многообразием отличаются карты, показывающие общий ход войны, развитие кампаний, битв и операций, а также отдельных сражений. Эти материалы широко востребованы в историографии. Географическая основа их обычно слабо насыщена, но в отдельных случаях носит достаточно информативный характер, отражая не только местоположение населённых пунктов и гидрографию, но и рельеф¹⁵.

Для изучения событий на курляндском оперативно-стратегическом направлении в октябре 1944 — мае 1945 г. наиболее плодотворно привлечение военно-топографических карт фронтовых и армейских штабов 1-го и 2-го Прибалтийских (генералы армии И.Х. Баграмян и А.И. Ерёменко) и Ленинградского (маршал Л.А. Говоров) фронтов Красной армии, а также Генерального штаба Верховного командования сухопутных войск Вермахта (ОКХ) и ГА «Север» (ГА «Курляндия»).

Метод последовательного изучения карт одного вида в хронологическом порядке позволяет на основе единого уровня генерализации отслеживать изменения всех картографических знаков и иных элементов и тем самым получить наибольший объём систематизированной информации. При этом целесообразно опираться на те их разновидности, для которых характерно регулярное обновление и массовый характер изготовления, например, на отчётные карты, составлявшиеся каждые два-три дня (на фронтовом и армейском уровнях) или ежедневно (карты Генерального штаба и ОКХ). Так, сразу после освобождения Риги 13 октября 1944 г. советское командование предприняло попытку сходу разгромить остатки ГА «Север». На картах ОКХ от 16 и 17 октября существенных перемен в линии фронта не отмечено, но если в первый день на направлении ударов 1-го Прибалтийского фронта обозначены шесть ромбов, в том числе три с жирным начертанием (5-я гвардейская танковая армия), то на следующие сутки остался только один (на правом фланге наступавших), а другие заменены номерами стрелковых дивизий. Можно заключить, что прорыв советских танков не удался, видимо, из-за подоспевшей 14-й танковой дивизии (тд) Вермахта, которая на карте от 16 октября показана на подходе из тыла. При этом на узком участке фронта по-прежнему обозначались три стрелы с жирным начертанием — продолжавшееся наступление пехоты 6-й гвардейской армии (гв.А)¹⁶. На 18 октября продвижения советских войск здесь не указано, но оно усилилось на правом фланге в направлении на Мажейкяй. В эти же дни дивизии 1-й ударной армии (уд.А), поступившей в состав 2-го Прибалтийского фронта (из расформированного 3-го Прибалтийского), приблизились вплотную к «тукумскому рубежу»¹⁷. На карте от 19 октября отмечено прибытие немецких подкреплений на участок обороны 50-го армейского корпуса (ак) и перемещение 12 тд из полосы наступления 2-го Прибалтийского фронта на расположенный западнее участок, где сражалась 6 гв.А¹⁸.

По сравнению с журналами боевых действий военно-топографические карты существенно ускоряют обобщение информации при изучении длитель-

¹⁵ Военная энциклопедия. Т. 3. С. 500.

¹⁶ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12457, д. 1209, 1210.

¹⁷ Там же, д. 1211.

¹⁸ Там же, д. 1212.

ных периодов, в том числе оценку интенсивности и результатов столкновений при оперативных паузах, занимавших большую часть времени противоборства в Курляндии. Так, на отчётных картах 2-го Прибалтийского фронта за 1–22 декабря 1944 г. по состоянию на первые четыре дня лишь произведена двойная обводка линии фронта, свидетельствующая о продвижении соединений на отдельных участках на глубину до нескольких десятков метров. В основном обозначения касались перемещений в тылу¹⁹. При этом на предшествовавшей карте за 28–30 ноября была «передвинута» на юго-запад линия разграничения между 42-й, 10-й гвардейской и 3-й ударной армиями, а полоса наступления на левом фланге силами последней существенно сокращена²⁰. На картах за 5–18 декабря прослеживается завершение процесса последовательного выведения в резерв Ставки Верховного главнокомандования (Ставка) 10-го танкового корпуса (тк) и 3 уд.А: сначала исчезла линия разграничения этого объединения с 10 гв.А, затем пропало обозначение армейского штаба и была нанесена информация о передвижениях управлений стрелковых корпусов, а также о принятии в подчинение одним из них (14-м гвардейским) новых стрелковых дивизий (11-й, 48-й и 123-й). О танковом корпусе сделана запись, что он «полностью выбыл 13 декабря из состава фронта». По состоянию на 14–16 декабря показано постепенное сосредоточение ударной группировки 22-й армии (А), дивизии левого крыла которой ранее отмечались в глубоком тылу²¹. Карта за 19–22 декабря сообщает о переходе от оперативной паузы к очередному наступлению. В. Хаупт считает, что «третья битва» началась 21 декабря²², но картографический материал демонстрирует, что уже 20 декабря 56-я, 65-я, 85-я, 29-я, 119-я и 7-я гвардейские стрелковые дивизии 10 гв.А продвинулись на глубину 2–3 км. К исходу 21 декабря линия достигнутых рубежей не изменилась²³.

В следующую оперативную паузу (26 декабря 1944 – 22 января 1945 г.) 2-й Прибалтийский фронт в целом перешёл к обороне, однако к 29 декабря на несколько километров в позиции противника смогла вклиниться 219-я стрелковая дивизия (сд), меньшего успеха добился 19 тк, а в течение 29–31 декабря на глубину до километра продвинулась 43-я гвардейская стрелковая дивизия (гв.сд)²⁴. На карте за 5–8 января впервые с октября 1944 г. отображено советское отступление: отвод 19 тк и шести стрелковых дивизий 1-й ударной и 22-й армий на глубину до 4 км²⁵. Немецкое наступление оказалось неожиданным для командования 2-го Прибалтийского фронта, поскольку совершившие удар танковые дивизии Вермахта на предшествовавшей отчётной карте за 1–4 января либо отсутствовали (4-я), либо обозначались «частями» (12-я)²⁶. При наступившем затишье основные изменения на картах за 9–17 января показаны в тылу. Между 13 и 17 января на стыке 1-й ударной и 22-й армий была сконцентрирована новая группировка для возврата только что уступленных позиций, при этом подробно раскрыт состав войск противника с обозначением

¹⁹ Там же, ф. 239, оп. 2224, д. 877.

²⁰ Там же, д. 1091.

²¹ Там же, д. 881, 1094, 1095.

²² Хаупт В. Группа армий «Север»: бои за Ленинград, 1941–1944. М., 2005. С. 357.

²³ ЦАМО РФ, ф. 239, оп. 2224, д. 1097.

²⁴ Там же, д. 1100.

²⁵ Там же, д. 1482.

²⁶ Там же, д. 1481.

пехотных и танковых полков, а также отдельных батальонов, в том числе именных (например, отдельного пулемётного батальона «Штеттин»)²⁷.

Не менее информативны картографические приложения к документам планирования, в частности, карты решений командования фронтов. После неудачи второй попытки разгрома курляндской группировки немцев 27–31 октября 1944 г. поступавшие директивы требовали продолжения наступательных действий, но в меньшем масштабе. Согласно «Карте решения командующего войсками 2-го Прибалтийского фронта по директивам №№ 00307/ОП и 0075/ОП от 31 октября и боевому приказу от 2 ноября», 3-я ударная, 10-я гвардейская и 42-я армии должны были в два этапа продвинуться на глубину до 20–25 км, при этом 10 гв.А следовало овладеть Салдусом — важнейшим пунктом немецкой обороны в Курляндии²⁸. В течение месяца поставленные задачи удалось выполнить лишь частично, о чём свидетельствуют рубежи, обозначенные на карте решения командующего 2-м Прибалтийским фронтом от 30 ноября. Наибольших успехов добились 3 уд.А и примыкавшие к её правому крылу соединения 10 гв.А²⁹.

По плану, разработанному Ерёменко 30 ноября, в операции активно задействовалась 22А, в штаб которой поступила отдельная «Карта решения командующего фронтом на наступление 22-й армии»³⁰, причём в полосе её действий дополнительно вводился 19 тк. По общему замыслу, предполагался глубокий охват противника 10 тк слева и 19 тк справа. Ожидалось, что уже на третий день Салдус окажется в тылу правого фланга советских войск, а встреча танковых корпусов намечалась в 6–8 км к северу от данного города. Это позволило бы перерезать важнейшую для вражеской группировки линию снабжения по железной дороге, проходившей от Лиепаи. За неделю ударной группе на правом фланге предстояло преодолеть в тяжелейших боях около 60 км. Обозначения на «Карте решения командующего фронтом на наступление 22-й армии» уточняли рубеж обгона пехоты подвижными соединениями и подробнее отображали маршруты двух колонн 19 тк после первого дня операции. Примечательно, что съёмка местности для топографической основы, использованной на трёх упомянутых картах от 2 и 30 ноября, производилась ещё в 1877–1878 гг., а рекогносцировка — в 1912 г.

К наступлению подключались и примыкавшие к левому флангу 2-го Прибалтийского фронта 4 уд.А и 3-й гвардейский механизированный корпус (гв.мк) 1-го Прибалтийского фронта. Согласно карте решений командующих обоими фронтами от 1 декабря 1944 г., на правом фланге наступала 22А (в неё входили восемь стрелковых дивизий, артиллерийская дивизия прорыва и два самоходно-артиллерийских полка), усиленная танковым корпусом (его номер не прописан, но, очевидно, имелся в виду 19-й). На левом фланге действовали силы обоих фронтов: 4-я и 3-я ударные, 10-я гвардейская и, частично, 42-я армии (всего 32 стрелковых дивизии, две артиллерийских дивизии, танковая бригада, два танковых полка и восемь самоходных артиллерийских полков), а также 3 гв.мк фронтового подчинения. Явно вспомогательную роль на этом тактическом направлении играли разворачивавшиеся западнее действия

²⁷ Там же, д. 1483, 1484.

²⁸ Там же, д. 721.

²⁹ Там же, д. 733.

³⁰ Там же, д. 735.

6 гв.А 1-го Прибалтийского фронта³¹. Несмотря на сосредоточение основных сил на левом фланге, глубина их наступления в несколько раз уступала целевым рубежам на правом, что свидетельствовало о распределении сил, не соответствовавшем поставленным задачам. Взаимодействие между соединениями существенно осложнялось участием в руководстве операцией двух фронтовых штабов. При этом 1-й Прибалтийский фронт одновременно отвечал за овладение Мемелем на восточно-прусском направлении, а также за контроль над стратегически важной полосой побережья Балтийского моря. Остаётся неясным, почему Ставка не перевела 4 уд.А и 3 гв.мк в состав 2-го Прибалтийского фронта.

Из отмеченных на этой же карте показателей оперативной плотности видно, что на Курляндском полуострове в составе каждого фронта находилось одинаковое количество стрелковых дивизий (по 31). В полосе наступления 10 гв.А 2-го Прибалтийского фронта для прорыва привлекалось девять стрелковых дивизий (одна на 1,5 км линии фронта), плотность артиллерии при этом равнялась 200 стволам на 1 км. У 4 уд.А 1-го Прибалтийского фронта оставались только дивизионные орудия, поскольку наступавшая западнее 6 гв.А двигалась со «всей артиллерией усиления 4-й ударной армии». Оба объединения 1-го Прибалтийского фронта нацеливались на отсечение либавской группировки немцев, а войска правого фланга 2-го Прибалтийского фронта выдвигались вдоль Рижского залива в направлении Вентспилса³².

Судя по карте решения командующего 2-м Прибалтийским фронтом от 7 декабря, за неделю исходные рубежи войск почти не изменились. Операция продолжалась совместными силами Ерёменко и Баграмяна, о чём свидетельствует нанесение на карту примыкавших сил 1-го Прибалтийского фронта. Согласно уточнённым боевым задачам, на ней подробно отмечены маршруты движения частей и соединений 19 тк по двум параллельным дорогам для отсечения салдусской группировки противника. Из полосы наступления 1-го Прибалтийского фронта к Салдусу выдвигалась часть сил 3 гв.мк, который своим левым флангом одновременно должен был пробиваться в противоположную сторону, видимо, на отсечение группировки Вермахта в районе Лиепай³³.

Картографические материалы о планировавшихся действиях заставляют задуматься о полноте представленной в военно-исторической литературе номенклатуры фронтовых операций. Согласно карте решения командующего 1-м Прибалтийским фронтом, в середине октября 1944 г. одновременно с Мемельской операцией под командованием Баграмяна должна была проводиться Либавская. Она заключалась в равномерном продвижении советских войск на глубину 30–35 км с освобождением Ауце (60-м стрелковым корпусом), Скрунду (19 тк), Айзпуте (3 гв.мк) и Лиепай (10-м и 63-м стрелковыми корпусами)³⁴. Однако приоритетным стало Мемельское оперативное направление, действия в рамках «Либавской операции» носили ограниченный характер, а Ауце освободили войска 2-го Прибалтийского фронта 28 октября.

Результативность усилий Красной армии прослеживается на картах обобщающего характера. Например, на «Карте боевого пути 3-й ударной армии за

³¹ Там же, ф. 235, оп. 2074, д. 179.

³² Там же.

³³ Там же, ф. 239, оп. 2224, д. 736.

³⁴ Там же, ф. 235, оп. 2074, д. 1146.

период с 3 октября по 1 декабря 1944 г.» отражены изменения линии фронта на участке наступления против курляндской группировки противника и последовавшей за этим оперативной паузы. Исходные рубежи соединений обозначены по состоянию на 26 октября, промежуточные — на каждые последующие пять дней, последний рубеж — на 1 декабря. Выясняется, что в период «затишья» это оперативное объединение освободило примерно такую же площадь территорий, как во время активных боёв 27–31 октября³⁵. Согласно другой карте, 10 гв.А с 18 октября 1944 г. по 12 февраля 1945 г. совершила два марша на запад из района южнее Елгавы на подступы к Приекуле (около 130 км), достигнув незначительных успехов. При этом общая стоявшая перед ней задача в течение четырёх месяцев не менялась³⁶.

Метод сравнения карт в основном предназначен для определения степени осведомлённости командования о состоянии сил противника, а также своих собственных. При этом выясняется эффективность работы разведки, причины успехов и неудач наступательных операций, качество информации, передаваемой от нижестоящих (например, армейских) штабов вышестоящим (фронтowym), в том числе о текущих результатах боёв.

Например, на карте, составленной начальником штаба 2-го Прибалтийского фронта генерал-полковником Л.А. Сандаловым, отмечено три маршрута перегруппировки 42А в течение 10–16 октября 1944 г. По двум из них, ближайшим к линии фронта, маршем перемещались стрелковые дивизии, а также соединения и части на конной тяге, а по третьему, в 70–100 км от линии фронта, — тыловые учреждения и артиллерия усиления на механизированной тяге³⁷. На немецких картах этого времени управления советских армий приводятся только с 16 октября, хотя и с точным обозначением новой дислокации 42А. Вместе с тем соединения Вермахта в полосе наступления 1 уд.А показаны на расстоянии 25–30 км³⁸. Значит, на данном участке противник заблаговременно отошёл на новые рубежи обороны, тогда как на отчётной карте 2-го Прибалтийского фронта за 15–16 октября вражеские дивизии расположены в непосредственной близости от позиций 1 уд.А — очевидно, на самом деле перед ней оставался лишь немецкий арьергард. При этом советские разведчики неверно идентифицировали некоторые противостоящие соединения. Так, 205-я пехотная дивизия (пд) отмечена к югу от озера Бабитес, хотя в действительности она находилась севернее, вдоль побережья Рижского залива, но указанное здесь формирование названо 215 пд³⁹.

Отдельного внимания заслуживают попытки противника локализовать управления и зоны ответственности 3-го Прибалтийского фронта. После расформирования фронта 16 октября 1944 г. его штаб обозначался на немецких картах в течение ещё трёх дней, 20 октября исчезла линия разграничения между 2-м и 3-м (показанным в глубоком тылу «в резерве») Прибалтийскими фронтами, но 25 октября вновь появились и управление, и зона ответственности последнего. Лишь на следующий день управление со списком армий 3-го Прибалтийского фронта показаны перемещёнными в «резерв», а сохранившаяся

³⁵ Там же, ф. 239, оп. 2224, д. 1222.

³⁶ Там же, ф. 217, оп. 1221, д. 6308.

³⁷ Там же, ф. 397, оп. 9247, д. 327.

³⁸ Там же, ф. 500, оп. 12457, д. 1205–1209.

³⁹ Там же, ф. 239, оп. 2224, д. 858.

линия разграничения прочерчивалась между 2-м Прибалтийским и Ленинградским фронтами⁴⁰.

Особо следует отметить группу готовившихся в германских штабах «карт положения противника». На одной из них, приложенной к журналу боевых действий 38 ак, перед передним краем обозначены позиции советских войск по состоянию на полдень 28 октября 1944 г.⁴¹ Довольно точно отмечены расположенные к востоку от Ауце 364-я, 265-я, 146-я, 150-я и 171-я стрелковые дивизии 2-го Прибалтийского фронта, однако неустановленной осталась принадлежавшая к этому же фронту 7 гв.сд. В числе соединений к северу от города обозначены 314-я и 341-я стрелковые дивизии, которые на самом деле находились в составе Ленинградского и Карельского фронтов⁴². С идентификацией и определением позиций соединений и частей 2-го Прибалтийского фронта связан ряд других ошибок противника. Согласно советской карте за 28 октября, в Ауце находился 10 тк, но по данным немецкого командования он располагался в 60 км к северо-востоку, близ Елгавы, выше по течению реки Лиелупе. Хотя позиции 30 гв.сд обозначены точно, действовавшее с ней подразделение 70-й танковой бригады не указано, возможно, потому, что здесь находился лишь один её батальон, а остальные танки поддерживали пехоту 15-го гвардейского стрелкового корпуса⁴³. Неверно показаны местоположения управлений армий 2-го Прибалтийского фронта, а 22А и вовсе отсутствует (её штаб находился в Добеле).

Метод «точечного» изучения карт, состоящий в наблюдении за изменениями положения и характеристики условного знака конкретного подразделения или группы условных знаков соединения, применяется для детального анализа оперативного положения, сложившегося в конкретный момент военных действий на определённом участке фронта, или для выявления отдельного факта военно-географического характера. Полученные на основе карт данные необходимо сопоставлять с показаниями других источников, прежде всего журналов боевых действий, распоряжений, оперативных сводок, а также со сведениями из мемуаров и научной литературы. Наряду с этими свидетельствами карты значительно ускоряют выявление особенностей обстановки накануне фронтовых наступательных операций (преимущества и недостатки оперативного положения и плотности, специфику составления ударных группировок и управления войсками), подчас слабо представленных в других документах. Начинать исследование такого рода следует с отчётных карт, подготовленных в штабах крупнейших формирований, ответственных за проведение операции. Так, при изучении фронтовой операции целесообразно отталкиваться от отчётной карты штаба фронта, после чего исследовать карты штабов армий, корпусов и т.д.

В начале второй наступательной операции против курляндской группировки Вермахта первый удар должны были нанести обозначенные на отчётной карте штаба 2-го Прибалтийского фронта от 25 октября 1944 г. батальоны четырёх стрелковых дивизий, один батальон штурмовой инженерно-сапёрной бригады, а также стрелковые полки остальных дивизий⁴⁴. Обычно низшим стрелковым

⁴⁰ Там же, ф. 500, оп. 12457, д. 1213–1219.

⁴¹ Там же, оп. 12474, д. 502.

⁴² Боевой состав Советской Армии. Ч. IV. (Январь–декабрь 1944 г.) / Отв. ред. П.А. Жилин. М., 1988. С. 277–278, 307–308.

⁴³ ЦАМО РФ, ф. 3171, оп. 1, д. 3, л. 75.

⁴⁴ Там же, ф. 239, оп. 2224, д. 1080.

формированием, отражавшимся на фронтовых картах, выступал полк. Поэтому указание батальонов свидетельствовало о низкой оперативной плотности на переднем крае и, следовательно, о невозможности осуществить мощный натиск на заданном направлении: на фронте наступления необходимым количеством орудий и боеприпасов могли быть обеспечены в лучшем случае полки, а на некоторых участках — только батальоны. Основные силы стрелковых дивизий на этой же карте отмечены в 3–5 км от переднего края. Наибольшая плотность войск показана для 10 гв.А и примыкавших к ней флангов 3-й ударной (с юга) и 42-й (с севера) армий. Всю ударную группировку можно было сосредоточить в руках генерал-полковника М.И. Казакова, тем более что полоса наступления подчинённой ему 10 гв.А была приблизительно в два раза короче полосы 42А и в 3 раза — 3 уд.А. По неизвестной причине этого не произошло, хотя именно соединениям Казакова предстояло освободить ключевой пункт всей операции — Салдус. В свою очередь, надпись «5 и 10 тк» на карте означала объединение танковых корпусов в одну группировку, что может указывать как на последовательное введение подвижных соединений в бой на одном участке, так и на большие потери, понесённые ими в ходе только что завершившейся Рижской операции. Вторая версия подтверждается тем, что в отчёте о боевых действиях 10 тк сообщалось о наличии в нём 113 танков, т.е. почти половины предписанного штатом состава⁴⁵.

Судя по картам ОКХ, немецкое командование сдержанно оценивало потенциальную угрозу очередной советской операции и не остановило начавшуюся ранее переброску ряда соединений на другие театры боевых действий. Из Лиепай в Восточную Пруссию 24–28 октября морем перевезли 61 пд. По тому же маршруту направлялся 39 тк, который 23 октября помечен знаком «в движении» в сторону Лиепай, а с 24 октября исчез с карт курляндской группировки. Примечательно появление в это время у Лиепай 121 пд, которая ранее входила в оперативную группу «Грассер». Дивизия обозначалась до 28 октября, а на картах последующих дней отсутствует⁴⁶. Это противоречит данным справочной литературы, будто она находилась в Курляндии с октября 1944 г. до конца войны⁴⁷. Из Вентспилса 25–28 октября через Ирбенский пролив на полуостров Сырве в юго-западной части острова Сааремаа переправлялись части 12-й авиаполевой дивизии и 545-го пехотного полка⁴⁸, хотя оборона в юго-западной оконечности острова Сааремаа на площади менее 200 км² уже была насыщена силами двух дивизий (на карте ОКХ от 28 октября помимо вновь прибывшей авиаполевой указаны 23-я и 218-я пехотные дивизии⁴⁹). Начавшиеся 10 октября в рамках второго этапа Моонзундской десантной операции бои за этот небольшой полуостров завершились 24 ноября 1944 г.⁵⁰

«Точечное» изучение карт позволяет объяснить неудачу четвёртой попытки разгрома курляндской группировки немцев, предпринятой 1-м Прибалтийским фронтом 23–31 января 1945 г. Основной удар наносили 6-я гвардейская и 51-я армии. На отчётной карте фронта за 28–31 января на линии соприкос-

⁴⁵ Там же, ф. 3410, оп. 1, д. 38, л. 14.

⁴⁶ Там же, ф. 500, оп. 12457, д. 1217–1225.

⁴⁷ *Tessin G. Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg, 1939–1945. 2. Auflage. Bd. 6. Die Landstreitkräfte 71–130.* Bissendorf, 1979. S. 287 f.

⁴⁸ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12457, д. 1218–1221.

⁴⁹ Там же, д. 1221.

⁵⁰ Военная энциклопедия. В 8 т. Т. 5. Маркировка — «Огайо». М., 2001. С. 217.

новения обеих армий по состоянию на 28–29 января не было нанесено ни одного знака, отражавшего продвижение советских войск. Обозначение 3 гв.мк в тылу говорит об отсутствии условий для прорыва подвижного соединения после нескольких дней боёв⁵¹. Это объяснялось незначительной артиллерийской поддержкой на курляндском направлении, поскольку основную часть орудий в то время стянули на юг для штурма Мемеля, где операцию проводила 4 уд.А того же 1-го Прибалтийского фронта, усиленная двумя артиллерийскими и одной гвардейской миномётной дивизиями, а также несколькими отдельными гвардейскими миномётными полками, т.е. сотнями «Катюш», исключительно важных для осуществления прорыва вражеских позиций. Мемель был освобождён 28 января, но переброска высвободившихся сил на север требовала времени.

Примером оценки оперативного положения отдельно взятого объединения может служить «точечное» изучение отчётной карты 4 уд.А за 10–28 февраля 1945 г. Находившиеся под командованием генерал-лейтенанта П.Ф. Малышева соединения должны были одновременно удерживать западную часть линии соприкосновения с курляндской группировкой Вермахта (на севере), охранять побережье Балтийского моря, особенно близ Мемеля на входе в Куршский залив (на западе), и прикрывать участок фронта в Восточной Пруссии (на юге)⁵². Такая диспозиция предопределила широкий разброс сил, и на карте обозначены не только стрелковые дивизии и полки, но и отдельные роты. Так, расстояние между расположениями 252-го (у основания Куршской косы) и 234-го стрелковых полков составляло около 160 км.

Картографические материалы позволяют проследить динамику количества соединений на заданной территории, например дивизий, участвовавших в боях на Курляндском полуострове в рассматриваемый период. В мемуарной литературе и в историографии утверждается, что число немецких соединений почти не менялось, а дивизии регулярно пополнялись. Считается, что в результате Мемельской операции 10 октября 1944 г. от Восточной Пруссии оказались отрезаны около 34 дивизий, и хотя к 7 марта 1945 г. противнику удалось эвакуировать около 10 «наиболее боеспособных дивизий»⁵³, по сообщению Ерёмко, «при сдаче в плен» в группе армий «Курляндия» насчитывалось «по-прежнему около 30 дивизий»⁵⁴. Однако на немецких картах 28 октября 1944 г. фиксировались 32 дивизии (включая танковые и охранные)⁵⁵, а 7 мая 1945 г. — только 18⁵⁶.

«Точечный» метод применим и при изучении действий отдельных видов войск. Например, при последней попытке пробить оборону курляндской группировки Вермахта 17–28 марта 1945 г. на карте-схеме боевых действий бронетанковых и механизированных сил 10 гв.А за 17–19 марта 1945 г. отмечены уничтоженные танками и самоходными установками опорные пункты, линия переднего края и полоса артиллерийской позиции противника, расположенная в 2 км от переднего края. Обычно такое расстояние в полосе пристрелянных позиций танки проходили в течение двух дней. На карте стрелы направлений ударов танковых и механизированных сил упираются в эту линию и сменяются

⁵¹ ЦАМО РФ, ф. 235, оп. 2074, д. 1054.

⁵² Там же, ф. 217, оп. 1221, д. 6087.

⁵³ Военная энциклопедия. Т. 4. С. 356.

⁵⁴ Ерёмко А.И. Годы возмездия... С. 491.

⁵⁵ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12457, д. 1222.

⁵⁶ Там же, оп. 12473, д. 106, 207.

тонкими стрелами отвода войск⁵⁷. Вражеская артиллерия не была подавлена, что и привело к неудаче танкистов.

Рассмотренные сюжеты позволяют по-новому взглянуть на общий характер боевых действий на Курляндском полуострове в 1944–1945 гг. и отказаться от использования понятий «котёл» и «блокада». Карты решений командующих фронтами и шести наступательных операций свидетельствуют, что это противостояние ближе к определению «битвы», но оно едва ли корректно из-за второстепенности данного направления.

Изучая карты, также можно выдвинуть ряд предположений о причинах неудач советских войск при разгроме курляндской группировки противника. Прежде всего, это сохранявшееся до расформирования 1-го Прибалтийского фронта (24 февраля 1945 г.) раздробление сил на стратегическом и фронтовом уровнях во время операций, которые по своему масштабу являлись армейскими, но в них задействовали до трёх управлений армий. Наличие «лишних» штабов не могло не сказаться на реализации наступательных замыслов. Сказывалось и распыление сил. Так, в конце января 1945 г. 1-й Прибалтийский фронт одновременно проводил операции против курляндской группировки и по штурму Мемеля. Приоритетными оказались действия в Восточной Пруссии, из-за чего две армии на севере наступали со слабой артиллерийской поддержкой. Неясно, почему эти операции не проводились последовательно, с сосредоточением всей имевшейся артиллерии на каждом направлении.

Ошибки в начале советских действий в Курляндии позволили противнику подготовить новые оборонительные рубежи. Впоследствии длительные оперативные паузы давали немцам возможность постоянно обновлять и укреплять свои позиции. Решение подчинить все формирования Красной армии, действовавшие против курляндской группировки Вермахта, одному фронту с назначением командующим крупнейшего специалиста в области применения артиллерии маршала Советского Союза Л.А. Говорова (1 апреля 1945 г.) оказалось запоздалым.

Таким образом, использование картографических материалов как исторических источников в исследованиях о Великой Отечественной войне является многообещающим направлением работы историков. Они становятся существенным подспорьем в условиях, когда доскональное изучение журналов боевых действий и других текстовых документов остаётся трудоёмким процессом и не всегда позволяет обнаружить лакуны и оценить нюансы оперативной обстановки. В этой работе на первый план выходит умение читать карты и методично работать с ними при решении различных исследовательских задач.

⁵⁷ Там же, ф. 217, оп. 1283, д. 887.

Состояние общепита оборонных заводов Пензенской области в годы Великой Отечественной войны и пути решения продовольственной проблемы

Евгений Воейков

**The state of catering at defense factories in the Penza region
during the Great Patriotic War and ways of solving the food problem**

Evgeny Voeikov
(Penza State University, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X25030063, EDN: FKOE0I

Война — это не только боевые действия, подвиги рядовых и офицеров на передовой, стратегическое и тактическое мастерство военачальников, но и героическая работа тружеников тыла, в первую очередь в сфере промышленности, дающей фронту вооружение и боеприпасы. Обеспечивают эту работу как бесперебойная поставка ресурсов, так и налаженный быт тружеников, в особенности заводское общественное питание. В истории Великой Отечественной войны проблемы военной повседневности (недостаточное питание, плохое отопление жилых помещений в холодное время года, острый дефицит одежды и обуви и др.) длительное время считались малозначительными, а также понижающими трудовой подвиг тыла. Поэтому в научную и научно-популярную литературу 1950–1980-х гг. они по возможности не допускались или излагались без подробностей, в рамках общего тезиса о сложностях военного времени. Это характерно и для региональной истории промышленности Поволжья.

Так, в информационно насыщенной монографии Д.П. Ванчинова об экономическом развитии региона в военное время продовольственная проблема отражена лишь упоминаниями о введении карточной системы и росте цен на продукты и проиллюстрирована немногочисленными примерами по Татарии, Саратову и Куйбышеву. Состоянию общепита уделено всего несколько предложений общего характера («О плохом обслуживании посетителей в столовых и сокращении их количества неоднократно шла речь на пленумах райкомов, горкомов и даже обкомов партии, на сессиях Советов и заседаниях исполкомов»¹ и др.). Согласно «правилам игры», детализация исключалась, поэтому читателям оставалось лишь догадываться, что стоит за фразой «плохое обслуживание в столовых» и какие именно факты обсуждались на многочисленных совещаниях органов власти. В историях отдельных пензенских предприятий военная повседневность описана в самом кратком виде. Например, о питании рабочих часового завода говорилось: «Жили очень трудно. Небольшой кусок хлеба, полученный по карточкам, почти не приносил чувства сытости»².

© 2025 г. Е.В. Воейков

¹ Ванчинов Д.П. Военные годы Поволжья. Саратов, 1980. С. 172.

² Ерёмченко В. Пензенский часовой. Производственное объединение «Заря». Саратов, 1985. С. 52.

Снятие в 1990-х гг. идеологических и цензурных запретов и рассекречивание значительного массива архивных документов позволили рассмотреть быт военного времени более объективно. Вышли монографии с разделами о нём³. Однако заметен перекося: историки часто и много пишут о связанных с ним тяготах (преимущественно проблемах с жильём и питанием), при этом, характеризуя положение дел за весь период войны, порой приводят примеры, относящиеся лишь к наиболее трудному для системы заводского общепита 1942 г. Также обычно не анализируется степень распространения проблемы: примеры «ужасов общепита» по одному-двум заводам экстраполируются на всю промышленность рассматриваемого региона.

В рамках настоящей статьи предпринята попытка комплексно и дифференцированно рассмотреть работу заводских столовых на примере группы предприятий Пензенской обл. Детальный анализ на микроуровне даёт возможность проследить динамику ситуации, вычленив составляющие проблемы и степень их распространения.

Военная промышленность области второй половины 1941 — первой половины 1945 г. представлена преимущественно заводами четырёх наркоматов: боеприпасов (№ 50 и 255), вооружений (№ 354), авиационной промышленности (№ 163 и 472) и миномётного вооружения (№ 704, 731, 740, 744, 748, 807, 821 (литейно-механический), арматурный, «Продмаш», Грабовский крахмальный⁴). Следует подчеркнуть, что в 1942 г. Пензенская обл. — наряду с Москвой, Свердловском, Кировым и Челябинском — стала центром производства самых массовых 50-мм и 82-мм миномётов и боеприпасов к ним, а также реактивного комплекса «Катюша». В условиях значительных потерь артиллерии в 1941—1942 гг. этот вид вооружений часто становился единственным средством огневой поддержки пехоты в обороне и наступлении. К тому же по лёгкости и дешевизне изготовления миномёты превосходили традиционную артиллерию, а на подготовку миномётчиков требовалось меньше времени. Предприятия области неоднократно занимали призовые места в социалистическом соревновании названных наркоматов. Так, завод № 748 в августе и сентябре 1942 г. держал второе место, а в октябре—декабре — первое с вручением переходящего Красного знамени ЦК ВКП(б). Завод № 807 в 1943 г. ежемесячно занимал первое место, а в 1944 г. — с января по ноябрь.

В статье подробно рассмотрена работа столовых семи крупных заводов: № 50 (Пенза, он же ЗИФ — завод им. Фрунзе), выпускавшего взрыватели для крупнокалиберных артиллерийских снарядов, авиабомб и мин, станки-автоматы; № 255 (Нижний Ломов), производившего капсюли к 7,62-мм и 12,7-мм патронам, капсюли-детонаторы к минам и снарядам, запалы к ручным гранатам РГ-33 и Ф-1, электродетонаторы; № 704 «Сельмаш» (село Каменка), отлавливающего за 45-мм снаряды, 50-мм мины, авиабомбы ФАБ-50, 160-мм мины и оборудование для сельскохозяйственного производства; № 740 «Пензмаш» (Пенза), дававшего 50-мм и 160-мм миномётные мины, авиабомбы ФАБ-50, 50-мм и 82-мм миномёты и реактивные миномёты М-8 («Катюша»); № 744 «Пензтекстильмаш» (Пенза), специализировавшегося на 37-мм снарядах,

³ См., например: *Серебрянская Г.В.* Промышленность и кадры Волго-Вятского региона Российской Федерации в конце 30-х — первой половине 40-х годов XX века. Н. Новгород, 2003; Народ и война. Очерки истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 2010. С. 462—564.

⁴ Государственный архив Пензенской области (далее — ГА ПО), ф. п-148, оп. 1, д. 988, л. 3—3 об.

50-мм и 160-мм миномётных минах, авиабомбах ФАБ-50 и спиртоводочной продукции; № 748 «Кузтекстильмаш» (Кузнецк), поставлявшего 50-мм миномёты и 50-мм мины к ним, авиабомбы ФАБ-50, 160-мм мины, металлообрабатывающие станки; и № 807 (бывший часовой завод, часто фигурировал в документах под этим названием), чьим профилем выступали приборы управления зенитным огнём (ПУАЗО № 3 «СП»), прицелы для 50-мм ротного миномёта и 82-мм батальонного миномёта, часовые минные взрыватели⁵. На ЗИФе насчитывалось свыше 20 тыс. работников, на заводах № 255, 740 и 748 — свыше 2,5 тыс., свыше 2 тыс. и свыше 1,5 тыс. человек соответственно.

При подготовке статьи использованы хранящиеся в Государственном архиве Пензенской области материалы фондов перечисленных предприятий. Информационно насыщенные документы о различных сторонах их деятельности отложились в фонде обкома партии, который в годы войны уделял много внимания работе военных заводов. Высокая степень информативности по вопросам условий труда и быта рабочих характеризует протоколы партсобраний, стенограммы производственных совещаний и собраний заводского актива. Кроме того, в материалах «первичек» встречаются отчёты партторгов о деятельности парторганизации того или иного завода, содержащие ценные сведения о быте его работников⁶.

В годы войны система общепита играла важную роль. В целом по стране численность пользовавшихся столовыми, буфетами, фабриками-кухнями возросла с 10–11 млн в 1940 г. до 25 млн человек в 1944 г.⁷ Заводские столовые выступали важным, нередко — единственным источником питания для рабочих, в первую очередь эвакуированных, которые не имели запасов продуктов. Об этом говорилось, к примеру, в отчёте о работе столовой «Пензтекстильмаша» в начале 1942 г.⁸, а в протоколе закрытого партсобраний «Пензмаша» 7 февраля 1944 г. читаем высказывание стахановца: «Рабочие, живущие в общежитии, питаются только в столовой»⁹. Однако работа этих учреждений вызывала многочисленные нарекания, которые можно условно разделить на четыре группы: очереди; низкое качество еды; недостаток столовых приборов, посуды и мебели; антисанитария.

Очереди в заведениях отмечались часто. На заводе № 807 в ноябре 1941 г. рабочие опаздывали из-за них с обеда на 30–40 минут¹⁰. На заседании партбюро 27 июня 1942 г. указывалось: «В столовой люди простаивают в очереди, тратят очень много времени»¹¹. «Большие очереди» упомянула директор столовой на партсобрании завода № 744 8 января 1942 г. В выступлении одного из присутствующих находим более точное время: «Рабочие обедают по 2 часа»¹².

⁵ Воейков Е.В. Перестройка работы промышленности // История Пензенского края. В 3 т. Т. 3. Пензенский край в XX — начале XXI века. Пенза, 2024. С. 337–351.

⁶ ГА ПО, ф. р-2128 («Кузтекстильмаш»), ф. р-2490 («Сельмаш»), ф. р-568 (уполномоченный Госплана СССР по Пензенской обл.), ф. п-148 и п-37 (пензенские обком и горком), ф. п-296, п-440, п-447, п-468, п-1975, п-2012, п-3377 (первичные парторганизации заводов № 255, 50, 807, 744, 704, 748, 740).

⁷ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 10. Государство, общество и война. М., 2014. С. 185.

⁸ ГА ПО, ф. п-37, оп. 1, д. 866, л. 10.

⁹ Там же, ф. п-3377, оп. 1, д. 26, л. 38.

¹⁰ Там же, ф. п-447, оп. 1, д. 12, л. 54.

¹¹ Там же, д. 14, л. 73.

¹² Там же, ф. п-468, оп. 1, д. 19а, л. 7.

Об очередях говорится в резолюции заседания партбюро завода № 704 28 января 1942 г.¹³ На партсобрании завода № 255 14 января 1942 г. отмечены очереди за хлебом, объяснявшиеся тем, что на основной площадке столовая ещё не открылась, а пропускная способность точки общепита в филиале предприятия (бывшем ликёро-водочном заводе) оказалась недостаточной¹⁴. Они же фигурируют в отчёте секретаря заводской парторганизации за вторую половину 1942 — начало 1943 г., затронуты на партсобрании 14 апреля 1943 г. («При отпуске обедов создаются большие очереди, рабочие простаивают больше положенного времени»¹⁵), в протоколе партсобрании 6 февраля 1944 г. записано: «Столовые не успевали обслуживать всех рабочих в обеденные перерывы, вследствие чего рабочие опаздывали на 20—30 минут»¹⁶. 17 августа 1944 г. на закрытом партсобрании завода № 50 сказано: «Для того, чтобы покушать, приходится тратить не 10 минут, а более часа»¹⁷.

Проблема в целом типична для промышленности СССР военного периода. Так, на заводах № 540 (Наркомат вооружений) и № 39 (Наркомат авиационной промышленности) в Иркутске большие очереди приводили к задержкам рабочих после обеда¹⁸. На «Уралмаше» (Свердловск) в начале 1942 г. рабочие выставляли в очередях до полутора часов и тоже опаздывали в цех¹⁹. В Саратовской обл. «более всего раздражали рабочих многочисленные очереди в обеденные перерывы, чтобы нормально пообедать приходилось отстоять по 1,5—2 часа»²⁰.

Постоянные нарекания вызывало низкое качество приготовлявшихся в столовых блюд. Надо сказать, эта проблема при описании общепита военного времени в разных регионах страны отмечается чаще всего²¹. На партсобрании завода № 255 14 января 1942 г. констатировалось «плохое и однообразное качество обедов»²². В постановлении по итогам заседания партбюро завода № 704 28 января видим фразу: «Пища, приготовляемая столовой, низкого качества». В течение года ситуация на предприятии принципиально не изменилась, в постановлении партсобрании 4—5 декабря снова отмечено недостаточное качество еды в столовой²³. На заседании парткома завода № 50 25 мая выступил директор, который возмутился: «Приходишь в столовую фабрики-кухни: грязные тарелки, сомнительного качества обеды, просто возмутительно»²⁴. Спустя полгода (2 декабря) в докладной секретаря Пензенского горкома по промышленности о том же предприятии сказано: «Несмотря на ряд принятых мер,

¹³ Там же, ф. п-1975, оп. 1, д. 2, л. 12.

¹⁴ Там же, ф. п-296, оп. 1, д. 13, л. 10—15.

¹⁵ Там же, д. 22, л. 43, 63—63 об.

¹⁶ Там же, д. 27, л. 37 об.

¹⁷ Там же, ф. п-440, оп. 1, д. 817, л. 64—66.

¹⁸ Шевченко В.Н. История создания и деятельность оборонной промышленности Сибири в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Красноярск, 2017. С. 273—274.

¹⁹ Во имя победы. Свердловск в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Екатеринбург, 2010. С. 60.

²⁰ Козурман С. Эвакуация промышленных предприятий в Саратовскую область и социально-бытовые проблемы рабочих кадров (1941—1954 годы) // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. Т. 10. 2010. Вып. 2. С. 106.

²¹ Репинецкий А.И. Военная столица СССР. 1941—1943 гг.: очерки по истории города Куйбышева в годы Великой Отечественной войны. Самара, 2021. С. 182—183; Goldman В.З., Фильцер Д. Крепость тёмная и суровая. Советский тыл в годы Второй мировой войны. М., 2021. С. 124.

²² ГА ПО, ф. п-296, оп. 1, д. 13, л. 10—15.

²³ Там же, ф. п-1975, оп. 1, д. 2, л. 13, 114.

²⁴ Там же, ф. п-440, оп. 1, д. 635, л. 49.

дело общественного питания... продолжает оставаться неблагополучным. Качество приготовленной пищи очень плохое, калорийность низкая, приготовление пищи небрежное (крупная шинковка, отсутствие специй, посуда грязная)»²⁵.

На «Пензтекстильмаше» численность рабочих с января по март 1942 г. увеличилась с 491 до 800 человек, а количество выделенных столовой сахара и жиров осталось без изменений²⁶. Обследование столовой часового завода № 807 в мае того же года также показало низкое качество обедов («Первое блюдо по меню лапша, приготовленная из ржаной муки, на вид — грязная жидкость. После того, как такая лапша простоит некоторое время, она делается желеобразной и непригодной к употреблению»), вызванное прежде всего неполной закладкой положенных продуктов при готовке еды²⁷. На заседании партбюро завода 4 августа 1943 г. констатировалось, что «общественное питание... продолжает оставаться в неудовлетворительном состоянии: обеды невкусные и малопитательные»²⁸. В докладной записке инструктора Пензенского горкома 27 июня 1942 г. работа столовой завода № 740 также характеризовалась отрицательно: «Питание однообразное, без жиров, крайне низкое по калорийности»²⁹. Однотипные и невкусные обеды отмечались здесь и на партсобрании в конце 1943 г.³⁰

Меньше всего сведений сохранилось за 1944–1945 гг., но и они указывают на низкое качество блюд. Эта проблема, в частности, ставилась на партсобрании завода № 255 в январе 1944 г.³¹ «Неудовлетворительная» работа столовой (однообразное меню, низкое качество приготовляемой пищи) фиксировалась и в октябре³². В составленной инструктором обкома Г. Коцарём докладной записке о работе завода № 740 говорится: «В мае месяце 1945 года количество питающихся в столовой насчитывается только 200 человек. Рабочие не ходят в столовую, так как питание плохое: щи и капуста. В результате, рабочие-одиночки варят пищу в котелках и ведёрках в рабочее время»³³.

Хронические проблемы с питанием отражались на здоровье рабочих. В докладной записке руководителей завода № 50 16 ноября 1944 г., адресованной заместителю председателя СНК СССР Л.П. Берии, говорилось: «В конце 1943 — начале 1944 года на заводе в виду плохой организации общественного питания и плохого отоваривания фондов вспыхнула дистрофия, охватив более 5000 человек рабочих. Благодаря оказанной помощи ЦК ВКП(б) и принятыми мерами на месте дистрофия ликвидирована»³⁴. Подобная ситуация возникала и на других военных предприятиях страны, в частности, заводах Наркомата танковой промышленности, где отмечались случаи дистрофии и даже голодной смертности. На заводе № 112 (Горький) дистрофией страдали более 1 тыс. человек, а на заводе № 76 (Свердловск) за две недели февраля 1944 г. на ра-

²⁵ Там же, ф. п-37, оп. 1, д. 868, л. 129 об.

²⁶ Там же, д. 866, л. 10.

²⁷ Там же, д. 867, л. 33–34 об.

²⁸ Там же, ф. п-447, оп. 1, д. 15, л. 123.

²⁹ Там же, ф. п-37, оп. 1, д. 867, л. 24.

³⁰ Там же, ф. п-3377, оп. 1, д. 24, л. 268–269.

³¹ Там же, ф. п-296, оп. 1, д. 27, л. 18 об.

³² Там же, ф. п-2513, оп. 1, д. 36, л. 83.

³³ Там же, ф. п-148, оп. 1, д. 1396, л. 26 об.

³⁴ Там же, д. 1095, л. 78 об.

бочем месте скончались 14 рабочих³⁵. С учётом приведённых примеров можно охарактеризовать ситуацию на заводе № 50 как относительно благополучную. Во всяком случае, сведений о смертях от голода в документах обнаружить не удалось (при этом упоминания о гибели работников в результате несчастных случаев встречаются).

В заведениях общепита часто наблюдался недостаток ложек, посуды и стульев, доставлявший посетителям значительные неудобства. В январе 1942 г. отмечалось, что в столовой филиала завода № 255 «ложки совершенно отсутствуют»³⁶, а на заводе № 744 причиной очередей называли недостаток тарелок³⁷. Летом на часовом заводе также не хватало мебели, столовых приборов и посуды; в выступлениях на заседании партбюро 27 июня говорилось, что «рабочие и служащие... сидят по двое на одном стуле»³⁸. На заводе № 740, как отмечал проводивший обследование инструктор Пензенского горкома, по причине нехватки стульев «рабочие обедают стоя или садятся прямо на стол. В столовой грязно»³⁹. То же отмечалось и в конце 1943 г.: рабочие приходили обедать со своей посудой, из-за нехватки столов и табуреток им приходилось есть, стоя у стен⁴⁰. Из докладной записки о состоянии завода № 255 весной 1945 г. узнаём, что «недостаёт табуреток, и рабочие зачастую обедают стоя. В целях сохранности ложек администрация... запретила выдавать их рабочим, и обедающие вынуждены были первое пить через край тарелки, а второе кушать вместо ложек корками хлеба»⁴¹.

В других регионах ситуация порой была аналогична. На заводе № 580 Наркомата боеприпасов (Красноярск) в столовых на 800 работающих имелось всего 69 ложек и 60 глубоких чашек. Ложки выдавал стоявший у входа специальный дежурный, который после использования работником мыл их тут же в ведре и выдавал следующему посетителю. Иногда рабочие, которым ложек не хватило, первое блюдо пили, а второе ели руками⁴². На заводе № 18 Наркомавиапрома (Куйбышев), где горячую пищу отпускали раз в сутки в посуду посетителя, молодым рабочим приходилось приносить с собой разнообразные жестяные банки или черепки, а те, кто не смог раздобыть чего-либо подобного, обходились собственными фуражками⁴³.

Наконец, фиксировались антисанитарное состояние точек общепита, хищения продуктов и грубое отношение к посетителям. На партсобрании «Пензтекстильмаша» 8 января 1942 г. отмечено: «Повар... грубиян. Буфетчицы не способны к работе... Они обсчитывают рабочих, незаконно продают продукты из буфета»⁴⁴. В докладе инструктора горкома состояние столовой часового завода в мае описано так: «В хлебозерезке хлеб хранится в шкафах, покрытых пле-

³⁵ Ермолов А.Ю. Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 2009. С. 184.

³⁶ ГА ПО, ф. п-296, оп. 1, д. 13, л. 10–15.

³⁷ Там же, ф. п-468, оп. 1, д. 19а, л. 7.

³⁸ Там же, ф. п-447, оп. 1, д. 14, л. 73, 79.

³⁹ Там же, ф. п-37, оп. 1, д. 867, л. 24.

⁴⁰ Там же, ф. п-3377, оп. 1, д. 24, л. 268–269.

⁴¹ Там же, ф. п-148, оп. 1, д. 1396, л. 69 об.

⁴² Шевченко В.Н. История создания и деятельность... С. 273.

⁴³ Мухин М.Ю. Советские авиастроители в годы Великой Отечественной войны: повседневная жизнь на фоне войны // Советский тыл 1941–1945: повседневная жизнь в годы войны. М., 2019. С. 96.

⁴⁴ ГА ПО, ф. п-468, оп. 1, д. 19а, л. 7.

сенью, полы грязные, весы все заржавленные. Сама буфетчица содержит себя крайне неопрятно. Посуда моется холодной водой, создаётся впечатление, что она не вымыта. В кухне имеется большое количество мух»⁴⁵. Летом наблюдались антисанитарное состояние помещений, хищения продуктов, обвешивание рабочих и грубое отношение к ним персонала. На заседании партбюро 27 июня жаловались, что «в буфете крысы едят хлеб, обедают плюшки»⁴⁶. 14 апреля 1943 г. партбюро завода № 255 отметило: «Столовые находятся в антисанитарном состоянии (особенно кухня столовой № 3), личная гигиена обслуживающим персоналом не соблюдается, и медосмотр их проводится нерегулярно. Хранилища для овощей и скоропортящихся продуктов отсутствуют, ввиду чего при обследовании общественным контролёром... мясо имело неприятный вид и запах... Случаи хищения продуктов не единичны»⁴⁷. 17 августа 1944 г. на закрытом партсобрании завода № 50 указывали: «В цеховых буфетах в большинстве полная антисанитария, например в цехе № 4 никакого порядка нет; штат официанток подобран таких, которые поступают только прокормиться, грязные... обзывают посетителей»⁴⁸.

Дефицит продуктов и низкая профпригодность работников общепита иногда приводили к отравлениям. В частности, на фабрике «Красный профинтерн» (Гусь Хрустальный Владимирской обл.) в июле 1942 г. 485 человек отравились супом с испорченным мясом, 43 из них пришлось госпитализировать⁴⁹. В меньших масштабах случаи отравления фиксировались на военных заводах Сибири: однажды отравилось 50 человек, в другой раз — 80⁵⁰. В Пензе также произошло нечто подобное: в августе 1943 г. на ЗИФе госпитализировали 1398 рабочих, отравившихся недоброкачественной рыбой⁵¹. Впрочем, по другим заводам схожих фактов обнаружить не удалось, из чего можно заключить, что минимальный уровень контроля за деятельностью общепита в регионе всё же присутствовал.

Более того, велась борьба с отмеченными недостатками. Если в 1942 г. очереди фиксировались в большинстве столовых рассматриваемых предприятий, то в 1944 г. они наблюдались уже только на заводах № 50 и № 255. Претензии к качеству приготовленных блюд в 1942 г. имели место по шести из семи предприятий (исключение — «Кузтекстильмаш»); в 1944–1945 гг. в числе проблемных остались лишь заводы № 255 и 740. Недостаток посуды и стульев в 1942 г. обнаружен в документах по четырём заводам (№ 255, 740, 744 и 807), тогда как в конце 1943 г. — только на заводе № 740, а весной 1945 г. — № 255. Грубость и антисанитария в точках общепита в 1943–1944 гг. сохранялись на заводах № 50 и 255, но и там заметны изменения к лучшему. Так, завод № 50 до конца войны оставался проблемным только по наличию очередей и грубого обслуживания, а № 740 — по низкому качеству приготовленной еды и недостатку посуды и стульев.

⁴⁵ Там же, ф. п-37, оп. 1, д. 867, л. 34 об.

⁴⁶ Там же, ф. п-447, оп. 1, д. 14, л. 73, 76, 81.

⁴⁷ Там же, ф. п-296, оп. 1, д. 22, л. 63–63 об.

⁴⁸ Там же, ф. п-440, оп. 1, д. 817, л. 64–66.

⁴⁹ Тряхов И. С. Нарушения в продовольственной сфере во Владимирской области в годы Великой Отечественной войны // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2023. № 1. С. 89.

⁵⁰ Шевченко В. Н. История создания и деятельность... С. 274.

⁵¹ ГА ПО, ф. п-148, оп. 1, д. 842, л. 43, 55.

Тяжёлое состояние системы общепита обусловили как объективные обстоятельства военного времени, так и субъективный фактор — человеческий. В моём более раннем исследовании о состоянии общепита на лесозаготовках в Среднем Поволжье в 1930-х гг. сделан вывод, что качество приготовленных блюд и обслуживания в столовых часто зависели не только от общего дефицита продуктов в стране, но и от уровня профессионализма и отношения к работе в конкретной точке общепита⁵². Представляется, что данный тезис также применим к предприятиям Пензенской обл. Так, инструктор Пензенского горкома Л. Китаева, приведя пример некачественно приготовленного блюда из лапши на часовом заводе, подчеркнула: «Между тем в столовой есть в наличии мука, и при умелом использовании мучной смесью можно было приготовить доброкачественный продукт». Тот же доклад содержит явный намёк на хищения: «В одной из сумок, принадлежащей контролёру Смирновой Марии, оказалось 18 плюшек. Плюшки должны быть выданы учащимся школы ФЗО, но видимо были выданы кой-кому из работников столовой... В столовую поступает белый (рижский) хлеб в количестве 50 кг ежедневно для диетпитания и ИТР (инженерно-технические работники. — *Е.В.*), однако по заявлению товарищей, в т[ом] ч[исле] и предзавкома т. Шестерикова и парторга Цветухина, хлеб белый никогда не бывает»⁵³. В дополнение отмечу, что хищения, обусловленные продовольственным дефицитом военного времени, обнаруживались и в других регионах страны⁵⁴.

Сведения о мытье посуды холодной водой в мае 1942 г. уже приводились. Июньское обследование подтвердило: «Посуда, имеющаяся в столовой — тарелки, ложки — в недостаточном количестве; и промывается она только холодной водой, что может послужить причиной заболевания рабочих и служащих... Отсутствие мочалы д[ля] промывки посуды — большое место столовой»⁵⁵. На заседании партбюро упоминался также недостаток тряпок для протирки тарелок и столовых приборов. Налицо субъективный фактор неудовлетворительной работы. Мыть посуду в горячей воде ничто не мешало, для подогревания на кухне чана с водой особых усилий и специального оборудования не требовалось. Имелись и возможности найти на заводе достаточное количество тряпок с мочалками. Прекратить или хотя бы свести к минимуму хищения тоже получилось бы. Всё это достигалось путём простого контроля со стороны дирекции столовой и заводской администрации.

К примеру, на «Пензтекстильмаше» комиссия отдела рабочего снабжения (ОРС) с апреля 1943 г. следила за работой буфета и столовой, в результате чего случаи обвешивания почти прекратились⁵⁶. В решении парторганизации того же завода 1 августа 1942 г. по разделу «Столовая» записано: «Заказать Стукалову (директор мебельной фабрики. — *Е.В.*) 12 столов, 50 стульев и 50 табуреток»⁵⁷. Вероятно, именно поэтому в документах 1943–1944 гг. нет упоминаний о недостатке мебели. В этой связи непонятно, почему руководство заводов № 255 и 740 годами не могло изготовить несколько десятков стульев или та-

⁵² Воейков *Е.В.* Общественное питание на лесозаготовках Среднего Поволжья в годы довоенных пятилеток // Историко-экономические исследования. Т. 25. 2024. № 1. С. 107–108, 110.

⁵³ ГА ПО, ф. п-37, оп. 1, д. 867, л. 33–33 об.

⁵⁴ Тряхов *И.С.* Нарушения в продовольственной сфере... С. 86–88.

⁵⁵ ГА ПО, ф. п-447, оп. 1, д. 14, л. 79.

⁵⁶ Там же, ф. п-468, оп. 1, д. 22а, л. 48.

⁵⁷ Там же, д. 19а, л. 22 об.

буреток для столовой силами самого предприятия или заказать их на любом деревообрабатывающем комбинате.

Сравнение документов предприятий вообще любопытно в части того, какие аспекты попадали в поле зрения их руководства, а какие — ускользали. Так, в столовой завода № 740 в 1943 г. имелось достаточное количество картофеля, капусты, огурцов, помидоров и других овощей из пригородного хозяйства⁵⁸, а в приказе директора завода № 255 9 октября 1944 г. указывалось: «Несмотря на наличие продуктов, меню чрезвычайно однообразное и качество приготовления низкое. Завстоловыми мало проявляют требований к поварам и обслуживающему персоналу»⁵⁹. ОРСы отдельных предприятий СССР (например, «Танкограда» — Челябинского танкового завода) сумели организовать для столовых лов рыбы, заготовку грибов и ягод⁶⁰. На пензенских заводах такой вариант изыскания дополнительных продовольственных ресурсов распространения не получил, хотя природные условия предоставляли для него возможность.

Несмотря на наличие комплекса проблем заводского общепита, подтверждённого многочисленными примерами, при научном анализе необходимо рассматривать явления в их динамике и развитии. Например, в столовой часового завода в июне 1942 г. по сравнению с маем дела улучшились. Её новая заведующая Белова отчиталась на заседании партбюро 27 июня, что за хищения уволены 13 человек. Один из членов комиссии, обследовавшей работу общепита, счёл нужным отметить: «При Беловой работа столовой значительно улучшилась, но не приняты ещё достаточные меры для устранения... недостатков». Парторг завода выразился иначе: «Столовая работает ещё плохо. Но значительно лучше, чем это было при Кузнецове»⁶¹. Если в мае на кухне наблюдалось «большое количество мух»⁶², то теперь «окна кухни, а также и посудного отделения завешаны марлей от проникновения мух», «уборка столовой производится более или менее удовлетворительно каждодневно» и «в кладовой хранения зерна, масла, сахара комиссия при обследовании антисанитарного состояния не нашла»⁶³. Год спустя в акте обследования отмечено: «Плохо обстоит дело с мойкой посуды, не всегда она моется кипятком»⁶⁴ (т.е. иногда посуду горячей водой всё-таки мыли). В апреле 1944 г. для столовой закупили 280 тарелок и 500 ложек; столов хватало, а лес для производства скамеек завод выделил⁶⁵. Таким образом, не на всех заводах положение оставалось безнадежным — пусть и медленно, но оно всё же менялось в лучшую сторону.

Также правомерно поставить вопрос: на всех ли военных предприятиях области столовые работали плохо? Историки «школы анналов», пересматривая догмы исторической науки, призывали учёных исследовать не только то, о чём говорят документы, но и то, о чём они молчат. Применительно к теме данной статьи «молчание» источников о проблемах общепита на предприятиях мож-

⁵⁸ Там же, ф. п-3377, оп. 1, д. 24, л. 268–269.

⁵⁹ Там же, ф. р-2513, оп. 1, д. 3 б, л. 83.

⁶⁰ *Пушкарёва Т.П., Котова О.А.* Решение некоторых бытовых вопросов в Танкограде // Танкоград в Великой Отечественной войне: малоизученные страницы истории. Материалы Всероссийской научной конференции. Челябинск, 2024. С. 102.

⁶¹ ГА ПО, ф. п-447, оп. 1, д. 14, л. 73, 75.

⁶² Там же, ф. п-37, оп. 1, д. 867, л. 34 об.

⁶³ Там же, ф. п-447, оп. 1, д. 14, л. 79–79 об.

⁶⁴ Там же, д. 15, л. 137.

⁶⁵ Там же, д. 18, л. 39 об.–40.

но трактовать и как случайный подбор зафиксированных фактов (возможно, усиленный субъективной позицией руководства завода, не желавшего «выносить сор из избы»), и как низкую приоритетность данной сферы по сравнению с другими, более важными. Следует учесть и примечательную особенность большинства архивных документов фондов обкома, горкома и первичных парт-организаций (в которых сохранился основной массив интересующей нас информации) — их ярко выраженную критическую направленность в отношении производственной и бытовой сфер жизни общества. Вскрывавшие недостатки работы столовых труженики предприятий и обследовавшие их инструкторы партийных органов не стремились оставить будущим историкам объективную информацию о состоянии общепита. Они доводили «негатив» до сведения хозяйственного и партийно-советского руководства для принятия мер по исправлению ситуации. Поэтому хорошо работавшая столовая оставляла след в документарной базе гораздо реже, нежели та, где наблюдались многочисленные недостатки. Между тем зачастую современные историки выявленную в документах информацию по наиболее отстающим участкам принимают за типичную, что приводит к изображению военной повседневности в «чёрных красках».

В качестве примера рассмотрю данные источников по «Кузтекстильмашу». В протоколе партсобрания завода 11 августа 1942 г. сказано, что 10 августа литейный цех должен был работать без перерыва, и обед предполагалось доставить туда, однако в столовой не нашли для этого нужных людей, и «рабочие работали 12 часов без обеда»⁶⁶. При этом ничего не сообщается о качестве приготовляемой еды или недостатке мебели и посуды. Круг обсуждаемых на партсобраниях 1942 г. вопросов — недостаток инструментов, выпуск продукции с браком, заготовка дров, работа с молодым пополнением. В протоколах партбюро работа столовой затронута лишь в выступлении на заседании 17 марта: «В нашей столовой нет основных элементарных условий, сидишь, обедаешь, а в тарелку с потолка капает, официантки несвоевременно убирают со столов, нет вторых блюд. Бывают невкусно приготовленные обеды»⁶⁷. Как видно из приведённого отрывка, проблемы общепита «Кузтекстильмаша» отличались от ситуации на заводах № 50, 255, 740 и 807. Особенно показательно выражение «бывают невкусно приготовленные обеды», означающее, что периодически еду с приемлемыми вкусовыми качествами всё-таки готовили. В 1943–1944 гг., судя по содержанию отложившихся документов, на партсобраниях и партбюро предприятия вопрос о работе столовой не поднимался.

Минимальное количество сведений о недостатках работы общепита сохранилось также по «Пензтекстильмашу» и «Сельмашу». На первом из них в 1942 г. недостатки работы столовой на партсобраниях и заседаниях партбюро ещё обсуждались. Позднее круг бытовых проблем ограничился общежитиями; информация по общепиту касалась только упомянутого ранее введения рабочего контроля в 1943 г., а в прениях на партсобрании 20 апреля 1945 г. один из выступающих указал на «грубость, грязь и жалобы на обвес»⁶⁸. Показательно, что ни очереди, ни невкусные блюда, ни недостаток посуды и стульев, как на заводах № 255, 740 и 807, не отмечены.

⁶⁶ Там же, ф. п-2012, оп. 1, д. 4, л. 32.

⁶⁷ Там же, д. 5, л. 9.

⁶⁸ Там же, ф. п-468, оп. 1, д. 23а, л. 48 об.

Очереди и низкое качество приготовленной пищи фигурировали в материалах «первички» завода № 704 в 1942 г. Но спустя год при обсуждении вопроса о работе ОРСа на заседании парткома 5 апреля основной массив критики пришёлся на недостаточное обеспечение продовольственных фондов для реализации товаров по карточкам, работу магазинов, отчётность, деятельность рабочего контроля. В адрес столовой прозвучали только два замечания: «Существует система взимания шапок, профбилетов и других документов в виде залога за выданную на кухне посуду, в результате были случаи пропажи документов... за короткий период (3 месяца) из столовой похищены свыше 250 судков и около сотни ложек». Как и в случае со столовыми заводов № 744 и 748, не говорилось об очередях, однообразной и невкусной еде, обедающих стоя рабочих. Также не упоминались «повар-грубиян» и вороватые буфетчицы, работавшие в январе 1942 г. В резолюции закрытого партсобрания 3 декабря 1943 г. констатировалось, что «питание в столовой в последнее время незначительно улучшилось, однако имеет место ряд недостатков, как то вкусовые качества обедов низкие, меню в большинстве однообразное, зал... не отапливается, недостаточное количество столов»⁶⁹. За 1944–1945 гг. сведения о работе общепита отсутствуют, что можно рассматривать как косвенное свидетельство решения основных проблем.

Инструкторы Пензенского обкома, Пензенского и Кузнецкого горкомов, периодически обследовавшие заводы № 50, 255, 740 и 807, обычно обходили стороной заводы № 704, 744 и 748. Во всяком случае, именно по последним информации негативного характера о питании рабочих почти нет. Случайно пропасть или затеряться могли данные одного предприятия, но никак не группы. Поэтому «молчание» документов можно истолковать как показатель относительного благополучия (конечно, по меркам тех лет).

На протяжении всего периода войны как руководство страны, так и власти на местах предпринимали разнообразные меры по решению продовольственной проблемы. Самой простой из них являлась организация улучшенного питания руководящих работников и ИТР. В различных наркоматах система улучшенного питания отдельных категорий сформировалась в течение 1942 г. Например, приложение к приказу Наркомата миномётного вооружения 22 сентября содержало список заводов с указанием количества руководителей, «взятых на дополнительное питание». В Пензенской обл. на заводе № 744 таких насчитывалось 15 человек, № 704 и 748 — по 30, № 740 и 807 — по 40⁷⁰. В их число помимо директора, его заместителей, парторга, главного инженера, главного механика, главного технолога, начальников цехов и отделов попадала и часть инженеров (особенно на «Пензмаше» и часовом). В 1943 г. столовая завода № 748 подавала дифференцированные обеды: обычные, стахановские и для ИТР⁷¹. Аналогичные меры практиковались и на других предприятиях.

Корректировалась довоенная система материального стимулирования передовиков производства. На совещании заводских парторгов 22 июля 1942 г. представитель завода № 50 рассказал: «Мы поощряем стахановцев, прежде всего, обедами. Всего обедает 300 стахановцев. Обедает тот, кто на сегодня имеет лучший результат»⁷². На часовом заводе «по решению общезаводского

⁶⁹ Там же, ф. п-1975, оп. 1, д. 4, л. 28, 77.

⁷⁰ Там же, ф. п-2128, оп. 1, д. 8, л. 215.

⁷¹ Там же, ф. п-2012, оп. 1, д. 6, л. 119.

⁷² Там же, ф. п-148, оп. 1, д. 728, л. 38.

жюри фамилии особо отличившихся работников выгравировывались на той или иной именной дощечке... А именная дощечка устанавливалась на столе в заводской столовой. Победители соревнования получали право на дополнительное питание. И это было лучше всякой премии»⁷³. На заводе № 744 в течение года численность получавших дополнительные обеды возросла с 12 до 300 человек⁷⁴.

Однако допитание общую проблему почти не решало. Несколько сотен успешно справлявшихся с заданиями человек могли лишь предотвратить остановку производства. Для обеспечения же его ритмичной работы на протяжении 10–11 часов, а тем более перевыполнения планов и освоения новых видов продукции, требовалось ежедневно и качественно кормить значительно большее число сотрудников. Во всей трагичности проблема отсутствия продовольствия встала в первые месяцы 1942 г. Колхозы и совхозы, из которых в конце 1941 и в 1942 г. массово ушли на фронт мужчины, резко увеличить объёмы сдачи зерна и овощей государству не могли.

В этой ситуации нашли решение, базировавшееся на принципе самообеспечения. Ещё в довоенный период при промышленных предприятиях начали возникать подсобные хозяйства, занимавшиеся выращиванием сельхозпродукции и откормом скота. 19 февраля 1942 г. СНК СССР официально разрешил создать при крупных заводах ОРСы с правами самостоятельных хозрасчётных подразделений. В их ведение из системы Наркомата торговли передали совхозы, магазины, предприятия общепита, бытовые мастерские⁷⁵. Вышедшее 7 апреля постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) обязало совнаркомы союзных и автономных республик, краевые и областные исполкомы выявить все пустующие земли в городах и посёлках и расположенные вокруг городов свободные земли госфонда и «отвести их предприятиям, учреждениям, организациям и воинским частям для организации подсобного сельского хозяйства и под огороды рабочим и служащим (ст. 1)»⁷⁶. При этом если подсобные хозяйства временно получали неиспользуемые угодья колхозов, то на них распространялась система обязательных поставок государству сельхозпродукции.

В промышленных наркоматах началась повсеместная организация таких хозяйств⁷⁷. Например, на заводе № 744 уже летом под посадками оказалось занято 29,5 га, в том числе картофеля — 12, капусты — 1,5, огурцов — 0,8, лука — 0,5 га. Это позволило выдать начальникам цехов и рабочим 150 т одного только картофеля⁷⁸. В 1943 г. посадки увеличились в 5–6 раз: картофеля — 66 га, свёклы — 10,2, капусты — 10, помидоров — 6, огурцов — 4,65 га⁷⁹. По заводу № 740 на 25 июня 1942 г. посадили: картофеля — 15 га, капусты — 5,4, огурцов — 4, помидоров — 4, свёклы — 1 га⁸⁰. Сбор овощей осенью составил 92 т, их использовали преимущественно для столовой⁸¹. В 1943 г. посевы также расширились:

⁷³ Ерёмко В. Пензенский часовой... С. 52.

⁷⁴ ГА ПО, ф. п-468, оп. 1, д. 19а, л. 21 об.

⁷⁵ Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. Народ и война. М., 1999. С. 103.

⁷⁶ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). Сборник документов. Т. 3. 1941–1952 гг. / Сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков. М., 1968. С. 65.

⁷⁷ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 10. С. 194–195.

⁷⁸ ГА ПО, ф. п-468, оп. 1, д. 19а, л. 21–21 об.

⁷⁹ Там же, д. 22а, л. 30.

⁸⁰ Там же, ф. п-37, оп. 1, д. 868, л. 122.

⁸¹ Там же, ф. п-3377, оп. 1, д. 23, л. 53.

зерновых — 69 га, картофеля — 60, овощей — 57⁸². На заводе № 748 в 1942 г. 405 работников (в том числе 75 членов семей красноармейцев) получили овощи из подсобного хозяйства — 6645 кг капусты, 5725 кг картофеля, 892 кг свёклы⁸³. В 1943 г. засеяли: зерновыми — 471 га, овощами — 133, картофелем — 105, корнеплодами — 220, а собрали — 1214 ц картофеля, 550 т капусты, 131,5 т помидоров, 71 т огурцов, 93,9 т свёклы⁸⁴, полностью обеспечив общепит засоленными овощами. Кроме того, рабочим выдали 50–150 кг овощей⁸⁵. В 1944 г. все работники получили по 100 кг помидоров, 20 кг огурцов, 50 кг капусты⁸⁶.

Наиболее подробные сведения по ассортименту выращиваемых овощных культур сохранились по заводу № 704. В 1943 г. посевы зерновых составили 44,5 га, гороха и чечевицы — 17,5, горчицы и подсолнуха — 11. Картофеля посадили 30 га, моркови и лука — по 1, помидоров — 2,5, огурцов — 3,5, капусты — 7 га. Помимо традиционного набора посеяли фасоль, редис, чеснок, арбузы, дыни (всего 16 га). Лук, редис и дыни погибли — сказался недостаток опыта по выращиванию таких сельскохозяйственных культур и правильного ухода за ними. Но зато картофеля собрали 127,8 т, капусты — 63,1, помидоров — 15,7, огурцов — 9,3 т; фасоли — 17 кг, чеснока — 89, арбузов — 30 кг⁸⁷. В 1944 г. засеяли (помимо зерновых культур) картофелем — 52 га, горохом — 17,5, капустой — 11,5, помидорами — 6 и огурцами — 4,5 га. Из приведённых данных заметно увеличение посадок картофеля, капусты и помидоров. На зиму 1944–1945 гг. засолили капусты — 65 т, помидоров — 9, огурцов — 2 т⁸⁸. Развивалось и животноводство: на 1 апреля 1944 г. имелись 4 коровы, 1 бык-производитель, 14 свиноматок, 30 поросят, 108 овец⁸⁹.

Функционирование подсобных хозяйств столкнулось с многочисленными трудностями. Часть рабочих приходилось ежегодно снимать с производства и отправлять на прополку и уборку урожая, при этом сельскохозяйственной техники и инструментов не хватало, часто отсутствовала тара для заготовки. Из-за халатности и злоупотреблений отдельных работников часть урожая ежегодно пропадала, отмечались хищения продуктов и порча овощей. Так произошло, например, зимой 1942–1943 гг. на заводе № 740. За это секретаря парт-организации ОРС исключили из ВКП(б) и сняли с работы, а руководителю хозяйства объявили выговор с предупреждением⁹⁰. На основании подобных фактов некоторые историки критически оценивают деятельность подсобных хозяйств предприятий, указывая на их низкую экономическую эффективность и убыточность⁹¹.

Представляется, что лучший аргумент в пользу таких хозяйств — заметное увеличение посадок картофеля, капусты и других овощей в 1943 г. по сравнению с 1942 г. Вряд ли перегруженные работой военные заводы стали бы отвле-

⁸² Там же, ф. п-148, оп. 1, д. 988, л. 11.

⁸³ Там же, ф. п-2012, оп. 1, д. 6, л. 19.

⁸⁴ Там же, ф. р-2128, оп. 1, д. 22, л. 85 об.

⁸⁵ Там же, ф. п-2012, оп. 1, д. 6, л. 119.

⁸⁶ Там же, ф. п-274, оп. 1, д. 223, л. 352 об.

⁸⁷ Там же, ф. р-2490, оп. 1, д. 18, л. 100–103, 105.

⁸⁸ Там же, ф. р-568, оп. 1, д. 51д, л. 58, 60.

⁸⁹ Там же, ф. р-2490, оп. 1, д. 18, л. 114.

⁹⁰ Там же, ф. п-3377, оп. 1, д. 26, л. 17–19.

⁹¹ См., например: *Потёмкина М.Н., Кожухова Е.Л.* Подсобные хозяйства металлургических предприятий Челябинской области (1941–1945 гг.) // Гуманитарно-педагогические исследования. Т. 8. 2024. № 2. С. 39–50.

кать рабочих и материальные ресурсы ради ненужного им сельхозпроизводства и, тем более, расширять площади посевов. На деле выращиваемая продукция способствовала улучшению питания работников и тем самым — повышению производительности труда. Это было характерно не только для Пензенской обл., но и для предприятий в других регионах страны, в частности, Новосибирского приборостроительного завода им. Ленина и авиационного завода им. Чкалова⁹². Так, в 1943 г. подсобные хозяйства при заводах и учреждениях и индивидуальные огороды обеспечивали каждого городского жителя СССР приблизительно 69 кг картофеля⁹³.

Организация индивидуального огородничества развернулась после выхода апрельского постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б), его пропагандировали газеты «Правда» и «Труд», журнал «Работница»⁹⁴. Пензенская областная газета в мае опубликовала статью с подробными рекомендациями по выращиванию картофеля, капусты, лука, моркови, огурцов. На популярном уровне разъяснялось, как проводить посадку, рыхление почвы и полив, вносить удобрения и бороться с вредителями⁹⁵. Рабочие быстро оценили преимущества огородов. Если в 1942 г. площадь участков под ними на заводе № 807 составила 37,5 га, то в 1943 г. — 61⁹⁶. На заводе № 748 под огороды выделили 12 га, на которых разместилось 157 огородов, однако засеяли только 6,5 га⁹⁷. Год спустя под огороды отвели уже 138 га⁹⁸. В отдельных случаях предприятия оказывали работникам помощь. Так, на заводе № 744 (1100 человек) в 1943 г. огороды занимали 31,2 га. Инвалидам, семьям красноармейцев и стахановцам выделили посевные материалы, вспашка и боронование также проводились силами завода⁹⁹.

Подводя итоги, подчеркну, что в условиях продовольственного дефицита и общей нестабильности экономики нормальной (в современном понимании) работа общепита быть не могла «по условиям задачи». Заводским столовым предстояло обеспечить количественный и качественный минимум питания для сохранения здоровья и пригодности к труду рабочих, по возможности не дезорганизуя производственный процесс часовыми очередями или отравлениями некачественными продуктами. Столовые всех семи рассматриваемых заводов с решением этой задачи справились: предприятия фактически бесперебойно выпускали важную военную продукцию, а случаи остановок производства объяснялись, как правило, перебоями в поступлении электроэнергии и топлива¹⁰⁰, но не массовыми отравлениями работников, их смертностью от истощения или бегством из-за голода. Следует подчеркнуть, что общая беда, обрушившаяся на страну, заставляла людей мириться со сложностями быта.

Основной массив информации о недостатках работы столовых приходится на 1942 г., в документах 1944–1945 гг. количество такого рода сведений минимально. Это можно объяснить двумя факторами. Первый — постепен-

⁹² Букин С. С. Жизненная среда Новосибирска в военное лихолетье // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945). Новосибирск, 2004. С. 88.

⁹³ Голдман В. З., Фильцер Д. Крепость тёмная и суровая... С. 129.

⁹⁴ Чарон К. Э. Движение огородничества в советском тылу в 1941–1945 гг. // Советский тыл 1941–1945... С. 61.

⁹⁵ Как возделывать индивидуальный огород // Сталинское знамя. 1942. 21 мая. С. 2.

⁹⁶ ГА ПО, ф. п-447, оп. 1, д. 15, л. 48 об.; д. 18, л. 35.

⁹⁷ Там же, ф. п-2128, оп. 1, д. 11, л. 89.

⁹⁸ Там же, д. 22, л. 85 об.

⁹⁹ Там же, ф. п-468, оп. 1, д. 22а, л. 47.

¹⁰⁰ Воейков Е. В. Перестройка работы промышленности. С. 349–351.

ное увеличение роли подсобных хозяйств предприятий в снабжении общепита и индивидуальных огородов в поддержании продовольственного баланса семей тружеников. Их создание оказалось удачным вариантом решения проблемы. Второй — постепенное наведение порядка в работе столовых (кадровые перестановки, усиление дисциплины, прекращение хищений, увеличение количества столовых приборов и т.п.). Необходимо помнить также, что наряду с жуликоватыми и не умеющими готовить работниками в этих учреждениях трудились ответственные и добросовестные заведующие, повара, официантки и уборщицы, которым удавалось обеспечить качественное питание и обслуживание. И их труд, о котором обычно незаслуженно забывают, — тоже вклад в Победу.

«Управдом должен быть человеком проверенным»: домоуправления Москвы в годы Великой Отечественной войны

Владислав Тюрин

«The housing manager must be a trusted person»:
Moscow housing offices
during the Great Patriotic War

Vladislav Tiurin
(HSE University, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X25030079, EDN: FKOKZM

Созданные в 1920-х гг. домоуправления фактически представляли собой низовой орган советской власти, контролировавший одно или несколько жилых зданий. Их функционал менялся на протяжении довоенного периода. В то же время они находились ближе всего к повседневной жизни горожан, которые постоянно контактировали с этими учреждениями по вопросам оплаты коммунальных услуг, получения необходимых справок или решения бытовых проблем и споров¹. Деятельность домоуправлений Москвы регулярно становилась темой обсуждений на заседаниях высшего органа советской власти города — Моссовета и его исполнительного и распорядительного органа — Мосгорисполкома².

В историографии работа домоуправлений затрагивалась, прежде всего, в контексте истории жилищной политики 1920–1930-х гг.³ В большинстве случаев им давалась положительная оценка, подчёркивалась их роль в восстановлении жилого фонда после революции и Гражданской войны. Однако отмечены и частые случаи злоупотреблений их руководителей — управдомов, что «сыграло важную роль в сворачивании жилищного кооперирования в 1937 году»⁴. Также эта реформа объяснялась стремлением к полному подчинению жилищной сферы государству для более эффективного управления массами⁵. Напротив, жилищная политика в годы Великой Отечественной

© 2025 г. В.И. Тюрин

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

¹ Меерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М., 2008. С. 99–100, 289.

² См., например: Сборник решений, материалы и протокол заседания Мосгорисполкома, январь 1944 г. (ЦГА Москвы, ф. Р-150, оп. 1, д. 800, л. 2–5).

³ Давыдов А.Ю. Кооператоры советского города в годы нэпа: между военным коммунизмом и социалистической реконструкцией. СПб., 2011. С. 92–95; Кириллова Е.А. Управдомы периода НЭПа (из истории домового самоуправления Советской России) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков. Материалы XIV международной научной конференции. В 2 ч. Ч. 2. Иваново, 2015. С. 362–369.

⁴ Червяков Р.Ю. Формирование руководящих кадров жилищно-арендных кооперативов СССР в 1920–1930-е гг. // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). Т. 20. 2023. № 3. С. 109–124.

⁵ Меерович М.Г. Наказание жилищем... С. 294–295.

войны почти не становилась предметом изучения, рассмотрены лишь отдельные её аспекты⁶.

На этом фоне выделяется исследование деятельности управдомов в блокадном Ленинграде, подчеркнувшее их значительное влияние на быт и повседневность жителей города⁷. Аналогичные публикации о домоуправлениях столицы СССР в период войны отсутствуют, в связи с чем данная статья призвана заполнить эту лакуну. Будут рассмотрены роль управдомов, их социальный состав, степень полноты власти, взаимодействие с гражданами, роль в решении жилищного кризиса, теневая деятельность. Изучение низового уровня управленческого механизма позволит получить более детальное представление о социально-политическом регулировании в годы сталинизма, выявить способы непосредственного взаимодействия между властью и обществом в ту эпоху, глубже исследовать вопросы повседневной жизни военной Москвы.

При подготовке статьи использованы документы ГА РФ и ЦГА Москвы, среди которых протоколы заседаний Мосгорисполкома, отчёты его жилищного управления, судебные дела различных уровней, материалы Наркомата юстиции РСФСР и городской прокуратуры и др., а также периодическая печать и документы личного происхождения.

Институт домоуправлений в том виде, в котором он существовал к началу войны, сложился не сразу. Поиск модели эффективного управления неоднородным, крайне ограниченным и постоянно требовавшим ремонта жилым фондом шёл долго⁸. Изначально коммунальное хозяйство находилось в ведении Наркомата внутренних дел РСФСР, и только в 1931 г. появился самостоятельный Наркомат коммунального хозяйства⁹. Одновременно требовались кадры, способные обеспечить реализацию жилищной политики непосредственно на уровне каждого жилого дома и квартиры. С этой целью СНК РСФСР ещё в 1921 г. учредил должность заведующего домом, который наделялся полномочиями по «руководству хозяйственно-бытовыми процессами и контролю за бытовой жизнью»¹⁰. Ко второй половине десятилетия в документах и обиходе за ней закрепилось название «управдом» (его можно встретить в настольном справочнике¹¹ и популярных романах Ильфа и Петрова). Существовали синонимичные названия: управхоз (такое название бытовало в Ленинграде¹²), комендант (обычно в общежитиях предприятий), смотритель здания¹³.

⁶ Хлынина Т.П. Жилищный вопрос и практики его решения в годы Великой Отечественной войны // Научный диалог. 2014. № 5. С. 17–38; Хлынина Т.П. Жилищная политика и механизмы ее реализации в СССР в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 2. С. 56–68.

⁷ Гаврилова О.А., Ходяков М.В. Ленинградский управхоз в годы блокады: зона ответственности и образ // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. № 1. С. 85–93.

⁸ Меерович М.Г. Наказание жилищем... С. 85.

⁹ Косенкова Ю.Л. Наркомат коммунального хозяйства РСФСР в системе управления градостроительством 1930-х годов: черты преемственности // Academia. Архитектура и строительство. 2022. № 4. С. 92–93.

¹⁰ Меерович М.Г. Наказание жилищем... С. 100.

¹¹ Спутник управдома / Под ред. Д.И. Семиз. Л., 1926.

¹² Гаврилова О.А., Ходяков М.В. Ленинградский управхоз... С. 85.

¹³ Меерович М.Г. Наказание жилищем... С. 101.

В этот период работа управдома сводилась к сбору квартирной и арендной платы, организации ремонта, а также выдаче необходимых справок¹⁴. Кроме того, он контролировал операции по обмену жилья с целью предотвращения спекулятивных сделок¹⁵. Изначально должность была выборной, хотя местные жилищные отделы строго следили за кандидатами и могли отклонить неподходящего¹⁶. Власть остро нуждалась в грамотных специалистах, поэтому управдомами нередко становились «социально чуждые элементы» — «бывшие», нэпманы. Однако после чисток конца 1920-х гг. отбор на эту должность стал гораздо строже¹⁷.

Резкий рост городского населения, вызванный коллективизацией и индустриализацией, а также дальнейшее ужесточение политического режима привели к серьёзным изменениям. Не имея возможности и средств вести массовое жилищное строительство, власть ввела строгий паспортный режим и институт прописки, чтобы контролировать миграцию в города¹⁸, где на человека в среднем приходилось всего 4 кв. м жилого пространства¹⁹. Переломным стал 1937 г., когда вышло постановление ЦИК и СНК СССР «О сохранении жилищного фонда и улучшения жилищного хозяйства в городах» (17 октября)²⁰. Согласно ему, ликвидировалась жилищно-арендная кооперация, которой принадлежало значительное количество зданий. Часть таковых передавалась в управление местным советам, а другая — государственным предприятиям. Горожане лишились возможности распоряжаться жилплощадью, даже построенной и обслуживавшейся на их средства. Разрешались только сделки по обмену жилья. Кроме того, упрощалась процедура выселения в административном порядке, окончательно превратившая распределение жилья в средство поощрения или наказания²¹.

Постановление регламентировало работу управляющего домом, а более детально его права и обязанности определило «Положение о домоуправлении и работе управляющего домом местного совета», выпущенное Наркоматом коммунального хозяйства РСФСР в 1938 г. и незначительно скорректированное в 1943 г.²² Домоуправление объявлялось государственной хозрасчётной организацией, первоочередная задача которой — сохранение жилого фонда. Оно учреждалось для каждого жилого дома площадью свыше 3 тыс. кв. м, небольшой группы (от трёх до пяти) территориально смежных домов совокупной площадью 2–3 тыс. кв. м, а также группы маленьких домов площадью 1,5–2,5 тыс. кв. м. В его обязанности входили осуществление планового и капитального ремонта дома, поддержание его в надлежащем санитарном состоянии и улучшение бытовых условий жильцов.

¹⁴ Червяков Р.Ю. Формирование руководящих кадров... С. 122.

¹⁵ Лебина Н.Б. Пассажиры колбасного поезда. Этюды к картине быта российского города: 1917–1991. М., 2019. С. 141.

¹⁶ Меерович М.Г. Наказание жилищем... С. 101.

¹⁷ Лебина Н.Б. Пассажиры колбасного поезда... С. 137–138.

¹⁸ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008. С. 58–59.

¹⁹ Фильцер Д. Опасности городской жизни в СССР в период позднего сталинизма. Здоровье, гигиена и условия жизни. 1943–1953. М., 2018. С. 51.

²⁰ СЗ СССР. 1937. № 69. Ст. 314.

²¹ Меерович М.Г. Наказание жилищем... С. 287.

²² Положение о домоуправлении и работе управляющего домом местного совета. М., 1943.

«Единоличным хозяином» здания или группы зданий становился управляющий домом, который назначался приказом начальника жилищного управления (и подчинялся ему), а утверждался решением исполкома горсовета. В обязанности управляющего входило: содержать в исправном и надлежащем состоянии все строения и прилегающую территорию; нанимать, распределять и увольнять всю необходимую рабочую силу; проводить ремонт, организовывать заготовку и подвоз топлива, а также всего нужного инвентаря; сообщать в жилуправление о свободной жилплощади; заселять людей только по ордерам управления; заключать договоры с квартиросъёмщиками; производить осмотр квартир, собирать квартплату; при повреждении имущества по вине жильцов — взыскивать с них ущерб до 100 руб. (выше этой суммы — через суд); вести в установленные часы приём населения и выдавать необходимые справки. В военное время управдом выполнял функции начальника противовоздушной обороны по своему объекту. За нарушения в работе он нес уголовную ответственность.

Для облегчения управдомам выполнения такого широкого круга полномочий периодически (как минимум в 1926, 1934, 1945 и 1947 гг.) большими тиражами выпускались объёмные настольные календари-справочники. В них не только перечислялись обязанности, но и приводились ссылки на действующие законы и постановления, печатались шаблоны справок, квитанций, договоров и других документов, которые могли выдавать домоуправления. Они также содержали инструкции по приобретению инвентаря, покупке топлива и его расходу, производству ремонтов и расчётам с квартиросъёмщиками в банках, найму и увольнению работников и т.д. Таким образом, в результате реформы 1937 г. управдомы стали фактически низовым звеном управленческой вертикали и обладали на вверенной им территории большой властью.

Постановление содержало набор мер по улучшению состояния жилищного фонда. Однако устранение стимулов к низовой инициативе и самоорганизации — поддержанию жилищного хозяйства в надлежащем порядке силами самих граждан — лишь усугубило ситуацию. Подчинение управдомов местным советам не привело к ожидаемому сокращению злоупотреблений, напротив, они лишь участвовали. Состояние жилищного фонда РСФСР накануне войны вызывало такую тревогу, что за два месяца до её начала даже стало поводом для передовицы в газете «Правда». Впрочем, в ней ответственность за недостаток финансирования жилфонда возлагалась на самих граждан из-за накопленной ими высокой задолженности по квартплате²³. В Москве, несмотря на её особый статус, ситуация была не лучше, чем в остальной части страны.

Война лишь усилила негативные тенденции. Облик столицы претерпел значительные изменения. В результате эвакуации населения и массовой мобилизации к концу 1941 г. город покинули более половины из 4 млн жителей²⁴. В 1941–1943 гг. он подвергался частым авианалётам, наносящим ущерб жилому фонду. Но это была лишь часть проблемы. В целях обеспечения пожарной безопасности пришлось снести многие дома вблизи заво-

²³ Правда. 1941. 8 апреля. С. 1.

²⁴ Гаврилова И. Н. Демографический портрет Москвы в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 119.

дов²⁵. Другие постройки становились непригодными из-за запустения, неадекватного ухода и нехватки средств на срочный ремонт. Во многих домах протекали крыши, выходили из строя водопровод и канализация, зимой лопались трубы отопления (в том числе из-за выбитых взрывной волной окон, которые некому и нечем было заменить). Несвоевременная очистка дымоходов и неправильное использование печей-буржеек нередко приводили к пожарам²⁶. Некоторые строения пришли в такую ветхость, что за неимением других вариантов их приходилось поддерживать подпорками²⁷, многие другие временно консервировали, а их жителей расселяли²⁸. Всего в годы войны разрушению или серьёзному ущербу подверглось примерно 20 тыс. зданий (около 30%)²⁹. В результате уже зимой 1941–1942 гг. отмечался острый дефицит жилья, которого не хватало даже тем, кто остался в городе, не говоря уже о возвращавшихся из эвакуации или прибывавших по трудовой мобилизации.

Жилищный кризис, а также относительная децентрализация власти в первые месяцы войны³⁰ привели к дальнейшему усилению влияния домоуправлений. После того, как зимой 1941–1942 гг. угроза захвата столицы миновала, городские власти обратили на эту проблему пристальное внимание. 13 января 1942 г. состоялось посвящённое ей заседание Мосгорисполкома. Его председателю В.П. Пронину регулярно докладывали о многочисленных случаях незаконных вселений в пустовавшие после эвакуации жильцов квартиры и краж в них³¹. И неудивительно: отсутствие частной собственности, запутанное законодательство³² и нежелание власти давать твёрдые гарантии сохранности жилья³³ сделали такие квартиры лёгкой мишенью всевозможных злоупотреблений. Приводились даже случаи заселений в квартиры работников высокого ранга или обладателей высших степеней отличия — наркома промышленности строительных материалов Л.А. Соснина и «Героя Советского Союза Селезнёва»³⁴. Пришлось признать: «Раньше управдомы не раздавали квартиры, а теперь делают это на своё усмотрение». Из-за того, что многие из них попали под мобилизацию или находились в эвакуации, «происходит резкое ухудшение кадров. На эту работу попадают жулики, которые шли сюда,

²⁵ Москва послевоенная. 1945–1947. Архивные документы и материалы / Сост. М.М. Горинов и др. М., 2000. С. 301.

²⁶ ЦГА Москвы, ф. Р-150, оп. 1, д. 800, л. 276; д. 857, л. 14, 21, 47.

²⁷ Москва послевоенная... С. 301.

²⁸ ЦГА Москвы, ф. Р-150, оп. 1, д. 739в, л. 348.

²⁹ *Duskin E.* Stalinist reconstruction and the confirmation of a new elite, 1945–1953. Basingstoke, 2001. P. 12; Москва послевоенная... С. 459.

³⁰ *Хлевнюк О.В.* Административные практики в советском тылу: между централизацией и автономией // Советский тыл 1941–1945: повседневная жизнь в годы войны. М., 2019. С. 275.

³¹ ЦГА Москвы, ф. Р-150, оп. 1, д. 739в, л. 390–392.

³² *Коткин С.* Жилище и субъективный характер его распределения в сталинскую эпоху // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. М., 2001. С. 105.

³³ Жильё закреплялось только за военнослужащими и членами их семей, номенклатурой, представителями научной и творческой интеллигенции (ГА РФ, ф. Р-8131, оп. 23, д. 252, л. 1; ф. Р-5446, оп. 46, д. 2243, л. 66; *White E.* After the war was over: the civilian return to Leningrad // *Europe–Asia Studies.* 2007. № 7. P. 1150).

³⁴ Так в тексте. Звание Героя Советского Союза получили несколько человек с этой фамилией, поэтому установить, о ком конкретно шла речь, не удалось. Более того, не удалось выявить Селезнёва, получившего звание Героя к началу 1942 г. Возможно, Пронин или стенографистка допустили ошибку.

зная, что сотни квартир закрыты на английский замок и ключи оставлены в домоуправлении. Жулики этим делом широко пользуются»³⁵. Сообщалось о задержании управдома, который создал «шайку» из подростков, занимавшихся кражами из квартир, а сам фабриковал подложные списки на жильцов и получал на них продовольственные карточки³⁶.

Ко времени январского заседания под суд (военный трибунал) попали больше 40 управдомов. Так, управляющего домами Академии Генштаба М.И. Ануфриева приговорили к пяти годам лишения свободы за то, что в октябре—декабре 1941 г. он незаконно проводил обыски в квартирах эвакуированных и проживавших в доме жильцов, изымал и расхищал имущество, вселял посторонних. После прошения о помиловании отбывание наказания отсрочили, и Ануфриева отправили на фронт³⁷. Управдом дома № 1 Хозяйственного управления СНК СССР М.П. Бобков получил десять лет лишения свободы с конфискацией имущества за то, что в конце 1941 — начале 1942 г. незаконно вскрывал пустующие квартиры, выносил из них вещи, вселял обслуживающий персонал дома и нелегально хранил оружие³⁸. В архивах отложилось множество подобных дел.

Однако вскоре ухудшение жилищного кризиса вынудило верховную власть узаконить изъятие «простаивающей жилой площади». 16 февраля 1942 г. СНК СССР разрешил аннулировать права эвакуированных на жильё и передавать их жилплощадь для дальнейшего распределения местным исполкомам. Для жителей Москвы и Ленинграда сделали исключение, сохранив это право при условии ежемесячного внесения 50% от суммы квартплаты из мест эвакуации³⁹. Решение СНК побудило домоуправления перейти к активным действиям: собрав списки должников, управдомы массово подавали в народные суды Москвы иски о выселениях. В большинстве случаев их удовлетворяли. В отчётах Наркомата юстиции РСФСР отмечалось, что в подавляющем большинстве случаев ни домоуправления, ни суд не оповещали об этом эвакуированных. Управдомы ссылались на утрату домовых книг, из-за чего они не имели сведений о местонахождении бывших жильцов. Суды даже не пытались разыскать ответчиков, что представляло собой серьёзное процессуальное нарушение. Наркомюст отмечал, что ситуация с аннулированием прав на жильё сложилась во многом из-за «неясных и запутанных отношений, создавшихся между домоуправлениями и эвакуировавшимися из Москвы»⁴⁰.

По мере возвращения жильцов в суды всех уровней начали поступать иски уже от них⁴¹. В ходе разбирательств нередко обнаруживались мошеннические действия домоуправлений. На время эвакуации предоставлялось несколько возможностей погасить задолженность по квартплате: внести деньги через банк на счёт своего районного жилуправления, отправить их по почте

³⁵ ЦГА Москвы, ф. Р-150, оп. 1, д. 739в, л. 390—391.

³⁶ Москва военная. 1941—1945. Мемуары и архивные документы / Сост. М.М. Горинов и др. М., 1995. С. 549—550.

³⁷ ГА РФ, ф. Р-7863, оп. 6, д. 235, л. 6—7.

³⁸ Там же, оп. 2, д. 21, л. 159 об.—160.

³⁹ Потёмкина М.Н. Конфликтные зоны эвакуации в СССР и способы их преодоления (1941—1945 гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 3. С. 221.

⁴⁰ ГА РФ, ф. А-353, оп. 13, д. 432, л. 382—384, 388—391.

⁴¹ Подробнее о жилищной проблеме эвакуированных москвичей см.: Тюрин В.И. Реевакуация населения в Москву и жилищная проблема // Soviet and Post Soviet review. Vol. 3. 2022. № 49. С. 363—388.

в домоуправление напрямую или передать управдомом через знакомых⁴². Последние два варианта создавали соблазн присвоения денежных средств. Факты такого рода часто вскрывались в ходе расследований, когда эвакуированные предоставляли документы, подтверждавшие выплаты, отправку или передачу средств⁴³. С другой стороны, многие не имели возможности оплачивать коммунальные услуги, поскольку узнавали об этом требовании слишком поздно, испытывали серьёзные финансовые трудности, не могли переслать деньги из-за отсутствия почтовой связи в сельской местности, где проживали⁴⁴. Как следствие, они лишались права на жильё абсолютно законно, хотя, конечно, и пытались это опротестовать.

Московские власти старались найти эффективные средства решения проблемы злоупотреблений на протяжении всех военных лет. По приказу Пронина в 1942 г. организовали подготовительные курсы управдомов. На каждый поток набиралось 100 человек, во время длившегося месяц обучения они получали стипендию 150 руб.⁴⁵ Однако курсы не могли обеспечить домоуправления необходимыми кадрами, и многие продолжали устраиваться на эту должность без подготовки⁴⁶. Также с управляющими домами периодически проводили беседы сотрудники жилуправлений и милиции. Они подчёркивали важность соблюдения законов, паспортного режима и недопущения проживания лиц без прописки⁴⁷. Кроме того, из исполкома в домоуправления присылали уведомления, которые управдомы подписывали, подтверждая, что ознакомлены с ними и осознают всю степень ответственности за ненадлежащее выполнение обязанностей⁴⁸.

К сожалению, эти методы значительно ситуацию не улучшили. 20 января 1944 г. Мосгорисполком вновь обсудил проблему кадров в домоуправлениях. С докладами о состоянии дел выступили представители райкомов партии и жилуправлений. Заместитель председателя Фрунзенского райисполкома по кадрам Юрин выразил основное требование так: «Управдом должен быть человеком проверенным». Но из представленной информации выяснилось, что в условиях острого дефицита кадров управдомами по-прежнему нанимались люди без минимальных проверок, необходимого опыта и даже имевшие судимость. Случалось, что для работы в этой должности привозили людей из других регионов, оформляли им пропуска и прописку, после чего они незаконно получали комнаты, выдавали разрешения на вселение знакомым и другим лицам, а затем увольнялись.

Кандидаты на пост управдома, несомненно, осознавали, какие широкие возможности для обогащения и закрепления в Москве он даёт. В то же время работа была непростой и трудоёмкой, что отчасти объясняет высокий уровень текучки кадров. Так, начальник «центрального жилищного управ-

⁴² ГА РФ, ф. А-353, оп. 13, д. 432, л. 389.

⁴³ Там же, ф. Р-8131, оп. 23, д. 253, л. 32.

⁴⁴ Потёмкина М.Н. Реэвакуация населения СССР в 1943–1947 гг.: социальный и психологический аспекты // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2017. № 41. С. 146.

⁴⁵ ЦГА Москвы, ф. Р-150, оп. 1, д. 739в, л. 138.

⁴⁶ Там же, д. 800, л. 4 об.

⁴⁷ ГА РФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 200, л. 263.

⁴⁸ ЦГА Москвы, ф. Р-150, оп. 1, д. 772, л. 193

ления»⁴⁹ Хачатурян отметил: «Сегодня мало быть просто культурным человеком, чтобы быть управдомом, необходимо, чтобы он был специалистом по всем вопросам: по электричеству, сантехнике, центральному отоплению, водопроводу, подземному хозяйству. Они должны иметь хотя бы какое-то представление об этом». Подводя итог докладом, Пронин добавил: «Плохо, что подбираются слабые кадры, не тех специальностей, но с этим легче справиться, здесь меньше вреда. Хуже, когда подбираются чуждые, враждебные люди». Он привёл примеры, когда управдомами становились лица, приехавшие в Москву из бывших оккупированных территорий. Некоторые из них до этого работали старостами «у немцев» и якобы продолжали заниматься подрывной деятельностью в пользу врага. Пронин приказал жилуправлениям тщательно проверять кадры, требовать характеристики с предыдущих мест работы и прекратить практику перестановки на другие должности дискредитировавших себя сотрудников⁵⁰. Домоуправления стали подвергаться ежегодным ревизиям Мосжилуправления. Оно выявляло широкий круг злоупотреблений: махинации при расчётах за текущий и капитальный ремонт, составление фальшивых актов, подделка подписей, незаконные выплаты, недобросовестное использование рабочей силы. Обнаружение нарушений приводило к увольнению и, нередко, уголовному преследованию⁵¹. Только за 1943 г. уволили 914 управляющих домами — почти 30%, на часть из них завели уголовные дела⁵².

На основании ревизий можно составить социальный портрет сотрудников домоуправлений военной Москвы. На 1 января 1944 г. в жилищном хозяйстве столицы работали 46 752 человека, из которых 3 174 занимали должности управляющих домами. В основном это были женщины (67,7%), на основании чего можно сделать вывод об определённой феминизации кадров в этой сфере в годы войны⁵³. Большинство домоуправлений (60,9%) состояли из одного сотрудника, 27,5% — из двоих (управдома и бухгалтера). Подавляющее большинство из них имели стаж работы менее трёх лет (например, до 1 года — 48%), больше этого срока работали всего 16%. 52,1% управдомов получили лишь начальное образование, 27,4% — среднее, 2,7% — высшее. До занятия поста 20% числились административными работниками, 22% — рабочими, 10% — домохозяйками, остальные имели профессии инженеров, техников, бухгалтеров, педагогов, торговых работников и др. Средний возраст составлял около 40 лет⁵⁴. Некоторым управдомам приходилось совмещать работу в нескольких домоуправлениях⁵⁵, однако в целом вакансию на эту должность заполнить удавалось. Что касается прочих сотрудников, с их набором возникали проблемы. Начальник жилуправления Мосгорисполкома Д.П. Профферансов отмечал дефицит бухгалтеров, кладовщиков, лифтеров, слесарей, кровельщиков, электромонтёров, печников и плотников. Такие рабочие чаще

⁴⁹ Так в тексте. Скорее всего, Хачатурян возглавлял жилуправление одного из центральных районов Москвы — Фрунзенского или Ленинского.

⁵⁰ Там же, д. 800, л. 2–5.

⁵¹ Там же, ф. Р-490, оп. 1, д. 26, л. 5.

⁵² Там же, д. 19, л. 26 об.

⁵³ Будницкий О.В. Мужчины и женщины в Красной армии (1941–1945) // *Cahiers du Monde Russe*. Vol. 52. 2011. № 2–3. С. 408.

⁵⁴ ЦГА Москвы, ф. Р-490, оп. 1, д. 19, л. 26–27.

⁵⁵ Там же, ф. Р-150, оп. 1, д. 739в, л. 98.

всего числились в жилищно-строительных трестах и сотрудничали с несколькими домоуправлениями на договорной основе⁵⁶. Отмечался и недостаток дворников, которым хотели вернуть надзорные функции, выполнявшиеся ими до 1917 г. Прежде всего планировалось обязать их отслеживать лиц, проживавших в Москве без прописки, и сообщать о них в милицию⁵⁷.

Острый дефицит специалистов во многом объяснялся убыточностью большинства домоуправлений. В 1945 г. таких насчитывалось 2 567 из 3 226 (почти 80%), они получали дотацию из бюджета⁵⁸. Причинами данного положения стали резкое снижение поступления квартплаты из-за массовой эвакуации и предоставление льгот военнослужащим и членам их семей⁵⁹. При этом расходы на обслуживание ветшающего жилищного фонда только росли. Нехватка средств приводила к несвоевременным отчислениям в жилуправления за коммунальные услуги, задержке выплат сотрудникам и наёмным рабочим, отсутствию закупок необходимых для ремонта материалов (наблюдался острый дефицит черепицы, арматуры, печей, сантехники и др.⁶⁰). В 1944 г. Профрансов направил В.М. Молотову письмо, в котором сообщил об этих проблемах и просил повысить размер квартплаты. Однако заместитель председателя СНК СССР в ответ лишь согласился пополнить фонд Мосжилуправления из бюджета⁶¹. Видимо, власти сочли повышение несвоевременным, опасаясь усилить недовольство граждан в и без того непростой период войны.

Как уже отмечалось, управдомами чаще всего становились женщины. Правда, к назначению их на руководящие посты относились настороженно. Хачатурян заявлял в Мосгорисполкоме в 1944 г.: «Я хотел назначить одну машинистку на должность. Но мне в райисполкоме сказали, что делать этого не следует. Не знаю почему. У меня есть управдомы — бывшие домохозяйки, раньше нигде не работавшие, и они сейчас работают неплохо»⁶². Вероятно, приём женщин считался вынужденной мерой. Вакансии по возможности старались заполнять мужчинами, в особенности имевшими опыт работы в коммунальной сфере и способными при необходимости самостоятельно провести тяжёлые хозяйственные работы. Всё-таки управдомам приходилось работать в условиях постоянной нехватки средств, ресурсов и необходимых специалистов. При этом на них возлагалась огромная ответственность, а наказания за проступки оказывались суровыми. Интересно, что даже с учётом этого их зарплата оставалась низкой, хотя в годы войны постепенно повышалась⁶³. Нельзя говорить и о том, что должность открывала карьерные перспективы⁶⁴. Эти обстоятельства — одна из ключевых причин не только массовой текучки кадров, но и распространения теневых практик. Они компенсировали недостатки плановой системы и слабую эффективность формальных вза-

⁵⁶ Там же, ф. Р-490, оп. 1, д. 19, л. 27 об., 28 об.

⁵⁷ Москва послевоенная... С. 459

⁵⁸ ЦГА Москвы, ф. Р-490, оп. 1, д. 26, л. 43.

⁵⁹ Там же, д. 19, л. 7.

⁶⁰ Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: документы и материалы / Сост. В.В. Журавлёв, Л.Н. Лазарева. М., 2020. С. 515.

⁶¹ ЦГА Москвы, ф. Р-490, оп. 1, д. 27, л. 1–4, 28 об.

⁶² Там же, ф. Р-150, оп. 1, д. 800, л. 3 об.

⁶³ Там же, ф. Р-490, оп. 1, д. 27, л. 1.

⁶⁴ В документах удалось найти лишь одно упоминание о том, как бывший управдом стала заместителем начальника Бахметьевского райжилуправления (Там же, ф. Р-150, оп. 1, д. 772, л. 72).

имоотношений между гражданами и органами советской власти⁶⁵. И именно в рассматриваемой сфере они приобрели массовый характер, поскольку жильё оказалось в крайнем дефиците.

В делах народных судов и материалах городской прокуратуры встречаются многочисленные сведения о мздоимстве управдомов. Такие дела особенно часто стали заводить уже после войны, в годы кампании борьбы со взяточничеством 1946–1947 гг.⁶⁶ Так, осуждённая в 1947 г. О.В. Маневич в 1941–1946 гг. систематически брала с жильцов взятки в размере от 1 до 7 тыс. руб. (в особо тяжёлые военные годы — продуктами) за предоставление жилой площади, содействие с пропиской и проч.⁶⁷ В другом деле сообщалось, что комендант общежития завода № 70 вступил в преступную связь с начальником жилищно-коммунального отдела завода, вместе с которым вымогал взятки с жильцов⁶⁸. Управдом из Киевского района Соломатина за взятку 3 тыс. руб. помогла с получением паспорта и прописки дважды судимому Н.А. Иванникову, имевшему запрет на проживание в Москве⁶⁹.

Однако чаще управдомы выступали лишь посредниками между жильцами, жилуправлениями и милицией, поскольку не могли самостоятельно оформлять ордера, выдавать прописку и паспорта. При этом они, конечно, имели со взятки процент. Треть осуждённых в 1946–1947 гг. составляли именно сотрудники жилуправлений⁷⁰. Встречаются дела на работников паспортных столов и даже народных судей, которые способствовали решению жилищных дел в пользу взяткодателей⁷¹. Должностные лица получали небольшие сроки — от шести месяцев до двух лет, либо вовсе отделывались условным приговором и исправительными работами. Однако во время кампании сроки часто оказывались выше и приотягачивающих обстоятельствах могли достигать десяти лет⁷². Управдомы обычно получали два–четыре года, сотрудники жилуправлений — до шести лет⁷³.

Впрочем, количество дел даже в годы кампании явно не соответствовало настоящему уровню коррупции. Так, в 1946 г. в Москве за получение взятки задержали лишь 143 человека⁷⁴. Борьба шла без особого энтузиазма — ведомства пытались переложить вину друг на друга — и вскоре оказалась свёрнута⁷⁵. Кроме того, слишком активная работа могла создать невыгодное для власти впечатление всеобщей коррумпированности аппарата⁷⁶.

Усиление власти управдомов в годы войны, их важная роль в распределении жилья, распространение неформальных практик — всё это не могло не влиять на взаимодействие с жильцами. Управдомам по должности приходилось вести с ними постоянную работу; контакты, в отличие от других со-

⁶⁵ Хлевнюк О.В. Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР. М., 2023. С. 11, 127–128.

⁶⁶ Хайнцен Дж. Искусство взятки. Коррупция при Сталине, 1943–1953. М., 2020. С. 162–163.

⁶⁷ ГА РФ, ф. А-461, оп. 8, д. 1307, л. 82.

⁶⁸ Там же, л. 99.

⁶⁹ Там же, д. 1309, л. 49.

⁷⁰ Хайнцен Дж. Искусство взятки... С. 38, 43, 110.

⁷¹ ГА РФ, ф. А-461, оп. 8, д. 1307, л. 2, 32.

⁷² Хайнцен Дж. Искусство взятки... С. 38.

⁷³ ГА РФ, ф. А-461, оп. 8, д. 1307, л. 99.

⁷⁴ Там же, д. 1099, л. 163.

⁷⁵ Хайнцен Дж. Искусство взятки... С. 162–163.

⁷⁶ Хлевнюк О.В. Корпорация самозванцев... С. 130.

ветских органов, носили повседневный, а значит, менее формальный характер. Если отношения не складывались, это могло серьёзно осложнить жизнь квартиросъёмщиков, в крайних случаях доходило даже до заявлений в органы правопорядка. Одно из дел Московский народный суд возбудил после коллективного обращения в милицию жильцов против управдома М.М. Ботарева. В 1945 г. его приговорили к четырём годам лишения свободы за получение взяток от 30 до 200 руб. за незаконные прописки, сборы на ремонт крыши и нелегальную регистрацию сарая⁷⁷. При этом, однако, суд получил и характеристики от других жильцов дома, которые писали о положительных качествах управдома и утверждали, что его оклеветали недовольные соседи, с которыми у него не сложились отношения. Так, Ботарев выгонял из комнаты одной из проживавших мужчин, не прописанных в доме, а с другой жительницы в принудительном порядке взыскал квартплату. Якобы эти случаи и стали причиной клеветнического доноса. В другом надзорном деле прокуратуры сообщалось, что в 1944 г. управдома Ф.И. Ракова по доносу жильцов обвинили в контрреволюционных разговорах. К этому делу также приобщили положительные отзывы других жильцов, согласно которым его оклеветали те, с кем он судился по жилищным вопросам и против кого выступал как свидетель по уголовным делам. В итоге Ракова оправдали⁷⁸.

Архивные документы в большинстве случаев содержат сведения об аномалиях и отклонениях, на которые обращала внимание и с которыми пыталась бороться власть⁷⁹. Как следствие, может сложиться впечатление, что вся работа управдомов в годы войны сводилась только к злоупотреблениям и нарушению закона. Однако наличие упомянутых положительных характеристик от жильцов, а также сведения из источников личного происхождения позволяют говорить о том, что многие управдомы хорошо справлялись с обязанностями, некоторым удавалось установить добрые отношения с жильцами и помогать им в чрезвычайных обстоятельствах военного времени. Именно такой пример находим в воспоминаниях инспектора Управления театров Министерства культуры СССР Л.В. Зотовой. В 1942 г. она с матерью вернулась из эвакуации в Москву: «Не помню, сколько месяцев мы прожили “нелегально”. Но надо было как-то легализоваться. И здесь нам на помощь пришла наш управдом Клавдия Семёновна... [Она] научила маму, что ей надо сказать в милиции, чтобы её прописали. Не помню, что именно она сказала, но маму действительно сразу прописали, и мы получили продуктовые и хлебные карточки. Кроме того, она устроила для мамы кое-какой заработок. Вообще, Клавдия Семёновна была необыкновенно добрым и отзывчивым человеком. Я помню, что она выручила нас и тогда, когда мама потеряла хлебные карточки... И помогала она не нам одним. Я помню её крупную фигуру, открытое русское лицо, которое светилось добротой. Как мне хотелось хоть чем-то её отблагодарить! И я вышла маленький коврик, который она повесила у кровати своего ребёнка»⁸⁰.

⁷⁷ ЦГА Москвы, ф. 901, оп. 1, д. 571, л. 73, 80, 120 об.—121.

⁷⁸ ГА РФ, ф. Р-2842, оп. 2, д. 4801, л. 8.

⁷⁹ Дюфо Г. Дисфункция советской системы в зеркале архивов // Как мы пишем историю? М., 2013. С. 236.

⁸⁰ Зотова Л.В. Воспоминания // Электронный корпус дневников «Прожито» (URL: <https://corpus.prozhito.org/note/710673>).

В целом централизация жилищной сферы накануне войны не привела к ожидаемым результатам. Состояние жилого фонда ухудшалось, а усиление власти домоуправлений лишь создавало больше предпосылок для злоупотреблений. Во время войны в домоуправлениях шли фактически те же процессы, что и на более высоких уровнях власти: децентрализация, распространение теневых способов решения широкого круга вопросов, работа в условиях острой нехватки ресурсов и постоянной текучки кадров. На должность приходилось назначать непроверенных и некомпетентных людей, происходила феминизация сферы. Это не вполне устраивало власть, поскольку работа требовала больших физических сил. Её характеризовали низкая оплата труда и высокая степень ответственности. Впрочем, управдомы, находясь в постоянном контакте с жильцами, могли помогать им в решении насущных проблем.

Исследование работы домоуправлений также показывает, что решение жилищной проблемы не входило в круг первоочередных задач власти, которая сосредоточила внимание на боевых действиях и «оборонке». Дальнейшее изучение этой темы позволит не только глубже исследовать городскую повседневность в чрезвычайных обстоятельствах, но и более пристально рассмотреть механизмы социально-политического управления, вопросы иерархии власти и пределы её централизации и децентрализации, роли неформального сектора в советской системе, а также другие социально-политические и экономические аспекты сталинизма.

Война и футбол: организационные и социальные проблемы профессионального спорта

Александр Куприянов

War and football: organizational and social problems of professional sport

Aleksandr Kupriyanov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X25030083, EDN: FKQBVR

В обилии публикаций о футболе в годы Великой Отечественной войны научные исследования играют более чем скромную роль¹. Социальные и организационные проблемы этого вида спорта в годы войны, их преодоление в первые послевоенные годы ещё не привлекли к себе должного внимания профессиональных историков. Им и посвящена данная статья.

Перестройка футбольной жизни. Начало Великой Отечественной войны прервало чемпионат СССР по футболу, который, согласно официальной информации ТАСС, оказался «отложен»². Всесоюзный комитет по физической культуре и спорту при СНК СССР (Спорткомитет) приказом № 193 от 2 июля 1941 г. распустил команды мастеров³. Одни спортсмены ушли на фронт добровольцами (как, например, почти весь состав ленинградского «Спартака» во главе с тренером П.В. Батыревым), других призвали на службу в армию, на флот и в НКВД. Многие футболисты получили бронь и стали инструкторами, обучавшими военному делу будущих бойцов, или работали на заводах и фабриках. Наконец, некоторая часть оказалась на оккупированной территории.

Но зачастую и у тех, кто остался в тылу, выбора фактически не было. «В первые дни войны, мы, футболисты ЦДКА, не беспокоились о своей судьбе, справедливо полагая, что нас вот-вот направят в действующую армию. Но время шло, начальство хранило молчание, и в команде началось брожение; как же так, враг рвётся вглубь страны, наши сверстники проливают кровь, сражаясь за Родину, а мы, закалённые спортом бойцы, бездействуем в тылу. Ну, разве это справедливо? Не сговариваясь друг с другом, писали рапорты с просьбами, а потом и с требованиями отправить нас на фронт. Тогда руководители Центрального Дома Красной Армии, в адрес которых изливался весь наш гнев, вынуждены были объяснять, что где-то там “наверху”, принято решение непременно сохранить кадры лучших футболистов... Приказы, как известно, не

© 2025 г. А.И. Куприянов

¹ Дунаевский А., Румянцев С. Блокадный футбол: история легендарных матчей. М.; СПб., 2020; Футбол. Война. Холокост. Документы, свидетельства, фотографии / Под ред. И.А. Альтмана, А.Е. Гербер. М., 2024. Необходимо отметить серию написанных на основе архивных материалов статей историка футбола и спортивного журналиста А. Вартаняна «Футбол в годы войны» (Спорт-экспресс. 2006. 24 ноября, 8 декабря, 22 декабря; 2007. 2 февраля, 16 февраля, 2 марта, 16 марта, 30 марта).

² Физкультурники — резерв Красной армии // Красный спорт. 1941. 1 июля.

³ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 1, д. 415, л. 144.

оспариваются, а выполняются», — рассказывал известный футболист и тренер полковник В.А. Николаев⁴.

РККА отступала с тяжёлыми боями, поэтому главным направлением работы Спорткомитета стала подготовка молодёжи к выполнению боевых задач. Всесоюзные, республиканские, краевые и областные турниры были отменены⁵, но проводились соревнования на городском и районном уровнях. Самыми заметными спортивными событиями после начала войны стали футбольные состязания: кубок (20 июля — 31 августа) и первенство Москвы, в котором участвовали все сильнейшие команды (включая ЦДКА и «Локомотив»). На 19 октября запланировали последний матч, в котором за звание чемпиона должны были сразиться «Динамо» и «Торпедо», однако из-за приближения вражеских войск к столице он не состоялся.

Известный футболист и тренер М.И. Якушин вспоминал: «Трудовая Москва, да и вся страна в целом, нуждались в передышках, в разрядках от напряжённой мобилизованности, в демонстрации уверенности в своей победе. И нам, футболистам, дали указание, чтобы мы продолжали играть, внушая населению уверенность в завтрашнем дне, спокойствие в сегодняшнем, борясь тем самым, как тогда говорили, с паническими настроениями... Однако доиграть чемпионат не удалось. К началу октября немцы были уже под Можайском, и в Москве с 16 октября было введено осадное положение. Да и зима в тот год выдалась ранняя и злая... стоял довольно крепкий мороз. Поэтому о футболе уже не могло быть и речи»⁶. Следует отметить, что ссылка на погоду ошибочна. Среднесуточная температура в тот день держалась на уровне $-0,3^{\circ}\text{C}$ ⁷, а мороз установился лишь в ноябре. Подлинной причиной отмены последнего тура чемпионата явилось приближение немцев, вызвавшее знаменитую панику 15–17 октября⁸ и приведшее к введению в городе 20 октября осадного положения⁹.

Успехи Красной армии в битве под Москвой разрядили обстановку. 23 января 1942 г. заместитель председателя Спорткомитета К.А. Андрианов направил в ЦС «Динамо», ЦС «Спартак», ВЦСПС и начальнику Управления горной, лыжной и физической подготовки РККА запрос о возможности участия их команд в чемпионате и кубке СССР по футболу. Получив положительные ответы от всех адресатов, председатель комитета В.В. Снегов 31 марта просил заместителя председателя СНК СССР Р.С. Землячку санкционировать проведение первенства. Рассматривая его как «неотъемлемое звено культурной жизни нашей советской страны», он считал, что чемпионат должен проводиться и в дни войны. Предложение выглядело вполне логично в свете того, что по-прежнему работали кинотеатры и концертные залы, театры и цирки. Приводился и аргумент внешнеполитического характера — указание на другие стра-

⁴ Николаев В. Я — из ЦДКА! [Б.м.], 1995. С. 21.

⁵ Физкультурники — резерв Красной армии.

⁶ Цит. по: *Добронравов И.С.* На бессрочной службе футболу. Факты и цифры из биографии команды «Динамо» Москва. М., 2000. С. 38.

⁷ Погода в Москве. Температура воздуха и осадки. Октябрь 1941 г. // Справочно-информационный портал «Погода и климат» (URL: <http://www.pogodaiklimat.ru/monitor.php?id=27612&month=10&year=1941>).

⁸ Подробнее см.: *Аксютин Ю.В.* Победа ещё впереди. 16 октября 1941 года в Москве // Свободная мысль. 2016. № 5. С. 107–120.

⁹ Постановление ГКО № 813 «О введении в Москве и прилегающих к городу районах осадного положения» // Правда. 1941. 20 октября.

ны, в частности, Англию, в которой «интенсивная спортивная деятельность не прекращается». Внутрисоюзные турниры рассматривались Спорткомитетом не только как популярное зрелище для советских граждан, но и как подготовка к послевоенным международным состязаниям: «Учитывая огромный вес и популярность Советского Союза за рубежом, а также возможные спортивные встречи в странах Англии, Америки, необходимо спортивные кадры готовить к этому сейчас»¹⁰. Иными словами, Снегов видел серьёзный потенциал футбола для спортивной дипломатии.

Спорткомитет после битвы за Москву оценивал положение дел слишком оптимистично. В верхах смотрели на ход событий без эйфории, поэтому предложение поддержки не получило. Однако вдохновлённые намерениями комитета ведущие футбольные команды страны, которым удалось сохранить «костяк» состава, приступили к тренировкам. На их время футболисты освобождались от работы и службы, что встретило определённое недовольство в структурах власти, и с этими настроениями Спорткомитету пришлось считаться. 29 марта 1942 г. Снегов «согласно договорённости» направил исполняющему обязанности наркома госконтроля В.Ф. Попову и начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову списки футбольных команд мастеров, участвовавших в чемпионате СССР 1941 г. (за исключением «динамовцев» Ленинграда и Тбилиси, а также футболистов сталинградского «Трактора», о которых комитет не располагал точными сведениями), с целью проверки фактической работы спортсменов на предприятиях, в органах НКВД и Красной армии. По результатам проверки Александров и его заместитель П.Н. Федосеев 21 июля доложили секретарям ЦК А.А. Андрееву, Г.М. Маленкову и А.С. Щербакову, что в начале войны мастерам футбола рекомендовалось поступить для работы на предприятия, но это зачисление оказалось фиктивным¹¹. В действительности о фиктивной занятости футболистов можно говорить лишь с весны 1942 г., да и то применительно далеко не ко всем командам.

15 февраля 1944 г. в редакции «Комсомольской правды» состоялось совещание, в котором участвовали мастера футбола, тренеры, судьи, руководители физкультурных организаций. О нём газета уведомила читателей крохотной информацией. «Пути развития советского футбола»¹² — так назывался доклад заместителя председателя секции футбола при Спорткомитете и футбольного тренера капитана М.Д. Товаровского. Период 1941–1942 гг. он описал как «разброд, перегруппировку, отсев», констатируя, что часть команд прекратила существование. В то же время появились новые на заводах и в армии: «“Полу-освобождённые” команды по примеру команд мастеров, где футболисты летом меньше работали и больше играли в футбол»¹³.

Следует пояснить эту фразу. В середине 1930-х гг. официально закрепилось понятие «показательные команды мастеров». Первая лексическая единица быстро пропала и в обиходе употреблялось словосочетание «команды мастеров» — эвфемизм, означавший коллектив профессиональных спортсменов в игровых видах спорта. В различных документах и устных выступлениях высокопостав-

¹⁰ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 1, д. 436, л. 1–2.

¹¹ Куприянов А.И. Спорт в годы Великой Отечественной войны // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2025. № 1. С. 143–144.

¹² Комсомольская правда. 1944. 16 февраля.

¹³ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 1, д. 472, л. 2.

ленных руководителей, управленцев среднего звена, спортивных функционеров их ещё называли «платными», «освобождёнными» командами, а в 1942 г. Александров и Федосеев прямо именовали их «профессиональными»¹⁴. Термин «профессионалы» использовал и управляющий делами СНК СССР Я.Е. Чадаев. Однако *de jure* такие команды находились в «теневой» зоне, из которой вышли лишь незадолго до войны, 11 марта 1941 г., когда СНК СССР официально определил штаты и установил ставки заработной платы для игроков и тренеров (речь шла именно о зарплатах, а не о «дотациях» или «стипендиях»). Все прочие «доплаты и дотации» рассматривались как незаконное повышение зарплаты и категорически запрещались.

Социальные проблемы и стратегии выживания футболистов. Весну 1942 г. команды-участницы незавершённого чемпионата СССР 1941 г. встретили по-разному. Игроки команд ВЦСПС «Профсоюзы I» и «Профсоюзы II» разбредлись по прежним и новым клубам. Фактически прекратили существование украинские «Стахановец» (Сталино), «Динамо» (Киев), «Спартак» (Одесса), «Спартак» (Харьков), почти в полном составе ушедшие на фронт. Такая же ситуация сложилась и в сталинградском «Тракторе», одну часть которого командировали на Челябинский танковый завод, а другая в рядах армии и НКВД защищала родной город.

Наиболее укомплектованными оказались коллективы московского «Динамо» и ЦДКА, располагавшие возможностями для привлечения ведущих мастеров. «Динамовцев» зачислили в войска НКВД: по данным Спорткомитета, в столице служили 112 человек, в том числе из Минска (они участвовали в весеннем чемпионате Москвы 1942 г. как команда одной из воинских частей). Летом 1942 г. командование 2–3 раза в неделю освобождало их для тренировок¹⁵. Сохранило основу и тбилисское «Динамо», которое не затронула ни одна из проверок по государственной и партийной линии. Часть футболистов «Красной армии» (под таким названием ЦДКА участвовал в первенстве 1941 г.) несла гарнизонную службу, но большинство «армейцев» стали слушателями военного факультета Государственного центрального института физической культуры им. Сталина с ускоренным курсом обучения¹⁶.

В сложном положении оказалась команда московского «Торпедо». Семь игроков работали на «ЗИСе» (автомобильный завод им. Сталина), 15 остальных осенью 1941 г. эвакуировали вместе с частью цехов завода в Шадринск (тогда — Челябинская обл.). Наличие такого значительного числа футболистов позволяло проводить тренировочные занятия, но город не располагал необходимыми для этого условиями. Более того, в связи с прибытием нескольких крупных заводов и населения в нём (как и в большинстве других городов Урала и Сибири) начались серьёзные социальные и коммунальные проблемы, прежде всего связанные с размещением людей и работой городских электросетей. Так, в декабре 1941 г. для основной жилой площади ввели норматив 3 кв. м на человека, запретили использование бытовых электронагревательных приборов в часы пиковой нагрузки, установили график подачи электроэнергии даже на предприятия¹⁷. После инициативы Спорткомитета о проведении футбольного

¹⁴ РГАНИ, ф. 5, оп. 6, д. 110, л. 56.

¹⁵ Там же, л. 57–58.

¹⁶ Николаев В. Я — из ЦДКА! С. 22.

¹⁷ Государственный архив в г. Шадринске, ф. Р-647, оп. 6, д. 17, л. 223, 238, 257.

чемпионата «торпедовцы» вернулись в Москву, 2–3 раза в неделю их отпускали для тренировок и игр на первенство и кубок города¹⁸.

Хуже всего пришлось ленинградскому футболу. 20 мая 1942 г. заведующий военным отделом Ленинградского горкома А.Ф. Павлов в записке на имя секретарей горкома А.А. Кузнецова и Я.Ф. Капустина обосновывал необходимость восстановления команд мастеров в связи с вероятным розыгрышем первенства СССР: «В ВЦСПС имеется проект решения, московские команды усиленно тренируются». Данный уникальный документ, обнаруженный историком К.А. Болдовским, свидетельствует, что руководство города придавало чемпионату СССР большое значение: «Отсутствие Ленинграда в этом розыгрыше политически было бы неправильным»¹⁹. Однако ситуация сложилась острая: «Команда общества “Спартак” сражается на фронте. Из команды “Динамо” погибли в боях мастера Сычёв П., Уничкин Н., Шапковский А. Из команды “Зенит” убит на фронте Шелагин»²⁰. 10 игроков «Зенита» находились в Казани, 8 – в Ленинграде, где работали на различных предприятиях. Павлов считал, что они могли быть «безболезненно» освобождены от работы и направлены в Казань – «к месту сбора тренировки команды»²¹. Одна часть «Динамо» защищала город и поддерживала в составе НКВД закон и порядок на его улицах, другую эвакуировали в Казань, где из ленинградских и киевских «динамовцев» сформировали новый коллектив. По решению Военного совета фронта и партийного руководства города «Динамо» решили воссоздать из оставшихся футболистов, и в мае 1942 г. прошёл первый товарищеский матч²², ставший легендой блокадного Ленинграда. В связи с возможным проведением чемпионата Павлов предложил объединить в единый коллектив блокадную и казанскую части команды. Для этого требовалось перевести мастеров футбола из армии в части НКВД, а затем распоряжением начальника управления НКВД Ленинграда и Ленинградской обл. П.Н. Кубаткина командировать их в Казань. «Если розыгрыш первенства... не будет проводиться, сосредоточие мастеров в г. Казани и тренировка в товарищеских встречах дадут возможность сохранить Ленинграду две команды мастеров»²³.

Футболисты ленинградского «Зенита» сменили казанскую прописку на подмосковную, обосновавшись в посёлке Болшево (артиллерийский завод № 88), когда в 1943 г. приняли участие в чемпионате Москвы. Команду усилили некоторые бывшие игроки московского «Спартака»²⁴, который весной 1942 г. оказался на грани выживания. Ослабленный организационно арестом братьев Старостиных и едва ли не худшими по сравнению с конкурентами условия-

¹⁸ РГАНИ, ф. 5, оп. 6, д. 110, л. 57.

¹⁹ Об участии гор. Ленинграда в розыгрыше первенства СССР по футболу // Дунаевский А., Румянцев С. Блокадный футбол... С. 216–217.

²⁰ На самом деле к тому времени погиб Борис Шелагин, игравший в «Динамо». Его брат Евгений из команды «Зенит» погиб в декабре 1942 г.

²¹ Об участии гор. Ленинграда... С. 216.

²² См.: Дунаевский А., Румянцев С. Блокадный футбол... С. 123–136.

²³ Об участии гор. Ленинграда... С. 217.

²⁴ Догановский Д. «Зенит» в годы войны. Часть 2 – год 1942-й // История «Зенита» (URL: <https://zenit-history.ru/istoriya/466-zenit-v-gody-voyny/4875-zenit-v-gody-voyny-chast-2-god-1942-j>); Догановский Д. «Зенит» в годы войны. Часть 3 – год 1943-й // История «Зенита» (URL: <https://zenit-history.ru/istoriya/466-zenit-v-gody-voyny/4876-zenit-v-gody-voyny-chast-3-god-1943-j>).

ми подготовки²⁵, он мог потерять всех ведущих игроков, которых пытались переманить льготами и обеспечением («питание, бронь и т.п.») добровольное спортивное общество «Пищевик», созданное Наркоматом пищевой промышленности СССР. 8 апреля 1942 г. девять «спартаковцев» прибыли для переговоров о переходе к главе ведомства В.П. Зотову. Они прошли, по сообщению Ф.А. Сидорова, в один день, имели многоступенчатый характер. Сначала футболистов принял начальник штаба ПВО наркомата Рыжов²⁶, затем заместитель наркома Н.И. Пронин, а приём открыл инженер П.Т. Артемьев²⁷, заявивший, «что “Спартак” — это “Пищевик” и что в настоящее время команда вполне закономерно, как заблудившийся сын, возвращается в отчий дом».

Наконец, к переговорам подключился Зотов. Младший брат Артемьева Сергей от имени «спартаковцев» заявил ему: «Продаваться в одиночку мы не намерены. Пришли к вам, как к отцу родному, за защитой и желанием узнать на каких условиях может быть оформлен перевод всей команды в общество “Пищевик”». Нарком обещал оформление и предоставление брони от военной службы в двухдневный срок и решение вопроса с питанием не только для футболистов, но и членов их семей. В ходе обсуждения условий содержания в кабинете одного из заместителей наркома, «за чашкой чая с лимоном», игрокам обещали командировки «для тренировок и отдыха» вместе с семьями в свиноводческий совхоз. В условиях острой нехватки продовольствия это звучало как весомый аргумент. Однако, судя по обилию подробностей произошедшего, кто-то из участвовавших в переговорах передумал и рассказал обо всём начальству «Спартак». Это позволило руководству команды оперативно обратиться с жалобой в Спорткомитет и более авторитетные инстанции. Зотова и руководство «Пищевика» обвинили в непонимании опасности «политических результатов ликвидации футбольной команды “Спартак” как коллектива, имеющего мировую известность и не могущего быть удалённым с футбольного поля в результате “запродажи” на буржуазный манер»²⁸.

Данный эпизод существенно расширяет наши представления о повседневности футболистов в условиях войны. Разумеется, ни о какой «запродаже», когда профессиональный клуб продавался или переходил бесплатно к новому владельцу, говорить не приходится. Напротив, имела место теневая практика — «меценатство» руководителей ведомств и крупных предприятий (иначе говоря, переманивание спортсменов обещанием лучших материальных условий)²⁹. Она характерна именно для СССР, а после Второй мировой войны — и для других стран «народной демократии», где отношения между спортсменом и работодателем не регулировались договорными отношениями.

²⁵ Согласно решению Комиссии при СНК СССР по освобождению и отсрочкам от призыва по мобилизации бронь имели лишь 11 футболистов «Спартак», плачевным было и снабжение продуктами питания (ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 1, д. 436, л. 3, 10).

²⁶ Вероятно, И.А. Рыжов — тренер «Пищевика», в 1936–1937 гг. вратарь московского «Спартак».

²⁷ Он происходил из футбольной династии братьев Артемьевых, успешно игравших за московские клубы ещё с 1910-х гг. (Елагин А.В., Ерёмин Д.А., Петров В.С., Шкурин А.П., Яковлев В.А. Футбол. Энциклопедия. Т. 1. М., 2012. С. 162–163).

²⁸ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 1, д. 436, л. 4.

²⁹ Подробнее см.: Прокуменищikov М.Ю. «Меценатство» и другие «нездоровые явления» как неотъемлемая часть советского спорта // Куприянов А.И., Зубкова Е.Ю., Мухаматуллин Т.А., Прокуменищikov М.Ю. Советский спорт в контекстах холодной войны. М., 2023. С. 185–215.

Тем не менее конфликт «Спартака» и «Пищевика» нетипичен. Прежде из одного клуба в другой «перебегали» в индивидуальном порядке. Здесь же налицо попытка перехода всего основного состава. Она объясняется суровыми условиями военного времени и организационными проблемами конкретной команды, демонстрирует сплочённость футболистов и их стремление сохранить её костяк. Можно говорить о наличии профессионального отношения к занятиям спортом и поисках рационального выхода из неблагоприятной социальной ситуации. Идеологизированные понятия — «честь флага», «верность коллективу» — уступили место прагматическому подходу, когда во главу угла выдвинулись вопросы выживания спортсменов и их семей, а также поддержания спортивной квалификации на должном уровне.

Поворот в истории футбола военных лет. 1943 г., обозначив коренной перелом в ходе войны, стал поворотным и в истории советского футбола. Символической точкой отсчёта можно считать «матч на руинах Сталинграда» 2 мая. Встреча местного «Динамо» и московского «Спартака» оказалась не просто спортивной игрой, но знаковым событием — свидетельством начала возрождения героического города. После этого матча вслед за Красной армией футбол начал возвращаться в освобождённые города. О встрече двух воинских частей в Орле писали так: «Ещё вдаль слышится грохот орудий, а спортивная жизнь уже вступает в свои права. Первым большим соревнованием здесь был футбольный матч. 25 августа городской стадион “Динамо” был переполнен орловцами. Играли три духовых оркестра... Почти половина игроков награждена боевыми орденами. В том матче москвичи победили со счётом 5:2. Но состоявшемуся празднику радовались все: и победители, и побеждённые, а главное — зрители, воспрявшие духом после долгих месяцев оккупации. *Футбол, пришедший из мирной жизни, лучше всяких слов утверждал в сознании каждого мысль о неизбежности победы, о счастливом завтрашнем дне* (курсив мой. — А.К.)»³⁰.

Началось возрождение футбола и как профессионального (хотя пока что и неофициально) спорта. Как отмечал Товаровский, команды мастеров возобновляли работу «под всяческими предлогами»³¹. Проведение чемпионата Советского Союза руководство страны справедливо сочло преждевременным: значительная часть территории СССР ещё не была освобождена. Однако в тыловых районах уже проводились первенства городов. Весной 1942 г. таковое прошло в Москве. В Ленинграде после снятия блокады началось возрождение массового любительского футбола. С 4 июля по 31 октября 1943 г. прошёл чемпионат города, участие в котором приняли 20 команд, состоялись также розыгрыш кубка (16 команд) и юношеское первенство, оспаривавшееся восемью коллективами³².

Вдохновлённый успехами армии, Спорткомитет совместно с ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ в конце 1943 г. обратился к руководству страны с просьбой о проведении в 1944 г. первенства СССР и «Кубка СССР» по футболу. Предложение получило одобрение³³, однако вскоре власть пошла на попятную, одобрив лишь новое ходатайство Снегова (19 июня 1944 г.) о розыгрыше «Кубка» страны³⁴.

³⁰ Первый матч в освобождённом Орле // Красный спорт. 1943. 31 августа.

³¹ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 1, д. 472, л. 2.

³² Дунаевский А., Румянцев С. Блокадный футбол... С. 353–378.

³³ ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 2, д. 94, л. 427.

³⁴ Там же, д. 104, л. 198.

В целях сокращения переездов первенство планировали провести в один круг: в Москве, Горьком, Сталинграде, Казани, Куйбышеве, а также частях действующей и резервной армии. Если формат состязаний вопросов не вызвал, то предложение об играх в частях действующих армий выглядело авантюрно. Вероятно, руководство Спорткомитета подвигли на него выступления фронтовых бригад артистов и музыкантов. Однако проведение футбольного матча — мероприятие организационно значительно более сложное и одновременно более опасное для всех участников. Впрочем, как известно, в экстремальные времена люди привыкают к опасности, страх отступает, уступая место зрелищам и развлечениям, дающим необходимую эмоциональную разрядку. Второй большой проблемой оказалась низкая вероятность найти в прифронтовой полосе стадионы, где бы сохранились футбольные поля и трибуны для зрителей. Между тем Спорткомитет заявил, что проектируемые соревнования «обслужат» свыше 3 млн болельщиков. Более того, чемпионат планировалось провести «на началах самоокупаемости»³⁵. Учитывая, что даже по итогам 1947 г. — третьего послевоенного футбольного сезона — рентабельностью могли похвастаться лишь пять команд³⁶, такие финансовые планы были явно невыполнимы.

Тем временем ситуация менялась. Если в годы войны футбол выступал не столько состязанием и развлечением, как ранее, сколько символом мужества и несгибаемости советских людей и одновременно прологом скорого возвращения к мирной жизни, то начиная с летнего сезона 1944 г. рос интерес к этому виду спорта как к зрелищу. Очевидно, это объяснялось успехами на фронте, и особенно отчётливо прослеживалось в Москве. Стадионы, на которых проводились матчи чемпионата столицы, в дни ключевых игр уже не вмещали всех желающих. Тогда 29 мая распоряжением СНК СССР Мосгорисполком получил разрешение открыть центральный стадион «Динамо» для проведения массовых спортивных соревнований с допуском до 15 тыс. зрителей³⁷. Однако уже через две недели стало ясно, что количество мест необходимо увеличить. 16 июня заместитель председателя правительства К.Е. Ворошилов подписал новое распоряжение «О разрешении Мосгорисполкому увеличить количество билетов, продаваемых на центральный стадион “Динамо”, с 15 до 30 тысяч билетов»³⁸. В связи с празднованием 16 июля дня физкультурника по довоенному образцу (с парадом физкультурников, выступлениями гимнастов, соревнованиями легкоатлетов и футбольным матчем «Торпедо» (Москва) — «Динамо» (Тбилиси)) на стадион решили допустить 60 тыс. зрителей³⁹.

Дирекция стадиона и московская милиция смогли успешно организовать это массовое мероприятие. До отказа заполненные трибуны свидетельствовали об огромном интересе к футболу. Учитывая ажиотажный спрос на билеты, накануне финала кубка, 21 августа, последовало распоряжение СНК СССР, разрешившее в дни проведения матчей допуск на стадион 60 тыс. зрителей⁴⁰. 27 августа, на финальной игре «Кубка» между ЦДКА и «Зенитом», трибуны оказались переполнены; по оценкам современников, их заполнили 70–80 тыс. человек⁴¹.

³⁵ Там же, ф. Р-7576, оп. 1, д. 493, л. 7.

³⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 643, л. 123.

³⁷ ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 2, д. 100, л. 31.

³⁸ Там же, д. 101, л. 424.

³⁹ Там же, д. 103, л. 227.

⁴⁰ Там же, д. 107, л. 231.

⁴¹ Вечерняя Москва. 1944. 28 августа; Красный спорт. 1944. 29 августа.

«Вчера был футбол — многотысячная толпа сходила с ума, будто нет войны», — записала писательница И.И. Эренбург⁴².

Задачи предстоящего футбольного сезона прозвучали ещё в феврале 1944 г. на совещании мастеров футбола с редакцией «Комсомольской правды». Говорилось о необходимости «дать хорошее спортивное зрелище, заполняющее досуг трудящихся», и «служить образцом для детских и юношеских команд». Для этого, по мнению Товаровского, требовалось освободить футболистов от «мифической работы»: «Последние два года игроки числятся работающими, но они не работают. Куда более честно освободить их и сказать: “Ваша основная обязанность показывать хорошие образцы футбола”». Выступление он завершил так: «Вернутся победители, и лучшим ответом на вопрос, что ты сделал во время войны, должен быть показ футбола высокого класса, прославляющего мощь и силу Советского Союза». Наряду с футболистами на совещании присутствовали и активно участвовали в нём некоторые работники творческих профессий. Так, режиссёр М.С. Донской, первым взявший слово в дискуссии, заявил: «Великая держава должна иметь великий футбол»⁴³. Он не только поддержал призыв Товаровского к повышению класса отечественного футбола без всяких скидок на войну, но и призвал вывести его на самый высокий мировой уровень.

Далее, впрочем, «торпедовец» В.А. Маслов вернул дискуссию «с небес на землю». Он поднял вопрос о создании необходимых материальных условий для футболистов команд мастеров. Игроки «Торпедо», по его уверению, работают по 8 часов, в то время как другие заводчане трудятся по 11–12 часов в две смены. Однако за 8-часовой рабочий день с повременной оплатой они имеют 429 руб. в месяц, на которые могут лишь выкупить паёк. С 1 января спортсмены должны получать дотации (по 1 200 руб.), но деньги перечисляют не во всех организациях. Они не обеспечены формой, что ведёт к снижению культуры, хотя «мы можем команду мастеров приодеть». Волновали не только материальные условия. Ветеран армейского футбола К.П. Ляковский говорил о наболевшем — статусе игрока: «Я лично считаю, что футбол — это всё же не только массовое воспитание советских людей как спортсменов, как бойцов Красной армии, а... какое-то искусство, и большое искусство. А футболиста я считаю артистом. А все мы существуем на нелегальном положении... Почему так бояться этого слова “футболист”? Наши мастера спорта гордятся тем, что они футболисты, и нужно, чтобы это все поняли. Наряду с артистами у нас существуют футболисты, которые представляют другую отрасль искусства и физическую подготовку всего нашего народа»⁴⁴. В высоких кабинетах такой взгляд не разделяли, но среди людей, заполнявших трибуны стадионов, у Ляковского нашлось немало единомышленников.

Начиная с 1942 г. в тылу постепенно возобновились практики проведения товарищеских игр между столичными командами мастеров и футбольными коллективами провинциальных городов. Спортивное руководство стремилось контролировать этот процесс, требуя, чтобы команды выезжали в другие города лишь с разрешения Спорткомитета. Бесконтрольные игры вызывали недовольство тем, что средства, полученные от реализации билетов, делились

⁴² Эренбург И.И. Я видела детство и юность XX века. М., 2011. С. 295.

⁴³ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 1, д. 472, л. 3, 6, 9, 12.

⁴⁴ Там же, л. 32, 44.

между местными организаторами и командами мастеров и их руководителями. В итоге 31 мая 1944 г. Спорткомитет их запретил. Средства от сборов по календарным и товарищеским играм требовалось перечислять на счёт центрального совета ДСО или руководящего органа ведомства, финансировавшего команду.

Однако это предписание соблюдалось далеко не всегда. Так, Спорткомитет узнал о разделе 212 тыс. руб., полученных по итогам товарищеских игр московского «Спартака» в Молотове и Свердловске, между руководителями и игроками команды, и подверг их различным санкциям (приказ 10 ноября 1944 г.). В отношении тренеров и футболистов они имели главным образом моральный характер (лишение званий «заслуженный мастер спорта» и «мастер спорта», воспитательные беседы), но нескольких спортсменов дисквалифицировали, а организаторов «левых» игр ждало уголовное преследование. Аналогичное нарушение обнаружили и в московском «Локомотиве». Ворошилов, ознакомившись с финансовыми нарушениями в этих командах, 25 ноября указал Снегову: «Представьте соображения о мерах, кои следует принять в целях предупреждения этих ненормальных и губящих хороших людей фактов». В Спорткомитете, который по мере сил вёл борьбу с нарушениями финансовой дисциплины, также остались весьма недовольны отпуском футболистам «Спартака» средств на «дополнительное питание» (198 тыс. руб. за пять месяцев 1944 г.), в том числе ужины в ресторане⁴⁵. Последняя претензия в условиях войны, когда игроки фактически нигде больше не могли получить необходимое количество белковой пищи, являлась, по сути, необоснованной.

Преодоление последствий войны. Интерес зрителей к матчам способствовал решению некоторых социальных проблем, накопившихся за годы войны в футбольном хозяйстве. Из армии отзывались футболисты, тренеры, опытные работники физкультуры с довоенным стажем. Шло, хотя и не без труда, восстановление стадионов. Вопреки всем проблемам, с приближением окончания войны спортивная жизнь набирала обороты. 7 февраля 1945 г. председатель Спорткомитета обратился с новой просьбой о проведении чемпионата СССР по футболу — теперь уже к Маленкову. С разрешением верховная власть не спешила, но 1 мая газета «Красный спорт» всё же уведомила читателей о стартовавшем 13 мая первенстве. В розыгрыше звания чемпиона участвовали 12 команд, половина которых — из Москвы. Московские же клубы — «Динамо», ЦДКА и «Торпедо» — оказались и во главе турнирной таблицы.

Символично, что первый послевоенный чемпионат начался в первый воскресный день после капитуляции Германии и празднования 9 мая Дня Победы. Чем в 1945 г. был этот вид спорта для москвичей? «Футбол был свободой самовыражения. Футбол был началом мира. Футбол был праздником. Праздником всех и для всех, что отличало его от организованных торжеств и официальных юбилеев. Те были вывеской Москвы. Футбол был её жизнью»⁴⁶. Такая оценка во многом справедлива и для пережившего блокаду Ленинграда, возрождавшихся из руин Сталинграда, Киева и Минска, тылового Тбилиси — городов, где кипели страсти первого послевоенного сезона.

Однако возобновление спортивной жизни не решило большинства проблем футбола. Усилия Спорткомитета вернуть игрокам команд мастеров их прежний статус наталкивались на сопротивление министерств государственно-

⁴⁵ Там же, д. 493, л. 61–63.

⁴⁶ История Москвы с древнейших времён до наших дней. В 3 т. Т. 3. М., 2000. С. 255.

го контроля, финансов и некоторых других, решения которых в 1945–1946 гг. порой препятствовали возрождению спорта высших достижений. Война отбросила профессионализацию футбола на уровень первой половины 1930-х гг., когда он находился в «теневой» зоне, но и после Победы ситуация изменилась не сразу. Восстановительный период в основном завершился к концу 1940-х гг. Символической вехой на этом пути стало постановление Совета министров СССР 2 июля 1947 г., вернувшее мастерам футбола их профессиональный статус — непубличный, но легальный. Причём сделано это было не только для футболистов, но и для всех мастеров спорта — членов и кандидатов сборных команд СССР⁴⁷.

Война унесла жизни десятков мастеров и тысяч молодых футболистов, многие стали инвалидами. И всё же благодаря усилиям спортивных функционеров, «меценатов» в лице некоторых руководящих работников ведомств, директоров заводов и предприятий удалось сохранить и восстановить основу большинства команд групп «А» и «Б» чемпионата СССР 1941 г. В годы войны, особенно 1943–1945 гг., ведущие игроки имели возможность тренироваться, проводить товарищеские игры, выступать на локальных турнирах, а затем в кубке и чемпионате СССР. Всё это позволило им поддержать профессиональное мастерство на должном уровне и сделало возможным послевоенные достижения: спортивный триумф московского «Динамо» в Великобритании⁴⁸ и блестящее турне тбилисского «Динамо» и московских «Торпедо» и ЦДКА по балканским странам.

⁴⁷ Подробнее см.: *Зубкова Е.Ю., Курпьянов А.И.* Профессионализация советского спорта в условиях холодной войны (1946–1959) // *Российская история*. 2020. № 1. С. 143–159.

⁴⁸ См.: *Даунинг Д.* Пасовочка. Турне московского «Динамо» по Британии. 1945. М., 2015.

**Фронтовой социум:
опыт идентификации и практики консолидации
ветеранов Великой Отечественной войны
в первые послевоенные годы**

Елена Зубкова

**Front-line community:
experience of identification and consolidation practices
of veterans of the Great Patriotic War in the first post-war years**

Elena Zubkova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X25030095, EDN: FKQDMQ

Общество, вышедшее из войны, представляет собой сложно структурированный феномен. Его специфика определяется не только демографическими последствиями глобального конфликта, но и изменениями в составе населения — появлением наряду с традиционными группами (идентифицируемыми по месту проживания, сфере занятости, возрасту или полу) групп временных, а также устойчивых социумов, рождённых военным временем. В этом смысле «лицо» послевоенного общества — вернувшиеся с войны солдаты и офицеры Красной армии. Они оказались своеобразным социумом в социуме. Советская специфика отразилась в самом их названии — *фронтовики*, хотя во всём мире их, как правило, обозначают иначе — *ветераны*. Впрочем, в Советском Союзе официально и неформально использовались оба эти слова. Широкое употребление получило ещё одно понятие, связанное с социально-психологическими последствиями Великой Отечественной войны — *фронтовое поколение*. Этому явлению, как и в целом положению ветеранов в послевоенные годы, посвящён комплекс исследований¹.

В нормативно-правовом поле сообщество участников войны разделялось главным образом по принципу доступа к различным льготам и мерам социальной защиты. Долгое время существовала основная льготная категория — *инвалиды*. В 1978 г. появился новый юридический статус — *участники Великой Отечественной войны*, значительно расширивший круг лиц, имевших право на

© 2025 г. Е.Ю. Зубкова

Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию многотомного академического труда «История России с древнейших времён до наших дней. Т. 15. Советский Союз в послевоенные годы». Публикуется в целях апробации.

¹ Интенсивное изучение «фронтового поколения» и «фронтового социума» началось в 1990-х гг. См.: Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945–1964. М., 1993; Сенявская Е.С. 1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995; Зубкова Е.Ю. Советское послевоенное общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1998; Zubkova E. Russia after the War: hopes, illusions and disappointments, 1945–1957. L.; N.Y., 1998; Физелер Б. «Нищие победители»: инвалиды Великой Отечественной войны в Советском Союзе // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 577–591; Edele M. Soviet veterans as an entitlement group, 1945–1955 // Slavic review. 2006. № 1. С. 111–137. Наиболее обстоятельное исследование положения фронтовиков-ветеранов и ветеранского движения в СССР принадлежит М. Эделе (Эделе М. Советские ветераны Второй мировой войны. Народное движение в авторитарном государстве. 1941–1991. М., 2023).

льготы². Группу «ветераны» официально закрепило создание в 1956 г. Советского комитета ветеранов войны (СКВВ). Юридически её оформил уже в постсоветское время федеральный закон «О ветеранах»³, под действие которого попали участники и других вооружённых конфликтов.

В рамках настоящего исследования речь пойдёт не просто о терминологическом разграничении базовых понятий, а о содержательной и смысловой идентификации социальных категорий, ключевых для понимания особенностей послевоенной общественной жизни. В статье понятия *фронтовики* и *ветераны* используются как синонимы, хотя они не всегда совпадают. «Водоразделом» в данном случае выступает наличие фронтового опыта — пребывание в действующей армии и участие в боевых операциях. Столь же условно в качестве равнозначных для характеристики *фронтового социума* выступают определения *ветеранский* или *военный*. Это допущение обусловлено состоянием источниковой базы, не позволяющей на основе корректных данных и методик выделить «фронтовую компоненту» ветеранского социума. *Фронтовое поколение* рассматривается как часть ветеранского социума, но не заменяет его. Фронтовики как социальная группа выделяются на фоне других участников Великой Отечественной войны, не имевших боевого опыта.

Общность фронтового опыта — главный критерий, позволяющий идентифицировать ветеранов войны как социум. Этот опыт включал в себя специфическую (армейскую) организацию жизни, пребывание в состоянии экстремальности, особые пространства и практики коммуникации. В то же время общность не значит одинаковость: война по-разному виделась окопникам и штабистам, штрафникам и гвардейцам, прошедшим окружение или плен, получившим увечья и вернувшимся с войны невредимыми. Кроме того, фронтовой социум, будучи частью общества, отражал особенности его структуры, противоречия и настроения. «Неженское лицо» войны отразилось в сотнях тысяч женских судеб, для юношей война стала ускоренной школой взросления, в одном окопе оказывались городские и деревенские, носители разных культур и языков. Стартовые возможности ветеранов и их жизненные траектории в послевоенное время оказались различными, но несмотря на это, именно фронтовики стали новым — и влиятельным — агентом социальных отношений. Это влияние измерялось не столько их количественной долей, сколько качественными переменами в организации общественной жизни — реальными и потенциальными, — которые они несли.

Фронтовой социум: проблемы «измерения». Специального рассмотрения заслуживает вопрос о примерной численности представителей фронтового социума. За четыре года войны в армию мобилизовали 29,6 млн человек (без учёта повторно призывавшихся). Если прибавить к этой цифре кадровый состав Красной армии и Военно-морского флота, находившийся на службе к началу войны, через Вооружённые силы в 1941–1945 гг. прошли 34,5 млн человек. Как осторожно пишут исследователи, в это число входят все, кто в те годы «надевал шинели». Из них примерно треть (10,5–11,5 млн) постоянно находились в строю, причём половина — в действующей армии, на главном театре военных действий — советско-германском. На 1 июля 1945 г. численность армии и фло-

² Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 10 ноября 1978 г. «О мерах по дальнейшему улучшению материально-бытовых условий участников Великой Отечественной войны» // Правда. 1978. 23 ноября.

³ Федеральный закон «О ветеранах» от 12 января 1995 г. // Российская газета. 1995. 25 января.

та здесь составляла 12 839 тыс. человек, из них в строю находились 11 390 тыс., на излечении в госпиталях — 1 046 тыс. и еще 403 тыс. были приписаны к формированиям гражданских ведомств, состоявших на довольствии в Наркомате обороны⁴. В составе действующих фронтов в конце войны числились 6 330 тыс. человек⁵. Все эти цифры приблизительны, кроме того, они не учитывают демобилизованных по ранению, болезни или возрасту ещё в ходе боевых действий — 3,8 млн⁶. Таким образом, общая численность военного социума (военнослужащие, находившиеся в армии и госпиталях, а также демобилизованные в ходе войны) могла составлять примерно 16 млн человек.

Следующим этапом в его истории стала послевоенная демобилизация. Её статистика, имеющаяся на сегодняшний день, неточна и дискретна. М. Эделе справедливо полагает, что приводимые в разных публикациях данные, по-видимому, до сих пор «привязаны» к цифрам, обнародованным Н.С. Хрущёвым в докладе на сессии Верховного совета СССР в январе 1960 г.⁷ Он тогда заявил, что численность Вооружённых сил СССР к маю 1945 г. составляла 11 млн 365 тыс. человек, а к 1948 г. сократилась до 2 млн 874 тыс.⁸ В 1963 г. вышла книга-справочник «Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне» под редакцией А.П. Белобородова. В ней со ссылкой на доклад Хрущёва приведена цифра демобилизованных — 8 млн 491 тыс. человек⁹, очевидно, полученная методом простого арифметического действия. Она вошла в научные публикации и учебники, на неё ориентируются до сих пор. Тем не менее отмечается, что она не включает, по крайней мере, две категории — демобилизованных до окончания войны (3,8 млн) и вернувшихся военнопленных (1,8 млн)¹⁰.

Всего состоялось шесть очередей демобилизации: первая — почти в годовщину начала войны (согласно закону о демобилизации 23 июня 1945 г.¹¹), последняя — с февраля по март 1948 г.¹² В первую вошли военнослужащие старших возрастов, хотя не уточнялось, о каких именно возрастных когортах идёт речь. Среди исследователей до сих пор нет единого мнения на этот счёт, хотя такие сведения важны для реконструкции возрастной структуры представителей военного социума, покинувших армейские ряды и вернувшихся к гражданской жизни. На основании нормативных документов по мобилизации населения в годы войны можно заключить, что самыми старшими оказались мобилизованные 1890–1904 г.р. Впервые эта возрастная категория упомянута в приказе наркома обороны СССР № 0269 и постановлении ГКО СССР № 452сс 10 августа 1941 г., вышедших в условиях обострения ситуации на фронтах западного

⁴ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2010. С. 36, 40–42.

⁵ Показатель среднемесячной списочной численности (Там же. С. 69).

⁶ Там же. С. 43.

⁷ Эделе М. Советские ветераны Второй мировой войны... С. 59.

⁸ Разоружение — путь к упрочению мира и обеспечению дружбы между народами. Доклад товарища Н.С. Хрущёва на сессии Верховного Совета СССР // Правда. 1960. 15 января.

⁹ Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне. 1941–1945. М., 1963. С. 424.

¹⁰ Эделе М. Советские ветераны Второй мировой войны... С. 59–60.

¹¹ Закон СССР «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии». 23 июня 1945 г. // Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13. Приказы народного комиссара обороны СССР, 1943–1945 гг. М., 1997. С. 378–379.

¹² Эделе М. Советские ветераны Второй мировой войны... С. 58.

и южного направлений. Таких мобилизованных предполагалось использовать на оборонительных работах и направлять в запасные части¹³. К концу войны они должны были достигнуть 55 лет. Данные о нижней возрастной границе представителей военного социума подтверждаются и сведениями о потерях, где они упоминаются в категории «51 год и старше»¹⁴. Самыми молодыми ветеранами стали советские граждане 1927 г.р., которых начали призывать в 1944 г.¹⁵ В 1945 г. им исполнилось 18 лет.

Мнения по вопросу о количестве поколенческих групп в составе военного социума расходятся. В.Ф. Зима выделил поколения по возрастному принципу и полагает, что их было четыре¹⁶, Эделе насчитал три¹⁷. Е.С. Сенявская сделала акцент на «фронтовом поколении», которое представляет в широком и узком смысле слова: все фронтовики и лишь молодые люди, вступившие в войну 18–20-летними, те, «для кого именно война и участие в ней стали главными факторами становления их сознательной личности»¹⁸.

Использование «поколенческой линзы» (выражение Т. Шанина¹⁹) для изучения исторических феноменов и событий требует уточнения критериев идентификации поколений. Г.А. Янковская, одна из первых применившая поколенческий подход к изучению истории позднего сталинизма, обосновала его специфику следующим образом: «В отличие от демографов, историки и социологи видят в поколении общность людей, объединённых не датами рождения и взросления, но событиями, сыгравшими решающую роль в социализации и личностном развитии. Возрастную генерацию делает поколением опыт переживания исторических событий, общие повседневные практики и доминирующие ценности»²⁰. Эделе выстроил поколенческую классификацию ветеранского социума на основе синтеза демографического и социокультурного подходов: оттолкнувшись от возрастного принципа, он зафиксировал факторы общности поколенческой группы, обусловленные особенностями социализации её представителей, глубиной их жизненного опыта, устойчивостью довоенного статуса, сопричастностью конкретным событиям. В результате оказалось, что история «фронтового поколения» — вовсе не то же самое, что история советских ветеранов Великой Отечественной войны²¹.

К собственно «фронтовому поколению» Эделе относит самых молодых ветеранов — 1923–1927 г.р., которые ушли на войну фактически со школьной скамьи. Доля этой возрастной группы, по его подсчётам, составляла в 1946 г. около 23% мужского населения страны²². Представители самого многочислен-

¹³ Документы советской эпохи (URL: <https://sovdoc.rusarchives.ru/sections/war//cards/368709/images>).

¹⁴ Великая Отечественная без грифа секретности... С. 51.

¹⁵ Там же. С. 37.

¹⁶ Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 1941–1945 годов. М., 2000. С. 22.

¹⁷ Эделе М. Советские ветераны Второй мировой войны... С. 40–45.

¹⁸ Сенявская Е.С. 1941–1945... С. 35–36.

¹⁹ Шанин Т. История поколений и поколенческая история России // Южно-российский журнал социальных наук. 2005. № 3. С. 6–25.

²⁰ Янковская Г.А. Искусство, деньги и политика: художник в годы позднего сталинизма. Пермь, 2007. С. 93.

²¹ Эделе М. Советские ветераны Второй мировой войны... С. 45.

²² Эти расчёты носят ориентировочный характер, поскольку основываются на анализе численности всего мужского населения СССР в 1946 г. по возрастным группам — без выделения среди них участников войны (Там же).

ного (49,6%) среднего поколения ветеранов (1905–1922 г.р.) успели до призыва в армию утвердиться в гражданской жизни, что облегчило им послевоенную адаптацию. Наконец, призванные на военную службу представители старших возрастов могут быть отнесены к категории «дважды ветеранов», поскольку часть из них наряду с солидным жизненным багажом имела за плечами и боевой опыт (начиная с Первой мировой войны). На их долю в составе послевоенного мужского населения приходилось 27,5%²³.

Ориентируясь на эти данные, можно утверждать, что молодые фронтовики оказались самой малочисленной группой ветеранского социума. Вместе с тем ограничение его возрастной когортой 1923–1927 г.р. (хотя Эделе ссылается при этом на моё мнение²⁴) представляется уже не вполне корректным, а возрастные границы — всегда довольно условные — требуют уточнения.

Фронтное поколение: критерии идентификации. Для уточнения возрастных и социокультурных границ понятия «фронтное поколение» необходимо дополнить имеющиеся критерии его идентификации ещё одним, возможно, самым важным — саморефлексией, т.е. самоидентификацией и самопозиционированием. По определению Б.В. Дубина, «в самом общем смысле поколение можно представить как форму (тип) социальной связи и *фокус символической солидарности*: это нормативная рамка воображаемого соотношения с другими “по горизонтали” — такими же, как “ты”» (здесь и далее курсив мой. — Е.З.). На фоне демографических поколений социальные выделяются ещё одной особенностью — присутствием среди них поколений «именных»: «свидетелей крупномасштабного перелома»²⁵. К таким относится, в частности, поколение фронтное.

Оно начало идентифицировать себя по принципу «символической солидарности» ещё до того, как стало «фронтным». Формирование его мировоззрения пришлось на 1930-е гг., а точкой перелома явилась война с Финляндией 1939–1940 гг. «*Поколением сорокового года*» осенью 1941 г. назвал своих товарищей Д.С. Самойлов (1920 г.р.), а в 1946 г. на страницах дневника уточнил: «Это было после Финской войны и с тех пор стало термином, обозначающим “нас”»²⁶. О «нас» как символической общности поколения написал и студент исторического факультета МГУ и одновременно Литературного института Н.П. Майоров (1919 г.р.) в стихотворении «Мы» (1940)²⁷. Его строки о «людях, что ушли, не долюбив, не докурив последней папиросы», оказались пророческими и для самого поэта, и для многих его сверстников. «Сверстники и товарищи по поколению хорошо помнят их такими, какими они уходили от нас: молодыми, сильными, жизнелюбивыми. *Не похожие друг на друга в частностях, они были схожи друг с другом в общем*», — писал С.С. Наровчатов (1919 г.р.), побывавший и на «малой», и на «большой» войнах²⁸.

Тема «нас» после войны получила продолжение в творчестве фронтовиков: «Моё поколение» — у С.П. Гудзенко (1945), Наровчатова (1948), Ю.Д. Левитанского (1963), «Особенное наше поколеньё» — у К.Я. Ваншенкина (1965). Миро-

²³ Там же. С. 42–45.

²⁴ Zubkova E. Russia after the War... P. 23.

²⁵ Дубин Б. Поколение: социологические границы понятия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 2. С. 12–13.

²⁶ Самойлов Д.С. Подённые записи. Т. 1. М., 2002. С. 139, 163.

²⁷ Майоров Н. Мы. Книга стихов. М., 1962. С. 8–10.

²⁸ Цит. по: Наровчатов С. Стихотворения и поэмы. Л., 1985. С. 6.

ощущение фронтового поколения артикулировалось в форме художественного самоосмысления вернувшимися с войны поэтами и писателями. Это не значит, что всё поколение оказалось «поэтическим», но именно благодаря поэзии и художественной литературе (прежде всего «лейтенантской прозе») оно декларировало собственную идентичность. Именно поэтому столь заметна его «литературная» составляющая, и поэтому в данной среде формировались жизненная философия поколения, его идеология и идеологи.

Одна из самых заметных фигур — «человек поколения» Б.А. Слуцкий (1919 г.р.), который, по утверждению Самойлова, «выступил от имени поколения, прошедшего и выигравшего войну». Он «поднимал [его] значение... в собственных глазах, внушал ему гордость, убеждал каждого, что тот уже совершил гражданский подвиг и имеет право на уважение общества. Поколение радостно и благодарно прислушивалось к *голосу своего идеолога*»²⁹. Самойлова поддержал Ваншенкин (1925 г.р.): «Слуцкий был из тех, кто не просто уцелел на страшной войне, но кто был рождён ею — как некая компенсация выбитого напрочь поколения»³⁰.

Большинство фронтового поколения — люди невоенные и с военной карьерой в дальнейшем себя не связывавшие. Но именно война стала главным событием, сформировавшим их как социальную общность. «Люди нашего поколения разными путями пришли к одному: все на фронт. Здесь были герои, трусы и обыкновенные люди. Никто не отрёкся от войны», — писал Самойлов³¹. О том же говорил Наровчатов: «Поэтическое поколение, к которому я принадлежу, рождено Великой Отечественной войной и не выбирало, а заняло свою огневую позицию, как занимает её солдатская рота, подвергшаяся неожиданному нападению. Тут бывает не до выбора местности и удобств её обзора: вцепляйся в клочок земли перед собой и отвечай огнём на огонь. Но получилось, что этот клочок земли, с почерневшей от минной гари травой, оказался всей необъятной Россией»³². Иногда в личных свидетельствах война как ключевая точка социальной интеграции — генезиса поколения — артикулируется совсем лаконично: «Война оказалась для нас самым главным делом нашего поколения» (В.Л. Кондратьев, 1920 г.р.)³³; «Гражданская война — это наши отцы. Пятилетка — наши старшие братья. Отечественная война сорок первого года — это мы» (Самойлов)³⁴; «На исходе лет вдруг обнаруживаешь: что и было в твоей жизни, чем можно гордиться, о чём печалиться, это она — война» (В.П. Астафьев, 1924 г.р.)³⁵.

К фронтовому поколению относили себя не только вчерашние школьники, но и их старшие сверстники, успевшие стать студентами или окончить вуз, получить специальность и даже приобрести армейский опыт. Результаты самоанализа, отражённые в дневниках и воспоминаниях, показывают, что ушедшие на фронт студенты играли в его формировании и самоидентификации не меньшую роль, чем будущие поэты и писатели. Последние, в свою очередь,

²⁹ Самойлов Д. Памятные записки. М., 1995. С. 347.

³⁰ Ваншенкин К. Моё время. Из записей // Знамя. 2005. № 5 (URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=1124>).

³¹ Самойлов Д. С. Подённые записи. Т. 1. С. 140.

³² Цит. по: Наровчатов С. Стихотворения и поэмы. С. 5.

³³ Кондратьев В. Парадоксы фронтовой ностальгии // Литературная газета. 1990. 5 мая. С. 9.

³⁴ Самойлов Д. С. Подённые записи. Т. 1. С. 140.

³⁵ Астафьев В. Высота войны // Литературная газета. 1991. 19 июня. С. 1.

тоже принадлежали в основном к студенчеству. Их самоорганизация в поколение началась ещё до войны: «Ифлийцы, литинститутцы предвоенной поры уже с самого начала формировались как некая общность с едиными вкусами и пристрастиями»³⁶.

На войну уходили, как правило, добровольцами — ещё одна характерная черта людей фронтового поколения, особенно «призыва 1941 года». А.С. Черняев (1921 г.р.), тогда — студент исторического факультета МГУ, вспоминал: «Летом и осенью сорок первого кто попал в плен, кто был убит, кто ранен, и вот на их место пришли такие, как я... В университетах и институтах нас обучали военному делу, мы были знакомы с оружием. Но! Представьте: с осени сорок первого командовали на войне в основном именно бывшие студенты, бывшие инженеры. Они заменили кадровых командиров. Батальонов, взводов, а потом и полков»³⁷.

Друг и одноклассник Черняева Самойлов назвал фронтовых сверстников «поколением комбатов»³⁸. Ряды младших офицеров — командиров взводов и рот (а иногда и батальонов) образца 1941–1942 гг., не имевших военной специальности, полнились новобранцами — 19-летними младшими лейтенантами, закончившими краткосрочные военные училища. Молодым офицерам обоих «призывов» пришлось выстраивать отношения со старшими по возрасту подчинёнными — людьми *другого* поколения. П.Е. Тодоровский (1925 г.р.), командир пехотного взвода — самого «выбываемого» на войне, — вспоминал, как ему, «младшему лейтенантику», требовалось увлекать за собой в атаку солдат, которые были намного старше. «И это было самое сложное — найти общий язык с ними. Я воспитан был в своей семье так, что старший тебя по возрасту — это старший во всём. И слушаться надо старшего. А тут *меня* должны были слушаться. Старался не ругаться. Не кричать на солдатиков. И как-то найти такое отношение, чтоб они хоть немножко тебя зауважали. Тогда будет всё в порядке. Тогда они станут беспрекословно выполнять всё. Тогда будут стараться... И они меня зауважали»³⁹. С аналогичной ситуацией столкнулся комвзвода Черняев: «Мужики были в два раза старше меня. Курские, воронежские и орловские крестьяне. Такие основательные, по-деревенски ироничные, насмешливые. Спокойные и невозмутимые. Честные, сильные мужики. Некоторые ещё в Гражданской войне участвовали. Меня они зауважали. Не сразу, конечно, а вот после первого опыта на передовой в июне — окончательно. Уважали за то, что я — столичный (в Москве они никогда не были), что “учёный” (студент), что мне интересна их прошлая жизнь на гражданке»⁴⁰. Обращает на себя внимание общность тактик молодых лейтенантов в налаживании коммуникации между «отцами и детьми», когда война нарушила традиционные отношения и привычную субординацию поколений. Точно так же очевиден возрастной водораздел между ними.

³⁶ Ваншенкин К. Моё время...

³⁷ «Никто в атаке не кричал: “За Родину! За Сталина!”. Все кричали: “...твою мать!!!”». Воспоминания Анатолия Сергеевича Черняева о войне // Новая газета. 2010. 10 апреля. № 38 (URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2010/04/12/3851-vse-krichali-vo-t-m>).

³⁸ Там же.

³⁹ «Мы валялись на траве...». Война. Свидетельские показания старшего лейтенанта Петра Тодоровского. Архив Зои Ерошок (2010) // Новая газета. 2015. 1 апреля. № 33 (URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2015/04/01/63627-my-valyalis-na-trave-133>).

⁴⁰ «Никто в атаке не кричал...».

Идентификация фронтового поколения как «поколения комбатов» — не просто удачная метафора. Некоторые эксперты справедливо полагают, что это понятие может использоваться как его качественная характеристика. Одним из первых, вероятно, на эту особенность обратил внимание историк В.П. Данилов. Его поддержал социолог Ю.А. Левада: «Значимой группой для этого поколения, скорее всего, можно считать тех, кто прошёл фронт в звании младших офицеров (ср. прижившийся термин “лейтенантская проза”）」⁴¹.

Каков же удельный вес младших офицеров в составе демобилизованных? Всего в процессе демобилизации 1945—1948 гг. из армии уволили в запас 886 742 младших офицера (весь офицерский корпус, покинувший армию, — более 1 237 тыс. человек), в том числе 207 737 капитанов, 306 363 старших лейтенанта, 350 606 лейтенантов, 229 773 младших лейтенанта. Среди младшего и среднего командного состава армию покинули 236 676 командиров взводов, 125 933 командира рот и 36 057 командиров батальонов⁴². Имеющиеся данные не позволяют дифференцировать состав демобилизованных младших офицеров по возрастам. Однако очевидно, что «поколение комбатов» не только не занимало сколько-нибудь лидирующих позиций в составе ветеранского социума, но напротив, оказалось в меньшинстве. Это не удивительно — именно оно понесло самые большие потери: в группе солдат и офицеров в возрасте 20 лет и моложе — 1 560,3 тыс. человек (18% общих потерь), 21—25 лет — 1 907 тыс. (22%), 26—30 лет — 1 517 тыс. (17,5%)⁴³. На самых молодых (25 лет и моложе) пришлось 40% безвозвратных потерь, это в прямом смысле «выбитое» поколение.

Возрастные рамки — только один из критериев идентификации фронтового поколения, столь же условный, как и положение в кадровой военной иерархии. Б.Ш. Окуджава (1924 г.р.), имевший полное право выступать (и выступавший) от его имени, демобилизовался по ранению в звании гвардии красноармейца, не дослужившись до командной должности. В.П. Некрасов (1911 г.р.), закончивший войну 33-летним капитаном, своими «окопами Сталинграда» проложил путь будущей «лейтенантской прозе».

Настоящая граница, разделившая поколение на «наших» и «не-наших», проходила по «линии фронта». Принципы этой своеобразной селекции объяснил Г.Я. Бакланов (1923 г.р.). Речь шла о двух известных писателях, почти одногодках — В.Ф. Тендрякове (1923 г.р.) и В.А. Солоухине (1924 г.р.): «Оба — Владимир, оба — светловолосые, оба — из деревни, чем не друзья. Но были они совершенно разные люди... Солоухин всю войну охранял Кремль. Он сам рассказывал, что те, кто с ним вместе призывались и проходили медкомиссию, были отправлены на фронт, большинство из них погибло, но он будто бы на медкомиссии прочёл стихи... и его оставили охранять Кремль». В отличие от Солоухина, с фронтовиком Тендряковым — сокурсником в Литинституте — Бакланов быстро нашёл общий язык: «Мы с ним одногодки, и оба ранены в левую руку. Только у меня два пальца не разгибались, а у него — четыре»⁴⁴.

Граница между «фронтом» и «тылом» (армейским, а не гражданским) носила не только реальный, но и ментальный характер. «Поразительная разница существует между передовой, где льётся кровь, где страдание, где смерть, где не

⁴¹ Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Левада Ю.А. Сочинения: избранное. Социологические очерки, 2000—2005. М., 2011. С. 137.

⁴² Военные кадры Советского государства... С. 433—434.

⁴³ Великая Отечественная без грифа секретности... С. 51.

⁴⁴ Бакланов Г. Жизнь, подаренная дважды. М., 1999. С. 103.

поднять головы под пулями и осколками, где голод и страх, непосильная работа, жара летом, мороз зимой, где и жить-то невозможно, и тылами, — вспоминал прошедший войну искусствовед Н.Н. Никулин (1923 г.р.). — Здесь, в тылу, другой мир. Здесь находится начальство, здесь штабы, стоят тяжёлые орудия, расположены склады, медсанбаты. Изредка сюда долетают снаряды или сбросит бомбу самолёт... Те, кто в тылу, останутся живы, если их не переведут вперёд, когда иссякнут ряды наступающих. Они останутся живы, вернутся домой и со временем составят основу организаций ветеранов... Они представляют войну, о которой сами мало что знают, в романтическом ореоле»⁴⁵.

Общность боевого опыта — главный «опознавательный знак», объединявший фронтовиков разных поколений во фронтовой социум. О метаморфозах сознания человека на войне часто размышлял философ М.Я. Гефтер (1918 г.р.): «Война поставила нас всех в экстремальные условия. Она способствовала жёсткому отбору в среде управляющих и командующих, которые головой отвечали за происходящее. И они вдруг становились независимыми, а иные даже бескорыстными людьми». Как результат: «Мы вышли из войны с ощущением силы»⁴⁶. Природу подобных настроений описал В.Л. Кондратьев (1920 г.р.) в рассказе «Знаменательная дата»: «На войне я был до необходимости необходимым. И не всяким меня заменить можно было. Вот предположим, что вместо меня на том левом фланге с тем же ручником другой солдат. И уже уверенности нет, что он немца задержит — и глаз другой, и смекалка, и характер послабже, может... Там такое чувство было, словно ты один в своих руках судьбу России держишь»⁴⁷.

Один из ментальных парадоксов войны — экстремального фронтового опыта, когда люди находились между жизнью и смертью, — состоял в разрушении атмосферы страха. С одной стороны, казалось, что самое страшное (война) уже позади. С другой — ощущение силы, о котором писали Гефтер и другие очевидцы, как и осознание непосредственной причастности победоносному завершению войны, придавало уверенности в завтрашнем дне. Самойлов привёл слова А.Н. Толстого: «Народ, вернувшийся с войны, ничего не будет бояться». И, с оглядкой на послевоенный опыт несбывшихся надежд, добавил: «Не прав был продувной барин. Народ на войне не боялся. А потом опять забоялся»⁴⁸. Похожими наблюдениями делился Д.А. Гранин (1919 г.р.): «После демобилизации у фронтовиков разительно менялось поведение. На гражданке пропадала солдатская уверенность, недавние храбрецы терялись... Подняться на трибуну, поспорить с начальством, отстоять товарища, выложить то, что думаешь, было труднее, чем подняться в атаку». Тем заметнее оказывались исключения. Гранин вспоминал сессию ВАСХНИЛ 1948 г., на которой состоялся разгром генетики. На общем фоне «абсолютно мракобесной обстановки» выделилось выступление И.А. Рапопорта: «Он поднялся на трибуну и стал разоблачать сторонников Лысенко с их фальсифицированными данными. Из зала кто-то из угодников закричал: “Откуда этот хулиган Рапопорт?”. Рапопорт ответил: “Из седьмой воздушно-десантной дивизии”. И фронт, и передний край не покидали его, вернее, он не покидал их. Иосиф Рапопорт долгое время служил

⁴⁵ Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. СПб., 2015. С. 76.

⁴⁶ Гефтер М. Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством. М., 2015. С. 226, 270.

⁴⁷ Цит. по: Кондратьев В. Парадоксы фронтовой ностальгии...

⁴⁸ Самойлов Д. Памятные записки. С. 12.

для автора примером особого мужества, когда человек ведёт себя одинаково что на фронте, что после войны»⁴⁹.

Между консолидацией и «разломом». В 1940-х гг. появилась государственная система, призванная обеспечить адаптацию ветеранов войны к гражданской жизни. Меры поддержки демобилизованных солдат и офицеров — пенсии, пособия, трудоустройство, содействие в решении жилищной и других бытовых проблем — позволили решить основные вопросы. Однако в условиях ограниченности ресурсов и с учётом большого количества ветеранов, в той или иной степени нуждавшихся в помощи, централизованная система не могла работать достаточно эффективно. Как следствие, в ветеранской среде стали возникать неформальные объединения и «клубы», которые представляли их интересы, в том числе и в решении материально-бытовых вопросов. Они стали первыми признаками начавшейся послевоенной консолидации и самоорганизации фронтового сообщества.

В основе стремления к ней лежали два основных мотива: потребность сохранить фронтовое братство и необходимость дополнить ограниченные ресурсы государственной поддержки собственными усилиями по принципу «помоги себе сам». Первые объединения — «комитеты содействия» и «группы по работе с инвалидами» — стали возникать ещё во время войны. В 1944 г. в нескольких районах Москвы появились комитеты офицеров — инвалидов войны. Информацию об их создании 9 сентября опубликовали сразу несколько газет — «Красная звезда», «Московский большевик», «Красный флот», а уже 15 сентября её обсудили на Секретариате ЦК ВКП(б), объявив «недостоверной». Местные партийные органы получили сигнал-предупреждение о «нецелесообразности» создания подобных комитетов. Тем не менее в мае 1945 г. группа военнослужащих 53-й стрелковой дивизии, сформированной осенью 1941 г. из московских коммунистов, приняла решение отныне собираться вместе каждый год — в годовщину Победы и в день формирования дивизии. Позднее группа назвала себя «ветеранским советом». Несмотря на то что несанкционированная активность фронтовиков не поощрялась, это объединение сохранилось и в конце 1950-х гг. насчитывало около 700 членов⁵⁰.

Существовали также проекты создания ветеранской организации на общесоюзном уровне. В мае 1945 г. председатель Совинформбюро С.А. Лозовский обратился к В.М. Молотову с предложением учредить два объединения — Совет Маршалов (под председательством И.В. Сталина) и Общество Героев Советского Союза (это звание носили тогда 9,5 тыс. человек). «Имея в виду, что среди Героев Советского Союза имеются люди разной культуры, разных национальностей, представители всех народов Советского Союза, — писал Лозовский, — было бы желательно *сохранить как-то связь между ними* через общественную организацию»⁵¹. Речь шла о вполне контролируемом объединении, однако предложение не приняли.

Столь же однозначно негативную реакцию вызвал проект создания общества (организации) советских ветеранов войны, с которым выступил журналист Совинформбюро В. Барыкин. В обстоятельной записке, адресованной А.А. Жданову (август 1946 г.), он ссылаясь на международный опыт

⁴⁹ Гранин Д.А. Причуды памяти. М., 2017. С. 31.

⁵⁰ Эделе М. Советские ветераны Второй мировой войны... С. 300–301, 305.

⁵¹ ГА РФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 103, л. 179.

существования подобных объединений ветеранов, а работу их советского аналога предлагал развивать по двум основным направлениям: международная деятельность (пропаганда мира, борьба с «поджигателями войны») и лоббирование ветеранских интересов внутри СССР. Обращение изучили в Управлении пропаганды и агитации ЦК, а его руководитель Г.Ф. Александров подготовил не менее обстоятельный ответ. Оперативно подстроившись под тон только что начавшейся кампании по борьбе с «низкопоклонством перед Западом», он раскритиковал Барыкина за то, что тот не понял «реального политического облика» ветеранского движения за рубежом — «империалистического» и «анти-советского». Но любопытнее всего обоснование нецелесообразности ветеранской организации в СССР: ей просто нечем будет заниматься, поскольку особых проблем у фронтовиков нет, а государство «законодательным порядком обеспечивает интересы демобилизованных воинов, а также инвалидов войны». И главный вывод: «Попытка *обособить часть советских людей* (побывавших в армии) *от остальных* (не побывавших в армии) в особое общество не вызывается какой-либо необходимостью»⁵².

Очевидно, что Александров выражал не столько личное мнение, сколько общий настрой и опасения «в верхах». Не менее очевидно, что власть, отвергнув идею создания официальной организации советских ветеранов, тем более не могла допустить неформального (а значит, неконтролируемого) объединения фронтовиков. На противодействии самоорганизации строилась государственная политика, цель которой Гефтер обозначил образно: «разлом поколении победителей»⁵³. С ним соглашался Черняев, размышляя о своём «поколении комбатов»: «Эти комбаты были потенциальными декабристами. Сталин это прекрасно понимал. Они как свободные люди воевали. Они повидали Запад. Они повидали всё. Они нажили новое человеческое достоинство... Сталин правильно боялся этого поколения»⁵⁴. Выступая перед избирателями 9 февраля 1946 г., «вождь» апробировал идею «суда над победителями»: «Говорят, что победителей не судят, что их не следует критиковать, не следует проверять. Это неверно. Победителей можно и нужно судить, можно и нужно критиковать и проверять. Это полезно не только для дела, но и для самих победителей: меньше будет зазнайства, больше будет скромности»⁵⁵. На первый взгляд, это всего лишь сентенция — вполне в сталинском стиле. Однако «судебный процесс» над победителями уже начался: отставки и чистки в среде кадровых военных, опала маршала Г.К. Жукова, которого в народе называли «маршалом Победы», сфабрикованные «дело авиаторов» и «дело артиллеристов».

Пропаганда по-прежнему прославляла воинов-победителей, но в жизни шёл процесс постепенной замены одного героического ряда другим: герои войны уступали место героям мирного труда. Сначала в сентябре 1947 г. фронтовиков лишили льгот — выплат за ордена и медали, а также бесплатного проезда на транспорте⁵⁶. Суммы совсем небольшие, но обида запомнилась на-

⁵² Эделе М. Советские ветераны Второй мировой войны... С. 295, 302–303.

⁵³ Гефтер М. «Сталин умер вчера...» // Иного не дано. М., 1988. С. 305.

⁵⁴ «Никто в атаке не кричал...».

⁵⁵ Сталин И.В. Собрание сочинений. Т. 16. М., 1997. С. 5–16.

⁵⁶ 10 сентября 1947 г. вышел указ Президиума Верховного совета СССР «О льготах и преимуществах, предоставляемых награждённым орденами и медалями СССР». В соответствии с ним с 1 января 1948 г. отменялись: денежные выплаты по орденам и медалям СССР; право бесплатного проезда награждённых по железнодорожным и водным путям сообщения, а также в трамвае во

долго: «Деньги деньгами, но если разобраться... так это ведь чести лишили»⁵⁷. Следующий «удар по чести» не заставил себя ждать: в 1948 г. статус Праздника Победы понизили — 9 мая перестал быть выходным днём, «уступив» это право новогоднему торжеству⁵⁸.

Такая символическая рокировка не случайна и в совокупности с другими решениями, затрагивавшими интересы ветеранов, носила многоцелевой характер. Очевиден её «профилактический» эффект, направленный на блокирование нежелательных для власти настроений в этой среде. Правда, некоторые историки утверждают, что такая трактовка «не подтверждается ссылками на конкретные источники, которые позволили бы реконструировать позицию и аргументацию советского руководства по данному вопросу»⁵⁹. При такого рода рассуждениях не принимаются во внимание как позиция самих фронтовиков (хотя она отражена в «конкретных источниках»), так и то обстоятельство, что далеко не все решения властей — особенно в 1930–1940-х гг. — оформлялись документально. Это тот самый случай, когда историк должен работать не только с текстом, но и с контекстом рассматриваемых решений.

Причины отмены льгот ветеранам и выплат за боевые ордена оцениваются в научной литературе по-разному. Существует точка зрения, согласно которой эта мера диктовалась исключительно финансовыми соображениями, а именно интересами экономии бюджета: «Государство не нашло иных вариантов для выправления экономической ситуации», поэтому это решение оказалось «логичным и экономически обоснованным», несмотря на «бурю негодования у фронтовиков», лишившихся «значительных финансовых средств»⁶⁰. Подобные суждения имеют под собой основания, однако преувеличивают «значительность» выплат в расчёте на каждого ветерана, а также упускают из поля зрения сохранение весомых льгот для номенклатурных работников⁶¹.

И вряд ли случайно, что одновременно с отменой льгот для фронтовиков вышел указ, поднимавший статус представителей одной из ключевых мирных профессий — шахтёров⁶². Вводился ежегодный праздник — День шахтёра, учреждалась медаль «За восстановление угольных шахт Донбасса». Появились

всех городах страны; льготный порядок оплаты занимаемой ими жилой площади в домах местных советов. Льготы сохранялись только награждённым орденами Славы всех трёх степеней. Размер ежемесячных выплат составлял: по ордену Ленина — 25 руб. (Героям Советского Союза — 50 руб.), орденам Красного Знамени и Отечественной войны 1-й степени — 20 руб., остальным орденам и медалям — от 10 до 15 руб. (Советская жизнь, 1945–1953 / Сост. Е.Ю. Зубкова и др. М., 2003. С. 331–332).

⁵⁷ Бакланов Г. Жизнь, подаренная дважды. С. 368.

⁵⁸ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. М., 1956. С. 376.

⁵⁹ Попов А.Ю., Пивоваров Н.Ю., Сак К.В. Ритмы прошлого: первые годовщины Великой Отечественной войны в советской политике памяти (1945–1965) // Российская история. 2023. № 2. С. 98.

⁶⁰ Запарий В.В., Шуняков Д.В. Отмена льгот по орденам и медалям СССР после окончания Великой Отечественной войны: экономические причины // Экономическая история. 2019. № 4. С. 386–394.

⁶¹ Подробный анализ материального обеспечения партийных кадров разного уровня см.: Болодовский К.А. Падение «блокадных» секретарей: партаппарат Ленинграда до и после «Ленинградского дела». СПб., 2018. С. 114–125.

⁶² Указ Президиума Верховного совета СССР от 10 сентября 1947 г. «Об установлении ежегодного праздника “Дня шахтёра”» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного совета СССР... С. 378.

персональные звания для руководящих инженерно-технических работников угольной промышленности и строительства угольных шахт: «Генеральный директор угольной промышленности», «Горный генеральный директор» I, II и III рангов⁶³. Выбор шахтёров, введение для них аналогичных армейским отличий, как представляется, обуславливались не только значением отрасли в решении задач послевоенного восстановления экономики страны, но и потребностью «переключения» с героики войны на героику мирных будней: среди всех мирных занятий шахтёрский труд, связанный с большим риском для жизни, более других приближен к труду ратному.

В итоге решения 1947–1948 гг., независимо от их целей (как вполне конкретных, так и непрогнозируемых), затрагивали не только материальные интересы людей, но и формировали общественный климат в стране и обществе. Вспоминая первые послевоенные годы, Черняев писал: «Атмосфера не только в университете, но и во всей Москве отнюдь не способствовала выделению фронтовиков в особую, почитаемую категорию. Потом только стало понятно, что это и политика. Политика нивелировки общества, где почёт, слава, официальное признание — только тем, на кого укажет партия. Сталину не нужна была “суверенная” и гордая энергия “поколения комбатов”... Их надо было поставить в один ряд с прочими, а если и выдвигать, то “по партийной линии”, тогда они вынуждены будут играть по установленным правилам. Претензии стать носителями “нового декабризма” были быстро рассеяны в скучной и озабоченной повседневке»⁶⁴. Испытание повседневностью — ещё один вызов, с которым пришлось столкнуться фронтовикам. Чувства общности фронтового опыта и принадлежности к числу победителей стали постепенно ослабевать. Этот неизбежный процесс объяснялся разностью стартовых возможностей, жизненных планов и условий возвращения ветеранов к мирной жизни.

В 1965 г. День Победы 9 мая «восстановили в правах» — как государственный праздник и одновременно день памяти. Также началась реализация широкой государственной программы по социальной поддержке ветеранов и повышению их статуса в обществе. Фронтовики смогли заявить о себе во весь голос: военная поэзия и «лейтенантская проза» определили литературный мейнстрим, появился общественный запрос на «непарадную» правду о войне и непредвзятые свидетельства её участников. До этого дожили далеко не все фронтовики. Но во многом благодаря им, когда мы говорим о Войне и Победе, не надо уточнять о какой войне и какой победе идёт речь. Та война и по факту, и в коллективной памяти поколений была и есть Великая Отечественная. Таковой и останется.

⁶³ История Кузбасса: в 3 т. Т. 3. *Коновалов А.Б.* Кузбасс от начала Великой Отечественной войны до распада СССР (1941–1991). Кн. 1. 1941–1964. Кемерово, 2024. С. 148.

⁶⁴ *Черняев А.С.* Моя жизнь и моё время. М., 1995. С. 200.

Система органов мобилизационного планирования экономики в послевоенные годы (1945–1964)

Михаил Мухин

The system of economic mobilization planning bodies in the post-war years (1945–1964)

Mikhail Mukhin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X25030104, EDN: FKTATI

Исторический опыт Первой и Второй мировых войн убедительно продемонстрировал, что победа в крупном вооружённом конфликте — особенно в случае его перехода в затяжную форму — обеспечивается, как правило, в первую очередь превосходством экономики и её более эффективной работой. Руководство СССР понимало, что обеспечение такой эффективности и вообще приспособление к реалиям военной поры требуют тщательной заблаговременной подготовки. Комплекс соответствующих мер получил обобщающее название «мобилизационная подготовка народного хозяйства». Именно огромный объём работ, проведённых (пусть и не всегда успешно) в этой области в межвоенное двадцатилетие, позволил Советскому Союзу сравнительно быстро и относительно успешно перевести экономику на военные рельсы и обеспечить сначала экономическую, а затем военную победу над Рейхом. Однако начало холодной войны поставило перед страной новые, в чём-то более сложные задачи и потребовало переналадки системы в соответствии с изменившимися условиями.

Историография мобилизационной подготовки СССР на текущий момент невелика. Долгое время связанные с ней сюжеты вообще ограждались от внимания историков соображениями секретности, а документы содержались исключительно в спецхране. В конце XX — начале XXI в. вышли несколько работ о развитии советской оборонной промышленности, в которых мобподготовка упоминалась бегло и конспективно¹. Полноценные исследования этой темы начали выходить только в 2020-х гг.² Однако если историография межвоенного

© 2025 г. М.Ю. Мухин

¹ См., например: *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996; *Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М., 2006; *Соколов А.К.* От Военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 — июнь 1941 гг. М., 2012.

² *Ким С.П.* К дискуссии о готовности СССР к войне: новые документы о мобилизационной подготовке советской экономики в 1939–1941 гг. // Вторая мировая и Великая Отечественная: к 75-летию окончания. Материалы международной научной конференции. М., 2021. С. 212–223; *Мухин М.Ю.* Мобилизационная подготовка железных дорог СССР в 1927–1935 гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2020. М., 2021. С. 319–362; *Ренухова О.Ю.* «Воевать будет не только армия, но и вся страна». Бронирование как инструмент резервирования кадрового потенциала СССР на случай войны // Военно-исторический журнал. 2021. № 5. С. 29–34; *Ким С.П.* Дискуссия о методологических основах мобилизации промышленности в советском правительстве в 1926–1927 гг. (по материалам Госплана СССР) // История России с древнейших времён до XXI века:

периода не слишком обширна, то исследований по периоду послевоенному нет вообще. Разумеется, в рамках статьи рассмотреть все аспекты данной темы даже в первом приближении невозможно, поэтому внимание будет сосредоточено на вопросах формирования высших органов управления мобподготовкой СССР в 1945–1964 гг. Хронологические рамки определены, с одной стороны, завершением Великой Отечественной войны, положившим начало новому этапу работ в данной сфере, а с другой – свёртыванием преобразований государственного аппарата, характерных для периода, когда во главе страны стоял Н.С. Хрущёв, после чего прекратились и многочисленные переформатирования системы мобпланирования. Кроме того, документация за последующие годы на данный момент засекречена.

При подготовке статьи использовались документы ряда федеральных и региональных архивов. Основу источниковой базы составил хранящийся в РГАЭ фонд Госплана СССР, который, наряду с Военно-промышленной комиссией при Совете министров СССР (ВПК, она же Комиссия по военно-промышленным вопросам), играл ключевую роль в исследуемой сфере. К сожалению, фонд ВПК всё ещё недоступен.

В годы войны вопросы мобподготовки промышленности и сельского хозяйства отошли на второй план. Однако по её окончании необходимость налаживания этой системы вернулась в повестку дня в связи с нарастанием противоречий между СССР и его бывшими союзниками. Подготовку экономики к деятельности в условиях возможной будущей войны возложили на десять отраслевых бюро, созданных в феврале 1947 г. при правительстве СССР. Однако такая разобщённость на пользу делу не шла, поэтому текущее управление оборонными отраслями и разработка мобилизационных планов перешли в ведение Бюро по военным и военно-промышленным вопросам при Президиуме Совета министров СССР, созданного в 1951 г. под руководством Н.А. Булганина. Помимо этого, не позднее 1951 г. в структуре Госплана появился ряд соответствующих подразделений: управление мобилизационного плана промышленности (в ряде документов именуется «управлением № 5»), управление планирования военной промышленности, управление планирования судостроения, управление планирования и ремонта авиационной техники, второе управление, специальный сектор отдела химической промышленности и особое машинописное бюро³.

проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сборник статей международной научно-практической школы-конференции молодых учёных (25–28 октября 2022 г.). М., 2022. С. 257–268; *Ким С.П., Мухин М.Ю.* Мобилизационная подготовка советской промышленности в годы первой пятилетки. М., 2022; *Мухин М.Ю.* Подготовка советской промышленности к войне в межвоенный период (военные производства и мобилизационная подготовка гражданской индустрии) // Экономическая история. Ежегодник. 2021. М., 2022. С. 299–322; *Мухин М.Ю.* Создание системы мобилизационных органов и разработка методологии составления мобилизационных планов в СССР в годы первой пятилетки // Вестник РФФИ. 2022. № 3. Гуманитарные и общественные науки. С. 9–18; *Мухин М.Ю.* Экономическое обеспечение перелома в Великой Отечественной войне // Исторические записки. Т. 21. М., 2022. С. 124–169; *Пенухова О.Ю.* Методика обучения мобилизационных работников гражданских учреждений СССР на рубеже 1920–1930-х годов // Север Евразии – пространство взаимодействия. Сборник научных статей памяти А.И. Афанасьевой. Петрозаводск, 2023. С. 151–158; *Мухин М.Ю.* Мобилизация промышленности в годы Великой Отечественной войны: механизм экономической победы // Российская история. 2024. № 2. С. 172–191; *Пенухова О.Ю.* Западная пограничная полоса РСФСР–СССР: пространственно-территориальная подготовка в 1917–1939 гг. Петрозаводск, 2024.

³ РГАЭ, ф. 4372, оп. 11, д. 862, л. 3.

Следует отметить, что Госплан постоянно испытывал затруднения с укомплектованием этих подразделений квалифицированными кадрами, имеющими «допуск» к секретной информации. Так, в январе 1953 г. руководитель ведомства М.З. Сабуров рапортовал, что для управления мобплана промышленности удалось отобрать 39 сотрудников, в том числе 38 офицеров военного и военноморского министерств. Но даже после этого из 65 штатных ставок удалось заполнить только 53⁴. При этом само управление в проводимой работе выступало ключевым. К сфере его компетенции относились «сбор и изучение необходимых данных для работ по составлению мобилизационного плана, включающих сведения о выпуске всей номенклатуры военных изделий, важнейших видов гражданской продукции, стратегического сырья, материалов, оборудования, об импорте... сырья, о всех машиностроительных предприятиях СССР, по балансу рабочей силы и др[угие] сведения периода войны 1941–1945 гг. и послевоенного периода, а также... разработка форм, порядка и методических указаний о составлении Госпланом СССР и министерствами мобилизационного плана промышленности»⁵.

К вопросам стратегии мобпланирования в Госплане подходили серьёзно, уделяя большое внимание методологической подготовке. Создавались новые подразделения, расширялись штаты, разрабатывались планы. Однако когда в мае 1957 г. сотрудники Первого управления Государственной экономической комиссии Совета министров СССР по текущему планированию народного хозяйства (Госэкономкомиссии) представили в ЦК КПСС и Совмин справку о развитии системы органов мобпланирования в послевоенные годы, они дали работе в этой области нелестную характеристику. В частности, отмечалось: «После окончания войны... на протяжении примерно восьми лет в Госплане СССР не было самостоятельного военно-мобилизационного органа, и работа в области мобилизационного планирования в крайне ограниченных масштабах выполнялась малочисленной группой мобработников численностью 5–7 человек, находившихся в разное время в составе тех или иных подразделений Госплана»⁶. Данный отрывок привлекает внимание несоответствием столь малого числа занятых непосредственной работой вышеприведённой разветвлённой внутриведомственной структуре. Думается, следует учитывать два аспекта. С одной стороны, справка готовилась сотрудниками Госэкономкомиссии, которым, с ведомственной точки зрения, представлялось желательным сгустить краски, представив усилия плановиков недостаточными, а степень их внимания к проблеме — низкой. С другой — возможно, составители документа указали, что для каждого из перечисленных управлений и секторов проблемы мобпланирования оказались лишь одной из задач, причём не самой актуальной.

Как бы то ни было, можно говорить о том, что в начале 1950-х гг. в высшем руководстве СССР понимание стратегии в области мобподготовки страны отсутствовало. Уже в 1952 г. упразднили Бюро по военным и военнопромышленным вопросам⁷, а в следующем году началась крупномасштабная перестройка государственного аппарата, затронувшая и Госплан. К нему, со-

⁴ Там же, д. 861, л. 1.

⁵ Там же, л. 2.

⁶ Там же, оп. 76, д. 241, л. 63.

⁷ *Самохин А.В.* Изменения в управлении советскими вооружёнными силами в условиях нового витка военно-политического противостояния СССР и США в начале 1950-х гг. // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2014. № 3. С. 153.

гласно закону «О преобразовании министерств СССР» (15 марта 1953)⁸, присоединили государственные комитеты по материально-техническому снабжению (Госснаб) и по снабжению продовольственными и промышленными товарами (Госпродснаб)⁹. Разумеется, это привело к изменениям и в изучаемой системе: руководство Госплана отмечало, что, выполняя директиву о сокращении госаппарата, оно урезало штат отделов и управлений, отвечавших за мобподготовку (с 131 до 60 сотрудников). В результате нагрузка на оставшийся в строю персонал значительно увеличилась. Вследствие упразднения должности специального заместителя председателя Госплана, который руководил работой всех «военных» отделов ведомства, функции организации взаимодействия подразделений, осуществлявших мобпланирование по различным отраслям, распределили между тремя обычными заместителями¹⁰.

Всё это затруднило работу, и Сабуров обратился к первому заместителю председателя Совета министров СССР Булганину с предложением воссоздать в Госплане на базе управления мобилизационного плана промышленности Военно-мобилизационное управление¹¹. Идею сочли своевременной, в декабре 1952 г. такое управление появилось, на него возложили задачу контроля за осуществлением мобплана. Однако вскоре (февраль 1954 г.) Госплан пережил очередную реорганизацию, в результате которой это управление ликвидировали, а его функции передали новосозданному Первому отделу. На этом процесс переустройства не завершился. 25 мая 1955 г. Госплан разделили на государственные комиссии по текущему и перспективному планированию народного хозяйства (Госэкономкомиссия и Госплан)¹². Судя по всему, у Хрущёва появились сомнения в том, что единое ведомство способно идти в ногу со временем, и в особенности — обеспечить улучшение плановой работы, от которой зависели вопросы интенсификации экономики. Так, например, в конце октября 1954 г. Госплан и Центральное статистическое управление СССР дали отрицательный отзыв на предложения профессора Ленинградского университета Л.В. Канторовича о применении в прогнозировании развития промышленности математических методов, и вообще негативно реагировали на задачу совершенствования механизма планирования с учётом достижений науки¹³.

Для советского лидера данная ситуация оказалась нетерпима по двум причинам. Во-первых, велась подготовка к отказу от «сталинской» структуры управления, которая могла бы выступить оплотом антихрущёвских сил. Во-вторых, стремление осуществить комплексную реформу экономики подразумевало создание её «экономического штаба», ориентированного на решение первоочередных задач. Госплан явно не соответствовал предъявляемым к такому штабу требованиям, поэтому началась интенсивная подготовка его реформи-

⁸ Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 — июль 1956 г. М., 1956. С. 78–80.

⁹ В моём распоряжении нет материалов, свидетельствующих, что в Госснабе и Госпродснабе велись работы по мобпланированию. Но очевидно, что расчёты, относящиеся к нему, базировались в том числе и на предоставляемых ими данных. Теперь этот круг вопросов также приходилось решать Госплану.

¹⁰ РГАЭ, ф. 4372, оп. 11, д. 862, л. 31.

¹¹ Документ не датирован, но, судя по делопроизводственным пометкам, поступил в аппарат Совмина в декабре 1953 г.

¹² Некрасов В.Л. Реформа Госплана СССР 1955 г.: разработка новой модели планирования экономики // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 368. С. 100.

¹³ ГА РФ, ф. 5446, оп. 89, д. 143, л. 136–152.

рования. 14 марта 1955 г. Президиум ЦК КПСС принял резолюцию, в которой утверждалось: «Необходимо перестроить работу Госплана, отделив функции текущего характера от разработки вопросов перспективного планирования»¹⁴.

В результате вопросы мобподготовки оказались разделены между двумя учреждениями. Первый отдел ушёл в состав Госэкономкомиссии, а в Госплане появился Военно-мобилизационный отдел. Предполагалось, что Первое управление Госэкономкомиссии займётся текущим планированием, а Военмоботдел Госплана — перспективным. Между ведомствами, очевидно, началась конкуренция — сотрудники Первого управления отмечали, что «Госплан СССР самостоятельной разработки перспективных мобилизационных документов не вёл и в целом этим вопросам уделял недостаточно внимания»¹⁵. Однако она не продлилась долго — уже в мае 1957 г. Госэкономкомиссию упразднили, а её плановые функции передали в Госплан¹⁶. Вопросы подготовки страны к возможной войне сосредоточились в Первом отделе (впоследствии — управлении). Его последовательно возглавляли С.И. Сёмин, А.Г. Нелепо, С.Г. Гучмазов, В.А. Реймаров, О.В. Ильин. Дополнительно в декабре 1957 г. при Президиуме Совета министров СССР появилась ВПК¹⁷. В 1957–1963 г. её возглавлял Д.Ф. Устинов, а с 1963 г. — Л.В. Смирнов.

На первый взгляд, сложилась последовательная система центральных органов мобподготовки экономики. Однако в том же 1957 г. началась крупномасштабная реформа управления «народным хозяйством». Она заключалась в переходе от отраслевого управления промышленностью («одна отрасль — одно министерство») к территориальному. Работа в этом направлении началась ещё в 1954 г. с передачи различных индустриальных объектов (заводов, фабрик, электростанций, шахт и т.п.) из ведения союзных министерств в распоряжение республиканских и союзно-республиканских ведомств (всего так переподчинили 15 тыс. предприятий)¹⁸. Теперь же практически все министерства экономического блока ликвидировались, а руководившиеся ими предприятия перешли «под крыло» советов народного хозяйства экономических административных районов.

В отечественной историографии сложились несколько точек зрения на причины этой реформы. Не погружаясь подробно в их анализ, отмечу основные позиции. Так, достаточно часто высказывается суждение, что Хрущёв, даже победив в борьбе за власть, по-прежнему сомневался в лояльности политической верхушки страны и опасался сталинских выдвиженцев. Поэтому требовалось сломать механизм, составлявший основу их политического влияния¹⁹. Другие, напротив, видят ведущим мотивом преобразований именно стремление интенсифицировать развитие промышленности и сельского хозяйства за

¹⁴ РГАНИ, ф. 3, оп. 8, д. 214, л. 22; оп. 10, д. 132, л. 2.

¹⁵ РГАЭ, ф. 4372, оп. 76, д. 241, л. 63.

¹⁶ Хромов Е.А., Некрасов В.Л. Реформы системы управления и планирования в СССР: перераспределение полномочий, проблемы реализации, результаты (1957–1962 гг.) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 5. С. 155.

¹⁷ Век авиастроения России. Юбилейное издание к 100-летию отечественной авиационной промышленности / Ред.-сост. В.П. Постричев. М., 2011. С. 98.

¹⁸ Тимошенко А.И. Совнархозовская реформа как попытка децентрализации управления экономикой СССР: сибирский региональный аспект // Историко-экономические исследования. Т. 16. 2015. № 4. С. 704.

¹⁹ Подробнее см., например: Алексеев В.В. Электрификация Сибири: историческое исследование. В 2 ч. Ч. 2. Новосибирск, 1976. С. 180.

счёт использования местных ресурсов и учёта региональных интересов²⁰. Отмечается, что к середине 1950-х гг. рост числа предприятий, усложнение системы кооперативных поставок между заводами и фабриками, разрастание номенклатуры производимой продукции и проч. привели к ослаблению возможности Госплана оперативно и эффективно управлять народнохозяйственным комплексом из единого центра²¹. Соответственно, преобразования Хрущёва рассматриваются как попытка найти управленческие ответы на вызовы времени²². Думаю, рациональное зерно содержат оба подхода. Очевидно, что с помощью реформы 1957 г. предполагалось решить как экономические, так и социально-политические проблемы СССР.

Совнархозы подчинялись правительствам союзных республик, при этом председатель каждого совнархоза соответствовал статусу министра и входил в состав Совмина²³. С учётом того, что, скажем, на территории РСФСР было создано 70 экономических районов и, соответственно, столько же совнархозов²⁴, это в определённой степени затруднило работу правительственного аппарата. Собственно говоря, создание ВПК во многом вызывалось потребностью создать координирующий центр работ в области оборонной политики в условиях децентрализации экономики. Поэтому, признавая важность деятельности комиссии для организации мобпланирования, не следует забывать, что данный «фронт работ» оказался для неё лишь одним аспектом деятельности (и, возможно, даже не первостепенным).

Основные принципы организации мобработки в свете перестройки управления промышленностью определили постановление Совета министров СССР № 30–15 (8 января 1958 г.) и его совместное с ЦК КПСС постановление № 410–194 (15 апреля 1958 г.). Эти документы предписывали создать при госпланах союзных республик, совнархозах, союзных, союзно-республиканских и республиканских министерствах и ведомствах, а также правительствах автономных республик, областей и краёв самостоятельные мобилизационные органы, «основной задачей которых является подготовка отраслей народного хозяйства к обеспечению нужд Вооружённых сил СССР и потребностей народного хозяйства в условиях военного времени»²⁵. Вскоре стало ясно, что общие принципы работы в новых условиях требуют детального и чёткого описания, поэтому был разработан и в декабре 1959 г., после согласования в Госплане и Министерстве обороны, поступил в союзное правительство проект «Положения о мобилизационной подготовке народного хозяйства СССР». В нём предлагалась система ведомств и учреждений, ответственных за те или иные аспекты этой работы.

Так, Госплан контролировал общие мероприятия отдельных отраслей народного хозяйства, союзных республик, министерств и ведомств СССР. Прави-

²⁰ См., например: Тимошенко А.И. Совнархозовская реформа... С. 705–706.

²¹ Некрасов В.Л. Советский экономический реформизм эпохи Н.С. Хрущёва: авторитарный реформатор, партийно-государственная система и академическое сообщество // Новый исторический вестник. 2017. № 4. С. 71–91.

²² Кирсанов Р.Г. Реформа Косыгина–Либермана: как совместить план, прибыль и премию // Перспективы. Электронный журнал. 2023. № 2. С. 84–101.

²³ Закон СССР «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» (10 мая 1957 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 11.

²⁴ Положение о советах народного хозяйства экономических административных районов // Собрание постановлений Правительства СССР. 1957. № 12. С. 408–429.

²⁵ РГАЭ, ф. 4372, оп. 79, д. 773, л. 61.

тельства союзных республик отслеживали выполнение заданий совнархозами и подведомственными органами (министерствами и ведомствами, совминами автономий, исполкомами административно-территориальных единиц). Совнархозы и подведомственные республиканским правительствам органы, в свою очередь, направляли деятельность предприятий и организаций. Кроме того, мобработку по «своей» сфере деятельности контролировали общесоюзные ведомства: Главное управление государственных материальных резервов при Совмине СССР (накопление материальных ценностей, проверка их комплектности, хранения, освежения и замены и т.д.), союзные министерства обороны (производство и поставки военной техники и военного имущества, обеспечение других нужд Вооружённых сил) и внутренних дел (выполнение мероприятий местной противовоздушной обороны²⁶, хранение и комплектность его имущества)²⁷. На данный момент не удалось выяснить, было ли утверждено это положение.

В том же году рассматривалось предложение о передаче мобпланирования из ведения Госплана в сферу ответственности Государственного научно-экономического совета (Госэкономсовета) СССР, появившегося вскоре после упразднения Госэкономкомиссии²⁸. Изначально он создавался «в целях всестороннего изучения экономических вопросов, возникающих в ходе хозяйственного и культурного строительства, а также рассмотрения предложений по развитию производительных сил страны»²⁹. Однако компетенция этого органа начала стремительно расширяться³⁰, и решение вопросов мобилизации естественным образом попало в его орбиту. Госплан противился урезанию своих полномочий. Его специалисты подготовили пространную записку, в которой отметили: «К производству военной продукции в условиях расчётного года привлекаются не только оборонные предприятия, но также значительное количество гражданских... планы на расчётный год охватывают все отрасли народного хозяйства, [их] разработка... осуществляется Первым отделом Госплана СССР с участием всех отраслевых и сводных отделов Госплана». Как следствие, передача мобпланирования в Госэкономсовет «потребует коренного изменения функций» обоих ведомств, что «не вызывается государственной необходимостью» и «может привести лишь к серьёзному ослаблению [данной] работы»³¹.

Очевидно, в правительстве эти доводы сочли убедительными, и вопросы мобподготовки промышленности остались всё же в ведении Госплана. Отстояв свои prerogatives, Госплан занялся разработкой нормативных документов в этой сфере. Среди них — контрольные задания правительствам союзных республик, министерствам и ведомствам СССР по созданию мобилизационных мощностей для выпуска военной продукции на 1959—1965 гг. (постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР № 921—431 7 августа 1958 г.); уточнение заданий по созданию и развитию этих мощностей на 1961—1965 гг. (поста-

²⁶ Комплекс мероприятий по противодействию возможным авиаударам неприятеля предполагал маскировку и противоосколочную обваловку соответствующих объектов, подготовку убежищ, формирование пожарных дружин и т.п.

²⁷ РГАЭ, ф. 4372, оп. 79, д. 773, л. 106—107.

²⁸ *Безбородов А.Б.* Власть и научно-техническая политика в СССР середины 50-х — середины 70-х годов. М., 1997. С. 93.

²⁹ ГА РФ, ф. 5446, оп. 1, д. 685, л. 120—121.

³⁰ *Некрасов В.Л.* Советский экономический реформизм... С. 81.

³¹ РГАЭ, ф. 4372, оп. 79, д. 773, л. 265—266.

новление № 864–369 11 сентября 1961 г.); мобплан народного хозяйства на 1962 расчётный год (постановление № 1123–485 18 декабря 1961 г.) и проект такового на 1963 расчётный год. Также его сотрудники подготовили ряд нормативных документов, имевших большое значение для постановки этой работы: «Положение о мобилизационном резерве», «Основные положения о мобилизационной подготовке народного хозяйства», «Инструкция о мобилизационной подготовке промышленности» и др.³²

Между тем новая система управления экономикой начала буксовать. Совнархозы «тянули одеяло на себя», не желая учитывать интересы не то что отдельной отрасли, но даже страны в целом, возможности же органов власти повлиять на них оказались ограничены. Так, 30 июня 1958 г. вышло постановление Совета министров РСФСР, в котором, между прочим, отмечалось, что «Новосибирский и Горьковский совнархозы не приняли необходимых мер к обеспечению... выпуск[а] самолётов-перехватчиков. Наряду с этим, Московский городской, Московский областной, Ленинградский, Татарский, Владимирский совнархозы не обеспечили изготовления и своевременной поставки заводам №№ 21 и 153 комплектующих изделий и материалов для производства самолётов-перехватчиков». Всё это срывало планы мобподготовки, однако при этом правительство республики предписало упомянутым совнархозам лишь «рассмотреть вопрос о причинах срыва поставок и планов производства и выпуска» и «утвердить мероприятия по оказанию помощи»³³ отстающим предприятиям (одновременно выделив им оборудование, необходимое для выпуска перехватчиков). Приказать и потребовать выполнения приказа оно уже не могло.

Поначалу, особенно в 1959–1960 гг., позитивный эффект децентрализации и снижения бюрократической нагрузки действительно ощущался. Однако затем он сошёл на нет, зато превалирование региональных интересов над общесоюзными стало болезненной проблемой. Итогом четырёх лет работы совнархозовской системы явилось замедление экономического роста: план ввода в эксплуатацию основных фондов хронически срывался, строительные организации не могли освоить выделяемые им ресурсы, наблюдались постоянные затруднения с внедрением новой техники и технологических решений³⁴. В отчёте ВПК за 1961 г. отмечалось: «План выполнен совершенно неудовлетворительно... Из 21 наименований баллистических, зенитных и авиационных ракет план не выполнен по 12 наименованиям, ВВС недопоставлено 279 самолётов и вертолёт, Гражданскому воздушному флоту – 121 самолёт»³⁵.

Пытаясь найти выход из сложившейся ситуации, Хрущёв и его ближайшее окружение приступили к очередному раунду преобразований. В конце 1961 г. было принято решение об укрупнении экономических административных районов, по итогам которого их количество на территории РСФСР сократилось с 67 до 24³⁶. Затем из ведения совнархозов изъяли вопросы капитального строительства, далее в каждом из них появилась плановая комиссия. Наконец, в ноябре 1962 г. Госплан преобразовали в Высший совет народного хозяйства,

³² Там же, оп. 80, д. 345, л. 64.

³³ Центральный архив Нижегородской области, ф. 2066, оп. 11, д. 449с, л. 122–123.

³⁴ Тимошенко А. И. Совнархозовская реформа... С. 720.

³⁵ РГАЭ, ф. 9452, оп. 1, д. 951, л. 171–172.

³⁶ Об образовании Советов народного хозяйства экономических районов РСФСР. Постановление Совета Министров РСФСР № 1690 (26 декабря 1962 г.) // Собрание постановлений правительства РСФСР за 1962 г. № 1–25. М., 1963. С. 459–462.

в подчинение которому попали совнархозы, а Госэкономсовет переименовали в Госплан³⁷. Однако быстрой отдачи от этих перетасовок не наблюдалось, а в октябре 1964 г. Хрущёва отрешили от власти. Вскоре после этого единый Госплан оказался восстановлен, но дальнейшая история системы мобподготовки — сюжет уже для новых исследований.

Подводя итог, отмечу, что в 1945—1964 гг. система органов мобилизационного планирования экономики СССР прошла достаточно длинный и извилистый путь развития. Фактически во второй половине 1940-х гг. проблематика мобподготовки оказалась оттеснена на периферию внимания руководства страны. Связанные с ней вопросы решались сразу несколькими институтами, для каждой из которых они, по сути, оказались второстепенными и даже маргинальными. В 1950-х гг. работами в этой сфере стал руководить Госплан в лице своих специальных подразделений, однако конкуренцию ему составляли другие ведомства: Госэкономкомиссия, Госэкономсовет, Военно-промышленная комиссия. Кроме того, переход в 1957 г. к территориальному управлению экономикой потребовал существенной корректировки всей стратегии мобподготовки страны. В результате, к середине 1960-х гг. по итогам многочисленных перестроек управленческого механизма руководство СССР пришло к выводу о необходимости сосредоточения всех вопросов мобпланирования в одном конкретном органе.

³⁷ Закон СССР «Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР и о внесении изменений и дополнений в статьи 70, 77 и 78 Конституции (Основного Закона) СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1962. № 50. 14 декабря. Ст. 529.

Ф.Ф. фон Берг и русская военная разведка во второй четверти XIX в.

Александр Сенин

**F.F. von Berg and Russian military intelligence
in the second quarter of the 19th century**

Aleksandr Senin
(*Lomonosov Moscow State University, Russia*)

DOI: 10.31857/S2949124X25030114, EDN: FKWFXM

История русской военной разведки второй четверти XIX в. изучена пока явно недостаточно и крайне поверхностно. Согласно распространённому в историографии мнению, сбору и анализу разведывательных данных в Российской империи уделялось тогда значительно меньше внимания, чем в начале или в последней трети столетия¹. Сказывалась эйфория от победы над Наполеоном и отсутствие столь же масштабных угроз². Тем не менее попытки усовершенствовать и систематизировать эту деятельность предпринимались. В частности, генерал-квартирмейстер Главного штаба гр. Ф.Ф. фон Берг (1793–1874) в 1852 г. рекомендовал военному министру кн. А.И. Чернышёву реорганизовать Департамент Генерального штаба по прусскому образцу и сосредоточить в нём все имевшиеся и вновь поступающие сведения о военном потенциале иностранных государств. Но эта инициатива не получила поддержки ни в руководстве ведомства, ни в ближайшем окружении Николая I, ни у самого императора, который, по словам А.А. Кривопалова, «оказался в принципе не готов к появлению рядом с собой институционально оформленного центра анализа стратегической информации, тем более к постоянному его существованию внутри системы высшего военного управления России»³. Неудивительно, что в те годы, как отмечает Г. Перссон, рассмотревшая один из вариантов инструкции, составленной Бергом для военных корреспондентов, данные о силах вероятных противников империи обновлялись несвоевременно и накапливались несистематически из-за отсутствия средств и воли к выполнению соответствующих распоряжений и программ⁴. Как бы то ни было, взгляды Берга на задачи и возможности русской разведки, до сих пор освещённые в историографии лишь фрагментарно, нуждаются в дальнейшем исследовании на основе малоизвестных или ещё не использовавшихся материалов официального делопроизводства Военного министерства, а также воспоминаний современников.

© 2025 г. А.В. Сенин

¹ См., например: *Алексеев М.Н.* Военная разведка от Рюрика до Николая II. Кн. 1. М., 1998. С. 37; *Линдер И.Б., Чуркин С.А.* Спецслужбы России за 1000 лет. М., 2016. С. 224.

² *Алексеев М.Н.* Военная разведка... С. 37.

³ *Кривопалов А.А.* Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1856 гг. М., 2019. С. 155–161.

⁴ *Persson G.* The Russian army and foreign wars 1859–1871. Ph D. London School of economics and political science, 1999.

В первой половине XIX в. для разведки, по словам К. Клаузевица, представляли ценность «любые сведения о враге и его стране, лежащие в основе всех собственных планов и действий», в том числе сообщения о вооружённых силах, экономическом потенциале, настроениях населения и политических событиях, способных повлиять на боевые действия, и т.д. Однако слишком много зависело от их точности и полноты, которые, как правило, оставляли желать лучшего. Тот же Клаузевиц сетовал на то, что «огромная часть информации, получаемая на войне, противоречива, ещё большая часть ложна и оставшаяся, ещё более значительная, и вовсе сомнительна». Опирались на эти данные при разработке стратегических решений было крайне рискованно: «Достаточно лишь вникнуть в природу этой основы, в её недостоверность и изменчивость, чтобы почувствовать, как ненадёжны базирующиеся на ней военные планы, как легко всё может развалиться и похоронить нас под своими обломками»⁵.

Данные о потенциальном противнике в то время извлекались из периодических изданий, из донесений дипломатов, пересылавшихся в Департамент Генерального штаба, из отчётов военных корреспондентов, легально находившихся на территории иностранных государств, а также из материалов, поступавших от тайных агентов. В прессе регулярно печатались достоверные известия о новых образцах вооружения, передислокации войск и т.д.⁶

Сотрудники посольств и консульств, к сожалению, не всегда были достаточно компетентны в армейских делах. В канцелярии Военного министерства хорошо понимали, что для них «собрание военно-статистических сведений, естественно, составляло только занятие побочное и почти несвойственное»⁷. Поэтому сообщения, полученные от военных корреспондентов, считались более полными и основательными. Причём наличие у них официального статуса значительно расширяло их возможности для сбора необходимых сведений. Так, полковник Н.А. Новицкий, находясь в начале 1860-х гг. в Великобритании, сетовал на то, что «непризнание меня военным агентом перед английским правительством ужасно сокращает круг моей деятельности и может навлечь на моё положение некоторую сомнительность, которая до сих пор отклоняется радушной дружбою, коею я пользуюсь в здешнем военно-официальном кругу»⁸. Обращение к услугам нелегальной агентуры признавалось крайней мерой,

⁵ Vom Kriege. Hinterlassenes Werk des Generals Carl von Clausewitz. T. I. Berlin, 1832. S. 89.

⁶ Любопытно, что в годы Гражданской войны в США, по воспоминаниям генерала армии конфедератов Э. Александера, «основной задачей агентов было снабжение нас газетами северян, хотя некоторое время они занимались тщательным учётом новых войск, прибывающих в Вашингтон. Однако полученная ими информация была признана менее надёжной, чем сообщения, содержащиеся в ежедневных газетах. Из них мы узнавали не только обо всех прибывающих войсках, но и о том, как они распределяются по бригадам и дивизиям. Занося эти данные в таблицы, мы всегда довольно точно знали, насколько велик потенциал армии противника» (*Alexander E. Military Memoirs of a Confederate. A Critical Narrative. N.Y., 1907. P. 55*).

⁷ РГВИА, ф. 29, оп. 6, д. 178, л. 38.

⁸ Там же, ф. 38, оп. 5, д. 1097, л. 6. При этом посол в Лондоне барон Ф.И. Бруннов, напротив, считал, что «полезно оставить положение полковника Новицкого на прежнем основании», поскольку «никак не желательно дать ему значение, которое могло бы побудить английское министерство к назначению в С[анкт]-Петербург особого военного агента». В письме к кн. А.М. Горчакову он заявлял: «Мне известен вред, происходящий от излишнего усердия, которым обыкновенно отличаются английские офицеры, занимающие подобные должности в чужих краях, как, напр[имер], в Париже. Я никак не желал бы дать повод к назначению сего рода в С[анкт]-Петербург» (Там же, л. 28).

широко использовавшейся преимущественно для тактической разведки в ходе военных действий либо в приграничной полосе, где жандармам в период Крымской войны удавалось отслеживать перемещения австрийских войск и т.п.

Ещё в начале 1820-х гг. «доставлено было начальнику Главного штаба его императорского величества значительное количество разных военно-статистических сведений; но из числа их оказались удовлетворительными только две записки; а именно: о военных силах Швеции и Церковной области»⁹. Вследствие этого в 1822 г. Бергу поручили составить проект инструкции для дипломатических сотрудников, занимавшихся сбором подобной информации. К тому моменту у него за плечами был опыт Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг., из которых он вернулся в Россию капитаном гвардейского Генерального штаба, и отпуск, проведённый в 1817–1820 гг. при русском посольстве в Константинополе, где ему удалось составить подробное военно-топографическое описание Турции, высоко оценённое императором. Вскоре после этого полковник Берг по особому высочайшему повелению был переведён в МИД «с переименованием в коллежские советники», в 1820–1822 гг. находился при российских представительствах в Мюнхене, Риме, Неаполе и получил там «за отличие» чин статского советника. Впрочем, уже «в 1822 году государь, по ходатайству тогдашнего генерала-квартирмейстера Главного штаба князя [П.М.] Волконского, желая даровать Генеральному штабу одного из способнейших его офицеров, изволили повелеть снова переименовать Берга в полковники с назначением в квартирмейстерскую часть»¹⁰. Этому не помешало даже остзейское происхождение Берга, которое едва ли могло импонировать кн. Волконскому, считавшемуся одним из лидеров «русской партии» в высшем армейском руководстве¹¹.

15 октября 1822 г. Берг представил свой проект. В документах Департамента Генерального штаба он характеризовался как «труд замечательный по своей полноте и систематической стройности»¹². Инструкция состояла из двух больших частей, посвящённых сухопутным войскам и военно-морскому флоту. Первая из них включала четыре подраздела, охватывавшие управление, организацию и дислокацию вооружённых сил, а также разработку стратегических соображений, связанных с их применением. Вторая освещала деятельность военно-морского министерства, устройство его отдельных частей, строительство кораблей, состояние морской пехоты, планирование операций на море.

В 1823 г. пост начальника Главного штаба занял И.И. Дибич, протеже гр. А.А. Аракчеева — главного антагониста кн. Волконского. Тем не менее и «барон Дибич совершенно одобрил проект полковника Берга»¹³, положение которого практически не изменилось. Но затем «дело оставалось несколько лет без дальнейшего хода», и лишь 28 августа 1825 г. его передали на отзыв гр. К.В. Нессельроде, после чего «опять два года не было никакой по сему предмету переписки»¹⁴, хотя Дибич по меньшей мере дважды обращался

⁹ Там же, ф. 29, оп. 6, д. 178, л. 33.

¹⁰ ГА РФ, ф. 547, оп. 1, д. 7, л. 13–14.

¹¹ Оксман Ю.Г. Агитационная песня «Царь наш — немец русский» // Литературное наследство. Т. 59. М., 1954. С. 72.

¹² РГВИА, ф. 29, оп. 6, д. 178, л. 33.

¹³ Там же, л. 34.

¹⁴ Там же.

к управляющему МИД с просьбой довести до сведения дипломатов рукопись Берга¹⁵.

Между тем в 1825 г. схожую инструкцию разработал генерал-майор А.А. Адеркас, рекомендовавший, помимо прочего, сообщать и военно-исторические сведения о вооружённых конфликтах, проходивших на той или иной территории. А в 1839 г. Николай I утвердил «Синоптическую таблицу», на которую следовало опираться при выяснении военного потенциала иностранных государств. Таким образом, потребность в упорядочивании сбора информации отчётливо осознавалась, но решить эту задачу на практике оказалось непросто.

Как отмечал в записке, поданной в сентябре 1827 г. гр. Нессельроде, генерал Свиты е.и.в. по квартирмейстерской части Ф.Ф. Довре, «составленная полковником Бергом инструкция, при всех неотъемлемых достоинствах своих, не может, однако ж, служить руководством для предполагаемого собирания военно-статистических сведений», поскольку «от чиновника дипломатической службы нельзя требовать удовлетворительного разрешения всех вопросов, задаваемых столь обширною и сложною программю». Более того, «окончательная же обработка или приведение в систему получаемых данных о всех государствах вообще должна быть возложена на особый комитет или военно-статистическое отделение, которое собственно для этой цели должно быть учреждено из людей специально-сведущих в делах»¹⁶. По замыслу Довре, следовало установить порядок, при котором «все данные, собираемые в разных государствах, доставляются прямо в Главный штаб его императорского величества и сосредотачиваются в особом отделении или комитете, составленном из одного офицера Генерального штаба, одного офицера морской службы и чиновника, сведущего в административной и финансовой части. Обязанность этого комитета состоит в систематическом распределении получаемых сведений (при чём может быть принята в руководство программа, составленная полковником Бергом). Недостающие сведения пополняются из разных других источников или посредством запросов к тем же лицам, которые занимаются собиранием сведений на месте». Данную задачу предполагалось возложить за границей на «особых офицеров Генерального штаба или, по крайней мере, таких, которые имели бы нужные для этой цели специальные познания; в государствах же приморских нужны офицеры морской службы»¹⁷.

Однако, как констатировали в Департаменте Генерального штаба в начале 1830-х гг., «несмотря на всю простоту и удобоисполнительность предположения, новая эта попытка не имела желанного результата. Граф Нессельроде, уже после повторительной просьбы графа Дибича, отвечал, наконец, 3 января 1828 года, что во все посольства препровождена инструкция, составленная полковником Бергом... и что вновь предписано будет наблюдать за точным её исполнением; сведения же, доставляемые от посольств в Министерство иностранных дел, будут по мере получения препровождаемы в Главный штаб его императорского величества». Со своей стороны, Дибич «ограничился лишь изъяснением желания», чтобы сообщения, касавшиеся военной части, поступали

¹⁵ Там же, л. 36–37. В 1866 г. генерал-майор А.Э. Циммерман вспоминал, что в конце 1840-х гг. «граф Нессельроде и другие стоявшие близко к государю люди старались оттирать Берга, опасаясь, что он приобретёт большое влияние на дела» (ОР РГБ, ф. 325, к. 1, д. 2, л. 86). Но едва ли эти соображения могли играть роль уже в 1820-е гг.

¹⁶ РГВИА, ф. 29, оп. 6, д. 178, л. 34.

¹⁷ Там же, л. 35.

из посольств непосредственно в Главный штаб, минуя МИД¹⁸. Тем временем в Главном штабе, получив отчёт А.О. Дюгамеля (участвовавшего в середине 1820-х гг. в экспедиции Берга в Киргиз-Кайсацкую степь) о состоянии австрийской армии, собирались «по тому же образцу составлять постепенно описания вооружённых сил других держав европейских; но, вероятно, по случаю скорого за тем выступления гвардии в поход, предположения эти остались также без исполнения»¹⁹. В итоге «переписка... осталась почти без результатов, ибо те отрывочные сведения, которые доставлялись по временам посольствами, далеко не удовлетворяли ни предположенной первоначально цели, ни существенным потребностям правительства»²⁰.

Вступив в должность генерал-квартирмейстера, Берг 11 декабря 1843 г. представил военному министру доклад «о способе пополнения секретного архива Департамента Генерального штаба новейшими сведениями об иностранных государствах по части военной». При этом он рассчитывал воспользоваться составленной им в 1822 г. инструкцией, «но нигде отыскать её не мог». Лишь в 1850 г. она была «найдена случайно в старых делах» при составлении 25-летнего отчёта по Военному министерству²¹.

Размышляя о ней в 1852 г., кн. Чернышёв отметил: «Я нахожу, что со времени составления сей инструкции значительно увеличились общедоступные источники, из коих могут быть почерпаемы современные военно-статистические сведения. Независимо от сочинений, в коих изложено основное устройство военных сил иностранных государств, официальные журналы, почти повсеместно издаваемые, и множество периодических изданий содержат подробные о последовательных в сём устройстве изменениях известия, за коими остаётся только следить с неусыпным вниманием»²². В другом письме военный министр утверждал: «Теперь всё обнародывается, и стоит только следить неусыпно за последовавшими переменами. Корреспонденты могут служить только вспомогательным средством тех сведений, которые нужными окажутся»²³.

Генерал-квартирмейстер считал иначе. В своём докладе 19 февраля 1852 г. он напоминал, что «Генеральному штабу постановлено в обязанность собирать верные и подробные сведения о военных силах и способах иностранных государств», и «для достижения этой цели состоят при некоторых посольствах наших в чужих краях корреспонденты Военного министерства, но донесения их с некоторого времени вовсе не поступают в Департамент Генерального штаба, а потому Департаменту остаётся ограничиваться только теми сведениями по части военной, какие помещаются в разных периодических сочинениях и журналах». Между тем «рассмотрение сих сочинений показало, что вышеупомянутые сведения весьма отрывочны, противоречивы, часто не верны и вообще не полны, так что по ним нет никакой возможности следить за состоянием части военной в иностранных государствах, за переменами, происходящими в оной, и составить что-либо стройное, могущее заменить сведения, которые в состоянии доставлять корреспонденты»²⁴.

¹⁸ Там же, л. 36–37.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, л. 37–38.

²¹ Там же, л. 45.

²² Там же, ф. 38, оп. 5, д. 594, л. 12.

²³ Там же, ф. 29, оп. 6, д. 178, л. 41.

²⁴ Там же, л. 10.

Информативность прессы гр. Берг оценивал скептически. «Только в Англии и Пруссии, — сообщал он кн. Чернышёву, — выходят издания, дающие возможность с некоторою достоверностию, хотя и приблизительно, судить о военных, сухопутных и морских силах. Второстепенные германские державы ничего подобного не издают, или уже издания эти бывают так редки, что по ним нельзя составить никакого отчёта о военных силах... Во Франции издания о военных силах не полны... В Португалии, Испании, Италии, Турции и Персии ровно ничего о военных силах не публикуется»²⁵. Характерно, что генерал-лейтенант барон Н.В. Медем, ссылаясь на опыт своей работы в Париже в 1848—1849 гг., указывал на то, что изменение дислокации войск часто освещалось во французской печати, однако журналисты нередко допускали ошибки, и необходимо было постоянно корректировать и проверять их известия, наводя справки у знакомых офицеров и генералов или даже совершая поездки по стране²⁶.

Скрупулёзно проверяя сообщения немногочисленных военных корреспондентов, генерал-квартирмейстер сетовал на то, что «донесения генерал-майора графа [К.К.] Бенкендорфа заключают весьма много любопытных и полезных сведений, но нет в них ничего целого и полного относительно военно-сухопутных сил Пруссии»²⁷. В то же время он хвалил гр. К.И. Остен-Сакена, которому «труднее всех прочих получать военные сведения, а между тем справедливость требует сказать, что доставленные им сведения о военных силах Турции отличаются ясностью, точностью и верностью»²⁸.

Д.А. Милютин, читавший в конце 1840-х гг. лекции в Военной академии, вспоминал: «Для получения сведений об иностранных армиях я должен был обращаться с личными просьбами то в Департамент Генерального штаба, то в канцелярию Военного министерства. В то время хоть и состояли при некоторых наших посольствах военные лица с званием “военных корреспондентов” (в Париже — полковник [Б.Г.] Глинка[-Маврин], в Берлине — генерал-майор Свиты граф Бенкендорф, в Вене — полковник граф [Э.Г.] Стакельберг, в Стокгольме — генерал-майор [А.А.] Бодиско, в Константинополе — полковник граф Остен-Сакен), но в самом министерстве Военном часть военно-статистическая не была организована. Доставляемые по временам означенными лицами кое-какие записки о переменах в иностранных армиях считались секретными и оставались без всякого употребления»²⁹.

Так или иначе, в феврале 1852 г. кн. Чернышёв написал гр. Бергу, давно ожидавшему подобного поручения: «Находя учреждённый в прусском Генеральном штабе порядок собирания военно-статистических сведений весьма удовлетворительным, прошу представить мне соображение, в какой мере признаётся возможным и удобным применить сей порядок у нас»³⁰.

К тому времени именно о военной организации дружественной Пруссии в Петербурге располагали наиболее полной информацией. Так, в одном из докладов гр. Берг признавал, что «досель 2-е отделение Департамента Генерального штаба... не имея в распоряжении своём иных средств, кроме повременных изданий, журналов и газет, встречало всегда большие затруднения в составле-

²⁵ Там же, л. 85.

²⁶ Там же, ф. 38, оп. 5, д. 436, л. 112—114 об.

²⁷ Там же, д. 594, л. 87.

²⁸ Там же, л. 256.

²⁹ Милютин Д.А. Воспоминания. 1843—1856 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2000. С. 143.

³⁰ РГВИА, ф. 29, оп. 6, д. 178, л. 42.

нии верного отчёта о военных силах и способах иностранных государств (кроме Пруссии) единственно от недостатка материалов и потребных сведений»³¹. По мнению генерал-квартирмейстера, российское командование вполне могло рассчитывать на содействие прусской разведки. «Сведения о французской армии, — говорилось в приложении к его докладу, — заключающиеся в донесениях полковника графа Стакельберга, так давно им доставлены, что на них нельзя основаться, и потому Департамент Генерального штаба для составления этого описания о военно-сухопутных силах Франции извлёк какие имелись, весьма немногие, сведения из французских периодических журналов. Желательно бы было послать это описание в Париж к полковнику графу Стакельбергу с тем, чтобы он пополнил оное, и предписать ему о доставлении столь же подробных и удовлетворительных сведений о французской армии, как доставляет оные прусский корреспондент в Париже Генерального штаба капитан [В. фон] Лоос прусскому генерал-квартирмейстеру генерал-лейтенанту [К.Ф.В. фон] Рейеру, что мне лично известно. По связям нашим с прусским двором полковник граф Стакельберг мог бы даже на первый случай позаимствовать эти сведения от прусского корреспондента, пока не найдёт сам другого прямейшего и вернейшего источника»³².

В ходе намеченной гр. Бергом реорганизации по прусскому образцу предстояло «при 2-м отделении Департамента Генерального штаба учредить особый секретный стол для собирания, приведения в порядок и обработки всех сведений о военных силах и способах иностранных государств. Стол этот разделить на три части и отнести: к первой — Швецию, Данию, Нидерланды, Бельгию, Великобританию, Францию, Испанию и Португалию; ко второй — Пруссию, Австрию, все германские и итальянские владения и Швейцарию; к третьей — Турцию, Персию, обе Индии, Китай, Коканд, Бухарию и Хиву». Кроме того, рекомендовалось «по временам, но сколь возможно реже и только тогда, когда действительно признано будет полезным и необходимым, командировать офицеров за границу в те места, где нет ни военных корреспондентов, ни посольств, как, напри[мер], в Пьемонт и в Испанию; преимущественно же их командировать для осмотра важнейших крепостей»³³.

О соображениях гр. Берга кн. Чернышёв доложил Николаю I, но тот признал «излишним ввести у нас учреждённый в прусском Генеральном штабе порядок», полагая, что «пребывающие за границею корреспонденты Военного министерства обязаны доставлять сколь можно полные и своевременные военно-статистические сведения, для приведения коих в систематический порядок способы 2-го отделения Департамента Генерального штаба весьма достаточны», и «остаётся только дать корреспондентам общую инструкцию для руководства их к достижению желаемой цели». Одновременно император распорядился, «чтобы с Министерством иностранных дел возобновлено было сношение о поручении посольствам нашим, в тех государствах, в коих нет особых корреспондентов, доставлять повременные в определённые сроки сведения о состоянии военных сил сих государств по краткой и удобоисполнимой программе»³⁴. Готовить её вновь пришлось гр. Бергу, который переработал и сделал более компактным проект 1822 г.

³¹ Там же, ф. 38, оп. 5, д. 594, л. 250.

³² Там же, л. 114.

³³ Там же, ф. 29, оп. 6, д. 178, л. 60.

³⁴ Там же, ф. 38, оп. 5, д. 594, л. 83–84.

В результате аналитический центр в Генеральном штабе так и не создали, численность военных агентов, способных компетентно собирать необходимую информацию о вооружённых силах и потенциале зарубежных стран, осталась минимальной, а их нехватка по-прежнему восполнялась дипломатами, не имевшими специальной подготовки. Кн. Чернышёв, хотя и не разделял взгляды гр. Берга, по-видимому, в начале 1852 г. был готов поддержать его инициативу. Но к тому времени его позиции в ведомстве заметно ослабли, и уже в августе он покинул пост военного министра. И всё же вряд ли стоит связывать неудачу замыслов генерал-квартирмейстера с какими-либо личными взаимоотношениями в окружении монарха. Николай I, который, по выражению О.Р. Айрапетова, «был “сам себе министр иностранных дел” и “сам себе начальник Генерального штаба”»³⁵, скорее всего, действительно не видел особого смысла в намеченном графом преобразовании. К тому же институционально оформленных централизованных разведывательных структур не имели тогда ни Франция, ни Великобритания (во всяком случае, до 1855 г., когда появилось Управление топографии и статистики, на базе которого впоследствии возник Директорат военной разведки). Пруссия же обычно рассматривалась как колеблющийся союзник, а не вероятный противник. Всё это явно не способствовало существенным переменам в устоявшейся системе управления русской армии и не располагало к внедрению принципиально новых механизмов, связанных с принятием стратегических решений.

³⁵ *Айрапетов О.Р.* Забытая карьера «русского Мольте»: Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб., 1998. С. 6.

Формирование Смоленского ополчения в годы Восточной войны (1853–1856)

Наталья Горская

Formation of the Smolensk Militia during the Crimean War (1853–1856)

Natalia Gorskaya
(Smolensk State University, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X25030122, EDN: FLAQTY

До Восточной войны 1853–1856 гг. создание ополчений в России носило бессистемный характер. 29 января 1855 г. «Положение о государственном ополчении» определило его структуру, порядок созыва и формирования¹. Немногочисленные исследователи, писавшие об участии ополченцев в событиях 1855–1856 гг., освещали в основном военные аспекты или региональные особенности их службы, её внешние атрибуты, роль дворянства и т.д.² Но при этом, как правило, не рассматривались источники финансирования «ополченческого движения», влияние экономических и демографических факторов на численность ополчения и его снабжение, а также последствия набора, проводившегося за счёт местных ресурсов, для жителей различных губерний, в том числе и Смоленской.

В Крымской войне участвовало 337 дружин государственного подвижного ополчения³. Они набирались в губерниях «в три очереди» на основании указов Сенату, подписанных 29 января, 31 июля и 16 сентября 1855 г. Смоленская губ. оказалась в первой из них, наряду с Санкт-Петербургской, Олонецкой, Новгородской, Тверской и Курской. В них повелевалось приступить к формированию ополчения «немедленно»⁴. Созывалось оно с использованием правил и процедур рекрутских наборов с тем лишь отличием, что в ратники зачисляли временно (до окончания войны и издания соответствующих манифестов) и со всей территории губернии, без соблюдения очерёдности, установленной при

© 2025 г. Н.И. Горская

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-20194 «Войны XIX века в жизни и памяти жителей Смоленской губернии (1812–1912 гг.)».

¹ ПСЗ-II. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1856. № 28994.

² *Презенцев Я.* Государственное ополчение. СПб., 1889; *Баграмов И.* Краткий исторический обзор отбывания военной службы нашим дворянством и образования государственного ополчения // Военный сборник. 1899. № 10–11; *Петров Ф.П.* Государственное ополчение. СПб., 1901; *Кузнецов Б.И.* Подвижное ополчение. М., 1976; *Окунев С.Ю.* Государственное ополчение в XIX – начале XX века. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005; *Панисяк К.В.* Смоленяне в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. Смоленск, 2006; *Смолин Н.Н.* Дружины государственного подвижного ополчения 1855–1856 гг. // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. VII. М., 2009. С. 325–366; *Пирожкова Т.Ф.* «Хлопочу около колесницы» (И.С. Аксаков в ополчении) // Словесность и история. 2023. № 4. С. 62–75.

³ *Презенцев Я.* Указ. соч. С. 35.

⁴ ПСЗ-II. Т. 30. Отд. 1. № 28993. § 1. В эту группу входили также Московская, Вологодская, Костромская, Нижегородская, Ярославская, Калужская, Орловская, Тульская, Рязанская, Владимирская, Тамбовская и Пензенская губернии, но там предстояло с 15 февраля по 15 марта провести рекрутский набор, и поэтому «сбор ратников в ополчение» отложили до апреля (Там же. § 2).

сдаче рекрутов по Уставу 28 июня 1831 г.⁵ Круг учреждений, занимавшихся формированием губернских ополчений, делившихся на дружины и роты, а также их штаты определялись Положением 29 января 1855 г. одинаково для всех частей России. В годы Крымской войны всё делалось не по инициативе дворян «снизу», как в 1812 г.⁶, а централизованным бюрократическим путём.

В результате призыв в подвижное ополчение (для выдвижения за пределы губерний) в 1855 г. вылился в мобилизацию всего податного населения для пополнения вооружённых сил, от чего освобождались только купцы, колонисты и евреи⁷. В 1834–1850 гг. (между VIII и IX ревизиями) из Смоленской губ. в регулярные войска ушли 29 316 человек⁸, а в 1855 г. в течение месяца следовало поставить в ополчение почти 39% от этого числа — 11 323 ратника, не считая офицеров⁹.

Проходило всё это на фоне обороны Севастополя, смерти Николая I и вступления на престол Александра II. Грозная обстановка стимулировала местную администрацию и патриотически настроенных представителей благородного сословия. Формированием дружин занимались Смоленский губернский комитет государственного ополчения (далее — Комитет), губернское дворянское собрание и предводители дворянства. В Комитет входили военный и гражданский губернатор Н.А. Ахвердов, занимавший данный пост в 1852–1859 гг., вице-губернатор М.И. Анисимов, губернский предводитель дворянства кн. М.В. Друцкой-Соколинский (или исполнявший его обязанности В.В. Воронец), председатель казённой палаты А.Н. Муравьёв, управляющий палатой государственных имуществ Д.С. Протопопов и городской голова Смоленска купец 1-й гильдии В.С. Тыкоцкий. Все они, кроме вице-губернатора, по должности являлись членами губернского по земским повинностям присутствия. Едва ли это было случайным, поскольку именно земский сбор служил источником финансирования для ополчения¹⁰.

Работа Комитета контролировалась витебским, могилёвским и смоленским генерал-губернатором кн. М.А. Урусовым (ранее он несколько лет «наблюдал за ходом рекрутских наборов»¹¹), который вмешивался в дела лишь в критических ситуациях. В феврале 1856 г. император вовсе упразднил местное генерал-губернаторство. Но и до того ключевую роль в Комитете играл Ахвердов, имевший большой военный и административный опыт и хорошо знавший Смоленщину¹². Возглавляя Комитет, он с 7 февраля 1855 г. и до роспуска ополчения в конце апреля 1856 г. давал распоряжения предводителям дворянства, а также губернским и уездным учреждениям и должностным лицам. Наиболее интенсивный период его деятельности, как и работы Комитета, пришёлся на февраль–июль 1855 г., вплоть до отправки ополчения в поход.

Комитет опирался на решения экстренного губернского дворянского собрания, состоявшегося по распоряжению губернатора 16–23 февраля 1855 г.

⁵ ПСЗ-II. Т. 6. Отд. 1. СПб., 1832. № 4677.

⁶ Рыков В.К. Смоленское дворянское ополчение 1812 года // Смоленское дворянство. Вып. 5. М., 2001. С. 29–35.

⁷ ПСЗ-II. Т. 30. Отд. 1. № 28994. § 5.

⁸ Соловьёв Я.А. Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии. М., 1855. С. 94.

⁹ Государственный архив Смоленской области (далее — ГА СО), ф. 1129, оп. 1, д. 1, л. 1.

¹⁰ Там же, д. 2, л. 23; ПСЗ-II. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1852. № 25398. § 34.

¹¹ Кононов В.А. Смоленские губернаторы. 1711–1917 гг. Смоленск, 2004. С. 274.

¹² Там же. С. 262–263, 274–275.

Оно произвело «раскладку» числа ратников по имениям и определило основные правила их набора, цены на обмундирование, продовольствие и фураж¹³. Кроме того, собравшиеся выбрали из местных потомственных дворян офицеров, которых затем утверждало Военное министерство, и двух кандидатов в начальники ополчения. Ими стали популярные генералы А.П. Ермолов и Е.А. Головин, который в итоге и был назначен заведующим смоленских дружин. В его распоряжение поступили также адъютант — поручик П.П. Засецкий (дворянин Вяземского уезда)¹⁴ и небольшая канцелярия.

К концу февраля 1855 г. в уездах заработали приёмные комиссии, обеспеченные специальными книгами, квитанциями, бланками формулярных списков и т.п. В них заседали уездные предводители дворянства, дружинные начальники и врачи. Набор ратников в Смоленское ополчение завершился к 23 марта, накануне весенних полевых работ. К тому времени за зиму были «съедены» все запасы от урожая предыдущего года.

К 1 января 1853 г. на территории Смоленской губ., находившейся на стыке центрального промышленного района и аграрной Белоруссии, проживали 1083249 человек обоего пола. Сельские жители, в основном — помещичьи и государственные крестьяне, составляли 94% населения. Среди дворян преобладали беспоместные и мелкопоместные (до 21 души), каковых насчитывалось 3039 человек — 54% от общего числа владельцев крепостных, среднепоместных (от 21 до 100 душ) было 1741 (31%), а крупных собственников (от 100 до 500 душ и более) — 839 (15%)¹⁵. По числу крепостных Смоленская губ. занимала шестое место в России, а по их доле в составе населения — первое место¹⁶.

Смоленщина была бедным краем и постоянно балансировала на грани массового голода. О неустойчивости её экономического положения и узости рынка, на котором приходилось закупать товары для ополчения, свидетельствовали показатели торговли: в 1852 г. на всех 24 местных ярмарках было продано товаров на 155078 руб. — значительно меньше, чем в какой-либо из великорусских или малороссийских губерний¹⁷. Из 16 лет, прошедших между VIII и IX ревизиями, семь оказались неурожайными¹⁸. В 1851 г., когда из-за дождей и града урожай составил всего сам-1,25, губернатор сообщал в МВД, что «крестьяне целыми семействами оставляют дома и отправляются просить милостыню» и «для отвращения угрожающего бедствия необходимы особые меры правительства», поскольку помещики не имеют хлеба даже на собственное пропитание¹⁹. В 1853 г. в МВД с беспокойством отмечали «скудный урожай» в Могилёвской, Смоленской, Витебской, Виленской, Гродненской и Минской губерниях и повсеместное распространение холеры и тифа²⁰. При почти полном отсутствии медицинской помощи свирепствовали эпидемии цинги, оспы,

¹³ ГА СО, ф. 1, оп. 2, 1855 г., д. 480, л. 16.

¹⁴ Там же, л. 192–193; д. 774, л. 20.

¹⁵ Соловьёв Я.А. Указ. соч. С. 93, 114, 140.

¹⁶ Будаев Д.И. Крестьянская реформа 1861 года в Смоленской губернии (к вопросу о реализации «Положений 19 февраля»). Смоленск, 1967. С. 24.

¹⁷ Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел. Ч. III. Кн. 3. СПб., 1862. С. 632–634. Меньший объём продаж наблюдался только в Бессарабской, Виленской, Ковенской, Курляндской и Минской губерниях.

¹⁸ Соловьёв Я.А. Указ. соч. С. 95.

¹⁹ Варадинов Н.В. Указ. соч. Ч. III. Кн. 3. С. 585.

²⁰ Там же. Ч. III. Кн. 4. СПб., 1862. С. 9, 92.

холеры, скарлатины и других заболеваний. В 1851 г. из заболевших умирал каждый 13-й²¹.

Правительство неоднократно предоставляло жителям Смоленщины рас-срочки по уплате недоимок и пополнению хлебных магазинов. Под угрозой срыва находилось и обеспечение провиантом рекрутов. В 1851 г. власти по-зволили смоленским и могилёвским помещикам поставлять для армии хлеб в счёт уплаты недоимок²². В 1853 г. ввиду «бедственного положения» дворян Краснинского и Поречского уездов разрешалось продавать им хлеб из запас-ных магазинов по заниженным ценам²³. Вступив на престол, Александр II ма-нифестом 27 марта 1855 г. списал недоимки по подушной и оброчной податям, превышавшие их годовой оклад²⁴. Однако это не могло изменить тяжёлое по-ложение Смоленской губ. Между тем призыв ратников вёл к дополнительным повинностям и затратам.

По Положению 29 января 1855 г. с тысячи ревизских душ, «платящих подушную подать или подушной соответствующую», полагалось выставить 23 ратника²⁵. Согласно данным IX ревизии (1850 г.) в Смоленской губ. чис-лилось 492 344 представителя податных сословий, из которых предстояло на-брать 11 323 ратника. Но губернии следовало сформировать 11 дружин, а в них, согласно расписанию, должно было находиться 11 759 человек. Поэтому 436 ополченцев решили взять из нижних чинов инвалидных команд и бата-льонов внутренней стражи²⁶. Однако эти цифры не являлись окончательными. В Петербурге понимали необходимость руководствоваться «действительным со-стоянием населения губернии» и учитывать те изменения, которые произошли с 1850 г.²⁷ По сведениям казённой палаты, к началу 1855 г. в губернии платили подати 491 363 человека: 379 565 помещичьих крестьян, 92 284 государственных, а также 19 514 мещан. Тем самым их общее число сократилось за пять лет на 981 жителя. Они могли отправить в поход 11 301 ратника, на 22 меньше, чем по первоначальным предположениям²⁸.

При формировании ополчения дворянское собрание решило использовать так называемые доли, или дробы, которые обычно применяли при несении рекрутской повинности. Например, если с участка надо было выставить пару рекрутов с тысячи человек, то с 1 250 крестьян, проживавших на его территории, брали двоих солдат, а остальные 250 образовывали «недобор», или «дробь», до следующего рекрутского набора. Эти «доли» накапливались и, когда доходили до единицы, с участка брали дополнительного рекрута²⁹.

В Смоленской губ., где преобладало мелкое землевладение, эта система имела существенное значение. При образовании дружин в 1855 г. количество помещичьих и казённых крестьян умножали на 23 и делили на тысячу, после чего требовали людей из тех имений и обществ, у которых дробь приближалась к единице. Это указывало на стремление дворян в условиях недостатка трудо-

²¹ Там же. Ч. III. Кн. 3. С. 645.

²² Там же. Ч. III. Кн. 3. С. 589.

²³ Там же. Ч. III. Кн. 4. С. 15, 16.

²⁴ ПСЗ-II. Т. 30. Отд. 1. № 29165. Ст. I.

²⁵ Там же. № 28994. § 6.

²⁶ ГА СО, ф. 1129, оп. 1, д. 1, л. 1–1 об.

²⁷ Там же, л. 34.

²⁸ Там же, л. 3 об.

²⁹ ПСЗ-II. Т. 6. Отд. 1. № 4677. § 66.

вых ресурсов равномерно «разложить ответственность» и издержки в том числе и на широкий круг сравнительно небогатых собственников³⁰.

По расчётам уездных предводителей и казённой палаты одного ратника следовало выставить с 43 душ податного населения, но со 154 забирали уже четырёх. Бельский помещик П.К. Пузыревский жаловался губернатору на то, что у него с 60 душ взяли двух, тогда как в государственной деревне столько же брали с 80³¹. А в некоторых уездах «приходилось брать ратников с 18 душ», причём без всякого вознаграждения³². Из 196 владельцев Дорогобужского уезда, пославших в ополчение 573 крестьян, по одному дали 98 мелкопоместных дворян, 11 не предоставили никого. Остальные ополченцы принадлежали средним и крупным помещикам. Так, 98 человек направили в Дорогобуж те, кто обладал сотнями крепостных: Барышниковы, кн. В.Н. Друцкой-Соколинский, полковник Д.С. Чебышев и др.³³

В итоге в Смоленское ополчение поступило 12087 человек, включая 11303 (94%) крестьян (государственных и помещичьих) и мещан³⁴, 539 солдат инвалидных команд и батальона внутренней стражи, 36 музыкантов и сигнальщиков и 209 офицеров, включая командиров дружин³⁵, каждая из которых насчитывала от 1023 до 1035 ратников³⁶. Впрочем, эти цифры были подвижны. Число офицеров и «кадровых нижних чинов» незначительно изменялось в ту или другую сторону в пределах десятка, основной же состав по мере обучения и в походе сокращался более существенно.

Для пушей солидарности губернское дворянское собрание установило также денежные сборы: те, у кого имелось менее 18 душ, освобождались от пополнения ополчения, но должны были перечислить в его пользу по 1 руб. 16 коп. с каждого своего крестьянина³⁷. Кроме того, все без исключения дворяне губернии вносили ежемесячно с 29 января 1855 г. по 29 января 1856 г. с оставшихся у них крепостных по 20 коп. с души³⁸. Эти платежи назывались «внесением в артель»³⁹. Комитет ими не распоряжался. Собранные средства находились в ведении предводителей дворянства и аккумулировались в уездных казначействах. Таким образом, все податные сословия и все категории местного дворянства оказались вовлечены в процесс создания Смоленского подвижного ополчения.

При этом Комитет заботился о соразмерности нагрузки, ложившейся на различные части губернии. Например, в Гжатском уезде проживали 53244 податных души, а в соседнем Вяземском — лишь 35402. Дружины по расписанию должны были насчитывать 1030—1035 ратников. В подобных случаях ополченцев, как правило, переводили в соседние уезды⁴⁰.

Всего Смоленская губ., делившаяся на 12 уездов, формировала 11 ополченческих дружин (№ 27—37). Положение 29 января 1855 г. предусматривало, что,

³⁰ ГА СО, ф. 1, оп. 3, 1855 г., д. 772, л. 1—1 об.

³¹ Там же, д. 783, л. 1.

³² Там же, ф. 1129, оп. 1, д. 2, л. 18.

³³ Там же, ф. 1236, оп. 1, д. 37, л. 1—11 об.

³⁴ Там же, д. 28, л. 25.

³⁵ Там же, ф. 1129, оп. 1, д. 3, л. 54 об.; ф. 1, оп. 2, 1855 г., д. 480, л. 1—14.

³⁶ Там же, ф. 1236, оп. 1, д. 24, л. 25.

³⁷ Там же, ф. 1129, оп. 1, д. 2, л. 18; д. 6, л. 68—69.

³⁸ Там же, д. 2, л. 18.

³⁹ Там же, д. 3, л. 36 об.

⁴⁰ Там же, л. 93—93 об.

«в случае недостатка ратников одного уезда для составления дружины, соединяются два, три и более уездов, и для всех избирается один сборный пункт»⁴¹. Поэтому Краснинский уезд соединили со Смоленским, как смежные и наименее населённые (28415 и 32845 душ соответственно)⁴². Их объединённая дружина называлась Смоленской (№ 27). Однако при таком укрупнении в ней образовался перебор ратников, и тогда дворянское собрание решило избыточную их часть перевести в Поречскую дружину⁴³. Центрами сбора и обучения ополченцев до отправления в поход являлись Смоленск и 10 уездных городов (кроме Красного).

По закону в ополчение нужно было направлять здоровых мужчин 20–45 лет при условии, «чтобы они не имели только ран, грыжи и калечества»⁴⁴. Пользуясь столь мягкими требованиями, некоторые помещики посылали в поход заведомо больных крестьян, которых по прибытии в расположение дружины приходилось определять в уездные больницы⁴⁵. Ротный командир Смоленской дружины М.М. Фойницкий настаивал на замене двух человек, один из которых был «глух и слабоумен», а другой «по случаю слепоты не мог различать близ себя предметы»⁴⁶. В Дорогобуже приёмная комиссия выявила ратников, страдавших падучей болезнью⁴⁷.

Но всё же в основном в ополчение уходили вполне трудоспособные крестьяне, от чего страдали и их семьи, и помещичье хозяйство. Судя по сохранившимся сведениям о 63 ратниках Дорогобужской дружины (№ 30), все они исповедывали православие, один принадлежал к мещанам Дорогобужа, а остальные — к крепостным (54) и государственным (8) крестьянам. Примерно половине исполнилось от 20 до 30 лет, самому старшему было 44 года. Почти все они оставались безграмотными. Лишь Егор Григорьев мог читать и писать, а Феофан Фёдоров 24-х лет (из крупного имения Алексино, принадлежавшего А.И. Барышникову) не только умел читать, но и «знал садоводство и слесарное мастерство». 53 крестьянина имели жён и детей⁴⁸.

Снаряжение ополченцев и обоза финансировалось из казны (оплачивавшей только ружья), из сумм земского сбора и за счёт «датчиков». Материальные затраты по снаряжению ратников возлагались на «датчиков», как это практиковалось и при рекрутских наборах, когда общества и помещики вместе с рекрутами сдавали в казну деньги на обмундирование, провиант, жалование и гербовую бумагу⁴⁹. Только в походе ополченцы переводились на государственное снабжение по нормам пехотных частей⁵⁰, а до выступления снабжались на местах. С марта по июнь они дислоцировались в уездных городах и пригородах, где проходили военную подготовку. Одновременно под руководством Комитета осуществлялись закупки вооружения и обмундирования, формирование обоза и т.п.

⁴¹ ПСЗ-П. Т. 30. Отд. 1. № 28994. § 17 (п. 5).

⁴² ГА СО, ф. 1129, оп. 1, д. 1, л. 3 об.

⁴³ Там же, л. 4.

⁴⁴ ПСЗ-П. Т. 30. Отд. 1. № 28994. § 45.

⁴⁵ ГА СО, ф. 1236, оп. 1, д. 28, л. 11.

⁴⁶ Там же, д. 15, л. 7.

⁴⁷ Там же, ф. 1129, оп. 1, д. 2, л. 8.

⁴⁸ Там же, ф. 1236, оп. 1, д. 19. л. 1–128.

⁴⁹ ПСЗ-П. Т. 6. Отд. 1. № 4677.

⁵⁰ ГА СО, ф. 1, оп. 2, 1855 г., д. 480, л. 40.

Все затраты на ополчение делились на денежные и натуральные, к которым относилось обеспечение провиантом (мукой и крупой) и фуражом (овсом и сеном) на время пребывания в губернии. Кроме того, в поход дружины отправлялись, имея при себе продовольствия на 10 суток: шестидневный запас везли на провиантских телегах, а четырёхдневный несли в сумках⁵¹. Эти поставки являлись тяжёлыми повинностями для смоленской деревни⁵². Их разрешалось заменить денежным взносом по ценам, определённым губернским дворянским собранием, но сделать это было крайне трудно «по бедности хозяйства и бедности рынка». Для сохранения качества провиант и фураж доставлялись в уездные города «порционно», в три этапа: с 23 февраля по 23 марта — во время сбора ратников, 15—23 мая — в период их интенсивной подготовки и 15—23 августа, когда им, по первоначальным планам, надлежало выдвигаться на юг⁵³. Разумеется, жители губернии несли также в её пределах постоянную и подводную повинности.

Местный (земский) бюджет составлялся на три года. Губернатор и губернский предводитель дворянства определяли, что предстояло сделать в губернии на средства дворян, купцов и мещан (содержание и устройство почты, мостов, дорог, общественных зданий и т.п.). Губернское дворянское собрание утверждало раскладку, после чего поступавшие от налогоплательщиков деньги «вносились на особый счёт в казначейство»⁵⁴.

В 1851 г. земские повинности более чётко разделили на денежные (государственные и собственно губернские, для местных нужд) и натуральные: общие — для всего населения губернии и частные, касавшиеся селения или города⁵⁵. Но поскольку на практике такое деление вводилось как раз с 1 января 1855 г.⁵⁶, в делопроизводстве Комитета «государственные» и «губернские» денежные повинности часто не различались⁵⁷. Фактически на формирование ополчения шли средства, изначально предназначавшиеся на насущные потребности местного населения.

Ещё одним источником финансирования ополчения служили пожертвования, но они не стали столь же массовым явлением, как во время Второй Восточной войны⁵⁸. В 1876—1878 гг. они были частью широкого общественного движения, в котором активно участвовало свободное крестьянство, а в середине 1850-х гг. скорее напоминали исполнение дворянской и купеческой «повинности», установленной властью.

В Санкт-Петербургской, Нижегородской, Астраханской, Симбирской, Саратовской и Черниговской губерниях дворянство жертвовало на войну «значительные» денежные суммы⁵⁹. Смоленское дворянство, обескровленное часты-

⁵¹ Там же, ф. 1236, оп. 1, д. 21, л. 9 об.

⁵² Так, только фуража требовалось 101,5 т (1 771 четверть) овса и 436,7 т (26 565 пудов) сена (Там же, ф. 1129, оп. 1, д. 1, л. 7 об.).

⁵³ Там же, ф. 1129, оп. 1, д. 1, л. 33 об.

⁵⁴ Лаптева Л.Е. Земские учреждения в России. М., 1993. С. 22, 23, 28.

⁵⁵ Варадинов Н.В. Указ. соч. Ч. III. Кн. 3. С. 616—619; ПСЗ-II. Т. 26. Отд. 1. № 25398. § 2—8.

⁵⁶ ПСЗ-II. Т. 26. Отд. 1. № 25398.

⁵⁷ Разница между ними приобрела принципиальное значение при подготовке земской реформы 1864 г. Подробнее см.: Верецагин А.Н. Земский вопрос в России. М., 2002. С. 22—31.

⁵⁸ Горская Н.И. Крестьянство и земство Смоленской губернии во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.: сотрудничество в оказании помощи действующей армии и пострадавшим от войны // Новый исторический вестник. 2023. № 3(81). С. 6—26.

⁵⁹ Варадинов Н.В. Указ. соч. Ч. III. Кн. 4. С. 184.

ми неурожаями и постоянно испытывавшее нехватку денег, наиболее крупные пожертвования сделало натуральными поставками для комплектования ополченческих обозов. Особенно отличились сычёвские дворяне, безвозмездно поставившие не только подъёмных лошадей, но и телеги. В Ельнинском уезде дворянство передало дружине 16 лошадей, в Смоленском уезде — 10⁶⁰. В мае 1855 г. гжатский предводитель дворянства гр. Б.А. Ефимовский рапортовал губернатору, что после его объявления «о пожертвованиях», которых император ожидает от сословия, лошадей под патронные ящики предоставили Е.Д. Орлова, кн. В.В. Долгоруков, Н.И. Колечицкий и Н.С. Плохово, но другие крупные помещики уезда (князя П.А. и А.А. Голицыны и Н.В. Долгоруков, кн. Е.В. Салтыкова, И.С. Мальцов, И.Н. и П.С. Воейковы) его слова проигнорировали⁶¹.

Руководствуясь Положением 29 января 1855 г., Ахвердов в начале февраля обратился к городским думах, ратушам и городничим, предложив им «открыть подписки» для добровольных денежных взносов на нужды государственного ополчения⁶². Как отреагировали на это горожане, неизвестно, но 23 февраля из Сычёвок губернатору дали знать, что «сычёвское мещанство находится в самом бедственном положении», оно «не может не только... платить подати и другие повинности, но даже затрудняется в пропитании своих семейств, и потому при всём своём желании и готовности не может представить деньги на вещи и фураж государственного ополчения»⁶³. В то же время «кожевенные заводчики» Смоленска (купец И. Кошенков, мещане Х. Артюхов, Ф. Янченков и В. Янченкова) направили ратникам 47 пар сапог, «кожевенные заводчики» Вязьмы (купцы И. Торочков и А. Сырейщиков, мещане М. Чухнин, М. Крупенников и Н. Торочков) — 90 пар. Занимавшиеся сапожным делом духовщинские мещане С. Скоробогатов и Е. Горбатов оплатили производство 220 пар сапог (по 1 руб. 50 коп. за пару) и 1 200 головок (по 60 коп. за пару)⁶⁴.

Всего Комитет израсходовал на ополчение 179 576 руб. (127 888 руб. на снаряжение ратников и 51 688 руб. на жалование офицерам)⁶⁵. Между тем общий размер земских повинностей, установленных в Смоленской губ. в 1855 г. на три года, составлял 303 180 руб. («государственных» — 193 440 руб. и «губернских» — 109 740 руб.)⁶⁶, или 101 060 руб. в год. Таким образом, подвижное ополчение поглотило земские сборы почти за два (1,8) года, даже не считая натуральных повинностей.

Ситуация осложнялась нехваткой в казначействах наличных денег. Земский сбор и недоимки поступали медленно. В апреле Комитет просил предводителей дворянства «побудить владельцев к немедленному взносу в казну недоимок земского сбора и ратничьих сумм». Одновременно он ходатайствовал перед МВД и Министерством финансов о ссуде до 50 тыс. руб., совершенно необходимой, поскольку «обыватели Смоленской губернии приступают к уплате податей и недоимок только в октябре месяце по окончании полевых работ и уборке хлеба и овощей и в особенности пеньки»⁶⁷.

⁶⁰ ГА СО, ф. 1236, оп. 1, д. 15, л. 65 об.

⁶¹ Там же, ф. 1129, оп. 1, д. 3, л. 40 об.

⁶² Там же, д. 1, л. 1.

⁶³ Там же, л. 44.

⁶⁴ Там же, ф. 1, оп. 3, д. 796, 1855 г., л. 1; ф. 1129, оп. 1, д. 1, л. 28 об.

⁶⁵ Там же, ф. 1129, оп. 1, д. 6, л. 72, 105 об.

⁶⁶ Там же, ф. 1, оп. 2, 1855 г., д. 472, л. 1–1 об.

⁶⁷ Там же, ф. 1129, оп. 1, д. 4, л. 69 об.

Комитет желал сэкономить на жаловании офицерам. По закону оно полагалось только тем, кто не мог «содержать себя на службе в ополчении»⁶⁸. Но от него отказались лишь 8 из 209 человек: С.Е. Головин (сын начальника ополчения), М.Е. Криштафович, Энгельгардт, Буксгевден, К.П. Засецкий, А.И. Барышников, кн. А.В. Друцкой-Соколинский и кн. Л.А. Голицын⁶⁹. Прочие же, как письменно уверяло Комитет губернское дворянское собрание, «все нуждаются по причине многолетних неурожаев, бывших в Смоленской губернии, что известно и правительству»⁷⁰.

Смоленское ополчение получило всего 8800 ружей (по 800 на дружину), в том числе 900 — от Смоленского гарнизона и 4900 — из Киевского арсенала⁷¹. 20 апреля 1855 г. Головин сообщил Комитету о том, что ружья, поступившие из Киева, «как бывшие уже в употреблении, оказываются в значительном повреждении и требуют исправления»⁷². Генерал требовал их немедленной починки. Однако ни военное ведомство, ни Комитет не нашли на это средств, губернатор передал дело в МВД⁷³, но там его рассмотрение затянулось. В итоге ополчение покинуло губернию с непригодным для боя оружием. Более того, значительная его часть (214–235 человек на дружину) не была вооружена вовсе. В походе безоружные ратники строились отдельно, образуя, по сути, особую резервную команду «на случай убыли» своих товарищей. Впрочем, их наравне со всеми обучали строю, оружейным приёмам и стрельбе⁷⁴.

На выполнение работ, которые велись за счёт земских повинностей, обычно назначались торги, но если подрядчики на них не являлись, Комитет имел право по своему усмотрению заключать соглашения с лицами, занимавшимися поставкой вещей, и перечислять им соответствующие суммы из уездного казначейства. Посредниками при таких операциях иногда выступали уездные предводители дворянства.

Сложной коммерческой операцией стала заготовка обмундирования. Комитет предоставлял частным лицам подряды на приобретение вещей и материала, а также на выполнение работ «хозяйственным способом», т.е. с привлечением наёмных работников. Пошив «походных длинных армяков наподобие шинелей» смоленские дружины организовали на местах, получив для этого сукно из Киевского интендантства⁷⁵. Закупка остальных предметов амуниции, шанцевых инструментов, лошадей и телег для обоза, упряжи и проч. велась на земские деньги, причём риск неудачных или даже нечестных сделок был очень высок.

Губернское дворянское собрание перевело на деньги и поставку вещей, полагавшихся ратнику (три рубахи и двое портов из крестьянского холста и т.д.). Натурой были приняты только полушубки для Бельской (№ 29), Юхновской (№ 32), Вяземской (№ 31) и Ельнинской (№ 35) дружин, и две партии сапог (по 500 пар) — также для Вяземской и Ельнинской⁷⁶, что объясня-

⁶⁸ ПСЗ-II. Т. 30. Отд. 1. № 28994. § 30.

⁶⁹ ГА СО, ф. 1236, оп. 1, д. 18, л. 1–36.

⁷⁰ Там же, ф. 1129, оп. 1, д. 3, л. 40 об.

⁷¹ Там же, д. 1, л. 3.

⁷² Там же, д. 3, л. 56.

⁷³ Там же, л. 56 об.

⁷⁴ Там же, ф. 1236, оп. 1, д. 28, л. 25–26.

⁷⁵ Там же, ф. 1, оп. 2, 1855 г., д. 764, л. 4.

⁷⁶ Там же, ф. 1129, оп. 1, д. 6, л. 69–69 об.; д. 2, л. 16.

лось наличием в этих уездах соответствующего производства. Так, в одной Вязме без уезда действовали семь кожевенных заводов, выпускавших товара на 22 тыс. руб. (33% от общей стоимости продукции всех 27 городских предприятий, достигавшей в 1855 г. 70 680 руб.)⁷⁷. Другие вещи закупались на местных рынках и в Москве, куда съезжались поставщики из разных губерний. Повышенный спрос и срочность заказов, разумеется, способствовали резкому росту цен⁷⁸.

На обмундирование одного ратника Комитет первоначально выделил 11 руб. 41 коп. (в Гжатской дружине — 11 руб. 66 коп.). Однако вскоре уездные предводители, городские головы и частные предприниматели стали отказываться от подрядов по таким ценам или не давали задаток. Комитет же не решался на заключение договора без денежного залога⁷⁹. Первым заготовить обмундирование попытался подполковник И.А. Трамбицкий, быстро убедившийся в том, что на рынках Смоленской губ., Москвы, Твери и Владимира сделать это на отпущенные средства невозможно. Комитету пришлось увеличить расценки до 12 руб. 50 коп. (на эти деньги приобретались кафтаны, фуражка без креста и козырька, шаровары, рукавицы, суконный полушубок, сапоги из яловой кожи)⁸⁰. К апрелю 1855 г. смоленский городской голова, гжатский и дорогобужский предводители, а также командир вяземских ратников майор Г.В. Устругов взялись обеспечить обмундированием свои дружины. Подряд на остальные семь достался вяземскому городскому голове купцу 2-й гильдии Н.В. Зуеву. Но и после этого дело двигалось медленно, хотя Комитет постоянно держал его под контролем.

Сложности во многом объяснялись узостью рынка и ограниченностью денежных средств, нереалистичной задачей найти достаточное количество добротного сукна или одежды по минимальным ценам и стремлением предприимчивых коммерсантов к наживе. В феврале 1855 г. в Комитете считали Зуева купцом, «известным своей опытностью и расторопностью», но весной его необходимость всех разочаровала. Вяземский голова сумел заключить контракт на поставки благодаря поддержке генерал-губернатора и дал «задаток» Комитету⁸¹. Действовал он как частное лицо, и, получив в уездных казначействах деньги, играл на разнице цен на рынках, долго тянул с закупкой и доставкой вещей и в итоге поставил обмундирование семи дружин под угрозу. В мае 1855 г. кн. Урусов велел чиновнику особых поручений Ильину наблюдать за распоряжениями Зуева⁸², который едва успел исполнить свои обязательства к заранее установленному сроку. При этом купец присылал в распоряжение дружин тюки, но сам не являлся на сдачу товаров приёмным комиссиям, вынуждая их довольствоваться тем, что имелось в наличии, невзирая на его качество. Между тем «Комиссия», составленная бельским предводителем Н.М. Ельчаниновым из городничего и «депутата от купечества», констатировала негодность «большой части сапог», поступивших от Зуева⁸³.

⁷⁷ Памятная книжка Смоленской губернии на 1856 г. Ч. 2. Смоленск, 1855. С. 64–65.

⁷⁸ ГА СО, ф. 1, оп. 2, 1855 г., д. 480, л. 45 об.

⁷⁹ Там же, ф. 1129, оп. 1, д. 1, л. 43.

⁸⁰ Там же, ф. 1, оп. 2, 1855 г., д. 778, л. 2–3, 7; ф. 1129, д. 6, л. 69 об.

⁸¹ Там же, ф. 1, оп. 2, 1855 г., д. 769, л. 2–2 об.; ф. 1236, оп. 1, д. 5, л. 15–16; ф. 1129, оп. 1, д. 3, л. 55.

⁸² Там же, ф. 1236, оп. 1, д. 5, л. 15 об.—16; ф. 1, оп. 2, 1855 г., д. 408, л. 45 об.—49.

⁸³ Там же, ф. 1129, оп. 1, д. 6, л. 24.

После массовые закупок обмундирования, естественно, требовалась его подгонка под размеры каждого ополченца. Для этого нанимались портные, что ещё больше увеличивало расходы⁸⁴. Часть амуниции для всего губернского ополчения (кресты, козырьки, пояса, ранцы, патронташи, топоры, лопаты и т.п.) приобрёл через московского купца Слободского исправлявший должность гжатского городничего полковник И.В. Войдёнов, которому Комитет выразил за это благодарность⁸⁵. 30 апреля 1855 г. в Смоленскую губ. выслали из Москвы «мелкие вещи» (сигнальные рожки, барабаны, фляжки, котелки и т.п.). Они доставлялись непосредственно в места сбора дружин, дабы «облегчить их движение по существующим трактам» и сократить затраты⁸⁶.

Для обоза Смоленскому ополчению требовались 209 «подъёмных лошадей», включая 33 запасных, и патронные, провиантские, санитарные и казначейские телеги (по 11 на дружину)⁸⁷. Стоили они дорого: военное ведомство и Комитет платили за животное 35 руб., что в начале 1850-х гг. равнялось среднему годовому заработку смоленского отходника на мануфактурах⁸⁸. По данной цене лошадей обещал предоставить гжатский дворянин М.И. Бутович, державший собственный конный завод. Он и обеспечил ими большую часть дружин, кроме Сычёвской (№ 34) и Ельнинской, которые в них не нуждались, а также Поречской и Смоленской, где этим делом занимались городской голова и губернский предводитель. Для Юхновской и Рославльской дружин Бутович купил лошадей у вяземского помещика С.Д. Сегеди, который лично пригнал их в распоряжение ополченцев. Однако командир юхновцев В.И. Юкавский не принял этих животных «по старости» и не выдал квитанцию. Тогда Сегеди оставил свой табун ему и обратился к Бутовичу с просьбой выслать Юкавскому деньги на приобретение подходящего конского состава в пути⁸⁹. Отправившись в поход с тем, чем его таким образом одарили, офицер жаловался потом с дороги на то, что «старые негодные лошади падают и приходят в совершенную негодность»⁹⁰.

Городским думам и ратушам Комитет поручил произвести торги и найти для ополчения «обыкновенные русские, хорошо и прочно устроенные, окрашенные масляной краской» телеги⁹¹. При этом его члены надеялись «если не на пожертвования, то на низкие цены» из-за «важности государственного дела»⁹². В Военном министерстве рассчитывали, что продавцы уступят их по 37 руб. 30 коп. за штуку. Однако в половине уездных городов (Вязьме, Дорогобуже, Белой, Красном, Духовщине и Юхнове) желающих участвовать в торгах не оказалось, а в Смоленске, Гжатске, Рославле никто не соглашался на такую цену. В Рославле просили 62 руб. 50 коп. за телегу, в Гжатске — 60 руб.⁹³ Юхновский бургомистр Л.И. Дубинин решил сбить свои извозчицьи повозки и сообщил в Комитет: «Пожертвовать не могу по недостающему состоянию, но согласен

⁸⁴ Там же, ф. 1, оп. 2, 1855 г., д. 769, л. 14, 16.

⁸⁵ Там же, ф. 1236, оп. 1, д. 5, л. 16.

⁸⁶ Там же, д. 15, л. 31–31 об.

⁸⁷ Там же, ф. 1129, оп. 1, д. 1, л. 8 об.

⁸⁸ *Рябов Г.Т.* Смоленские помещицкие крестьяне в конце XVII — первой половине XIX века. М., 1991. С. 97.

⁸⁹ ГА СО, ф. 1, оп. 2, 1855 г., д. 480, л. 115–123 об.

⁹⁰ Там же, л. 124; ф. 1236, оп. 1, д. 5, л. 21 об.

⁹¹ Там же, ф. 1236, оп. 1, д. 5, л. 4–4 об.

⁹² Там же, ф. 1129, оп. 1, д. 1, л. 36–36 об.

⁹³ Там же, д. 3, л. 9; д. 2, л. 87–88 об.

отдать за самую дешёвую цену, по 12 рублей»⁹⁴. В результате Тыкоцкий всё же достал у крестьян телеги, правда, не отвечавшие требованиям военного обоза, «неприкрытые от дождя не только кожаным брезентом, но и рогожками». Зато к ним прилагалась ещё и сбруя. Изыскивать же способы «исправления телег» по указанию Комитета стали начальники дружин⁹⁵.

Решение всех этих задач осложняли плохие дороги, отсутствие железнодорожных путей и телеграфа. Связь между администрацией и поставщиками осуществлялась через курьеров и чиновников особых поручений, специально назначенных губернатором и генерал-губернатором. На это накладывалась бюрократическая волокита. К примеру, передача денег часто запаздывала из-за того, что Комитет запрашивал сначала зачётные квитанции и сведения от казённой палаты и уездных казначейств. Сказывались и личные конфликты. Так, Зуевым были недовольны в Комитете. Он, в свою очередь, пререкался с Войдёновым о поставке топоров⁹⁶. Недоразумение между поречским предводителем Д.А. Нелидовым и начальником местной дружины подполковником П.И. Рачинским привело к срыву закупки лошадей, из-за чего её обоз формировался уже в походе⁹⁷.

Между тем 15 апреля 1855 г. военный министр уведомил кн. Урусова о желании Александра II ускорить формирование губернских ополчений. 30 апреля князь довёл это до сведения Ахвердова⁹⁸, и Комитет немедленно оповестил подрядчиков, что они несут личную ответственность за срыв сроков, зафиксированных при заключении контрактов. Уездному начальству и командирам ратников предписывалось оказывать им всяческое содействие. Пункты размещения крупных заказов и ключевых поставщиков посетил советник губернского правления С.Г. Посников, отдавший распоряжение отправлять вещи в дружины по мере заготовления, не ожидая всей партии⁹⁹. Для связи с Могилёвом и Смоленском в Москве постоянно находился состоявший при генерал-губернаторе чиновник особых поручений Ильин¹⁰⁰.

В июне инспектировавший Смоленское ополчение адъютант военного министра ротмистр гр. Г.А. Строганов пришёл к выводу, что дружины были готовы отправиться к театру военных действий ещё в первой половине месяца, но их выдвижение из-за отсутствия необходимого обмундирования и снаряжения задерживается¹⁰¹. Об этом граф доложил в Интендантский департамент Военного министерства, что вызвало возмущение у Ахвердова и членов Комитета. Со своей стороны, они заверили генерал-губернатора, что им «неизвестно, на чём основано донесение графа Строганова», поскольку 30 июня ратники выступили в поход «совершенно обмундированными и снаряжёнными»¹⁰².

Подводя итоги своей деятельности, Комитет благодарил «за честность и бескорыстие» Войдёнова, Тыкоцкого и помещика Н.С. Елдашева, но, к при-

⁹⁴ Там же, д. 2, л. 87 об.

⁹⁵ Там же, ф. 1236, оп. 1, д. 5, л. 114–114 об.; д. 28, л. 3 об.–4, 82.

⁹⁶ Там же, д. 28, л. 146–154.

⁹⁷ Там же, ф. 1129, оп. 1, д. 6, л. 40–41.

⁹⁸ Там же, д. 28, л. 15.

⁹⁹ Там же, ф. 1, оп. 2, 1855 г., д. 480, л. 78–81.

¹⁰⁰ Там же, л. 126 об.–127.

¹⁰¹ Там же, л. 48.

¹⁰² Там же, л. 49.

меру, о Зуеве и Бутовиче при этом не упоминалось вовсе¹⁰³. В Комитете полагали, что не вышли из сметы земского сбора, хотя и не знали, «сколько там осталось». Тем не менее уездные предводители пытались вернуть часть денег, выставляя на продажу продукты, оставшиеся после отправления ратников в поход. Но время для этого было явно не лучшее — в ожидании нового урожая цены падали «слишком заметно». 13 июля 1855 г. духовщинский предводитель Н.И. Потёмкин назначил торги, пытаясь сбыть излишек муки и крупы, но реализовать их удалось только по крайне заниженным расценкам¹⁰⁴.

Смоленские дружины выступили в поход 30 июня и 3 июля 1855 г. Как правило, до границ своих уездов их сопровождали обывательские подводы и проводники. Жители Смоленского уезда предоставили для 1 120 местных ратников 350 лошадей и 528 подвод с проводниками¹⁰⁵. Из уездных городов дружины направились в Рославль, где получили патронные ящики, которые Елдашев закупил на Брянском заводе. На границе Могилёвской губ. ополченцы пересаживались на телеги её жителей, а смоляне возвращались домой. Однако они обязаны были обслуживать все воинские части и ополчения, передвигавшиеся по их территории. Между тем в 1855 г. через Смоленскую губ. проследовали тверское, ярославское и костромское ополчения, не говоря уже о множестве рекрутских партий, воинских команд и т.п. Вяземский уезд пересекли более 30 тыс. «разных людей». Для них были выделены 4672 подводы, в том числе 550 для ярославских и 379 для смоленских дружин. Для сравнения — на ремонт дорог в уезде направили 3 540 подвод¹⁰⁶.

Из Рославля через Чернигов и Киев дружины двигались в расположение Южной армии. Смоляне повидали Дубоссары, Тирасполь, Бендеры, Кишинёв, Хотин, Измаил. Севастополь к тому времени пал, и ополченцам не довелось участвовать в боевых действиях. Они лишь несли караулы в местах временной дислокации, занимались ремонтом крепостных укреплений и оружейных складов¹⁰⁷.

Инспекция дружин, которая производилась военным командованием при их прибытии в тот или иной пункт, состояние Смоленского ополчения оценивала положительно (в отличие от московского, которое признали негодным к строевой службе). Командующий Средней армией генерал Ф.С. Панютин доложил Александру II о хорошей подготовке смоленских ратников, прибавив, что «дружины в скором времени будут доведены до совершенного устройства», чем вызвал «удовольствие императора»¹⁰⁸.

Однако далеко не всё обстояло благополучно. Так, в ходе инспекции, проведённой в Бендерах, выяснилось, что у ополченцев Смоленского и Краснинского уездов «армяки изношены более, чем в других дружинах, и обувь в дурном состоянии», жалование за треть года не выдавалось, «амуниция, кроме ранцев, требовала исправления, лошади изнурены», а «фронтное образование ратников требует усиленного занятия»¹⁰⁹.

¹⁰³ Там же, л. 73–73 об.

¹⁰⁴ Там же, л. 30–30 об.

¹⁰⁵ Там же, д. 117, л. 2.

¹⁰⁶ Там же, л. 7.

¹⁰⁷ ГА СО, ф. 1236, оп. 1, д. 15, л. 81, 103, 119 об., 151; *Смолин И.Н.* Дружины государственного подвижного ополчения ... С. 335–336.

¹⁰⁸ ГА СО, ф. 1236, оп. 1, д. 24, л. 5–5 об., 7, 8, 13–13 об., 27–37 об.

¹⁰⁹ Там же, д. 15, л. 134, 135 об.

Велики были и людские потери. Уже во время обучения на территории Смоленской губ. ополчение сократилось на 260 человек (с 12087 до 11827 ратников). Из них 21 человек бежал, 105 умерли от холеры и других болезней, 103 находились в госпиталях (зачастую «из-за худой обуви и одежды»), некоторые были преданы суду, отдельные офицеры покинули службу. К большому смотру в Тирасполе в смоленских дружинах числилось уже 10242 человека. За это время умерли от болезней — 247, бежали — 33, оказались в больницах — 1305 ратников¹¹⁰. Таким образом, с момента формирования и до прибытия на театр военных действий Смоленское ополчение потеряло больше уездной дружины (15%). Это явно свидетельствовало о слабом здоровье ратников и офицеров, плохом обмундировании и некачественном питании. Моральное состояние ополченцев, страдавших вдали от родины и своих семей, также оставляло желать лучшего. К концу года стало очевидно, что надежды, возлагавшиеся на эти формирования, не оправдались. М.П. Погодин даже утверждал тогда, что «ополчение, собранное казённым, а не сердечным образом... не имеет никакого значения и истощает государственные силы почти даром»¹¹¹. Во многом это было связано с тем, что оно несло в себе черты крепостной деревни, накладывавшиеся на военно-технические и организационные проблемы русской армии середины XIX в.

¹¹⁰ ГА СО, ф. 1236, оп. 1, д. 24, л. 25.

¹¹¹ *Погодин М.П.* Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. М., 1874. С. 333.

Военные экспедиции Стародубского полка в 1654–1764 гг.

Евгений Хроленок

Military expeditions of the Starodub regiment in 1654–1764

Evgeny Khrolenok
(Belarusian State University, Minsk)

DOI: 10.31857/S2949124X25030131, EDN: FLKECW

Стародубский полк — военно-административная единица Войска Запорожского, располагавшаяся на границе с Речью Посполитой. В настоящее время его бывшая территория разделена между Беларусью, Россией и Украиной. Истории Стародубского полка посвящено значительное количество работ российских и украинских учёных, но большинство трудов касаются политической, социальной или экономической истории края, в то время как военные походы стародубских казаков пока не получили подробного рассмотрения. Для всестороннего изучения прошлого этого пограничного региона представляется необходимым использование практик новой локальной и социальной истории. В соответствии с ними исследование происходит «снизу вверх» — от индивида к локальным обществам и затем к государству. В то же время связи пограничного региона и государственной власти вписываются в систему центр-периферийных отношений, имея важное отличие: на протяжении определённого периода центр менялся, и на регион оказывали влияние несколько точек притяжения одновременно.

Хронологические рамки исследования — 1654–1764 гг. — обусловлены важными событиями в истории региона: нижняя — образованием Стародубского полка, верхняя — упразднением гетманства и началом реформ на территории Малороссийского генерал-губернаторства, коренным образом изменивших порядок службы стародубских казаков.

В момент принесения присяги запорожскими казаками царю Алексею Михайловичу в начале 1654 г. Стародубский полк был уже сформирован, но ещё являлся частью Нежинского и управлялся наказным полковником. Если во время национально-освободительного восстания под руководством Богдана Хмельницкого в 1648–1653 гг. Стародубский полк являлся лишь военной единицей, то с 1654 г. к его руководству перешла и гражданская власть, а сотенное деление предопределило административно-территориальное устройство края. Присяжные листы 1654 г. содержат список 2489 стародубских казаков из восьми сотен¹. Можно предположить, что уже на данном этапе мобилизационные возможности полка были выше. Ещё в 1653 г. надворный хорунжий Великого княжества Литовского докладывал, что в подчинении стародубского полковни-

© 2025 г. Е.В. Хроленок

¹ Присяжні книги 1654 р. Білоцерківський та Ніжинський полки. Київ, 2003. С. 315–348.

ка Афанасия Еремеенко находятся 3 тыс. казаков в городе, а также пограничная стража из мглинцев и дроковцев². С середины XVII в. Вильно формально перестал быть центром притяжения для региона, но белорусское влияние, поддерживаемое большим количеством переселенцев из Великого княжества Литовского, ощущалось на Стародубщине ещё в начале XX в.

С 1654 по 1722 г. новым центром притяжения стала столица Гетманщины. Решения, принимаемые в Батурине (Чигирине, Гадяче или Глухове), оказывали основное влияние на жизнь региона. Москва же после попытки разместить в главных городах Левобережья своих воевод, закончившейся восстанием казаков в 1668 г., на время отказалась от установления непосредственного контроля над ним.

В феврале 1654 г. войска Великого княжества Литовского попытались вернуть край под свой контроль, но были разбиты казаками Еремеенко³. 15 июня 1654 г. с началом войны России и Речи Посполитой казачья армия выступила из Новгород-Северского через Стародуб на территорию Великого княжества Литовского и осадила Гомель. Войско наказного гетмана Ивана Никифоровича Золотаренко включало и Стародубский полк. Во главе его находился полковник Тимофей Оникеенко (двоюродный брат гетмана), есаул Тимофей Юркавенко, хорунжий Павел Еремеев, писарь Фёдор Середенко и обозный Михаил Еремеев⁴. Казаки овладели Чечерском, Пропойском, Новым Быховом и Гомелем, взяли в осаду Старый Быхов. С наступлением зимы часть из них распустили по домам, но некоторые остались при армии и выдержали зимнюю осаду в Новом Быхове. Внуки участников этих событий в «сказках» о своих предках упоминали поход на Вильно, но никогда — взятие Гомеля⁵. Вероятно, кампании 1654 и 1655 гг. представлялись им одним событием.

Весной 1655 г. стародубские и черниговские казаки «рекою Днепром, стругами» из-под Старого Быхова ходили к Могилёву для снятия его осады, а затем заняли Толочин. В дальнейшем стародубские казаки находились в авангарде армии, в том числе во время взятия Минска и Вильно. В августе 1655 г. от столицы Великого княжества Литовского они, захватывая города, прошли вниз по течению Немана и вернулись к непокорённому Старому Быхову, где их вновь ждала неудача. В октябре 1655 г. Золотаренко погиб под стенами крепости, и казаки с наступлением холодов разошлись по домам. Описывая царю Алексею Михайловичу в челобитной от 8 августа 1655 г. свои заслуги, Оникеенко сообщал, что он «на многих боях был и многих литовских людей побивал, и языки и знамена и булавы имал, и города с гетманом и сам собою с твоими государевыми людьми, запорожскими казаками, имал, и до конца разорял, и везде твоим государским недругам великое разорение чинил»⁶.

В 1660 г. стародубских казаков вновь направили на территорию Великого княжества Литовского, где они, вероятно, участвовали в сражении на р. Басе. В ноябре того же года перед стародубским полковником Петром Рославцем

² Липіє П. Стародуб у вірі визвольної боротьби українського народу середини — другої половини XVII століття // Сіверянський літопис. 2011. № 4. С. 37.

³ Там же. С. 39.

⁴ РГАДА, ф. 124, оп. 1, д. 27 (1654 г.), л. 139.

⁵ Центральний державний історичний архів України, м. Київ (далее — ЦДІАК України), ф. 51, оп. 3, д. 6772, л. 61.

⁶ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 14. СПб., 1889. Стб. 783.

капитулировали Мстиславль и Кричев. Однако вскоре и сама территория полка стала театром военных действий. Татары, приведённые Юрием Хмельницким в 1661 г., сожгли Мглин и, судя по всему, полностью уничтожили Дроков. В 1663 г. Стародубщину разорили войска короля Речи Посполитой Яна II Казимира во время его Северского похода.

В том же 1663 г. была проведена административная реформа. Стародубский полк окончательно вывели из состава Нежинского. Первоначально он состоял из семи сотен (Полковая, Погарская, Почепская, Мглинская, Топальская, Шептаковская и Новгородская). Но уже к началу 1670-х гг. из Погарской сотни выделили Бакланскую (ранее Завабелская), а из Полковой — Поповогорскую пехотную сотню. Последняя просуществовала до 1702 г. В 1711 г. её территория вместе с частями Топальской и Полковой сотен вошла в состав образованной Новоместской сотни. В середине XVIII в. Почепская и Полковая сотни были разделены на две — Первую и Вторую. Таким образом, к 1750-м гг. в состав Стародубского полка входило 11 сотен. Полк обладал собственной артиллерией. В 1731 г. в Стародубе имелось 26 медных пушек и одна железная, а также 19 гаковниц. Сотенная артиллерия насчитывала: в Новгородской сотне — семь медных пушек; в Погарской — семь медных, одна железная и 16 гаковниц; в Почепской — 12 медных, семь железных и 50 гаковниц; в Мглинской — две медные «арматы» и одна гаковница⁷.

В 1660-х гг. случился первый из череды пограничных конфликтов, связанных с установлением контроля над сёлами в левобережье р. Сож. В народной памяти жителей Стародубщины он ещё долго звался «Мурашковой войной»⁸. В 1661 г. Гомель заняли казаки Дениса Мурашки, действовавшего на стороне Речи Посполитой. Отсюда он в 1663–1666 гг. осуществлял рейды под Севск, Стародуб, Новгород-Северский и Чернигов. Во время одного из них, в 1665 г., по дороге между Стародубом и Гомелем его разбили. Северские казаки, в том числе и стародубцы во главе с полковником Леско Острянином, в мае 1666 г. заняли сёла до р. Сож и осадили Гомель. Однако к тому времени начались мирные переговоры между Россией и Речью Посполитой, и не заинтересованный в обострении ситуации царь Алексей Михайлович приказал казакам снять осаду и вернуться на свою территорию.

Гетманская администрация не смирилась с утратой посожских сёл. В 1671 г. стародубские и черниговские казаки вновь заняли части Речицкого и Мозырского поветов Великого княжества Литовского. Гетман Демьян Многогрешный просил у Алексея Михайловича разрешения вернуть Гомель, но получил решительный отказ, и казаки во второй раз вынуждены были оставить занятые территории. Последнюю попытку овладеть посожскими сёлами они предприняли в 1683 г. в преддверии заключения мирного договора между Россией и Речью Посполитой. Тогда им удалось занять часть Речицкого повета, а также земли Чечерского староства. Затем в 1684 г. гетманские отряды «заехали» сёла «по самой Сож реку» от Гомеля до Рославля⁹. Занятая территория была включена в состав Стародубского полка, но с заключением «Вечного мира» в 1686 г. казакам приказали освободить все сёла в Великом княжестве Литовском. Так

⁷ ЦДІАК України, ф. 51, оп. 3, д. 3787, л. 10–13.

⁸ Там же, д. 6772, л. 60.

⁹ Летопись самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и о междоусобицах, бывших в Малой России по его смерти: доведена продолжателями до 1734 года. М., 1846. С. 75.

приобрела свои нынешние очертания белорусско-российская граница на гомельском направлении.

Последняя четверть XVII в. прошла для стародубских казаков в противостоянии с Османской империей. Уже в январе 1674 г. Стародубский полк выступил в поход и в составе передовых сил гетмана Ивана Самойловича подошёл к Чигирину. Взять город не удалось, но поход 1676 г. оказался более удачным. В 1677 и 1678 гг. Османская империя предприняла попытки вернуть Чигирин. Гарнизон (в который входили и стародубцы) в 1677 г. сдерживал штурмы турок до подхода основных сил гетмана. В августе воевода кн. Григорий Ромодановский и гетман Самойлович смогли снять осаду, нанеся туркам поражение. Стародубский полк принимал участие в битве у Бужина перевоза. Но уже в следующем 1678 г. армия с боями была вынуждена отступить и оставить город. При отражении нападения османских войск стародубцы находились в арьергарде, которым командовал сам гетман. В этом сражении полк понёс большие потери. У Чигирина погибли полковник Фёдор Лукьянович Мовчан, три сотника, есаул, трубач, три куренных атамана и 215 казаков¹⁰. После отступления из Чигирина Стародубский полк находился в Киеве в ожидании так и не последовавшего нападения неприятеля.

С началом новой русско-турецкой войны полк участвовал в Крымских походах в 1687 и 1689 гг. Следующие несколько лет казаки несли дозорно-сторожевую службу на р. Самаре и в Великом Луге¹¹. Вторая фаза русско-турецкой войны 1686–1700 гг. связана с Азовскими походами Петра I, к участию в которых были вновь привлечены стародубцы под командованием полковника Михаила Миклашевского. Уже в 1695 г. они в составе российской армии осаждали и штурмовали османские крепости в низовьях Днепра. Только во время взятия Кази-Кирмена Стародубский полк потерял убитыми и ранеными 57 рядовых казаков. Погибли полковой и топальский сотники, три «знатных товарища», ещё двое и новгородский сотник были ранены, пали 79 лошадей¹². В 1696–1697 гг. полк нёс сторожевую службу в низовьях Днепра и подходил к Перекопу, участвовал в битвах с татарами. В 1698–1699 гг. стародубцы стояли в Гадяче¹³.

Во время Северной войны 1700–1721 гг. стародубцы практически постоянно находились в действующей армии. Уже в сентябре 1700 г. отряд из 527 казаков под командованием наказных полковника Ивана Юркевича, есаула Ивана Шепелина и хорунжего Фёдора Скоробогатого выступил из-под Смоленска к Великому Новгороду¹⁴. В том же 1700 г. полк под руководством Якова Завадского командировали в Псков, где он пробыл до весны. В 1701 г. стародубцы во главе с полковником Миклашевским выступили под Нарву, но были возвращены уже из Могилёва. В 1702 г. казаки участвовали во взятии Быхова, а в 1704 г. с наказным полковником И. Мовчаном пошли под Любаров и оттуда в Варшаву, где «давали баталию» шведам. В 1705 г. начался славный и трагичный поход Стародубского полка. Десятитысячный казацкий корпус прибыл под польскую

¹⁰ РГАДА, ф. 124, оп. 3, д. 352, л. 13–15.

¹¹ ЦДІАК України, ф. 51, оп. 3, д. 6772, л. 55.

¹² РГАДА, ф. 229, оп. 1, д. 84, л. 16, 300–303, 320–321.

¹³ *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 7. Чернигов, 1873. С. 18.

¹⁴ *Горобець С., Рябцев В.* До історії участі українських козаків у військових подіях початкового етапу Північної війни (1700–1702 рр.) // *Сіверянський літопис*. 2011. № 3. С. 30.

крепость Замостье, павшую через пять недель. Здесь стародубцы и зимовали, участвуя в стычках со сторонниками короля Речи Посполитой Станислава Лещинского, а весной выступили под Слуцк. Оттуда Стародубский полк был командирован в Несвиж для его обороны от войск короля Карла XII¹⁵. В ночь на 12 марта 1706 г. казаков атаковали шведы. Стародубцы оборонялись, используя в качестве укреплений здания иезуитского коллегиума. В бою пали полковник Миклашевский и множество знатных и рядовых казаков, ещё 174 человека попали в плен¹⁶. Шведам город взять не удалось, но и стародубцам пришлось отступить.

В 1707 г. казаки вновь «добывали» Быхов и участвовали в возведении укреплений в Киево-Печерской крепости. В начале 1708 г. во главе с новым полковником Иваном Скоропадским они отправились на территорию Великого княжества Литовского, где вступили в бой со шведами, а затем вернулись, ожидая наступления войск противника на Гетманщину. В 1708 г. казаки неоднократно атаковали шведов уже на территории самой Стародубщины у сёл Попова Гора и Найтоповичи. Карл XII отказался от осады северских крепостей и проследовал вглубь Гетманщины. Вопреки встречающемуся в историографии мнению об участии стародубских казаков в битве под Полтавой, таких сведений обнаружить не удалось. Весь 1709 г. Стародубский полк под командованием Семёна Соболевского находился на охране западных границ. Поражение Карла XII привело к очередному обострению отношений между Россией и Османской империей, вылившемуся в новую русско-турецкую войну 1710–1713 гг. Стародубский полк под командованием полковника Лукьяна Жоравко, стоявший на охране южных границ в 1711 г., направили в крепость Каменный Затон¹⁷. С окончанием боевых действий стародубцы на протяжении 1710-х гг. несли пограничную службу и были задействованы при ремонте крепости в Киеве в 1714 и 1718 гг.¹⁸

Привлечение казаков к строительству практиковалось и в 1720-х гг. Уже весной 1721 г. первую команду послали в Ладогу на каналные работы. В июне месяце новоместский сотник Павел Дублянский получил приказ отправиться со своими казаками в Екатерингоф. Стародубцы оставались с ним ещё осенью того же года, когда основная часть казачьего корпуса была «отпущена в дома», о чём сотник сообщал в прошении об отпуске¹⁹. Во время этой службы вследствие голода и болезней многие казаки с лошадьми «в дорозе Ладозской и пропали»²⁰. Черниговская летопись оценивает эти потери в три тысячи из десяти²¹. В 1722 г. на каналные работы отправили новую команду. В 1723 г. был собран казачий корпус на случай нападения татар, но в марте его решили отправить в третий Ладожский поход. Однако уже в апреле стародубский полковник получил приказ вернуть казаков и содержать их в готовности «выйти в поле» с лошадей, мушкетом, саблём, запасом пуль, пороха, провианта и фу-

¹⁵ Филарет (Гумилевский), архиеп. Указ. соч. С. 19.

¹⁶ Henriksson H. Ukrainian Cossacks and other prisoners of war in Sweden during the Great Northern War (1700–1721) // Україна в Центрально-Східній Європі: Збірник. Вип. 16. Київ, 2016. С. 251–252.

¹⁷ Филарет (Гумилевский), архиеп. Указ. соч. С. 20–21.

¹⁸ ЦДІАК України, ф. 51, оп. 3, д. 6772, л. 43.

¹⁹ АВПРИ, ф. 124, оп. 1, 1721 г., д. 35, л. 3.

²⁰ РГАДА, ф. 124, оп. 6, д. 107, л. 1.

²¹ Черниговская летопись по новому списку (1587–1725) и Коломацкие челобитные. Киев, 1890. С. 31.

ража²². Вероятно, именно эти стародубцы отправились в поход на р. Коломак²³. Хотя нападения татар в тот раз не случилось, в походе произошло событие, отражающее новые подходы к казачеству как со стороны Петербурга, так и локальных элит.

По завершении Северной войны российское правительство пришло к мысли о необходимости ограничения гетманской власти. При этом оно по-прежнему нуждалось в казачьем войске. С 1720-х гг. началось противостояние между гетманской администрацией, правительством и локальными элитами. Рядовое казачество хоть и было недовольно практикой использования их в невоенных походах и необходимостью уплаты налогов на содержание регулярных войск, видело в созданной Петербургом Малороссийской коллегии защитницу своих прав и привилегий. Казачья старшина, превратившаяся за 70 лет из «товариства» в полноценных помещиков, стремилась закабалить крестьян и рядовых казаков. Одним из эпизодов такого противостояния стало подписание на р. Коломак челобитных, в которых старшина просила об избрании нового гетмана и освобождении от сборов в казну, что фактически вывело бы её из подчинения Малороссийской коллегии. Впрочем, это было расценено Петром I как неповиновение, и подателей челобитных во главе с наказным гетманом Павлом Леонтьевичем Полуботком по распоряжению государя заключили в Петропавловскую крепость²⁴.

1720-е гг. отмечены также участием стародубских казаков в военных экспедициях в Каспийский регион. В 1722 г. Малороссийский корпус выступил в Персидский поход, результатом которого стало покорение Дербента и основание крепости Святого Креста. В этой кампании казаки потеряли больше половины своего состава²⁵. На смену возвратившимся казакам в 1723–1725 гг. для строительства укреплений в Персию ежегодно командировались новые команды. Они шли пешком до Царицына, а оттуда водным путём в Астрахань и дальше к крепости Святого Креста. Последний раз 370 рядовых казаков выступили в Низовой поход летом 1725 г. Всего же в 1725 г. при крепости Святого Креста находились 500 стародубцев²⁶.

Отдельным эпизодом в этой войне за покорение Дагестана стал Гилянский поход 1725 г. Задачами новой команды было уже не только строительство укреплений, но и непосредственная борьба с горцами. Для этого в поход в декабре 1724 г. отправили 175 доброконных оружейных стародубских казаков под командой Романа Горловича, есаула Стефана Гудовича и писаря Исаака Щербы²⁷. Следом выступил отряд, состоявший из военной элиты Стародубского полка — сотников, бунчуковых и значковых товарищей под руководством Павла Дублянского. Находясь в крепости Святого Креста, казаки в сентябре, декабре 1725 г. и мае 1726 г. осуществляли экспедиции вглубь персидской территории. В Гилянском походе стародубцы пробыли до 1728 г. и понесли значительные потери, связанные в первую очередь с болезнями, вызванными сложнейшими бытовыми условиями. Состояние полка оказалось настолько плохим, что, возвращаясь в 1728 г., стародубцы оставили в Царицыне пушку и артиллерийские

²² ЦДІАК України, ф. 51, оп. 3, д. 1008, л. 7.

²³ Черниговская летопись... С. 39–40.

²⁴ Там же. С. 33–34, 43.

²⁵ Там же. С. 32.

²⁶ ЦДІАК України, ф. 51, оп. 3, д. 1718; РГАДА, ф. 248, оп. 13, кн. 708, д. 4, л. 151.

²⁷ ЦДІАК України, ф. 51, оп. 3, д. 1299.

припасы. Для их розыска в 1729 г. была направлена команда из 25 человек во главе со значковым товарищем Романом Кровницким²⁸.

Следующий период истории Стародубщины вплоть до окончательного упразднения гетманства в 1764 г. характеризуется усилением влияния нового центра притяжения — Петербурга. Он нашёл отражение и в символике полка. Если знамя Миклашевского, под которым стародубцы сражались в 1706 г. в Несвиже, представляло собой малиновое полотнище с изображением гербов самого полковника и гетмана Ивана Мазепы, двуглавого орла, архангела Михаила и Божией Матери, то хоругвь Стародубского полка в 1750-х гг. хоть и сохранила красный цвет, но была увенчана гербом самого Стародуба (дуб с орлиным гнездом) и российскими двуглавыми орлами²⁹.

В начале 1730-х гг. российское правительство приняло решение о возведении Украинской оборонительной линии. Уже в 1731 г. для её строительства из Стародубского полка командировали 770, потом 431 и, наконец, ещё 689 казаков. Однако в сентябре 737 стародубцев под командованием Филиппа Данченко заменили посполитыми. В конце 1731 г. на строительстве Линии находилось около 900 стародубских казаков. В сентябре 1731 г. для отражения возможного нападения татар Стародубскому полку пришлось выступить к крепости Святого Иоанна, но неприятельского вторжения не произошло³⁰. Строительство Линии продолжалось и в следующем году. Для смены оставшихся на работах казаков была сформирована новая команда численностью в 900 человек³¹. В марте 1733 г. поступило распоряжение отправить на Линию ещё один украинский корпус в количестве 15 тыс. казаков, в том числе и 1005 стародубцев³². Однако начало войны за польское наследство не позволило командировать казаков на строительные работы: им приказали начать подготовку к военному походу. Вместо них на Линию вновь отправили посполитых. Только в мае 1734 г. киевский генерал-губернатор Иоганн фон Вейсбах предложил командировать на строительные работы 2 тыс. пеших безоружных украинских казаков³³. Согласно имеющимся именованным ведомостям, вместо них на Линию в помощь посполитым выступили 2 тыс. доброконных казаков, в том числе 96 стародубцев³⁴.

Тем временем после смерти короля Августа II в Речи Посполитой развернулась борьба за престол между сторонниками Фридриха-Августа, сына покойного монарха, и Станислава Лещинского. Для поддержки первого в России решили ввести войска на территорию соседнего государства. В составе армии, собранной для участия в боевых действиях, находился и Малороссийский корпус. Предполагалось, что он будет состоять из «наряженных» на линию 15 тыс. казаков, но затем его численность сократили до 10 тыс. человек, среди которых насчитывалось 670 стародубцев под руководством наказного полковника Фёдора Данченко и бакланского сотника Василия Косача³⁵. Корпус отправился

²⁸ Там же, д. 3116, л. 2.

²⁹ Савчук Ю.К. Фрагмент студій над прапорами Стародубського полку // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. Збірник наукових праць. Київ, 2002. С. 372, 374.

³⁰ Материалы для отечественной истории. Т. 1. Киев, 1853. С. 113, 118, 124, 139.

³¹ Бирюков С.Н. Социально-экономическое развитие городов Стародубья в XVIII в. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. С. 61.

³² ЦДІАК України, ф. 51, оп. 3, д. 4569, л. 26.

³³ Там же, д. 4883, л. 6.

³⁴ Там же, д. 4893, л. 119.

³⁵ Там же, д. 4569, л. 26.

из-под Стародуба в августе 1733 г. и через мглинские форпосты вступил на территорию Великого княжества Литовского, заняв г. Горки. Эта кампания отличалась от предыдущих с участием малороссийских казаков тем, что части последних впервые использовались разрозненно. Отдельные отряды были посланы в Гродно, Ригу, Слоним, Брест, а к концу кампании оказались ещё и в Ковно и Гданьске. Сам же Фёдор Данченко с 300 казаками поступил в распоряжение полковника Смоленского полка в Тыкоцин. Там у деревни Плевки их разбили сторонники Станислава Лещинского³⁶. 50 стародубцев в составе отряда из 700 казаков из Горок направились в Смоленск, оттуда в Ригу, а затем в Митаву, и только потом пришли на территорию Речи Посполитой. Здесь они встали на зимние квартиры в местечках Аниски и Новое. Во время сбора провианта стародубцев атаковала шляхта Ошмянского повета. Всех казаков «посекли в смерть», лишь двум удалось бежать³⁷.

К осени 1733 г. российское правительство решило увеличить численность казачьих отрядов в Речи Посполитой, для чего был сформирован ещё один малороссийский корпус из 10 тыс. человек, направленный на Правобережье. В него вошёл и Стародубский полк в составе 1351 человека под командой сотника Семёна Соболевского³⁸. Вероятно, в этот раз корпус действовал как отдельная военная единица. Для восполнения понесённых потерь в мае 1734 г. к нему направили дополнительную команду казаков, в которую вошли и 135 стародубцев под командованием Филиппа Данченко³⁹. К моменту её прибытия активная фаза боевых действий завершилась, но команда несла потери от болезней.

К началу 1730-х гг. на стародубских казаков была возложена обязанность по охране государственных рубежей, в первую очередь на форпостах по границе самого полка. Эта граница разделяла территории России и Речи Посполитой от Брянского уезда Белгородской губ. до Черниговского полка Гетманщины. В 1734 г. для усиления охраны границ казаки Стародубского полка находились на форпостах в Любече под командованием полкового обозного Афанасия Есимонтовского, а также по границе полка в командах есаула Стефана Якимовича и новоместского сотника Тимофея Силевича. В ноябре 1734 г. предполагалось «нарядить» на смену казакам Есимонтовского новую команду из 451 стародубца, но с прекращением боевых действий необходимость в этом исчезла⁴⁰. В то же время на территорию Стародубщины в 1734 г. для усиления охраны границ прибыл Азовский драгунский полк. В помощь ему на форпосты в сентябре 1734 г. направили отряд из 50 стародубцев во главе со значковым товарищем Фёдором Варнавицким. Кроме организации пограничной службы на полковника Я.Г. Сытина была возложена и другая задача. В феврале 1735 г. под его командование в г. Мглине поступили по 200 доброконных казаков Черниговского и Стародубского полков (руководил последними шептаковский сотник Иван Манковский)⁴¹. Объединённые силы регулярных войск и казаков вступили на территорию Великого княжества Литовского, где уничтожили поселение старообрядцев Ветку, а самих раскольников вернули в Россию. Часть

³⁶ Там же, д. 4582, л. 25; ф. 80, оп. 2, д. 315, л. 609.

³⁷ Там же, ф. 51, оп. 3, д. 4845, л. 3.

³⁸ Там же, д. 4569, л. 30.

³⁹ Там же, д. 4835, л. 29.

⁴⁰ Там же, д. 4771, л. 2.

⁴¹ Там же, д. 5130, л. 3–4.

стародубцев участвовали в конвоировании, прочие остались в распоряжении полковника Сытина.

Война за польское наследство 1733–1735 гг. вскрыла проблемы казацкого войска — его неорганизованность, отправку в походы «наймитов» и казаков без боевого опыта, уклонение старшины от действительной службы, повсеместную коррупцию. Видя и понимая серьёзность этих проблем, новый правитель Малороссии кн. А.И. Шаховской провёл реформу, разделившую казаков по имущественному признаку на выборных и подпомощников. Первые являлись более зажиточными и должны были нести воинскую службу, вторые служили у них «подпомогою» и их задействовали на территории самой Малороссии и в невоенных походах. Реформу 1735 г. следует признать первым из проведённых по инициативе Петербурга преобразований украинского казачества. В дальнейшем российское правительство завладело инициативой в регионе и стало выстраивать новую систему центр-периферийных отношений с Левобережьем.

Новая русско-турецкая война стала крупнейшим со времени Северной войны конфликтом, в котором приняли участие стародубские казаки. Масштаб этого столкновения требовал максимального использования мобилизационных возможностей. Кампании 1736–1739 гг. позволили оценить эффективность реформы, проведённой кн. Шаховским. Ещё в процессе подготовки к боевым действиям 14 октября 1735 г. в поход к крепости Святой Анны выступила большая команда стародубских казаков под командованием полкового есаула Степана Якимовича и значкового хорунжего Игната Данченко. В её состав вошли 2 сотника, 71 значковый товарищ, 6 сотенных старшин, 972 рядовых казака с атаманами и 9 артиллеристов⁴². Часть казаков ещё находились в Речи Посполитой, поэтому Филипп Данченко получил приказ следовать из Правобережья в крепость Святой Анны, не заходя «в дома». По прибытии в Царичанку выяснилось, что за два года службы казаки обносились, оружие у них неисправно, а лошади есть не у всех. Поэтому в октябре 1735 г. 464 стародубцам позволили вернуться домой для исправления снаряжения и пополнения запасов провианта и фуража с обязательством выступить обратно в ноябре того же года. Участвовавшие в «Ветковской выгонке» 123 стародубских казака получили в ноябре 1735 г. приказ следовать к крепости Святой Анны⁴³. Боевые действия в 1735 г. так и не начались, стоимость фуража на линии была очень высокой, и Стародубскому полку уже в декабре разрешили вернуться домой.

Многочисленные походы, в которых приняли участие казаки за следующие четыре года войны, можно разделить, воспользовавшись подходом украинского историка О.А. Репана, на дальние и ближние⁴⁴. В дальние отправлялись исключительно выборные казаки. Первый такой поход начался уже в феврале 1736 г., когда команду Стародубского полка численностью в 995 человек под руководством полкового обозного Афанасия Есимонтовского направили в действующую армию⁴⁵. В следующем году Стародубский полк в Очаковском походе возглавил Андрей Рубец. Под его началом находились 26 человек полковой и сотенной старшины, 68 значковых товарищей и 754 рядовых казака при трёх

⁴² Там же, д. 5187, л. 70.

⁴³ Там же, ф. 80, оп. 2, д. 315, л. 1038, 1065.

⁴⁴ Репан О.А. Іржа на лезі: лівобережне козацтво і російсько-турецька війна 1735–1739 років. Київ, 2009.

⁴⁵ ЦДІАК України, ф. 51, оп. 3, д. 5604.

пушках⁴⁶. В Крымском походе 1738 г. участвовала команда под руководством полкового обозного Николая Ханенко. Она состояла из 25 человек полковой и сотенной старшины, 56 значковых товарищей, 15 артиллеристов и 659 рядовых казаков⁴⁷. В Хотинский поход 1739 г. 500 стародубцев выступили под началом полковника Афанасия Радищева⁴⁸.

В дальних походах на казаков помимо борьбы с неприятелем возлагались караульная служба и земляные работы. Казацкие части использовались и как самостоятельные единицы, и совместно с регулярными войсками. В кампаниях 1736, 1737 и 1739 гг. Стародубский полк участвовал в составе армии Б.Х. фон Миниха, а в 1738 г. — П.П. Ласси. В боях стародубские казаки несли большие потери, высокой была смертность и от болезней. К осени 1736 г. Стародубский полк в Крымском походе потерял 11 казаков убитыми, 56 умершими, 4 попали в плен и 7 пропали без вести⁴⁹. При этом половина полка всё ещё находилась в походе, и сведений об их потерях в канцелярию не поступило. В Хотинском походе 1739 г. умерли 14 стародубцев⁵⁰. Последний дальний поход состоялся уже после заключения мирного договора. По его условиям следовало провести межевание между Россией и Османской империей. Для этого в 1740 г. на границу отправили 515 стародубских казаков под командованием полкового есаула Григория Данченко⁵¹.

Кроме отправки в действующую армию стародубские выборные казаки совместно с пешими и конными подпомощниками командировались для охраны форпостов, на Украинскую линию и снаряжались в походы в ожидании нападения крымских татар. Пешие казаки использовались для охраны и восстановления взятых крепостей, направлялись в походы с полковой артиллерией. В 1736 г. общая численность стародубских казаков, находившихся на охране границ по Днепру и на Украинской линии, а также на фортификационных работах, составляла 1 тыс. человек, в 1738 г. — 1954⁵².

Русско-турецкая война 1735–1739 гг. подорвала и без того не лучшее экономическое положение стародубского казачества. Утрата членов семьи активного возраста, потеря дорогостоящих лошадей и снаряжения способствовали разорению многих казаков, толкая их в кабалу к местной элите. Российское правительство пыталось остановить процесс скупки казачьих земель старшиной, однако не могло полностью контролировать ситуацию в регионе.

Царствование Елизаветы Петровны стало наиболее спокойным периодом в истории Стародубского полка. Казаки несли пограничную службу, причём преимущественно на форпостах самого полка. Кроме того, их задействовали при сборе налогов, на строительстве фортификационных сооружений и в обустройстве границы России и Речи Посполитой. Однако за это время выросло целое поколение стародубцев, не получивших боевого опыта. Даже на форпостную службу зажиточные выборные казаки (не говоря уже о старшине) отправляли вместо себя «наймитов». Эта проблема ярко проявилась с началом Семилетней войны 1756–1763 гг. Подготовка первого пятитысячного Малорос-

⁴⁶ Там же, д. 19372, л. 84–107.

⁴⁷ Там же, д. 7258, л. 29.

⁴⁸ Там же, ф. 80, оп. 2, д. 369, л. 5.

⁴⁹ Там же, ф. 51, оп. 3, д. 5604.

⁵⁰ Там же, д. 7546, л. 58.

⁵¹ Репан О.А. Указ. соч. С. 174.

⁵² Там же. С. 180–181.

сийского корпуса к выступлению в Заднепровье началась уже в конце 1756 г., однако казаки всеми способами уклонялись от похода. Всего удалось собрать лишь 2 тыс. человек, из них только 45 из Стародубского полка, что заставило гетмана К.Г. Разумовского отказаться от этой идеи: вместо казаков в действующую армию весной 1757 г. отправили 8 тыс. псполитых.

В 1757–1761 гг. казаки полка несли усиленную пограничную службу на границе России и Речи Посполитой. Исключение составили команды, конвоировавшие обозы с провиантом и фуражом, шедшие из Украины в Пруссию. В состав таких частей входили и стародубцы: 18 в 1760 г. и 20 в 1761 г.⁵³ В начале 1760 г. было решено отправить в действующую армию 1 тыс. лучших выборных казаков. Стародубский полк в этом походе возглавил обозный Павел Скорупа. При нём числились 4 бунчуковых товарища, 2 канцеляриста и 47 рядовых казаков⁵⁴. Последние походы Стародубского полка в рассматриваемый период связаны с возведением на Дону крепости Святого Дмитрия Ростовского. Стародубцев направляли на строительные работы в 1761–1764 гг. отрядами численностью в 50 человек. В 1764 г. кроме «рабочих» казаков в поход выступили ещё 9, которым надлежало содержать на пастбищах лошадей и варить еду⁵⁵.

За период существования Стародубского полка как структурной единицы Гетманщины его военная организация пережила ряд трансформаций, и условия несения службы для казаков изменялись с усилением влияния в регионе того или иного центра притяжения. Это сказывалось и на характере походов, и на форме участия в них казаков. В конечном счёте казаки Стародубщины утратили боеспособность из-за усиления произвола со стороны локальных элит. Очевидно, что вся военная организация Войска Запорожского к началу второй половины XVIII в. нуждалась в глубокой реформе, которая и последовала в правление императрицы Екатерины II.

⁵³ ЦДІАК України, ф. 51, оп. 3, д. 15455, л. 31; д. 16904, л. 115.

⁵⁴ Там же, д. 17215, л. 207–208.

⁵⁵ Там же, л. 208; д. 20062, л. 27–28; оп. 2, д. 62, л. 75–77.

От Азовских походов к Азовскому проекту

Степан Шамин

From the Azov campaigns to the Azov Project

Stepan Shamin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X25030146, EDN: FLKFQO

В 2022 г. увидели свет несколько монографий, подготовленных в рамках проведённого Российским фондом фундаментальных исследований конкурса к 350-летию со дня рождения Петра Великого. Для изучения истории петровского времени значение данного проекта трудно переоценить — многие из этих трудов позволили осветить самые разные стороны русской истории конца XVII — начала XVIII в. принципиально по-новому. В их числе фундаментальные издания о трансформации механизмов государственного управления¹, процессе европеизации русской культуры², высшем духовенстве³. Опубликованы важные источники⁴, биографические исследования⁵, работы по региональной истории⁶ и ряд других интересных книг⁷. Десятки изданий о петровской эпохе стали интеллектуальным пиром для специалистов по русской истории рубежа XVII–XVIII вв., на некоторые из них уже появились рецензии⁸.

Данная работа посвящена анализу вышедшей в рамках «Петровского конкурса» монографии П.А. Авакова ««Азовский проект» Петра I»⁹. Книга относится к числу фундаментальных изданий, требующих особенного внимания

© 2025 г. С.М. Шамин

¹ Бородина Е.В., Киселёв М.А., Лазарев Я.А., Накишова М.Т., Редин Д.А. «Ментальное государство» Петра Великого и регионы в первой четверти XVIII века: материалы и исследования по истории местного управления в России. Екатеринбург, 2022.

² Акельев Е.В. Русский Мисопогон: Пётр I, брадобритие и десять миллионов «москвитов». М., 2022.

³ Башнин Н.В., Устинова И.А., Шамина И.Н. Высшее духовенство в начале церковной реформы Петра I: правовой статус и имущественное положение. М.; СПб., 2022.

⁴ Новгородские архиерейские школы. Сборник документов. В 2 т. Т. 1 / Сост. Н.В. Салоников, К.В. Суториус. Великий Новгород, 2022; Походная канцелярия Александра Даниловича Меншикова (1703–1705) / Сост. Е.В. Анисимов, Т.А. Базарова, К.Н. Лемешев, М.Е. Проскурякова. СПб., 2022.

⁵ Кротов П.А., Акишин М.О. Вице-адмирал Н.А. Сенявин (1681–1738). СПб., 2022.

⁶ Магарамов Ш.А., Чекулаев Н.Д., Иноземцева Е.И. История Дербентского гарнизона Российской императорской армии (1722–1735). Махачкала, 2021; Бережнова М.Л., Кабакова Н.В., Корусенко С.Н. и др. Тарское Прииртышье в Петровскую эпоху: статика перемен. Омск, 2022.

⁷ Полный список публикаций см.: Петровская эпоха в истории России. К 350-летию со дня рождения Петра Первого: аннотированный каталог научной литературы, изданной в 1994–2022 годах РФФИ. М., 2022. С. 5–32.

⁸ Шамин С.М. Брадобритие в эпоху Петра Великого — политика и культура // Российская история. 2023. № 5. С. 189–195; Шамин С.М. Новые тенденции в изучении стрелецкого восстания 1682 г. // Российская история. 2024. № 1. С. 67–78.

⁹ Аваков П.А. «Азовский проект» Петра I: Северо-Восточное Приазовье во внешней и внутренней политике России конца XVII — начала XVIII века. СПб., 2022.

и глубокого осмысления. Дело не только в её огромном объёме. Автор освещает тему, которая, с одной стороны, присутствует во всех обобщающих и учебных работах о Петре I, а с другой — по различным причинам незаслуженно оказывается на втором плане. Это тема Азова в политике России. Обычно она присутствует на страницах книг или в виде «Азовских походов», или в сюжетах о создании военно-морского флота.

Меня всегда удивляла избирательность, демонстрируемая многими коллегами при взгляде на южное направление внешней политики России рассматриваемого периода. Тяжелейшее противостояние 1686–1700 гг. распадается на отдельные Крымские и Азовские походы, а следующая русско-турецкая война зачастую сводится к Прутскому походу. В тоже время, когда речь идёт о «послепетровском» периоде, учёные чётко видят крупные конфликты между Россией и Османской империей; историю Северной войны никто не разбивает на «Нарвский поход», «Полтавский поход» и т.д.

Исправить это очевидное недоразумение мы попытались в совместной с А.Г. Гуськовым и К.А. Кочегаровым в монографии о русско-турецкой войне конца XVII в.¹⁰ Для нас было ясно, что история с Азовом не заканчивается в 1700 г., где поставлена точка в нашей книге. Борьба за регион между двумя империями лишь начиналась. И суть противостояния не сводилась к тому, кто сумеет, опираясь на силу оружия, поставить здесь своё знамя. Главный вопрос состоял в том, кто сможет освоить регион, опустевший ещё в эпоху гибели Золотой Орды. А ведь в 1695 г. не только турецкий Азак, но и осаждавшее его российское войско помещались внутри границ огромного исчезнувшего ордынского города XIV в. Не случайно книга Авакова начинается с главы «Геополитическое положение Северо-Восточного Приазовья и оборона южной границы Российского государства в XVI–XVII вв. (до 1686 г.)».

Поскольку геополитика предполагает анализ глобальных процессов, Аваков охватывает в книге огромные пространства между Окой и Приазовьем, начиная изложение проблемы не с XVI в., а с эпохи Великого переселения народов. Столь высокий уровень обобщения опасен тем, что в ходе вынужденного упрощения картины её точность существенно снижается. Так, Аваков пишет: «Монгольское нашествие второй четверти XIII в. привело к размыванию границ земледельческого и скотоводческого ареалов и возникновению буферной зоны между Русью и Золотой Ордой. Обширные лесостепные пространства к югу от Оки были превращены в пастбища номадов и стали частью так называемого Поля, служившего естественным рубежом между лесной и степной полосами Восточной Европы»¹¹.

С фактографической точки зрения описываемая картина не верна. Приведу ссылку на историографическое исследование археолога А.Н. Наумова об истории Окско-Донского водораздела, т.е. рассматриваемой Аваковым территории. В ней учтено 264 публикации, значительная часть которых посвящена древнерусскому периоду (как до, так и после роковых событий XIII столетия)¹². Работы археологов однозначно говорят, что, несмотря на тяжёлый удар монгольского нашествия, оседлое славянское население в регионе осталось. В новых геополитических условиях оно стало восстанавливаться.

¹⁰ Гуськов А.Г., Кочегаров К.А., Шамин С.М. Русско-турецкая война 1686–1700 годов. М., 2022.

¹¹ Аваков П.А. «Азовский проект»... С. 64.

¹² Наумов А.Н. Тульская археологическая экспедиция в изучении археологии Окско-Донского водораздела // Археология Окско-Донского водораздела. Тула, 2022. С. 6–31.

Если же мы «сузим оптику» и обратимся к конкретным районам Окско-Донского водораздела, то картина может отличаться радикально. Если, к примеру, взять Куликово поле (классический регион исторического Поля), то для него речь идёт не просто о сохранении оседлого древнерусского населения, а о достижении нового уровня в развитии металлургического производства. Ещё в 2013 г. археологи опубликовали первые данные о присутствии здесь в первой половине XIV в. не фиксировавшихся в предшествующее время золотоордынских технологий: «Ближайшей аналогией сыродутному горну Куликова поля 2010 г. являются горны конца XIII — первой половины XIV в. Болгарского городища»¹³. Раскопки следующего десятилетия показали, что «в разных точках Куликова поля практически одновременно работали не одна и не две, а минимум тридцать и более мастерских по выработке сыродутного железа», использовавшие не болотную руду, а разрабатывавшие небольшие рудные линзы¹⁴. Сама технология изготовления горнов свидетельствует, что производство было связано с ордынским миром. Столько железа, сколько в XIV в. производили в районе Куликова поля, местному сельскому населению не требовалось. Нет здесь и следов развитого ремесленного производства, работавшего на рынок. Перевозка металлургического сырья по суше в центральные районы Руси обошлась бы очень дорого, зато выплавленные в регионе крицы в периоды половодья легко было отправлять по Дону в его низовья — в Азак. Сведения об этом торговом пути отмечены в источниках¹⁵.

Очевидно, что степное нижнее Подонье и лесостепные регионы верхнего Дона при стабилизации политической ситуации оказывались связаны между собой в силу наличия разных природных ресурсов. Выросший на международной торговле Азак требовал железа. Выплавить его можно было там, где имелись руды, леса и люди, умевшие плавить металл. Катастрофическое сокращение числа жителей в средневековом Азаке и исчезновение не только металлургического производства, но и оседлого населения на Куликовом поле в верховьях Дона — звенья одного процесса, в результате которого значительная часть всего бассейна Дона превратилась в слабо заселённое и политически плохо контролируемое пространство. Тогда же, превращаясь в дикое поле, пустыни и другие регионы. Однако произошло это не во второй четверти XIII в. (как пишет Аваков), когда проходило становление Золотой Орды, а с конца XIV по конец XV столетия, когда Золотоордынское государство распалось. Затрагиваемые Аваковым сюжеты истории Поля (от вопроса о его территории до содержания самого термина) вызывают среди исследователей острые дискуссии. К сожалению, остановиться на каждом из них подробно в рамках этой работы не удастся¹⁶.

¹³ Наумов А.Н. Новые данные о сыродутном производстве железа в первой половине XIV в. на Куликовом поле (по материалам селища Колесовка-1) // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история. Тула, 2013. С. 52–63.

¹⁴ Наумов А.Н., Наумова Т.В., Шмелёв В.Н. Уникальная находка металлургического комплекса XIV в. на Куликовом поле // Город Средневековья и раннего Нового времени VI: археология, история. Тула, 2018. С. 81–102.

¹⁵ Лаврентьев А.В. Рязанские владения в верховьях Дона, «въ верхъ Дону Дубокъ» и Донской путь XIV–XV вв. // Историко-географический журнал. Т. 2. 2023. № 2. С. 20–45.

¹⁶ Отдельные дискуссии, затронутые в книге Авакова, освещены мной в специальной работе: Шамин С.М. Продвижение Российского государства на юг в XVI–XVII столетиях: освоение «Поля» // Труды Института российской истории РАН. 2023. № 17. С. 10–37.

Думается, для раскрытия темы монографии достаточно было бы кратко описать во введении ситуацию в буферной зоне между Русью и Золотой Ордой, а затем Московским государством и турецким Азаком. Имеющуюся же в книге главу можно расширить до размеров отдельной монографии. Аналогичным образом дело обстоит с главой «Северо-Восточное Приазовье в орбите российской внешней политики XVI–XVII вв. (до 1686 г.)». В ней автор касается множества интересных, порой дискуссионных сюжетов. Основная её задача — показать, что азовское направление во внешней политике московского правительства не только присутствовало на протяжении двух столетий, но и играло значимую роль. Соответственно, «Азовский проект» Петра I был не случайным, а естественным развитием событий. Так автор книги в первых двух главах монографии ответил на вопрос «Почему Азов?», вынесенный им в заглавие следующей третьей главы.

В главе «Почему Азов?» учёный рассматривает отношения между Россией, Османской империей и Крымским ханством от подписания Бахчисарайского мирного договора 1681 г. до окончания сезона боевых действий 1695 г. Складывается впечатление (возможно, ошибочное), что изначально раздел писался по хронологическому принципу, охватывая период до начала решающего похода российской армии 1696 г., приведшего ко взятию турецкой крепости. Однако в последовательное изложение событий вклинивается историографическая дискуссия о причинах выбора Петром I Азова в качестве направления для удара. Хотя этот материал весьма любопытен, композиционно такое решение кажется не самым удачным. Оно разбивает логику развития событий, приведших ко взятию города. Возможно, историографическую часть стоило бы вынести во введение, чтобы она не перебивала канву основной темы, или же, с учётом важности вопроса для авторской концепции, рассмотреть эту проблему в отдельном разделе.

Лишь четвёртая глава книги посвящена непосредственно взятию Азова и рождению «Азовского проекта», являющегося основной темой монографии. Обычно авторы, пишущие о первых годах самостоятельного правления Петра I, стараются рассмотреть первый и второй Азовские походы в связке. Однако Аваков их принципиально рассматривает в разных разделах, поскольку одна из основных его идей заключается в том, что грандиозные планы Петра по освоению Приазовья ради выхода на просторы Чёрного моря были не причиной похода царя на Азов, а его следствием. Первоначально же боевые действия против Азова находились в русле традиционной внешней политики России в данном регионе. При этом до начала борьбы за устье Дона Пётр не ставил задачи строительства морского флота — публицисты и историки приписали ему эту мотивацию позднее, ориентируясь на достигнутые в долгосрочной перспективе результаты. Я согласен с таким выводом. Сходным образом ситуация оценивается и в нашей совместной с Кочегаровым и Гуськовым монографии о русско-турецкой войне 1686–1700 гг. Однако Аваков проводит между 1695 и 1696 г. гораздо более глубокий водораздел, чем мы. Его наблюдения над тем, как родился «Азовский проект» Петра I, — важный шаг в понимании механизмов, определявших ход и содержание преобразований, проводимых в России в начале его правления.

Аваков продолжил начатую ещё М.М. Богословским деконструкцию мифа о решающих победах нового петровского морского флота под Азовом. Богословский показал ошибочность бытовавших (и до сих пор бытующих) во многих работах представлений о том, что 20 мая 1696 г. в Азовском море напротив

устья Дона новый морской флот под командованием Петра I разгромил пришедшие на помощь Азову османские корабли. Суть исправленной Богословским ошибки состояла в том, что турки были разгромлены казаками на их судах. Произошло это уже после того, как царь покинул место будущего сражения, уйдя на морских судах от устья Дона вверх по его течению. Следовательно, вновь построенные морские корабли не участвовали в сражении¹⁷. Аваков развил выводы Богословского, подробно рассмотрев вопрос о том, как возникла и распространилась по всему миру легенда об участии царя в этой славной битве. Царь в рассказах о сражении называл казачий флот своим (что соответствовало действительности), а то и использовал местоимение «мы», описывая победу. Это вело к тому, что рассказы о «виктории» в устье Дона и новом морском флоте во внешнем восприятии сливались в один сюжет¹⁸.

Предположу, что Пётр I, хотя и радовался победе над турками, всё же испытывал психологический дискомфорт, а то и раздражение от того, что он и его «европейский» флот находились рядом, но не участвовали в столь важных для государя событиях. Личной вины царя в том не было — он не мог вывести свои суда навстречу османам по причине отсутствия достаточного для них по глубине прохода в море. Азов и морской флот Нового времени плохо совмещались между собой из-за того, что при впадении любой крупной реки в море, особенно мелководное, образуется бар — сформированная осадочными породами отмель, перекрывающая вход в реку для крупных судов. В наши дни эту проблему легко решают дноуглубительные механизмы, но в описываемую эпоху большим кораблям приходилось оставаться на рейде, а грузы и людей на берег перевозили малые суда. Когда в 1702 г. уже в российский Азов привёл свой корабль купец из Рагузы С.Л. Владиславич, он столкнулся с проблемой выгрузки товара и рекомендовал Петру I «сделать гребных несколько судов, на которых бы возможно возить тавары с караблей в Азов, потому что де в тихую погоду великой убыток торговым бывает в замедлении»¹⁹.

Проблема мелководья в устье Дона проходит красной нитью через всю книгу Авакова, потому что Петру пришлось долго искать место для морского порта, которым в итоге стал Таган-рог. Из рассеянных по книге цитат, посвящённых проблеме непригодности для судоходства устья Дона, приведу лишь одну, относящуюся к событиям, которые случились непосредственно после взятия крепости. 27–28 июля 1696 г. «Пётр I, в сопровождении А.С. Шеина, П. Гордона и других, совершил плавание по Таганрогскому заливу Азовского моря с целью поиска местности для строительства морской пристани и новой крепости. Азов не подходил для стоянки флота: выход в море рукавами Дона затруднялся из-за мелей и оказывался возможным только при встречном ветре, гнавшем воду с моря в гирла реки и поднимавшем её уровень. Примечательно, что сначала царь и его окружение отправились в эту экспедицию на галерах, но им вновь не удалось выйти в море из-за мелководья в устье Дона, поэтому всем пришлось пересечь на лодки»²⁰. Осенью 1699 г. русские корабли вообще не смогли пройти из Азовского моря в Дон²¹.

¹⁷ Богословский М. М. Пётр Великий: материалы для биографии. В 6 т. Т. 1. М., 2005. С. 310–311.

¹⁸ Аваков П. А. «Азовский проект»... С. 208–210. Тему звучавшего в 1696 г. и позднее славословия морскому флоту царя Аваков рассматривает и ниже.

¹⁹ Там же. С. 467–468.

²⁰ Там же. С. 232.

²¹ Там же. С. 315.

Благодаря опубликованному Аваковым богатому картографическому материалу становится очевидной ещё одна проблема, не позволявшая морским судам в период боевых действий подходить непосредственно к Азову: рукав Дона, на котором стоял город, простреливался с берега. На включённых в книгу картах (№ 12 и 13) траектории полёта бомб и ядер даже прорисованы. Да и сам Пётр I не стал подводить свой флот к Азову, а предпочёл построить батареи на острове против турецкой крепости. Укрепления напротив Азова были заняты сразу же после прибытия российской армии, а 30 июня П. Гордон «ездил верхом к нижней части города и обозрел удобства другого берега Дона, где можно возвести ещё один форт напротив нижнего края города, дабы тревожить ту сторону; и немедленно отправил инженера Адлера к полковнику Ливингстону с приказом построить форт и батареи в оном»²². Об артиллерийской дуэли через реку у Гордона упоминается 5 июля: «Сим же вечером лейтенант Пётр Павловский был убит пушечным ядром в новой крепости на другом берегу Дона»²³.

Излагая события первого месяца решающей осады Азова, Аваков приводит цитату из рассказа попавшего в плен члена экипажа одного из судов турецкого флота, который доставил в город деньги, снаряжение и подкрепления: «И с тех де фурикат (морских кораблей. — С. III.) тот начальной человек, перебрався мелкими судами на берег, и пошел пехотою в Азов... А те де фурикаты оставили на море на якорех... для того, что де была вода мелкая». Здесь описывается обычная операция по разгрузке морских кораблей. Однако учёный, продолжая существующую историографическую традицию, делает вывод, что «понижение уровня воды в устье Дона помешало не только российским галерам выйти в море, но и османским судам пройти по Дону к Азову, что и сыграло роковую роль в его дальнейшей судьбе»²⁴. Между тем сам же Аваков неоднократно отмечает, что проблемы с мелководьем являлись для устья Дона нормой. Заранее рассчитывать на прохождение крупных судов в реку из моря после окончания половодья в принципе было не рационально. Так что приведённая исследователем цитата из рассказа пленного говорит лишь о мелководье, а вовсе не о том, что командующий турецкого флота планировал в период сильного ветра со стороны моря загнать эскадру в тесную западню, где ожидаемые к Азову русские войска попросту расстреляли бы её.

Ошибочное толкование данного сюжета заставляет Авакова развивать идею о том, что «важность установления морской блокады Азова для успешного хода осады сложно переоценить»²⁵, которую он пытается подкрепить другими свидетельствами пленных: «Значение перекрытия устья Дона было верно оценено защитниками Азова, о чём свидетельствуют показания целого ряда пленных и “выходцев”, допрошенных в разряде посольских дел — возглавляемом думным дьяком Н.М. Зотовым походным филиале Посольского приказа, и в разрядном шатре главнокомандующего»²⁶.

В книге Авакова эти рассказы выглядят как внешние, независимые свидетельства, подтверждающие важную роль построенного Петром I флота в борьбе за Азов. По моему мнению, для правильной оценки сообщений пленных требуется дополнительный источниковедческий анализ всего комплекса этих

²² Гордон П. Дневник. 1696–1698. М., 2018. С. 39.

²³ Там же. С. 41.

²⁴ Аваков П.А. «Азовский проект»... С. 207.

²⁵ Там же. С. 207.

²⁶ Там же. С. 212.

материалов. Систематический просмотр дел показывает, что отработанная система допросов пленным российским командованием под Азовом сложилась к концу мая, когда пришедшие войска более или менее здесь обустроились. Иногда в документах лишь отмечено, что Шеин указал расспросить пленников или выходцев. Но есть и документы с более полным описанием хода допросов: «И те выходцы в Большом полку по приказу ево, боярина и воеводы Алексея Семеновича, в Розряде посолских дел перед думным дьяком перед Никитой Моисеевичем Зотовым расспрашиваны» (31 мая)²⁷. Данные о том, что расспросы по указанию Шеина велись именно перед Зотовым, повторяются в заголовках документов от 3, 10, 18, 21, 22, 24, 25 июня и далее²⁸. Не так важно, вёл ли сам Зотов все допросы. Главное, что информация собиралась не в низовых или средних звеньях огромной российской армии, а в ближнем кругу царя — и Шеин, и Зотов общались с монархом непосредственно.

Вопросы, задаваемые Зотовым, в документах обычно не фиксируются, но легко восстанавливаются по ответам. У пленным спрашивали, что думают турки и татары о русских фуракатах. Между тем, как хорошо показал Аваков, тема морского флота после разгрома казаками турецких кораблей в отсутствие самого Петра I была для государя болезненной. Соответственно, любой человек из его окружения, который мог сообщить о страхе турок перед российским военно-морским флотом (и, соответственно, о его важности для осады города), гарантированно делал Петру приятное. Вряд ли такой опытный царедворец, как Зотов, мог упустить эту возможность.

Нужно также помнить, что после майской казачьей победы на море люди, хоть как-то связанные с турецким флотом, в русский плен больше не попадали. Пленные же татары, турецкие янычары и прочие были информированы о реальных мотивах действий и планах османских флотоводцев ровно настолько, насколько о мыслях адмирала знает рядовой пехотинец или кавалерист на любой войне. Вряд ли Зотов не понимал, что такие пленные могли говорить лишь о ходивших в османском войске слухах.

Чтобы проследить механизм возникновения интересующих нас документов, приведу фрагмент из использованного Аваковым дела, лучше всего показывающий ход вопроса на «флотскую» тему. Он взят из материалов расспроса не бывавшего в Азове ногайского татарина от 8 июля 1696 г. В данном случае ногаец имел небольшой объём реальных сведений, поскольку не только передавал слухи, циркулировавшие в лагере татарской конницы, но и общался с турками из высаживавшегося с турецких кораблей десанта (или, по крайней мере, видел их). Зотов смог получить от ногайца некоторые фактические данные о десанте, его снабжении, составе флота. После того как пленный изложил имевшиеся у него факты, ему стали задавать дополнительные вопросы о том, почему турецкие корабли не идут сражаться с московскими. Каждый ответ татарина выделен в документе отступом.

Первый из ответов звучал: «А хотели де было турки всеми судами идти к Азову прямо и с московскими фуракатами дать бой, пробиваючись к Азову. И им де помешала мелкая вода, для того, что суды не пройдут». Зотов, в отличие от пришедшего под Азов уже после морского сражения татарина, не мог не понимать, что ногаец пересказывает не имеющие отношения к реальности слу-

²⁷ РГАДА, ф. 210, оп. 12, д. 1466, л. 99.

²⁸ Там же, л. 108, 127, 157, 173, 185, 206.

хи. Соответственно, фактографическая ценность слов допрашиваемого о планах прорыва турок к Азову оказалась нулевой. Тем не менее Зотов продолжал допрос.

«Он же, Уйтеген, спрашиван, сказал он, что хотели бить на московские суды, а не били за малостью воды. А те морские турецкие суды стоят давно, и вода часто прибывала, зачем они не били»? Пленный ответил: «Те турецкие суды на московских итти не смеют за малолюдством своим, и слыша про то, что на тех московских судах войска много. А по обе де стороны Дону реки сами они с степи видели, что земляные городки и роскаты зделаны, и проити невозможно. И впредь де говорят, что им проитти невозможно. Для того и на берег с судов вышли, что им водою делать нечего»²⁹. Как видим, Зотова не удовлетворил ответ о мелях, и он продолжил выдавливать из ногайца-кавалериста информацию о страхе турецких моряков перед петровскими фулками. Правда, параллельно он получил и очевидный ответ о том, что по обе стороны Дона стоит русская артиллерия, мимо которой суда в любом случае пройти не могут, даже когда уровень воды поднимается. Таким образом, записанные Зотовым рассказы пленных о том, что турки боятся построенного Петром флота, следует рассматривать не в ракурсе военного дела, а в рамках создания петровским окружением информационного идеологического пространства, формирования мифологии, возникавшей вокруг первого военного предприятия будущего императора. «Страх турок перед флотом» стоит в одном ряду с рассказами о том, что в 1695 г. крепость не смогли взять из-за предательства «немецкого пушкаря Якушки» (а не из-за несогласованности действий петровских любимцев) или о личном участии царя в разгроме турецкого флота.

Для успешной осады Азова иного флота, кроме приспособленных к мелководью казачьих судов, не требовалось, что продемонстрировал на практике атаман донских казаков Фрол Минаев. Сам же Пётр I, убедившись в наличии проблем с выходом кораблей из Дона в море, стал думать о том, где морской порт создать реально. Это наблюдение хорошо ложится в концепцию Авакова о том, что «Азовский проект» Петра рождался постепенно — царь, сталкиваясь с неожиданными препятствиями, раз за разом генерировал новые идеи, а не распланировал выход на морские просторы заранее.

Анализируя ход борьбы за Азов, Аваков в основном касается вопросов, вызывающих споры в историографии. Кроме проанализированных сюжетов, он справедливо показывает, что вопреки предположениям Д.Ю. и И.Д. Гузевичей, решающую роль в ходе осады сыграл насыпаемый российскими войсками вокруг города вал³⁰. Исследователь обоснованно выражает сомнения в том, что большую роль в обороне Азова играли «ахреяне» — перебежавшие на турецкую сторону преследуемые властями старообрядцы³¹. Список проблемных тем можно продолжить. Такой подход к изложению вопроса не очень удачен, поскольку не даёт полной картины, но в контексте данной монографии неизбежен из-за объёма книги.

Тема борьбы за Азов (теперь уже российский) продолжается в пятой главе. Здесь исследователь, исправляя неточности предшествующих работ, подробно рассматривает вопрос об административном подчинении города³². Представлен

²⁹ Там же, л. 250–251.

³⁰ Аваков П.А. «Азовский проект»... С. 215.

³¹ Там же. С. 224.

³² Там же. С. 247–254 и др.

также обширный материал о ходе боевых столкновений. Однако с некоторыми утверждениями автора, изложенными в данном разделе, согласиться сложно. Так, Аваков отмечает: «В марте 1697 г. Порты действительно приступила к подготовке военного похода с целью возвращения Азова под свою власть. О соответствующем решении, принятом на совещании высших сановников (векилов) Османской империи во дворце великого везира, писал в хронике “Книга побед” Силахдар Фындыклылы Мехмед-ага, служивший в ту пору при султанском дворе»³³.

В данном случае мы имеем дело с хорошо известной проблемой ошибок, допускаемых авторами нарративных источников, которые, имея доступ к определённой объёму информации, собирали также и непроверенные слухи, а то и специально распространяемую дезинформацию. В реальности и русская, и турецкая стороны в 1697 г. планировали наступательные действия на Днепре. Пётр I считал необходимым совершить рейд под Очаков, а османские войска готовились к походу на Тавань и другие днепровские городки, уже занятые российской армией. Отряд Али-паши, в первой половине 1697 г. направлявшийся в Приазовье, занялся здесь строительством крепости Ачу (в русских источниках — Ачуев). К Азову он не приближался. Позднее войска Али-паши перебросили для боевых действий на Днепре, где был предпринят скоординированный удар всех турецких и татарских войск³⁴. Это известно Авакову. Тем не менее он почему-то пишет о «концентрации в Восточном Приазовье крупных османских сил для нападения на Азов» в 1697 г.³⁵

Далее исследователь говорит о «масштабном татарском набеге» на Азов³⁶. Нападение на стоящие под Азовом российские войска действительно имело место, однако на вопросе о его масштабах стоит остановиться специально. У Авакова описание летнего нападения на Азов татар под командованием калги Девлет-Гирея выглядит противоречиво из-за того, что он приводит данные из отчёта воеводы Большого полка А.С. Шеина и дневника П. Гордона. Если у Шеина речь идёт об огромном вражеском войске, то Гордон оценивает число нападавших не более чем в 5 тыс. человек³⁷. Учитывая значительную численность собранных под Азовом российских войск, такой отряд совершенно недостаточен не только для взятия Азова, но и для сколько-нибудь масштабного набеге.

Очевидно, что кто-то из военачальников лгал. Выводов о том, кто из них сообщает правдивую информацию, Аваков не делает, хотя они очевидны. У Шеина подробно описывается тяжёлое сражение, длившееся десять часов и завершившееся бегством татар. Однако русские потери по его же данным ограничились 30 ранеными. Столь ничтожные потери в ходе тяжёлой битвы для других боестолкновений рассматриваемого периода не характерны. Они могут объясняться или чудом, или ложью Шеина о масштабах сражения. Причины лгать в отчёте у Шеина имелись. Он был обманут распространяемыми османскими властями слухами о походе на Азов и до последнего держал войска

³³ Там же. С. 270.

³⁴ Гуськов А.Г., Шамин С.М. Оборона днепровских городков в 1697 году — ключевой эпизод русско-турецкой войны 1686–1700 годов // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. 2021. № 3. С. 27–35.

³⁵ Аваков П.А. «Азовский проект»... С. 275.

³⁶ Там же. С. 276.

³⁷ Там же. С. 274.

под городом, хотя информация о движении противника поступала постоянно. В результате отправленная Шеиным на Днепр подмога опоздала. Лишь героизм русских солдат, стрельцов и запорожских казаков не позволил османским и татарским войскам взять Тавань. В этой ситуации Шеину очень хотелось показать в своём отчёте, что войско под Азовом он задержал не зря.

Использовал Аваков и другие источники, рассказывающие о перспективах турецкого нападения на Азов в 1697 г., в которых уровень угрозы завышен. Учёный пишет, что появившийся 24 июля в лагере Большого полка бежавший с Кубани донской казак сообщил о наличии в войске калги 500 сейменов³⁸. Между тем численность сейменов калги определялась размером их содержания, выплачиваемого турецким султаном, и составляла 6 белюков (знамён) по 50 человек каждый, т.е. всего 300 человек. При этом сеймены хана, калги и нураддина крайне редко отправлялись в поход полным составом, поскольку постоянно требовались в Крыму для поддержания работы различных структур ханства. В 1697 г. хан посылал к калге в Кабарду три белюка сейменов³⁹. Надо полагать, с этими 150 сейменами (а также ногайскими татарами и кабардинцами) калга и приходил под Азов по дороге с Кавказа на Днепр к Тавани. Следовательно, в реальности перед нами не «масштабный татарский набег» на Азов, а отвлекающий удар проходящего мимо Азова к Тавани отряда, собранного калга на Кавказе и в Прикубанье.

Необходимо отметить, что в документах времени русско-турецкой войны 1686–1700 гг. рассказы пленников и выходцев могли содержать очень разные данные о численности врага. Учитывать их можно только отбрасывая выбивающиеся из статистического ряда цифры. Победные же реляции полководцев имеют тенденцию к преувеличению сил противника. Складывается впечатление, что, находясь под влиянием данных из сочинения Силахдар Фындыкклы Мехмед-аги, Аваков в «споре» между свидетельствами Шеина и Гордона непреднамеренно становится на сторону первого, завышая масштабы вражеских действий против Азова в 1697 г.

Представляется, что для данного исторического периода нарративные источники должны играть по отношению к текущей документации подчинённую роль. Документы чётко свидетельствуют, что в 1697 г. противники России даже не планировали возвращать Азов, а сосредоточились на организации блокады выходов из Азовского моря и походе на Тавань. Исследований турецких учёных, которые рассматривали бы интересующие нас события именно на уровне текущей документации, нет (о единственном известном мне исключении будет сказано ниже).

Тем не менее сами документы сохранились в стамбульском Управлении государственных архивов Османской империи (*Başkanlığı Osmanlı Arşivi*). Только в одном комплексе за май 1696 г. видим серию указов от 22 мая, связанных с попытками отправить на помощь Азову бейлербея Трабзона Калалыкоза Аль-Хадж Ахмед-пашу с войском⁴⁰ (он в итоге выехал из Трабзона, но потом, вместо того чтобы прийти на помощь Азову, скрылся от османских властей).

³⁸ Там же.

³⁹ Гуськов А.Г., Кочегаров К.А., Шамин С.М. Сеймены Крымского ханства в период русско-турецкой войны 1686–1700 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 1(91). С. 48–54.

⁴⁰ Başbakanlık Osmanlı Arşivi (далее – BOA), A.DVNS.NMH.d. nr. 108–921 (H-30–09–1107 – 22 мая 1696 г.); nr. 108–1390 (H-20–10–1107 – 22 мая 1696 г.); nr. 108–1391 (H-20–10–1107 – 22 мая 1696 г.); nr. 108–1112 (H-20–10–1107 – 22 мая 1696 г.); nr. 108–1115 (H-20–10–1107 – 22 мая 1696 г.).

Другой спорный сюжет в монографии Авакова касается одного из военачальников противника, ногайского татарина Кубека-аги. О нём автор пишет: «Реконструировавший биографию Кубека-аги С.М. Шамин ошибочно отождествляет его с ногайским Кубеком-мурзой из Кубанской орды»⁴¹. Здесь Аваков безусловно неправ. Кубека-агу и Кубека-мурзу отождествил вовсе не автор данной статьи. Это сделали ещё в XVII в. Проживший в ногайском плену более десятка лет поляк, бежав к находящемуся под Азовом русскому войску, рассказывал Н.М. Зотову: «А что де говорят о Кубеке, будто тот Кубек-ага, а иные мурзою ево называют, и тот де Кубек самой простой человек, черной татарин»⁴². Был ли в реальности Кубек простым татаринцем, или же являлся отпрыском обедневшего знатного рода, страдавшим от оговоров завистников, — вопрос отдельный. Однако то, что одного и того же исторического деятеля называли и Кубеком-агой, и Кубеком-мурзой — засвидетельствованный источником факт.

Перечень случаев, когда, говоря об одном событии, разные источники в отношении явно одного Кубека используют то определение «ага», то наименование «мурза», легко продолжить. В работе самого Авакова Кубек-ага и Кубек-мурза отождествляются без дополнительных объяснений. Об одном из эпизодов осады Азова 1695 г. автор пишет: «Должность бея, от которой отказался Кубек-ага, занял второй бешлю-ага»⁴³. К рассказу об этом этапе борьбы за Азов в книге есть несколько ссылок. Первая из них — на дневник Гордона, где данное событие описано следующим образом: «При штурме бей и ага янычар были убиты, и ещё около 200; сан бея предложили Кубек-мурзе, от чего тот отказался»⁴⁴. Любопытно, что Аваков писал о невозможности назначения простого аги на должность бея⁴⁵.

Критику моей реконструкции биографии Кубека Аваков строит на том, что в 1700-х гг. есть упоминания о Кубек-мурзе, который явно не был одним лицом с Кубеком-агой. Но это говорит лишь о том, что в один период в Приазовском регионе жили два человека, которых именовали одинаково. Разделять биографии в таких случаях действительно сложно. Однако жизнь человека — это не разрозненный набор событий, а непрерывный процесс. Постепенное наполнение его фактами позволяет чётко разделить биографии разных людей. Плодотворной критика Авакова стала бы в том случае, если бы он конкретно указал на то, какие из приведённых в моей работе фактов относятся к биографии одного человека, а какие — к жизнеописанию другого. Разбор чётко обозначенных фактов позволил бы вести предметную дискуссию, приближающую к пониманию общей ситуации. Очередной шаг в этом направлении сделан в нашей совместной с А.Г. Гуськовым статье, написанной до выхода в свет монографии Авакова, но задержавшейся в печати до декабря 2024 г.⁴⁶ На мой взгляд, вплоть до окончания русско-турецкой войны 1686–1700 гг. история

⁴¹ Аваков П.А. «Азовский проект»... С. 167.

⁴² РГАДА, ф. 210, оп. 12, ч. 3, д. 1466, л. 318.

⁴³ Аваков П.А. «Азовский проект»... С. 192.

⁴⁴ Гордон П. Дневник: 1690–1695. М., 2014. С. 394.

⁴⁵ Аваков П.А. «Азовский проект»... С. 168.

⁴⁶ Гуськов А.Г., Шамин С.М. Кубек-ага: образ противника в годы русско-турецкой войны 1686–1700 годов // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия и культурных контактов. Вып. 9. М., 2024. С. 325–341.

жизни Кубека реконструируется точно. Дискуссии могут быть лишь о разрозненных фактах 1700-х гг.⁴⁷

Переходя к вопросу о времени окончания русско-турецкой войны 1686–1700 гг., Аваков пишет: «Коалиционная война, в которой Россия участвовала с апреля 1686 г. в союзе с Речью Посполитой, а с января 1697 г. — в составе Священной лиги, закончилась в январе 1699 г. В этой связи встречающуюся в историографии и справочной литературе иную датировку окончания этой войны для России (июль 1700 г.) следует признать ошибочной»⁴⁸. Уточню, что практика датировки окончания войны 1700-м годом в литературе не просто встречается, а господствует. Поскольку ход Карловицкого конгресса (1698–1699) и обстоятельства заключения Константинопольского договора 1700 г. хорошо известны⁴⁹, спор в данном случае идёт об оценке всем известных фактов. Аргументы можно найти и для 1699, и для 1700 гг. Остановлюсь лишь на общих вопросах.

Определять границы войны, строго отталкиваясь от даты её объявления по дипломатическим каналам или дня подписания мира (перемирия), не всегда плодотворно (особенно, когда речь идёт о ранних периодах истории). И даже для более позднего времени известны случаи, когда масштабные войны начинались без официального объявления и велись без формального введения военного положения. Не желая множить примеры, упомяну лишь, что в предшествовавшей русско-турецкой войне боевые действия шли с 1672 г., а формальное объявление войны состоялось лишь в 1678 г.⁵⁰ Соответственно, смотреть надо не на отдельные документы, а на события в комплексе.

В нашем случае для понимания хода исторического процесса важно, что Пётр I, желая вступить в войну со Швецией, не мог сделать этого до заключения мира с Османской империей. Произошло это в 1700 г. Если мы в угоду формальным критериям искусственно перенесём окончание русско-турецкой войны на 1699 г., во внешней политике России между двумя войнами появится «мирный» год, которого на практике не было. Об этом пишет и сам Аваков: «В условиях неустойчивого Карловицкого перемирия и сохранявшейся внешней угрозы проблема обороны Северо-Восточного Приазовья оставалась для российского руководства не менее актуальной, чем во время войны. Единичные нападения османских и крымских подданных на местных жителей продолжались... О регулярном характере подобной охоты на население российского Приазовья, продолжавшейся несмотря на перемирие, можно судить даже по инструкциям, которые получали в азовской приказной палате новые полковые командиры»⁵¹. Ввиду вышеизложенного сложно ожидать, что предложе-

⁴⁷ Артамонов В.А. Переговоры о переходе Крымского ханства в русское подданство при Петре Великом // Славяне и их соседи. Вып. 10. М., 2001. С. 271; Сень Д.В. Переговоры о переходе кубанских ногайцев в российское подданство (рубеж XVII–XVIII вв.) // Magna Adsurgit: Historia Studiorum. 2019. № 2. С. 116.

⁴⁸ Аваков П.А. «Азовский проект»... С. 296.

⁴⁹ Гуськов А.Г. Участие России в Карловицком конгрессе (1698–1699 годы): русская дипломатия в раннее Новое время // Новая и новейшая история. 2018. № 3. С. 119–141; Гуськов А.Г. Ратификация и реализация Константинопольского договора 1700 г.: формирование новой модели взаимоотношений России и Османской империи // Новое прошлое. 2022. № 4. С. 114–129.

⁵⁰ Яфарова М.Р. Русско-османское противостояние в 1677–1681 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2017; Яфарова М.Р. Русско-османское противостояние 1672–1681 гг. М., 2024.

⁵¹ Аваков П.А. «Азовский проект»... С. 305.

ние Авакова об изменении устоявшейся хронологии будет широко поддержано коллегами по историческому цеху.

На этом я завершаю обширный критический раздел моего обзора. Он велик не потому, что книга Авакова плоха. Скорее, наоборот, исследователь сумел затронуть большое количество важных вопросов, взгляды на которые ещё не устоялись. Начиная с шестой главы автор переходит к истории освоения края. Он шаг за шагом прослеживает, как регион превращался в освоенное Россией пространство, колыбель черноморского флота. В данной части повествования Авакова сноски на опубликованные источники и работы коллег постепенно вытесняются архивными ссылками. Учёный уходит в пространство прошлого, где почти не ступала нога историка. Возможно, будущие исследователи и здесь найдут какие-то дискуссионные вопросы, однако на текущий момент можно лишь с интересом разглядывать возникающее под пером Авакова историческое полотно.

Красной нитью проходит вопрос о том, что колонизация края требовала гигантских ресурсов и героических усилий большого числа людей. Недавно появились основанные на источниках работы турецкого исследователя Б. Гекпынара о строительных работах, начатых османскими властями после взятия российскими войсками Азова и продолжавшихся позднее⁵².

Особенно любопытны данные, связанные со строительством, ремонтом, снабжением и комплектованием войск в новопостроенной крепости Ачуев. Возведённое на новом месте укрепление сильно страдало от того, что поставили его в стратегически важной, но не слишком удобной по природно-географическим условиям точке: город заливался водой. При создании нового укрепленного пункта османским властям пришлось столкнуться с нехваткой строительных материалов, рабочей силы, квалифицированных мастеров, хорошо подготовленных воинских контингентов. Любопытно наблюдать, как турецкое правительство пыталось привлечь для купирования нового «российского» геополитического вызова и местные ресурсы, и имперские механизмы. Турецкий исследователь приводит данные о различных расходах османских властей. Было бы интересно сравнить их с тратами московской казны⁵³. Если сопоставлять приведённые Гекпынаром данные с материалами книги Авакова, складывается впечатление, что Россия расходовала на укрепление присутствия в регионе существенно больше ресурсов, чем турецкая сторона. Появление качественных турецких публикаций позволяет начать компаративные исследования в этом направлении.

Цели Петра I явно не ограничивались освоением Приазовья. Будущий император рассматривал завоёванные земли как плацдарм для покорения просторов Чёрного моря. Как справедливо отметил Аваков, создаваемый здесь «мощный линейный флот» для обороны Азова не требовался⁵⁴. Не нужен был для контроля над завоёванным пространством и морской порт на Таган-роге. Масштабы предпринятых инженерно-строительных работ до появления работы Авакова не были оценены по достоинству. Автор последовательно повествует

⁵² *Gökpinar B. Rusya'ya Karşı Osmanlı Devleti'nin Karadeniz'de Tahkimat Faaliyetleri: Yenikale İnşaatı (1702–1707) // Pamukkale Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. Sayı 38. Denizli, 2020. S. 38–57; Gökpinar B. Osmanlı Devleti'nin Rusya'ya Karşı Karadeniz'de Savunma Hattı Oluşturma Mücadelesi: Açı Kalesi (1696–1711) // Karadeniz Araştırmaları. 2020. C. 17. Sayı 67. S. 605–629.*

⁵³ *Gökpinar B. Osmanlı Devleti'nin Rusya'ya... S. 608–627.*

⁵⁴ *Аваков П.А. «Азовский проект»... С. 303.*

о том, как на Миусском полуострове постепенно строилась целая сеть мощных укреплений.

О значении Азова в планах царя говорит уже сам факт создания огромной Азовской губернии, население которой в 1710 г. составляло 85 869 дворов (304 254 душ мужского пола), а также учреждение в 1701 г. новой Азовской и Донской епархии. В целом масштабы деятельности Петра I в регионе подталкивают Авакова к справедливому выводу: «Неослабевающее внимание Петра I к Северо-Восточному Приазовью в самые напряжённые годы Северной войны наводит на мысль, что после подписания Константинопольского договора он не отказался от завоевательных планов на Юге и намеревался в обозримом будущем возобновить борьбу с Османской империей за выход в Чёрное море»⁵⁵.

При этом в 1709 г. царь признал в значительной мере бесплодными усилия предшествовавшего периода по созданию флота на Азовском море. Он подготовил план, предполагавший реконструкцию Таганрогской гавани, строительство новых верфей. Значительная часть существовавших судов подлежала разборке⁵⁶. Вряд ли будет ошибкой сказать, что вплоть до злосчастного Прутского похода будущий император постоянно модернизировал «Азовский проект», вкладывая в него всё больше государственных ресурсов. Лишь потеряв Приазовье, царь сосредоточился на Петербурге. Конечно, именно северная столица и балтийский флот стали любимыми детищами Петра, однако, как показал Аваков, Азов и Таган-рог успешно с ними конкурировали.

Выше я утверждал, что флот не сыграл важной роли в захвате Азова, однако это не снижает его огромного значения как необходимого для дальнейшей борьбы с Османской империей элемента инфраструктуры. На этом остановлюсь подробнее. Отправленный в Турцию после заключения мира в качестве постоянного дипломатического представителя П.А. Толстой писал: «Товары, которые приходят с Черного моря в Константинополь и расходятся по всей турецкой земле: пшеница, ячмень, овес, масло коровье, сало, конопля, мед, сыры, мясо соленое, кожи, воск во христианах расходится, также и волна или шерсть; ежели того с Черного моря не будет хотя один год, оголодает Константинополь»⁵⁷.

Особенно важной для снабжения Стамбула черноморская торговля становилась тогда, когда Османской империи приходилось вести активные боевые действия на Средиземном море. Даже скромные по своим военным возможностям казачьи флотилии могли серьёзно мешать движению торговых судов на Чёрном море. Появление же более совершенного флота грозило турецкой стороне катастрофой — оголодавший Стамбул превратился бы в точку социальной напряжённости, могущей парализовать всю Османскую империю. Между тем сама империя начала модернизацию флота по европейским образцам лишь на полстолетия раньше описываемых событий, в период Кандийской войны (1645–1669). Турецким властям пришлось срочно дополнять традиционные галеры парусными линейными кораблями, имевшими более мощное пушечное вооружение. В полной мере завершить формирование линейного флота на Средиземном море Османской империи удалось лишь в последние десятилетия XVII в.⁵⁸ Так что избытка кораблей, которые можно было бы без ущерба для

⁵⁵ Там же. С. 364.

⁵⁶ Там же. С. 407.

⁵⁷ Русский посол в Стамбуле: П.А. Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в. М., 1985. С. 95.

⁵⁸ *Soucek S. Studies in Ottoman Naval History and Maritime Geography. Istanbul, 2011. P. 148.*

боевых действий в других регионах перенаправить против России, у турецкого правительства не было.

Однако уже в 1696 г. угроза со стороны России заставила османские власти в экстренном порядке перебрасывать галерный флот со Средиземного моря на Чёрное. 2 мая датируется указ каймакаму (губернатору) Стамбула о том, чтобы находившиеся в Стамбуле суда (использованы термины *firkate* и *çektirme*) спешно отправили в Азов⁵⁹, 22 мая последовало распоряжение об отправке ещё трёх судов (*çektiri*) для защиты Азова⁶⁰. Переброска галер повлияла на боевые действия — турецкий линейный флот при отсутствии ветра оказывался в сражениях с венецианцами в неравном положении⁶¹.

Переброска судов из Средиземного моря для турецких властей стала временной экстраординарной мерой. Османской империи пришлось срочно строить новые корабли. Гекпынар пишет, что к весне 1697 г. изготовили 50 судов (*şayka*), которым предстояло отправиться в Азовское море⁶². Французский историк Д. Панзак также отмечал, что в 1696 г. турки построили значительное число небольших судов, пригодных для использования в мелководных местах на севере Чёрного моря. То, что османские власти прикладывали огромные усилия для развития флота, очевидно из статистики изготовления орудий на столичном пушечном дворе. Из 1306 пушек, отлитых с 6 апреля 1696 г. по 3 мая 1697 г., 1271 орудие предназначалось именно для флота. При этом 1155 пушек отправили на корабли, которым предстояло действовать на Чёрном море. Характерно и распределение по типам судов — 103 пушки для галеонов и галиотов, а остальные 1052 — для малых судов⁶³.

Очевидно, что создание черноморского флота стало для турецкой стороны первоочередной задачей. В итоге командующий турецким флотом капудан-паша Мезоморта Хюсейн-паша реорганизовал флот Османской империи. Он создал на Чёрном море группировку из 116 кораблей, призванных защитить турецкие владения от русской опасности⁶⁴. Данных о том, как на экстренные сборы для строительства черноморского флота реагировало население Османской империи в 1690-х гг., у нас нет. Однако, если обратиться к начальному периоду создания нового османского флота, то момент его гибели в битве при Дарданеллах (1656) описан следующим образом: «Введение различных налогов в провинциях Анатолия и Румелия, получение денег с помощью неправильных мер и притеснений со стороны правительства оправдывалось тем, что они были необходимы для Критской кампании. Флот, созданный на слёзах и проклятиях народа, не может не ожидать такого конца»⁶⁵. Вряд ли в конце XVII в. средства на флот собирались с меньшими издержками. Таким образом, в рамках реализации «Азовского проекта» в черноморском регионе началась «гонка вооружений» между Османской империей и Россией.

⁵⁹ BOA, A.DVNS.NMH.d. nr. 108–921 (H-30–09–1107 – 2 мая 1696 г.). Благодарю сделавшего для меня копию архивной описи доктора Мустафу Танриверди (Стамбульский университет) и передавшего мне эти материалы Д.Ю. Козлова.

⁶⁰ Там же, nr. 108–1089 (20–10–1107 – 22 мая 1696 г.).

⁶¹ *Isom-Verhaaren C.* The Sultan's Fleet: Seafarers of the Ottoman Empire. Dublin, 2022. P. 199.

⁶² *Gökpınar B.* Osmanlı Devleti'nin Rusya'ya... S. 608–609.

⁶³ *Panzac D.* Osmanlı Donanması (1572–1923). İstanbul, 2018. S. 171–172.

⁶⁴ *Öztuna T.Y.* Başlangıcından zamanımıza kadar Türkiye tarihi. C. 10: XVII. asrın ortaları (1640). Viyana bozgunu'ndan Edirne vakası'na. C. 10. İstanbul, 1966. S. 162.

⁶⁵ Цит. по: *Soucek S.* Op. cit. P. 142. Перевод мой.

О кумпанствах, строивших первые корабли для русского флота, как и о других верфях, Аваков упоминает лишь кратко. Однако вопросы финансирования и строительства флота были важнейшими для реализации всего «Азовского проекта». Уже на раннем этапе структуры кумпанств охватили всё государство. Масштабы прошедших через них финансовых потоков ещё предстоит систематически проанализировать⁶⁶. Сбор денег шёл по всей стране, и не все налогоплательщики справлялись с этой нагрузкой. К примеру, в крайне далёком от Азова селе Ухтома Суздальского уезда недоимки по «корабельным деньгам» периода работы кумпанств (т.е. до начала 1700 г.) жёстко выбивались из крестьян ещё в октябре 1702 г.⁶⁷ Вологодский Иннокентиев Комельский монастырь вообще не смог собрать требуемую сумму. Её пришлось занимать «на Вологде у иноземца Ивана Гутмана сто пятьдесят рублей в кабалу, а с вершку давали на год по сту по пятидесять четвертей овса, и многие работы работали», причём кабалу написали на 300 руб.⁶⁸ В итоге монастырь не смог расплатиться с долгами вплоть до передачи его владений в ведение Монастырского приказа.

Российскому правительству предстояло не только построить крепости, порт и флот, но и наладить устойчивое снабжение нового региона. Изначально была предпринята неудачная попытка строительства Волго-Донского канала в точке наибольшего сближения рек. Автор монографии пишет об этом кратко⁶⁹. Между тем в верховьях Дона началось строительство Ивановского канала, соединявшего донской бассейн с Окой. О нём Аваков упоминает лишь в подстрочнике⁷⁰. Судя по недавней публикации И.О. Тюменцева и Н.А. Тупиковой, он стал альтернативой каналу между Доном и Волгой. Пётр I во время Великого посольства нанял инженера Дж. Перри, возобновившего работы в низовьях Дона по новому проекту. Англичанин был уверен в успехе, успел проделать более половины работ, но в 1701 г. его перевели на строительство Ивановского канала⁷¹.

Разобраться в произошедшем помогает недавно введённая в научный оборот запись в приходо-расходной книге Монастырского приказа от 26 декабря 1701 г.: «По указу великого государя... великого государя жалованья Покровского монастыря, что на убогих домех, старцу Иякову пятьдесят рублей за то, что он признал от Москвы к Воронежу разными реками новой водяной путь»⁷². Очевидно, старец Иаков донёс до людей из царского окружения информацию о том, что в районе Иван-озера издавна существовала переволока, соединяв-

⁶⁶ *Шамина И.Н., Шамин С.М.* К истории создания военно-морского флота Петра I: новые документы по истории кумпанства Ростовского митрополита Иоасафа // *Историк и гражданин: к 85-летию Владимира Алексеевича Артамонова*. М., 2025. С. 150–160; *Шамина И.Н.* Кумпанство митрополита Ростовского и Ярославского Иоасафа (1696–1700) // *Российская история*. 2025. № 2. С. 85–103.

⁶⁷ *Давыдов М.И., Шамин С.М.* Новые известия о суздальском этапе биографии стольника И.М. Кологривова (1701–1703 гг.): к вопросу о характере деятельности региональных агентов Монастырского приказа // *Вестник церковной истории*. 2024. № 1/2(73/74). С. 352.

⁶⁸ *Шамина И.Н.* Преподобный Иннокентий Комельский и основанный им монастырь // *Вестник церковной истории*. 2009. № 1/2(13/14). С. 77.

⁶⁹ *Аваков П.А.* «Азовский проект»... С. 282, 323, 331.

⁷⁰ Там же. С. 283.

⁷¹ *Тюменцев И.О., Тупикова Н.А.* Средневековая переволока и строительство Волго-Донского судоходного канала при Петре Великом // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. Т. 68. 2023. № 3. С. 589–600.

⁷² *Шамина И.Н.* Деятельность Монастырского приказа в первые годы после его возрождения по расходной книге 1701–1702 гг. // *Вестник церковной истории*. 2022. № 3/4(67/68). С. 265.

шая реки Донского и Окского бассейнов. Прокладку канала в этом месте признали более выгодной. В результате именно здесь наиболее интенсивно велись грандиозные строительные работы, призванные обеспечить движение по Дону товаров из центральных районов страны. Они продолжались с 1701 г. и остановились лишь после потери Азова. Стройка поглотила огромные средства и навсегда изменила ландшафт региона⁷³. Проект имел шансы стать успешным, но потеря Азова лишила его экономического смысла.

Ещё только предстоит полностью оценить масштаб строительства новых предприятий, формировавших материальную основу «Азовского проекта». Остановимся лишь на конкретных примерах создания металлургической базы. Как развитие золотоордынского Азака в XIV в. привело к появлению металлургического производства на Верхнем Дону, так и строительство петровского Азова и окрестных крепостей вызвало к жизни Липецкий металлургический комплекс.

Уже во время правления царицы Наталии Кирилловны в районе современного Липецка на р. Белый Колодец (правый приток Воронежа) купец Н.Г. Аристов и дьяк К.С. Борин построили металлургические заводы, получившие название Боринских. С 1696 г. в связи с Азовской кампанией предприятие стало работать на военные нужды. После начала «кумпанского» строительства флота под Воронежем заводы занялись изготовлением продукции для этих целей. В годы Северной войны, когда, теоретически, южный регион должен был уйти на второй план, производство здесь стало расширяться — на речках Липеце и Кузьминке построили новые крупные государственные предприятия. Кажется бы, после потери Азова правительство должно утратить интерес к данному промышленному району, однако этого не случилось⁷⁴.

В 1719 г. российские власти продолжали усиливать экономический потенциал производства — к заводам приписали население близлежащих городов Сокольска, Доброго и Белоколодска⁷⁵, однако уже 1722 г. император принял решение о передаче липецкого металлургического комплекса в частные руки⁷⁶. Причины такого резкого поворота в государственной политике очевидны. Изначально Пётр развивал производство на Воронеже для обеспечения материальной базы «Азовского проекта». Даже когда устье Дона вернули Османской империи, он сохранял государственный контроль над производственными мощностями и поддерживал их в рабочем состоянии. Это позволяло при благоприятной политической конъюнктуре быстро возобновить всё потерянное после возвращения Азова туркам. Лишь начавшаяся летом 1722 г. борьба за земли на побережье Каспия поставила крест на вопросе о возобновлении активной внешней политики на османском направлении.

⁷³ Юркин И.Н. Ивановский канал: эволюция культурного ландшафта и её отражения — материальные и нематериальные // Уральский исторический вестник. 2020. № 2(67). С. 78–88; Юркин И.Н. Ивановский канал: новые (2013–2020 гг.) исследования уникального памятника истории российской гидротехники // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова: XXVII годичная научная международная конференция Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. М., 2021. С. 64–72.

⁷⁴ Козлова Н.В. Гость, дьяк, металлург Кузьма Семёнович Борин и его потомки: к вопросу об устойчивости промышленных династий в России петровского времени // Российская история. 2014. № 4. С. 112–119.

⁷⁵ Российский государственный архив Военно-морского флота, ф. 212, оп. 11–1, ед. хр. 440, л. 366–366 об.

⁷⁶ Петрухинцев Н.Н. Пётр Великий в Липецке // Родина. 2004. № 1. С. 115–116.

Наконец, абстрагируюсь от глобальных проблем и уделяю внимание ряду интересных тем частного характера, затронутых в книге Авакова. Одна из них — Азов как место ссылки. На некоторое время он потеснил в этом отношении все другие окраины, даже Сибирь⁷⁷. Не менее интересен вопрос о создании местных производств. Здесь формировались новые отрасли хозяйства — от изготовления строительных материалов до виноделия⁷⁸. С точки зрения церковной истории привлекает внимание попытка основать в Азове женский монастырь⁷⁹. Между тем во многих давно освоенных регионах Центральной России женских монастырей не имелось. К примеру, во всей Коломенской епархии их было всего три — в Коломне, Туле и Орле⁸⁰. Правда, в итоге для монахинь просто построили кельи при церкви Сергия Чудотворца. Практика такого размещения женских монашеских общин была распространена в России той эпохи⁸¹. Отдельные сюжеты книги Авакова кажутся совсем уж неожиданными, например, подробное изложение истории о том, как в Азове реализовывались указы Петра I о бритье бород и борьбе с русским платьем⁸². Некоторые из этих данных, к примеру о запрете на русские сёдла, редко встречаются в источниках. Любопытен раздел о Булавинском восстании⁸³.

В итоге хочется поставить вопрос, все ли стороны «Азовского проекта» Петра Великого полностью освещены в монографии Авакова? Разумеется, нет — слишком уж масштабен замысел царя, чтобы его удалось охватить в одной книге. В реализации «Азовского проекта», как в ударных стройках социализма, участвовала вся страна. Появление российского флота в водах, которые турецкие власти долгое время считали своим «внутренним морем», изменило геополитическую картину мира, стало важным шагом в развитии кризиса Османской империи, приведшего в итоге к её распаду. Становится очевидным, что «Азовский проект» Петра Великого входит одновременно и в число наиболее ярких достижений царя-реформатора, и в перечень его катастрофических провалов. Книга Авакова, впервые позволившая нам осознать истинный масштаб происходивших в Приазовье на рубеже XVII и XVIII вв. событий, безусловно, даст толчок к новым исследованиям.

⁷⁷ Аваков П.А. «Азовский проект»... С. 371.

⁷⁸ Там же. С. 383.

⁷⁹ Там же. С. 395.

⁸⁰ Шамина И.Н. Коломенская епархия на рубеже XVII–XVIII столетий: по материалам переписных книг 1701–1702 гг. М.; СПб., 2023.

⁸¹ Шамина И.Н., Шамин С.М. Дуниловский девичий Благовещенский монастырь и мужская Воробьевская пустынь по переписной книге 1702 г.: к вопросу о женских монашеских общинах в России XVI — начала XVIII столетия // История и культура Суздальской земли: в честь 1000-летия города Суздаля. Владимир, 2025. С. 208–219 (в печати).

⁸² Аваков П.А. «Азовский проект»... С. 396–399.

⁸³ Там же. С. 411–440.

Александр Котов

Извилистые тропы славянской взаимности*

Aleksandr Kotov

(Saint Petersburg State University, Russia)

The winding paths of Slavic reciprocity

DOI: 10.31857/S2949124X25030156, EDN: FLUZN

История русско-сербских отношений никогда не оставляла равнодушными ни отечественных, ни зарубежных исследователей. Новая монография Л.В. Кузьмичёвой опирается на солидный историографический базис, включающий труды С.А. Никитина, М. Эмечича, В. Чубриловича, С. Раич, Р. Люшича, Д. Маккензи, А.Л. Шемякина и многих других. Вместе с тем их наблюдения и выводы, нередко весьма дискуссионные, открывают широкое поле и для научного поиска, и для острой полемики.

К числу сюжетов, до сих пор вызывающих споры, относится и позиция Сербии в период Восточного кризиса 1875–1878 гг.: от боснийско-герцеговинского восстания до Берлинского конгресса (с. 15–17). Одним из его последствий стала переориентация юного сербского национального государства с православной славянской России на соседнюю «европейскую» Австрию. Этот поворот, вполне укладывавшийся в рамки широко известных «пророчеств» К.Н. Леон-

тьева и Ф.М. Достоевского, вызвал в русском обществе серьёзное разочарование в славянофильских и панславистских идеях. С другой стороны, и у сербов сформировалось убеждение (отразившееся затем в историографии), согласно которому в 1877–1878 гг. Россия «отвернулась» от Сербии и предпочла ей Болгарию. Собственно выяснению «истинного характера сербо-русских отношений в годы восточного кризиса» (с. 18–19) и посвящена работа Кузьмичёвой. Но в какой-то мере она проливает свет и на последующие сложности, сохранявшиеся в контактах двух государств вплоть до трагических событий мая 1903 г.

Особое внимание автор обращает на «имперский аспект проблемы обострения восточного вопроса», «вопрос имперской солидарности, изучение мер, направленных на сохранение и укрепление империй» (с. 47). В этом контексте говорится и о «правовой оценке» давления на султана, не справлявшегося, «по мнению...

* Кузьмичёва Л.В. «Над Сербией смилуйся ты, Боже!». Очерки истории русско-сербских отношений накануне и в годы Великого восточного кризиса 1875–1878 гг. Београд: Центар за руске и источноевропске студије «М. Јовановић» Филозофског факултета универзитета: Руски научни институт: Информатика, 2022 (Београд: Графо сан). 372 с.

Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-78-10045 «Национальные движения в оптике имперской легитимности: революции, восстания, бунты, мятежи в славянских землях в риторике российской власти долгого XIX века».

The research was supported by RSF, project № 23-78-10045 «National movements in the optics of imperial legitimacy: revolutions, uprisings, riots, rebellions in the Slavic lands in the rhetoric of Russian power in the long 19th century».

международного сообщества, с решением своих внутренних проблем» (с. 45). Впрочем, едва ли тут можно вынести окончательный вердикт. Однако ценным представляется указание на то, что «довольно неожиданно для великих держав только ещё разрабатываемая тактика коллективного вооружённого вмешательства во внутренние дела Порты для решения её же внутренних проблем реализовалась силами её собственных слабых и нелегитимных в международно-правовом смысле вассалов. И лишь через полгода после их поражения в войну вступило равное по статусу и мощи государство — Российская империя» (с. 46).

В начале монографии кратко очерчены обстоятельства становления сербского княжества в первой половине XIX в. и его дипломатические контакты с Россией в те годы. Далее автор пытается выяснить, какое место отводилось сербам в славянофильской публицистике 1850—1860-х гг., но, к сожалению, опирается при этом по преимуществу на изрядно устаревшие работы С.А. Никитина и Н.И. Цимбаева, а тексты И.С. Аксакова цитирует по весьма неполному сборнику 2002 г.¹ Таким образом, по сути, игнорируются как новейшие исследования отечественных историков, так и опубликованные в последние годы источники². Во введении же в круг «русских общественных деятелей либерально-славянофильского и панславистского направлений» попал даже Леонтьев (с. 28) — один из наиболее видных консервативных критиков славянофильства и панславизма, характеризовавший позднюю славянофильскую публицистику не иначе как «бешеный панславистический вой»³.

Тем не менее в книге достаточно подробно проанализировано «Послание к сербам» А.С. Хомякова и его отражение в русской и серб-

ской общественной мысли и позднейшей историографии. Как полагает Кузьмичёва, в своё время Никитин, утверждавший, будто хомяковская мысль оказалась «совершенно вне плана развития сербской жизни и без всякой связи с реальными интересами и стремлениями сербов», фактически лишь солидаризировался с весьма далёким от объективности Н.Г. Чернышевским (с. 73—74). Опровергая это мнение, автор вслед за сербским историком Экмечичем утверждает, что значительная часть сербской интеллигенции вдохновилась идеями «Послания». Правда, Экмечич считал, что именно это и повредило национальной идее сербов, которых славянофилы стремились использовать в качестве «тарана» для создания «славянского союза с центром в России». Но Кузьмичёва возражает и Экмечичу, напоминая про заявления славянофилов о «признании прав на самобытность каждой славянской народности» и о совпадении сформулированных в «Послании» целей с программой, намеченной в «Начертании» И. Гарашанина, и с позднейшими проектами левого националиста Н. Пашича (с. 75—76).

Ключевой фигурой в Белграде 1870-х гг. являлся Й. Ристич, и не случайно в отдельном параграфе второй главы Кузьмичёва размышляет о том, был ли он «русофилом или русофобом». Александр III впоследствии говорил о нём: «Он не враг России, но фальшивый партизан русский» (с. 115). А П.А. Кулаковский констатировал: «Конечно, это умный и деятельный человек, который может быть очень полезен, но это положительно политический мошенник, если допускатся подобное слово для характеристики хитрых политиков, не боящихся лжи и обмана. Ристич был бы самый полезный здесь человек для нашей политики, если бы поставить

в то же время в Белграде — русским министром — человека с сильным характером, с глубоким знанием югославянской истории и юго-славянского характера, который умел бы и мог бы владеть Ристичем. Теперь все здешние политиканы ругают Ристича, но глупо — и своею руганью только увеличивают цену этого человека, послужившего своей родине»⁴. В то же время, по его же словам, «следует хорошо знать, что Ристич — лишь случайный сторонник России, но что он во власти лишь искал способов обмануть Россию»⁵. Со своей стороны Кузьмичёва убедительно показывает, что «Ристич был подлинным патриотом своей страны, искавшим выгоды для неё и в лавировании между великими державами» (с. 115), и именно этот «национальный эгоизм» делал его «решительным противником охлаждения отношений с Россией» (с. 119). В конечном итоге сделанная им ставка на «русское общественное мнение» оказалась верной (с. 132).

Движение, развернувшееся тогда в стране, живо отражалось на страницах периодической печати. Крупнейшие газеты, например, «Московские ведомости» и «Новое время», буквально разрывались от самых разнообразных материалов, поступавших с Балкан. Вспоминая об этом, 4 апреля 1904 г. С.Ф. Шарапов писал А.С. Суворину, что «в эпоху 1876—1878 гг. сербское движение и Восточную войну создала почти исключительно печать»⁶. Кузьмичёва столь решительно о роли общества в эскалации конфликта не высказывается, но всё же признаёт: «Гипотеза А. Попова о том, что и сербо-турецкая война, и участие в ней русских добровольцев были организованы царским правительством, абсолютно не подтверждена документально» (с. 31).

Вместе с тем Александр II не был, конечно, безвольным орудием взвол-

нованных панславистов и далеко не сразу отказался от своей позиции невмешательства. Ссылаясь на настроения подданных, он пытался привлечь к балканским событиям внимание Европы и влиять на действия Турции. Любопытно, что в январе 1876 г. М.Г. Черняев после беседы с турецким представителем в Петербурге общал одному из сотрудников своей газеты «Русский мир»: «Из разговора, продолжавшегося более часу, я не мог не заметить, что наше правительство страшает его общественным мнением, под давлением которого оно будто бы действует, хотя и желает всевозможных благ Турции» (с. 146—147).

После Ристича Черняев, пожалуй, второй главный герой книги Кузьмичёвой. Резко негативную характеристику, данную «архистратигу славянской рати» Шемякиным, автор связывает со «страстностью» историка и приводит альтернативную оценку белорусской исследовательницы В.В. Сергеевской, согласно которой «без преувеличения можно говорить о том, что Михаил Григорьевич Черняев — личность неординарная, бескорыстная, правдивая, честная, смелая. Он не умел и не хотел приспособливаться к желаниям и понятиям правящих кругов, придворных разного рода и звания. Он был прямым и упорным в своём поведении, даже если его своеобразие разрушало карьерный рост. И даже несмотря на столь большие карьерные перепады, он смог немало сделать для укрепления позиций России в сложной геополитической борьбе того времени. Благодаря М.Г. Черняеву стремительно была завоёвана Туркестанская область, именно с его активными действиями началось освобождение южных славян от турецкого ига» (с. 55).

Вот только бескорыстие Черняева представлялось его современникам сомнительным. Так, А.А. Киреев

записал в 1881 г. в дневнике: «Дримпельман, наш доброволец, рассказывает, что Черняев вёл себя в Сербии непозволительно не только относительно министров, которые вообще довольно дрянной народ (под цвет нашей “интеллигенции”), но и с самим князем [Миланом Обреновичем]; притом ведь Черняев приехал добывать себе *концессию*!»⁷. По воспоминаниям К.Ф. Головина, Черняев «немного смахивал на средневекового кондотьера»⁸. Генерал, вероятно, не был человеком неискренним, и его личные интересы зачастую переплетались с идейными соображениями. Во всяком случае, до последних лет жизни он увлекался мечтами об экспансии России в южном направлении. «В последние 10 лет моего пребывания в Петербурге, — писал он Кулаковскому 27 ноября 1895 г., — я устранился от всего и предался созерцанию и чем больше наблюдал, тем более приходил в уныние. Петербург, как бы испугавшись результатов последней войны, бросил совсем наш юг (Кавказ, Среднюю Азию, даже Новороссийский край) и устремил все свои помыслы и усилия на крошечные страны севера, как бы стараясь этим вознаградить себя за неудачу на юге. Принялись за Финляндию, остзейцев, стали массами переселять в Сибирь, вздумали переводить флот из Кронштадта на Мурман, начали строить ж[елезную] д[орогу] в Сибирь, Архангельск, к норвежским берегам. Словом, полное стремление к северу, как будто нам, как в начале нашей истории, угрожало с юга движение варваров». Неудачный исход собственной карьеры на холодных берегах Невы лишь убеждал Михаила Григорьевича в необходимости переноса столицы империи в Киев⁹.

Кузьмичёва подчёркивает, что «Аксаков и другие славянофильские лидеры не переоценивали ни полко-

водческих, ни личных качеств отставного генерала» (с. 159). На это указывают не только позднейшие отзывы Ю.С. Карпова, Г.К. Градовского, но и письма Аксакова, не скрывавшего осенью 1876 г. от Черняева, что «тут нужен был человек более хладнокровный, хотя нет сомнения, хладнокровный человек не отважился бы на то дело, которое Вы так смело предприняли» (с. 159). Таким образом, как следует из книги Кузьмичёвой, славянские комитеты посылали Черняева в Сербию, прекрасно понимая, что даже в союзе с Черногорией она не способна долго противостоять Османской империи. Славянофильские круги добивались активного вмешательства русского правительства в борьбу на Балканах. Когда же это удалось, Аксаков признался Черняеву: «Снаряжая Вас в Сербию и потом, отправляя добровольцев, я имел в виду вызвать именно официальное участие России и никогда не верил в возможность решать дело деятельностью одних комитетов» (с. 159–160).

Книга Кузьмичёвой убедительно опровергает устоявшееся в исторической литературе представление, будто именно Черняев толкнул Сербию в неравную борьбу с османами. Напротив, «документы... неопровержимо свидетельствуют, что к моменту приезда Черняева в Сербию не только завершились военные приготовления, но и был уже выработан план кампании» (с. 158). Черняев же во всех своих отчётах и письмах заявлял, что Сербия не готова к войне. Чрезвычайно интересны приведённые в книге донесения о деятельности генерала русского консула в Белграде А.Н. Карцова, а также реакция на них Александра II. Впрочем, после долгих колебаний в Петербурге согласились с мыслью Н.П. Игнатьева о том, что «сербо-черногорская авантюра единственный оставшийся шанс прижать Турцию

к стене и заставить её покориться» (с. 161–162). Как выразился затем в статье, одобренной Александром II, В.А. Соллогуб, «император не хотел ни торопить событий, ни препятствовать силою тому, что уже было издавна начертано в книге судеб» (с. 162).

Во второй главе монографии подробно говорится про стремление Ристича к воссоединению сербов с их боснийскими соплеменниками и его надежды вовлечь Россию в конфликт сначала с Турцией, а затем и с Австро-Венгрией. В Петербурге же проявляли осторожность и искали компромисс, предпочитая заставить султана предоставить Боснии автономию, действуя по соглашению с австрийцами. Так или иначе, до мая 1876 г. «официальная Россия не только не подталкивала Сербию и Черногорию к войне, но, напротив, по крайней мере, до середины февраля 1876 г. решительно осуждала военные настроения в княжествах. Но главная внешнеполитическая задача Сербского княжества — объединение всех сербов в их этнографических границах — заставляла правительство Сербии с каждым новым проявлением посягательства Австро-Венгрии на Боснию активнее готовиться к войне. Несостоятельность дипломатических усилий побуждала Петербург в свою очередь смириться с военными приготовлениями Сербии». Ведь «если возможность передачи Боснии в сферу австрийского влияния была для России нежелательна, то усиление австрийского влияния, или тем более оккупации Сербии, были просто недопустимы». Поэтому, утверждает Кузьмичёва, «на всём протяжении Восточного кризиса Российская империя защищала интересы Сербии, что входило в её внешнеполитическую программу укрепления позиций на Балканах. Этой же цели подчинены были и усилия русской дипломатии по сглаживанию сербо-черногорских

противоречий». К тому же «Сдерживать Сербию от активных действий мешал и ещё один немаловажный фактор — небывалый подъём русского общественного мнения в защиту балканских славян. Данное обстоятельство служило сербским государственным деятелям дополнительной гарантией того, что Россия не останется безучастным зрителем в случае войны» (с. 169).

В третьей главе прослеживаются обстоятельства сербо-турецкой войны и связанные с ней события, включая Рейхштадтские соглашения Александра II и Франца-Иосифа. Как пишет Кузьмичёва, «русские представители сделали многое для защиты интересов двух славянских княжеств», оградив их от возможных посягательств Вены и ненадолго отсрочив неблагоприятное для «сербства» решение боснийской проблемы (с. 174–175). Исследовательница достаточно подробно характеризует добровольческое движение и процесс осознания русскими властями необходимости подготовки к своему участию в военном конфликте на Балканах.

Сотрудничество России и Сербии во время войны 1877–1878 гг. также складывалось весьма непросто. Если в 1876 г. постоянно звучали взаимные упреки сербов и русских добровольцев, неизбежные при любом поражении и не исключавшие фронтового братства (с. 224–226, 229–236), то в дальнейшем положение усугублялось тем, что Сербия, успев заключить мир с турками, вновь разорвала его, как известно, только после падения Плевны.

Роль Сербии на завершающем этапе Восточного кризиса рассматривается в четвёртой главе. Сравнивая оценки Сан-Стефанского договора и Берлинского трактата в сербской и болгарской историографии, Кузьмичёва констатирует, что сербы воспринимали итоги войны как нацио-

нальную трагедию, тогда как болгары сетовали на уступку соседнему княжеству районов, которые они привыкли считать своими. При этом «историки двух стран, пытаясь доказать, что их обидели в угоду соседям, оставляли порой куда более важные для понимания “трагедии Берлина” вопросы: насколько важно было, например, для западных держав заложить в решения конгресса основу последующих конфликтов, недоразумений, а стало быть, помешать единению двух славянских государств, столкнув их по вопросу определения сербо-болгарской границы» (с. 301). В то же время для автора «очевидно, что, подчиняясь внешне условиям соглашения с Австро-Венгрией о недопустимости создания Великой Сербии, Россия делала всё возможное, чтобы создать для Сербии условиями договора в Сан-Стефано режим наибольшего благоприятствования для последующего объединения сербских земель. Кроме того, вопреки Будапештской конвенции, Боснии и Герцеговине предоставлялась автономия. Были созданы реальные условия для подготовки последующего отделения Боснии и Герцеговины от Османской империи и воссоединения их с Сербией и Черногорией» (с. 308)

Между тем на Берлинском конгрессе Ристич, будучи уполномоченным князя, «проводил откровенную антирусскую политику» (с. 331). Видя австрофильские настроения сербского правительства, британские представители в Белграде ожидали, что «как только будет признана независимость и расширение границ, благодарность всех партий к России пройдёт так же

быстро, как и появилась» (с. 333). Собственно Сан-Стефанский договор стал лишь поводом для переориентации Милана Обреновича на Австрию и отказа от ирредентистских планов в отношении Боснии (с. 333–334)

Книга Л.В. Кузьмичёвой содержит обширный фактический материал и помогает понять всю сложность русско-сербских отношений, вплетённых в запутанную систему соперничества великих держав, между которыми лавировали балканские либералы и националисты, не желающие «сливаться» и «раствориться» в «русском море».

Примечания

¹ Аксаков И.С. Отчего так нелегко живётся в России / Сост. В.Н. Греков. М., 2002.

² См., в частности: «Русская беседа»: история славянофильского журнала. Исследования. Материалы. Постатейная роспись / Под ред. Б.Ф. Егорова, А.М. Пентковского и О.Л. Фетисенко. СПб., 2011; Аксаков И.С. Собрание сочинений / Публ. А.П. Дмитриева и Д.А. Фёдорова. Отв. ред. Б.Ф. Егоров. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2015; Бадалян Д.А., Котов А.Э. «...Бессмыслица конституционных учреждений, перенесённых на славянскую почву»: переписка П.А. Кулаковского и И.С. Аксакова 1880–1886 гг. // Славистика. Т. XVIII. Белград, 2014. С. 557–624.

³ Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 томах. Т. 12. Кн. 2 / Сост. В.А. Котельников и О.Л. Фетисенко. СПб., 2020. С. 522–523, 532.

⁴ Бадалян Д.А., Котов А.Э. «...Бессмыслица конституционных учреждений, перенесённых на славянскую почву»... С. 586.

⁵ Там же. С. 607.

⁶ РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 4682, л. 78.

⁷ ОР РГБ, ф. 126, к. 9, л. 16. Слово, выделенное курсивом, в оригинале подчёркнуто.

⁸ Головин К.Ф. Мои воспоминания за 35 лет. Ч. 2. СПб., [б.г.] С. 301.

⁹ ОР ИРЛИ, ф. 572, д. 254, л. 7–8.

В настоящее время становятся популярны попытки изучения информации, зафиксированной в изобразительных источниках. Этот «визуальный поворот» в науке отчётливо проявился и в работах саратовских авторов О.В. и С.А. Кочуковых, книги которых в 2022–2024 гг. опубликовали два московских издательства. Обе они посвящены отражению событий Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., одна — в политической карикатуре, а другая — в рисунках художников, сделанных на театре боевых действий и оперативно опубликованных в периодической печати. Такой подход к разработке темы следует признать весьма перспективным, поскольку он облегчает сравнительный анализ информационного потенциала разных видов иллюстративных материалов прессы.

Кочуковы не впервые обратили внимание на карикатуры¹. В период Восточного кризиса 1870-х гг. в русских и европейских сатирических и юмористических журналах их появилось «огромное количество», и они действительно «представляют замечательную возможность увидеть политику “великих держав” в Балканском кризисе с разных точек зрения» (2022, с. 12–13). Однако, сетуют авторы, «сатирическая визуальная репрезентация внешней политики России второй половины XIX в. ещё не стала предме-

том отдельного монографического исследования» (2022; с. 12), и историки по-прежнему, «к сожалению», обходят стороной «материалы российской сатирической графики» (2022; с. 13–14). Между тем тут же под строкой в перечне монографий, посвящённых политической карикатуре XVIII — начала XX вв., указана именно такая книга² (2022; с. 12), почему-то не попавшая в общий библиографический список. В журнале «Родина» Кочуковы как-то «не заметили» 10 публикаций А.Г. Голикова и И.С. Рыбачёнок, в которых использованы карикатуры, в том числе и статью «Война — лучший лекарь. Восточный кризис 1875–1878 годов глазами художников журнала “Будильник”»³. Читателям же они обещают восполнить воображаемую лакуну при помощи «всей совокупности специальных методов и приёмов изучения карикатуры» (2022; с. 14).

Во второй половине XIX в. во многих государствах мира выходили еженедельники, размещавшие на своих страницах произведения сатирической графики. Неудивительно, что вскоре они заинтересовали искусствоведов и историков, обнаруживших в этом источнике синхронное, лаконичное и образное отражение реальных явлений и событий. Известный французский коллекционер и исследователь Дж. Гран-Картере видел в карикатурах «графический документ», содержащий

* Кочукова О.В., Кочуков С.А. Смех как оружие. Русско-турецкая война 1877–1878 годов в российской и европейской сатирической печати. М.: Политическая энциклопедия, 2022. 231 с., ил.; Кочукова О.В., Кочуков С.А. «Художник на боевом поле»: репортажная хроника Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М.: Научно-политическая книга, 2024. 447 с., ил.

публицистический отклик на злободневные происшествия⁴. В настоящее время сформулированы основные принципы «прочтения» карикатуры, язык которой, понятный современникам, нужно уметь расшифровать для читателей-зрителей XXI в.⁵ Для её создания всегда существует информационный повод. Кроме того, в ней имеются две составляющие: рисунок и текст, дополняющий или уточняющий изображение, диссонирующий или попадающий с ним в резонанс. Для раскрытия своего замысла художник заостряет ключевую деталь, которая может быть как визуальной, так и вербальной.

Претендуя на роль первооткрывателей темы, Кочуковы попытались рассмотреть её в широких хронологических, тематических и географических рамках. Иллюстративный ряд их книги 2022 г. открывает английский офорт 1794 г., а в тексте упомянуты и более ранние работы. Затем воспроизведена карикатура на французскую военную экспедицию в Мексику из русского журнала «Заноза», издававшегося в 1863–1865 гг. Как ни странно, из более чем 160 произведений сатирической графики, собранных авторами в альбоме иллюстраций, лишь около половины созданы непосредственно во время столкновения России с Османской империей.

Тем не менее «главным предметом» своего исследования авторы называют «журнальную сатирическую печать периода Балканского кризиса 1870-х гг. и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.» (2022; с. 11). Для формирования источниковой базы они вполне обоснованно обратились к пяти русским («Будильник», «Стрекоза», «Развлечение», «Малая», «Свет и тени») и восьми иностранным еженедельникам, включая австрийские «Der Floh», «Die Bombe», «Kikeriki», «Figaro», французские «Le Charivari»

и «Le Grelot», английский «Punch» и германский «Kladderadatsch». Однако критерии отбора карикатур для помещённого в книге альбома иллюстраций авторами не сформулированы. Материалы из русских и иностранных изданий приведены по отдельности и сгруппированы по журналам, но последовательность их расположения внутри этих подборок не всегда хронологическая и никак не поясняется.

Знаковыми событиями Восточного кризиса стали: объявление войны в манифесте Александра II 12 апреля 1877 г., подготовка и заключение прелиминарного мирного договора между Россией и Турцией, подписание Берлинского трактата. Все три сюжета получили отражение только в журнале «Будильник». На манифест он откликнулся карикатурой М. Виноградова «Война — лучший доктор». Старушка-Земля, устроившись на облаке, будто в кресле, вяжет на спицах. Морщины на её лице-глобусе напоминают очертания материков, а на месте Балканского полуострова темнеет пятно. Указывая на него, Марс участливо спрашивает: «Что это у тебя, матушка, под глазом, — всё не заживает?». «Да, голубчик, видно без операции не обойдёшься, — печально отвечает та, — вырезать придётся». Изображение и текст здесь полностью совпадали. Поместив данную карикатуру на обложке номера, редакция рассматривала войну с Турцией как новость первостепенной важности. Но эта публикация в книге Кочуковых не упомянута.

Европейские карикатуристы не сомневались в захватнических планах России. Так, венский еженедельник «Figaro» представил читателям майского номера огромного медведя в форме русских пехотинцев времён Крымской войны, вооружённого ножом и вилкой устрашающих размеров. Устроившись за обеденным сто-

лом, зверь готовился к трапезе рядом с указателем с надписью: «Константинополь». Стремление Вены и Лондона изменить условия Сан-Стефанского мира вызвали появление в «Будильнике» карикатуры «Незванная гостья», воспроизведённой и описанной Кочуковыми. А художник Шам поместил во французском «Le Charivari» рисунок «В смущении», на котором, встав с намордником в руке на пути медведя в императорской короне, Британия—Альбион спрашивала: «Никто не может надеть ему намордник?».

Наибольшее внимание карикатуристов, как отечественных, так и зарубежных привлёк Берлинский конгресс. Кочуковы воспроизвели рисунок из «Будильника», на котором зритель видит массивную дверь, а перед ней часовых и устроившегося на стуле журналиста, который тщетно пытается подслушивать. Аналогичную сценку, названную «На лестничной площадке перед конгрессом», поместил и немецкий «Kladderadatsch». В «Le Charivari» художник изобразил дипломатов, забравшихся под стол и накрывшихся для секретности скатертью. Однако, приводя множество иллюстраций из европейских журналов («Die Bombe», «Le Grelot», «Kladderadatsch» и др.), Кочуковы, к сожалению, проигнорировали карикатуру, опубликованную в 1878 г. в «Будильнике» (№ 25). Её автор, поместив стол переговоров на бочку с порохом, сделал саркастическую подпись: «Во имя мира и всеобщей безопасности».

Характеризуя эти произведения сатирической графики, Кочуковы утверждают, что с их помощью велись «журнальные войны» и даже усматривают в них «исторических предшественников информационных войн» (2022; с. 8), но не приводят ни одного примера, когда карикатура в русском журнале была ответом на конкретную публикацию за рубежом, или наобо-

рот. В целом им свойственна некоторая терминологическая нечёткость. Так, понятия «общественное мнение», «общественное настроение», «общественные симпатии» они употребляют как синонимы (2022; с. 11), термин «великие державы» пишут то в кавычках (2022; с. 13), то без них (2022; с. 14).

Методика анализа отдельных карикатур вызывает недоумение. Например, цитируется подпись под рисунком на первой странице петербургского журнала «Стрекоза»: «— Ну, Маня, война. Интересу-то, интересу сколько! — Да, Митя, и меня она сильно интересует. Ведь моды, цены — всё изменится. Пожалуй, из-за проклятых турок и за границу не придётся поехать... Говорят и Висбаден блокировать будут, а в Ницце Абдул-Керим свою главную квартиру устроит. Ты как думаешь?» (2022, с. 142). Но при этом ничего не сообщается ни о самом изображении, ни об информационном поводе для его создания. Более того, название, данное художником (а это ключевая деталь, выраженная вербально), «Что у кого болит, тот о том и говорит», произвольно заменено в книге на «Супружеский разговор».

Недопустимо вольное обращение с источником, его расчленение на составляющие, пренебрежение частью содержащейся в нём информации, игнорирование публикаций, имеющих непосредственное отношение к теме, при отсутствии чётко сформулированных критериев отбора материала и бессистемности его подачи, безусловно, снижают научную ценность издания. В итоге в нём так и не раскрыты информационные возможности произведений сатирической графики как источника по истории Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

В книге «Художник на боевом поле», рассказывая о деятельности художников-корреспондентов, публи-

ковавших свои рисунки, Кочуковы справедливо отмечают, что «гравюры русских иллюстрированных еженедельников следует рассматривать как составную часть богатейшего корпуса визуальных источников Русско-турецкой войны. В своей совокупности они представляют полномасштабную иллюстрированную хронику войны» (2024; с. 117). Как известно, именно так — «Иллюстрированная хроника войны» — называлась «особенно полная и цельная коллекция гравюр», опубликованная в 1877–1878 гг. в специальном приложении к «Всемирной иллюстрации». Авторы книги дополнили их, не поясняя критерии отбора, репродукциями гравюр из еженедельников «Нива», «Пчела», «Газета А. Гатцука». В это время в России сформировалось понимание того, что общественное мнение — «такая сила, с которой нельзя не считаться, газетные же корреспонденты влиятельнейших органов печати — суть могущественные двигатели и даже создатели этого мнения»⁶. В 1877 г. отечественная пресса впервые получила возможность аккредитовывать при штабе главнокомандующего специальных корреспондентов. Наряду с журналистами, писавшими для петербургских и московских изданий, среди них были художники, отправлявшие свои рисунки в редакции. Там их наброски дорабатывали, затем гравёры готовили материал к печати и, наконец, после одобрения цензором визуальный репортаж становился доступен читателю. Этот процесс получил в монографии Кочуковых достаточно подробное освещение.

Разумеется, и русские, и иностранные авторы учитывали настроения своей аудитории. Да и личное восприятие ими одних и тех же событий могло существенно различаться. Всё это отражалось на бумаге. Вместе с тем рисунки, появившиеся в загра-

ничных журналах, впоследствии нередко перепечатывались в России. Кроме того, как видно из подписей под иллюстрациями в книге, российские редакции печатали гравюры и по наброскам, сделанным с натуры в зоне боевых действий и полученным непосредственно от английских, французских и других корреспондентов. Русские художники также продавали свои рисунки в западные страны. Эту практику Кочуковы оценивают как особый способ «внедрения за рубежом “русской версии”», «воздействие на европейское общественное мнение» «в информационном соперничестве с европейской прессой» (2024; с. 60). Но современники смотрели на это иначе. К примеру, В.Д. Поленов, находившийся при штабе вел. кн. Александра Александровича, отказался сотрудничать с парижскими изданиями, поскольку цесаревич не желал «уступить» такого «“прямого корреспондента” какому-либо европейскому журналу» (2024; с. 69). Результаты собственного анализа эффективности воздействия отечественной графики на Европу Кочуковы не раскрывают.

Никак не поясняют они и приведённое в книге «любопытное свидетельство» художника А.П. Боголюбова. Обнаружив явные ошибки на рисунке Н.Н. Каразина (корреспондента «Всемирной иллюстрации», публиковавшегося также в «Ниве»), он поинтересовался у автора: «Откуда Вы брали вид на Браиловский мост?». Ответ звучал обескураживающе: «Да вот ещё чего захотели, я там и не был и, конечно, навалил всё из головы» (2024; с. 75). Между тем следовало хотя бы попытаться установить, шла ли речь о единичном случае или же в то время это признавалось обыденной практикой.

По окончании войны её образы, созданные уже на определённой временной дистанции, продолжили воз-

никать на холстах живописцев. Кочуковы правомерно выделяют в этом ряду картины «балканской серии» В.В. Верещагина. Художник проделал с русской армией весь поход, наблюдая и фиксируя его эпизоды в записях, зарисовках и этюдах. Своей творческой задачей он считал «видеть большую войну и представить её потом на полотне... такую, какая она есть в действительности». А для этого, по его мнению, «нужно самому всё почувствовать и проделать, участвовать в атаках, штурмах, победах, поражениях, испытать голод, холод, болезни, раны... Нужно не бояться жертвовать своей кровью, своим мясом, иначе картины мои будут “не то”»⁷. В 1879 г. 20 работ Верещагина были выставлены в Париже и Лондоне, а в феврале 1889 г. экспозиция открылась в Петербурге. Произведения художника-очевидца всегда являются «в известной мере непосредственным источником эпохи», в котором «сливаются воедино и время, когда они были созданы, и сюжеты, изображённые на картинах, и художническое видение предмета изображения»⁸. Неудивительно, что суждения современников (в том числе и участников кампании) об изображённом Верещагиным оказались неоднозначны.

Вместе с тем, несмотря на допущенные упущения, работы О.В. и С.А. Кочуковых наводят на мысль о том, что на современном уровне

разработки проблем источниковедения изобразительных источников явно назрело создание научной визуальной хроники Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., опирающейся на совокупность всех имеющихся в распоряжении учёных материалов.

Примечания

¹ Рецензию на книгу О.В. и С.А. Кочуковых «Россия и Балканский кризис 1875–1878 гг. Сатирическая графика в “журнальных войнах”» (Саратов, 2021) см.: *Филиппова Т.А.* «Враг, враг друга, друг врага». Российская сатирическая графика в период Балканского кризиса 1875–1878 гг. // *Российская история.* 2022. № 5. С. 227–229.

² *Голиков А.Г., Рыбачёнок И.С.* Смех — дело серьёзное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре. М., 2010.

³ *Голиков А.Г., Рыбачёнок И.С.* Война — лучший лекар. Восточный кризис 1875–1878 годов глазами художников журнала «Будильник» // *Родина.* 2014. № 4. С. 104–107.

⁴ *Рыбачёнок И.С.* Политическая карикатура на рубеже XIX–XX веков. Коллекция французского журналиста Дж. Гран-Картере // *Новая и новейшая история.* 2011. № 2. С. 188–201.

⁵ Подробнее см.: *Голиков А.Г., Рыбачёнок И.С.* Карандаш и перо — инструменты политической карикатуры. М., 2024.

⁶ *Газенкампф М.А.* Мой дневник 1877–1878 гг. СПб., 1908. С. 6.

⁷ *Верещагин В.В.* На войне. Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 г. М., 1902. С. 58.

⁸ *Стрельский В.И.* К вопросу о произведениях изобразительного искусства как историческом источнике // *История СССР.* 1984. № 1. С. 97–98.

Сергей Нелипович

Рец. на: Человек против окружающей среды: Ландшафты Великой войны в Восточной Европе: коллективная монография / Я.А. Голубинов, Ю.А. Жердева, А.С. Лихачёва, О.С. Нагорная (руководитель авт. коллектива). СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2024. 396 с., ил. (Эпоха войн и революций. Вып. 21)

Sergey Nelipovich

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: Chelovek protiv okruzhayushchey sredy: Landshafty Velikoy Voiny v Vostochnoy Evrope / Ya.A. Golubinov, Yu.A. Zherdeva, A.S. Likhacheva, O.S. Nagornaia. Saint Petersburg, 2024

DOI: 10.31857/S2949124X25030176, EDN: FMLZDB

Посвящённая вопросу о взаимодействии человека и природы в условиях войны книга группы ярославских и самарских учёных во главе с О.С. Нагорной оказалась во многом новаторской сразу для двух крупных направлений историографии. Она расширяет проблемное поле относительно молодой и набирающей обороты экологической истории России, в рамках которой уже привычными стали темы индустриального вмешательства в природные процессы, влияния на окружающую среду хозяйственных практик горожан и деревенских жителей, формирования экологической культуры общества и др. В области военной истории коллектив исследователей предлагает новый взгляд на обеспечение боевых действий в годы Первой мировой войны и на оккупационные режимы как на постоянно осмысляемое их участниками преобразование природных и урбанистических пространств, формирование беллигеративных (изменённых в ходе военной деятельности) ландшафтов на фронтах в Восточной Европе. Такой подход к событиям 1914–1918 гг. имеет определённую традицию, сложившуюся на материалах противостояния морских колониальных держав. По-

этому, устанавливая географические рамки работы в пределах Галиции, нередко расширяемые за счёт Буковины, а при необходимости — и прилегающих территорий Царства Польского, Волыни, Полесья и Румынии, авторы стремятся «скорректировать господствующие в научной литературе представления об универсальности процессов и явлений, имевших место на Западном фронте или в колониях западноевропейских стран» (с. 44). Для ориентации читателей в пространстве основного изучаемого региона в конце книги помещены две карты.

Влияние «военных действий на природу и жизненные миры населения воюющих стран, на способы обращения с природными ресурсами, на индустриальную трансформацию территорий и ландшафтов» (с. 8, 25) раскрывается на основе хранящихся в 13 архивах России (РГВИА, РГВА, РГИА, ГА РФ, РГАКФД, Военно-медицинский музей Санкт-Петербурга и др.), Австрии (Военный архив Государственного архива, г. Вена), Великобритании и США служебных отчётов, записок и иных документов военных, политических и экономических органов, служб и ведомств противоборствовавших стран, а также

воспоминаний и дневников участников Великой войны, фотоматериалов. Используются и многочисленные опубликованные источники.

Основное содержание монографии разбито на пять глав, первая из которых вводит читателя в дискурсы экологической истории и знакомит с текущими итогами изучения военных действий и оккупационных практик в Галиции. Во второй главе показано, как преобразование природной обстановки в военных целях приводило к нарушению целых экосистем. Среди различных способов организации пространства для поражения противника (повсеместной вырубке лесов, обустройства окопов, блиндажей и др.) выделяется слабоизученный вопрос о заболачивании Полесья в результате стратегического затопления территорий (с. 58–61). Анализируется взаимосвязь и взаимозависимость человека и животных в условиях войны, влияние эмоциональных и санитарных факторов на дискуссии о механизации армии. «Управление оккупированной природой» (глава 3), или, другими словами, распоряжение «военной добычей», сводилось к сверхэксплуатации природных богатств и тактике выжженной земли. Причём к методам разорения противника относились не только уничтожение, но и добыча и потребление расположенных на его территории ресурсов, например, нефти (с. 186–199). Такой взгляд позволяет осознать, что «тотализация» конфликта воплощалась не только в вовлечении в него всего человечества, но и «во всепроникающем вмешательстве войны в ход природных процессов и катастрофических изменениях... окружающей среды» (с. 202). В этом плане война 1914–1918 гг. стала поистине планетарной, затронув всю биосферу.

Особого внимания заслуживает четвёртая глава, посвящённая ис-

пользованию образов бelligеративных ландшафтов в пропагандистских целях. Авторы прослеживают, как первоначальный романтический образ природы Галиции, в одних случаях родственный отечественным пейзажам, а в других — привлекавший своей экзотичностью, приобрёл в период отступления русских войск демонические черты (с. 203–212). К сожалению, развитие образа этого региона по ту сторону фронта подробно не анализируется, хотя и констатируется, что в представлении австро-венгерской общественности Галиция перестала восприниматься «окраиной», превратившись в «форпост империи». С «ментальным картированием» связана и работа военных фотографов (с. 213–228). На Юго-Западном фронте фотоснимки делались главным образом в прикладных целях (отчёт о продвижении и состоянии армии, обеспечение пропаганды в тылу и т.п.), но они также способствовали вовлечению личности комбатанта в новые для него природные, урбанистические и милитаризованные ландшафты. Постепенно зрительные образы становились частью мемориальной культуры о Первой мировой войне (с. 215), а фиксация разрушений и бедствий приводила к переходу от героизации войны к осознанию её негативных последствий (с. 221–222, 227–228).

Импонирует подход к раскрытию почти не изученного в литературе процесса демобилизации, рассматриваемого в пятой главе как демилитаризация единого социо-природного пространства. Такой взгляд во многом справедлив, поскольку расформирование армий в Восточной Европе осложнялось социальными конфликтами, гражданскими войнами и становлением новых национальных государств, боровшихся как между собой, так и с «остатками» рухнувших империй.

Можно поспорить с тезисом авторов о приравнивании демилитаризации бывшего театра военных действий к «деколонизации западного фронта Российской империи» (с. 231), а термин «демилитаризация» применительно к описываемому процессу вернее было бы заменить на «демобилизацию» (возвращение в состояние мирного времени), поскольку в межвоенный период, наоборот, происходило насыщение региона и войсками, и вооружением, и линиями укреплений. Но авторы приводят много нового материала — прежде всего документы органов, осуществлявших подготовку к демобилизации русской армии (причём с весны 1917 г.!), показывают процесс перехода к «мирным» взаимоотношениям с природной средой во вновь образовавшихся государствах (с. 249, 255–258, 274–275). Остаётся сожалеть, что за пределами исследования остался закономерный вопрос о причинах создания Комиссии по приведению армии в состав мирного времени тогда, когда Временное правительство в России ещё призывало к «войне до победного конца».

Первая мировая война, заключают авторы, «разрушила хрупкий баланс отношений человека и окружающей среды» в Восточной Европе, который из-за интенсивного индустриального развития на рубеже XIX–XX вв. «уже был поставлен под угрозу» (с. 293). В то же время внутри разных стран обнаружилось кардинальное разногласие между военными и гражданским населением в вопросе о допустимой степени вмешательства в экосистемы, активизировались природоохранные движения и законодательные инициативы (с. 297–302).

При этом нельзя не отметить неровный язык изложения: от перегруженности текста англозированной терминологией авторы неожиданно

переходят к сленгу, говоря, например, о «продвинутой» технологий (с. 179). Истинную обстановку описываемых событий искажают «штампы» о «превосходящих силах противника» (с. 191, 199), «стихийном» начале демобилизации (с. 237). Присутствуют ошибки в определении местоположения и статуса географических пунктов, включая города, поветы, реки (с. 49, 52–53, 146, 273, 284, 287), и событий: Гренадерский корпус не действовал в Восточной Галиции (с. 91); земли Буковины и Галиции к осени 1917 г. русские войска уже покинули (с. 263), эти области не входили в состав Советской России (с. 284); Э.М. Склянский не был наркомом по военным делам (с. 282); король Румынии Кароль I умер в 1914 г., румынскими войсками командовал король Фердинанд I (с. 346, примеч. 253). Искажает смысл опечатка, где вместо слова «мобилизация» получилась «демобилизация» (с. 273, строка 21). В книге неоправданно «обвиняются» в антисемитизме мемуаристы, подчёркивавшие антисанитарное состояние еврейских местечек в Галиции (с. 171, 175, 210, 212). Крайняя нищета и тяжёлые условия жизни в них, как и в таких же поселениях в Царстве Польском, поражали многих оказавшихся на фронте свидетелей тех лет, в том числе С. Цвейга и других лиц, которых трудно упрекнуть в предвзятости к еврейскому народу. Говоря об увеличении охвата «исследовательской оптикой до Русского (в западных публикациях — Восточного) фронта в целом» (с. 11), хотелось бы увидеть в будущем среди привлечённых источников дневники А.Н. Куропаткина (хранятся в РГВИА) и принца Леопольда Баварского (находятся в Баварском главном государственном архиве), содержащие немало свидетельств и оценок влияния войны на природу.

Александр Пученков

«Пожары над страной»*

Aleksandr Puchenkov

(Saint Petersburg State University, Russia)

«Fires over the country»

DOI: 10.31857/S2949124X25030187, EDN: FMODSP

К столетию революции московские историки Р.Г. Гагкуев и А.В. Репников опубликовали «иллюстрированную летопись», предназначенную тем, кто «не ищет готовых ответов» и «хочет сам осмыслить масштаб, глубину, трагичность событий 1917 года»¹. В ней авторы последовательно, месяц за месяцем, вели читателя «через этот год, полный надежд и разочарований, побед и поражений, стремительных политических взлётов и падений». Особенностью того издания являлся богатейший иллюстративный ряд: фотографии, сатирические рисунки, плакаты невольно погружали в атмосферу самого «насыщенного года в истории России XX века». Авторы намеренно отказались тогда от собственных оценочных суждений, представив в альбоме прежде всего мнения современников, выражавших различные политические взгляды — правых и левых, центристов и экстремистов, деятелей искусства и простых обывателей. При этом составители «не стремились интерпретировать публикуемые исторические источники, в числе которых немало карикатур революционного времени». Гагкуев и Репников особо оговаривали, что «широкий спектр публикуемых иллюстраций — не позиция авторов, а отображение непростой исторической эпохи, почти незнако-

мой современному читателю с этой стороны»².

Альбом встретил благожелательную реакцию как в профессиональном сообществе, так и у широкого круга читателей³. Вскоре появилось его продолжение, охватывающее уже события 1918 г. В этой книге текст занимает гораздо больший объём: структурно она включает введение, главу, посвящённую прологу Гражданской войны в октябре—декабре 1917 г., и ещё 12 глав, каждая из которых характеризует один из месяцев следующего года. При этом Гагкуев и Репников рассказывают о событиях, происходивших почти во всех крупных регионах бывшей Российской империи (за исключением, пожалуй, Прибалтики и Крыма, где в течение 1918 г. трижды сменялась власть). Но, как и прежде, они попытались отразить историю первого года Гражданской войны через фотографии, карикатуры, открытки, плакаты, тексты, карты сражений, наполняя страницы книги «зримыми образами тех лет» (с. 7). В них отразились переговоры в Брест-Литовске, ход иностранной интервенции и особенности германской оккупации, краткая история Украинской державы гетмана П.П. Скоропадского, зарождение Белой и Красной армий, Ледяной поход корниловцев,

* Гагкуев Р.Г., Репников А.В. Великий и страшный 1918 год: Иллюстрированная летопись начала Гражданской войны в России. М.: Яуза-каталог, 2022. 400 с., ил.

Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 24-18-00294 ««Русский мир» и «русская земля»: исторические и социально-политические аспекты проблемы национальной идентичности в публицистическом дискурсе середины XIX — начала XX в.».

Ярославское восстание и левоэсеровский мятеж в Москве, крестьянские и казачьи восстания 1918 г., оборона Царицына, красный террор, убийство царской семьи, омский переворот адмирала А.В. Колчака и другие сюжеты.

Размышляя о том, «когда началась Гражданская война в России?» и «кто стал её виновником?», историки констатируют, что ответственность за случившееся «в разной степени лежит на всех слоях российского общества того времени». По словам авторов, «борьба за власть, непримиримость, неспособность и нежелание услышать своих оппонентов и противников медленно, но верно обрекали страну на раскол и войну как высшую форму этого раскола» (с. 6). Свообразными «точками невозврата» для общества, по мнению исследователей, стали разгон Всероссийского Учредительного собрания 6(19) января 1918 г., когда «большевики окончательно взяли свою власть в руки» (с. 69), и заключение 3 марта Брестского мирного договора: «В первом случае была похоронена идея о возможности политических партий мирно договориться между собой о будущем политическом устройстве страны. Во втором — унижительный для национального самосознания мир отторгал от России огромные территории и накладывал на страну выполнение тяжёлых условий. Тот факт, что у советского правительства не было иного реального выхода сохранения у власти, кроме мира с Германией, в расчёт не принимался. На Ленина с критикой за “похабный мир” обрушились не только его враги, но и часть соратников. Оба эти события усилили раскол в обществе» (с. 6).

Заявления В.И. Ульянова (Ленина) не оставляли сомнения в том, что, «планируя взять власть в свои руки, большевики признавали неизбежность Гражданской войны», а созданный при Петроградском совете в ок-

тябре 1917 г. Военно-революционный комитет фактически представлял собой «легальный штаб по подготовке революции» (с. 14). После II Всероссийского съезда советов «СНК во главе с Лениным начал энергичную деятельность по установлению контроля над страной». Однако и «Алексеевская организация» — прообраз будущей Добровольческой армии — формировалась «ещё до октябрьских событий». Тем самым и большевики, и их противники «готовились к назревавшему вооружённому противостоянию» (с. 11–14). Впрочем, «несмотря на отсутствие практического опыта в управлении государством, Совнарком сумел ликвидировать все произошедшие против него в октябре–декабре 1917 года выступления», чему способствовал и сложившийся в ноябре–декабре 1917 г. блок большевиков с левыми эсерами (с. 17–34).

Тем временем русская армия продолжала терять свою боеспособность, её деморализация стала необратимой. Декреты СНК 16(29) декабря 1917 г. «О выборном начале и организации власти в армии» и «Об уравнивании в правах всех военнослужащих» упраздняли в войсках все чины и знаки отличия. К началу 1918 г. «русские фронты Первой мировой войны утратили боеспособность» (с. 86). Весной дезертиров насчитывалось уже до 3 млн человек, и к моменту подписания Брестского мира «история старой Русской армии подошла к концу» (с. 43). В дальнейшем «с марта по сентябрь 1918 года в деле строительства РККА состоялся переход от добровольчества к формированию армии на основе воинской повинности. Создавались регулярные части во главе с военными специалистами (бывшими офицерами), порядок в которых поддерживался дисциплиной, основанной на новых воинских уставах. Так как многие командные

должности в РККА занимали военспецы, уверенности в надёжности которых у большевиков не было, весной 1918 года в армии был введён институт военных комиссаров. Наряду с контролем за работой военспецов, комиссары должны были заниматься просвещением и воспитанием личного состава Красной армии. Советские вооружённые силы постепенно получали действенную структуру управления. Опираясь на промышленные ресурсы Центральной России и склады ещё русской армии, советская власть налаживала снабжение РККА оружием, боеприпасами и продовольствием, закладывая фундамент для будущих побед» (с. 104, 197). В Кремле осознавали, что «от того, насколько действенными окажутся меры по военному строительству Республики Советов, зависело её дальнейшее существование» (с. 107).

Между тем создание Красной армии происходило в сложнейших условиях переговоров Советской России о мире с Центральными державами, при остром противостоянии с возникшими в разных регионах страны центрами контрреволюции, а также начавшейся весной 1918 г. союзной военной интервенцией. Конечно, как отмечают авторы, «выход из Первой мировой войны был одним из важнейших вопросов, стоявших перед советской властью. Но не менее важным был вопрос о том, какой ценой этот мир будет достигнут» (с. 84–85). В Брест-Литовске Россия выбыла «из числа победителей, решавших судьбы послевоенного мира в 1919–1920 годах на Парижской мирной конференции» (с. 123).

Но и антибольшевистским силам начало Гражданской войны не принесло громких военных побед и ярких успехов. «Зарождение Белого движения, — пишут Гагкуев и Репников, — изначально шло в разных регионах

страны практически без какой-либо серьёзной координации, без единого руководящего центра. Белые армии в этот период фактически не были ни “белыми” (в самих названиях армий в годы Гражданской войны это слово никогда не использовалось), ни “армиями” (их численность в лучшем случае достигала численности полка). Небольшие отряды противников большевиков в разных регионах бывшей Российской империи тем не менее смогли выстоять в противостоянии с количественно превосходящим их, но слабо организованным и неопытным противником. Уже в скором времени, после того как по стране прокатилась череда антисоветских восстаний, вызванных политикой большевиков и в ряде случаев подготовленных работой подпольных организаций и помощью союзников по Антанте, небольшие белые отряды и армии стали основой для создания полноценных вооружённых сил» (с. 115). Им удалось сформироваться, сформулировать основные идеологические постулаты своей борьбы и обрести в кровопролитных боях веру в будущую победу. Особую роль в этом сыграл знаменитый «Ледяной поход» Добровольческой армии.

Большое внимание в книге уделено влиянию на эскалацию Гражданской войны в России действий войск Германии и Антанты. Как известно, мятеж Чехословацкого корпуса стал «своеобразным сигналом к восстанию антибольшевистских сил на востоке страны» (с. 174). Однако «порыв чехословаков в борьбе на антибольшевистском фронте сохранился только до осени 1918 года», поскольку «завершение мировой войны и создание независимой Чехословакии лишало их стимула участвовать в чужой для них войне» (с. 181).

Как отмечают авторы, «военное искусство этого времени сильно от-

личалось от периода Первой мировой войны. Начавшаяся Гражданская война стала временем слома стереотипов управления войсками, а также системы их пополнения и традиционной воинской дисциплины. В отличие от позиционной мировой войны 1914–1918 годов сплошные протяжённые линии фронта отсутствовали. Населённые пункты и транспортные узлы могли по несколько раз переходить из рук в руки. В силу этого огромное значение получали активные, наступательные действия, вырывавшие инициативу у противника. Контроль над одним, стратегически важным пунктом — железнодорожным узлом, губернским или региональным центром, морским портом — давал гораздо больший результат, чем контроль над обширной, но малозаселённой или малоценной в военно-политическом отношении территорией» (с. 200). Соответственно «среди преимуществ красных было обладание центром страны с её промышленной базой, многочисленным населением и густой железнодорожной сетью» (с. 268).

Вместе с тем в результате Второго Кубанского похода Добровольческой армии «на политической карте Юга бывшей Российской империи появилась непосредственно “Белая Россия”, обладавшая собственной территорией и получившая возможность проводить на ней собственную политику, без оглядки на казачьи правительства» (с. 212). К исходу 1918 г. белогвардейцы смогли распространить свой контроль «не только на казачьи земли (где они вынуждены были считаться с войсковыми властями), но и на непосредственно русские губернии и Северный Кавказ, обретя собственную базу для проведения внутренней политики и мобилизации населения» (с. 269). После гибели Л.Г. Корнилова и смерти основоположника Белого движения генерала

М.В. Алексеева на Юге России утвердилась диктатура генерала А.И. Деникина⁴. В Сибири адмирал А.В. Колчак сверг Директорию и провозгласил себя верховным правителем России. Осуществлённый им 18 ноября 1918 г. переворот, по словам авторов, «для антибольшевистского движения на Востоке России стал рубежным событием. С одной стороны, оно консолидировалось, с другой — его социальная база сузилась. Это движение стало Белым» (с. 349–350).

При помощи ярких изобразительных источников авторам удалось показать, как кровавая междоусобица охватывала ещё недавно сравнительно спокойные регионы бывшей империи, а территория, прежде, казалось бы, прочно объединённая властью монарха и русским языком, оказалась разделённой на множество враждующих между собой политических режимов и новоявленных государств. Различные сугубо локальные конфликты сливались в общероссийский. Гагкуев и Репников сумели раскрыть страшную механику междоусобного конфликта, когда Россия запылала, подожжённая со всех сторон. Невольно вспоминается В.С. Высоцкий: «Пожары над страной, всё выше, злее, веселей...». Со временем беда приходила в каждый дом. Конечно, в 1918 г. это зарево ещё только разгоралось, однако жестокость сторон возрастала с каждым днём, а готовность к диалогу и компромиссу отсутствовала у всех без исключения участников конфликта. Вскоре, как констатируют Гагкуев и Репников, «неизбежность применения террора против политических противников стала одним из элементов Гражданской войны» (с. 293).

Среди иллюстраций, выполненных на высоком полиграфическом уровне и равномерно и изящно дополняющих документальный материал, который составляет основу книги, —

фотографии столичных и региональных политических деятелей, а также рядовых участников событий (например, юнкеров, защищавших московский Кремль в октябре 1917 г., чинов Чехословацкого корпуса и проч.), рисунки известных художников Л.М. Кудина, Л.С. Моора, М.Л. Шафрана, карикатуры, агитационные плакаты большевиков, белогвардейцев и интервентов, многочисленные карты-схемы, воспроизведение воззваний Военно-революционного комитета, декретов органов Советской власти и т.д. Весьма нетривиально подобран иллюстративный ряд в разделе, посвящённом расстрелу Николая II и его семьи в Екатеринбурге.

Подготовленная Р.Г. Гагкуевым и А.В. Репниковым на высочайшем профессиональном уровне иллюстрированная летопись начала Гражданской войны в России, безусловно,

поможет в работе и вузовским преподавателям, и учителям истории, и даже школьникам. Кроме того, альбом просто интересно читать. Хочется надеяться, что авторы продолжат свой рассказ и выпустят аналогичные книги о событиях 1919–1920 гг.

Примечания

¹ Гагкуев Р.Г., Репников А.В. Великая Революция 1917 года: иллюстрированная летопись. М., 2017. С. 7.

² Там же. С. 7–9.

³ См., в частности: Голубев А.В. Рец. на: Р.Г. Гагкуев, А.В. Репников. Великая Революция 1917 года: иллюстрированная летопись. М.: Эксмо; Яуза, 2017. 224 с., ил // Российская история. 2018. № 6. С. 206–208.

⁴ Подробнее см.: Пученков А.С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооружённых Сил на Юге России (ноябрь 1917 – декабрь 1918 года). СПб., 2021. С. 619–712.

Олег Айрапетов

Рец. на: А.А. Вершинин. Неудавшийся союз. Военно-политическое сотрудничество СССР и Франции накануне Второй мировой войны (1930–1939 гг.). СПб.: Нестор-История, 2024. 796 с., ил.

Oleg Airapetov

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Rec. ad op.: A.A. Vershinin. Neudavshiysia soyuz. Voenno-politicheskoye sotrudnichestvo SSSR i Frantsii nakanune Vtoroy mirovoy voyny (1930–1939 gg.). Saint Petersburg, 2024

DOI: 10.31857/S2949124X25030196, EDN: FMUUKM

Как справедливо отмечает в своей новой и весьма объёмной книге московский историк А.А. Вершинин, «перипетии советско-французских контактов в межвоенный период давно изучаются с политической и дипломатической точек зрения» (с. 5). Но, как часто бывает в такого рода случаях, всё это время освещалась

в основном вершина айсберга — договор 1935 г. о взаимопомощи, ставший весьма своеобразным пиком сотрудничества, но так и не завершившийся полноценным союзом. До взаимной помощи, впрочем, дело тоже не дошло.

Отечественным исследователям внешней политики нередко свой-

ственно некое франкофильство, возникшее ещё в дворянском обществе и унаследованное историографией. В XX в. две большие войны с Германией лишь усилили представления о естественности и даже традиционности сотрудничества Парижа с Петербургом или Москвой. Между тем в XVIII в. их отношения чаще были прохладными или открыто враждебными. В XIX в. при каждом монархе предпринимались попытки русско-французского сближения, причём четыре из пяти закончились полным провалом из-за действий Франции, длительный же успех пятой объяснялся прежде всего страхом перед Берлином (особенно при его альянсе с Лондоном). Именно он являлся, по сути, единственным источником бурной любви к России, которую так активно демонстрировала Третья республика в 1890-е гг. В Петербурге же тогда, после отказа Вильгельма II от «договора о перестраховке», искали выход из международной изоляции.

Так что в советское время имела место уже шестая попытка, вновь оказавшаяся безуспешной. Посвящённая ей монография Вершинина состоит из 13 глав и насчитывает почти 800 страниц увеличенного формата. При этом автор, начинавший как специалист по истории внешней политики и стратегии Франции 1920–1930-х гг.¹, хорошо знает и учитывает контекст эпохи, широко использует зарубежную (преимущественно французскую) историографию и источники иностранного происхождения. В тексте встречаются ссылки на 48 работ и 14 публикаций документов, включая многотомные фолианты, а также на материалы, извлечённые из 19 отечественных и двух французских архивных фондов, не говоря уже об обнаруженных в периодической печати, в том числе и в специализированных изданиях («Военный зарубежник», «La France militaire»).

Такая основа вполне достаточна для решения поставленной Вершининым задачи.

В первой главе рассмотрена предыстория договора 1935 г. — «советско-французские отношения на распутье (1920 — начало 1930-х гг.)». Уже в ходе Первой мировой войны союз России и Франции дал трещину, и если Февральская революция 1917 г. ещё оставляла какие-то надежды на преодоление наметившегося разрыва, то после захвата в октябре власти большевиками рассчитывать на это не приходилось. Обе страны в 1918 г. испытывали чувство глубокого разочарования в бывшем союзнике. Французы после Брестского мира возмущались предательством (с. 17–19) и опасались экспорта «революционного вируса» (с. 33–34). Л.Б. Красин утверждал, что во французском МИД «враги все до последнего человека» (с. 84).

Париж заботился тогда о гарантиях безопасности для весьма хрупкой Версальской системы и выстраивал при помощи возникших благодаря Версальскому миру государств сложную конфигурацию альянсов, призванных предотвратить попытки германского, венгерского и болгарского реванша, а также противодействовать влиянию Коминтерна на европейские дела. Основу «санитарного кордона», созданного на границах СССР (с. 35–36), составил в 1921 г. польско-румынский блок (к 1926 г. Варшава и Бухарест согласовали планы мобилизаций и действий своих армий²), против Венгрии и Болгарии объединились страны «Малой Антанты» — Румыния, Югославия и Чехословакия. Франко-чехословацкий и франко-польский союзы были направлены против Германии.

Советский Союз, разорённый в ходе Гражданской войны, не располагал средствами на создание современной армии, а разоружённая

победителями Германия попросту не имела права её содержать. При таких условиях французы не нуждались в услугах Москвы, и, судя по всему, интересовались только возможностью вернуть долги императорского, Временного и белых правительств. Всё ещё надеясь заставить большевиков заплатить, «аппарат Кэ д'Орсе всячески противился» планам улучшения отношений с новой Россией, которые Э. Эррио обдумывал уже в 1924 г. (с. 24). Да и политикам Третьей республики приходилось учитывать настроения многочисленных держателей русских ценных бумаг, которые иные бережливые рантье хранят до сих пор. Выборы заметно влияли на политику Парижа (с. 25), и попытки налаживания диалога постоянно заканчивались провалом, как и в XIX в., когда Франция чувствовала себя достаточно сильной или союз с Англией добавлял ей уверенности в собственной мощи.

Имущественные претензии своих сограждан французское правительство старалось удовлетворять всеми доступными способами, включая изъятие советской государственной собственности и введение дискриминационных мер против торговли с СССР, что отнюдь не способствовало успеху и без того весьма ограниченных контактов (с. 30–31). В 1913 г. экспорт во Францию из Российской империи составлял 1430706 т, а его стоимость оценивалась в 351573 тыс. руб. В 1922–1923 гг. советские поставки в Третью республику достигали лишь 13727 т и 2025 тыс. руб., в 1929 г. — 862902 т и 148267 тыс. руб., в 1930 г. — 1205147 т и 153853 тыс. руб. Затем их цена постоянно снижалась вплоть до 81923 тыс. руб. за 1107561 т в 1936 г. В последнем предвоенном 1938 г. эти показатели упали почти вдвое — до 675303 т и 40790 тыс. руб.³ Оставляли желать лучшего и размеры французского импорта: с 169129 т

и 198618 тыс. руб. в 1913 г. он сократился до 377 т и 568 тыс. руб. в 1922–1923 гг., в 1929 г. возрос до 96936 т и 110394 тыс. руб., но уже в 1930 г. вновь упал до 49322 т и 103542 тыс. руб., а в 1936 г. — до 41090 т и 33202 тыс. руб. В последний предвоенный год из Франции в СССР было ввезено товаров общим весом 16091 т на 27333 тыс. руб.⁴ Эти цифры несравнимы с данными о советской торговле с Германией. Экспорт туда на подъёме в 1929 г. принёс 749736 тыс. руб. и даже в 1939 г. не опускался ниже 46525 тыс. руб. (в 1940 г. — 64809 тыс. руб.)⁵. Импорт из Германии, начиная с 214156 тыс. руб. в 1923 г., вырос в 1929 г. до 678368 тыс. руб. и в 1931 г. достиг пика — 1431139 тыс. руб., после чего стал уменьшаться — до 50376 тыс. руб. в 1938 г. и до 42325 тыс. руб. в 1939 г.⁶

Не лучшим образом отражалась на советско-французских отношениях и деятельность белой эмиграции, военное крыло которой во главе с генералом А.П. Кутеповым летом 1927 г. провозгласило начало террористической войны против СССР⁷. Между тем с 1929 г. штаб Русского общевойскового союза (РОВС) находился в Париже. Его боевики проникали на территорию Советского Союза⁸, а газета «Возрождение» с восторгом писала об увеличении числа терактов в СССР⁹. П.Б. Струве призывал тогда к единству в борьбе с большевиками, переживавшими будто бы «последние времена»¹⁰. Неудивительно, что вскоре, по словам одного из активистов РОВС, «ОГПУ перешло в контратаку»¹¹. Похищение Кутепова, проживавшего в Париже, вызвало в 1930 г. «мощную антисоветскую волну в прессе» (с. 31)¹². Французские власти, разумеется, негодовали, однако интенсивность террора со стороны радикальных эмигрантов резко пошла на убыль. Теперь идеи активизма про-

пагандировали прежде всего философы и эстеты, тщательно сберегавшие себя от всякой опасности¹³.

Вместе с тем не следует забывать, что ещё в 1924 г. председатель Реввоенсовета СССР М.В. Фрунзе констатировал: «Постоянной армии в истинном смысле этого слова, то есть достаточной вооружённой силы, готовой принять на себя удар врага, у нас нет. У нас есть только кадры, только остов будущей армии, да и то недостаточно сильный»¹⁴. Причём в 1920-е гг. ситуация лишь ухудшалась: в 1922–1926 гг. Красная армия сократилась почти в три раза и насчитывала всего 560 тыс. человек¹⁵. Постоянный состав её территориальной дивизии равнялся 16–20 % кадровой¹⁶, численность которой не превышала 25 % от штата военного времени (у французов в пограничных соединениях — 50–60 %¹⁷). И если в 1923 г. территориальными были 17,2 % всех стрелковых дивизий РККА, то в 1928 г. уже 56 %, а в 1930 г. — 58 %.

К концу 1920-х гг. Красная армия по-прежнему оставалась небольшой и плохо вооружённой. Доля авиационных, бронетанковых и технических частей в Вооружённых силах СССР была только 10 %¹⁸. Исправить же положение не представлялось возможным: в 1927 г. советская военная промышленность по сравнению с французской производила в 7 раз меньше самолётов, орудий корпусной артиллерии и патронов, в 5 раз меньше снарядов и в 20 раз меньше танков¹⁹. Сотрудничество с технически отсталой РККА в середине 1920-х гг. не вызывало никакого интереса в Генеральном штабе Франции (с. 37, 40–41), где к тому же крайне негативно относились к коммунистам и считали большевиков германскими шпионами (с. 38–39).

Перед Первой мировой войной руководство Третьей республики опа-

салось влияния консерваторов и клерикалов в армии²⁰ и даже собирало на них компромат, используя в том числе и масонские связи²¹. В сражениях 1914–1918 гг. выдвинулись именно те, кто ранее вызывал подозрения, и в правящих кругах ожидали роста антиреспубликанских настроений²². Но в мирное время во Франции подняли голову сторонники не Бурбонов или Бонапартов, а Маркса и Бакунина, Жореса и Ленина. А правый генералитет с довоенных пор ненавидел и менее радикальных левых политиков²³.

По мере укрепления экономики СССР, обеспечившего количественный и качественный рост Красной армии, отношение к ней во Франции стало меняться. Военные специалисты отметили интерес её командиров к новым способам ведения боевых действий, и прежде всего — в воздухе, к использованию отравляющих средств, химического оружия и т.д. (с. 42–43). В 1929–1933 гг. ВВС РККА получили 7230 самолётов, в том числе 636 истребителей и 551 бомбардировщик. Если в 1929 г. в РККА было 17 авиабригад, то в 1933 г. — уже 35²⁴. Тогда же появились и танковые войска: в 1930 г. в Красной армии сформировали 1-ую механизированную бригаду, включавшую 119 танков, 100 танкеток, артиллерию на механической тяге и 385 разного рода автомобилей²⁵. Любопытно, что французы этого не заметили.

Со своей стороны, и командование Красной армии скептически смотрело на основные тенденции развития французских вооружённых сил и самой республики (с. 46–51). И если представления о скорой милитаризации Франции, как признаёт автор, оказалось ошибочным, то остальные ожидания вполне оправдались. Особенно сильный удар по экономике и финансам Третьей республики,

а следовательно, и по её армии и флоту, нанёс кризис²⁶. Бюджеты сводились с дефицитом — 7,036 млрд франков в 1933 г. и 6,418 млрд франков в 1934 г.²⁷ Это затрудняло массовое внедрение новой техники. Правительству приходилось сокращать расходы, в том числе и военные²⁸, и максимально использовать огромные запасы вооружения, сохранившегося после Первой мировой войны (с. 51).

Характеризуя настроения советского руководства на рубеже 1920—1930-х гг., автор излишне эмоционально пишет об «алармизме» тех лет (с. 60), который, возможно, был бы более понятен, если бы в книге упоминалось о провокации в Баренцевом море, где весной 1922 г. британским тральщикам помешали хозяйничать в советских территориальных водах, о ноте лорда Дж.Н. Кёрзона, об оккупации французами и бельгийцами Рура и убийстве В.В. Воронского в 1923 г., о разрыве советско-британских и советско-китайских отношений, об убийстве П.Л. Войкова в 1927 г. и, наконец, о конфликте на КВЖД в 1929 г. Угроза войны на два фронта — в Европе и в Азии — в обстановке 1927—1930 гг. казалась весьма реальной. Причём в случае нападения Польши на СССР Англия и Франция могли оказать ей военную помощь (с. 62—63), а в Москве хорошо помнили опыт 1920 г.

Вывод автора о том, что советско-французские отношения вплоть до начала 1930-х гг. имели скорее негативную окраску, не вызывает сомнения. Поэтому особенно интересна вторая глава, где говорится о сближении между двумя странами, наметившемся (как и в XIX в. — по инициативе французов) в 1932—1933 гг. на фоне успехов НСДАП, которые явно свидетельствовали о том, что франко-германское сотрудничество себя исчерпало (с. 71—73). Заметно ухудша-

лись тогда и советско-германские отношения. Собственно именно Берлин, как и прежде, толкал СССР и Францию навстречу друг другу (с. 74). Даже не разделяя восторженных оценок личности М.М. Литвинова (с. 76—77), приходится признать, что вера советского руководства в эффективность системы коллективной безопасности не соответствовала действительности. Париж и Лондон, не говоря уже о Риме, Варшаве и других столицах, предпочитали играть в иные игры. И политика Франции, следовавшая схеме «шаг вперёд — два шага назад», большого доверия в Москве не вызывала (с. 82—83).

Так или иначе, в 1932 г. был подписан советско-французский пакт о ненападении. Вершинин не переоценивает его значимость (с. 83—84), но указывает на огромную работу, проделанную советским полпредством во Франции, которое не только поддерживало (в том числе и финансово) друзей СССР, но и налаживало связи с некоторыми из его врагов (с. 89). Москва явно хотела договориться с Парижем и добивалась этого годами. Автор умело раскрывает механизм зондажа, проводившегося французскими и советскими представителями в 1932—1933 гг., и показывает, на какие уступки в польских и румынских делах были готовы в Кремле ради полноценного военно-технического сотрудничества с Францией (с. 93—106). Эти контакты и переговоры завершились фиаско, поскольку французы почти не скрывали своих сомнений в том, что при серьёзном кризисе СССР окажется ценным союзником. Красную армию они считали политически неблагонадёжной, а её мобилизацию — опасной для партии (с. 120). Москве оставалось только выжидать, пользуясь тем, что время работало на неё, о чём в Париже упорно не желали думать. М.С. Островский, представ-

лявший К.Е. Ворошилова, сформулировал это в беседе с подполковником Ж. де Латром де Тассиньи в шутиливой манере: «Над нами не каплет, мы можем подождать» (с. 121).

Действительно, Советский Союз с каждым годом становился сильнее, и, понимая это, даже такие его враги, как генералы М. Гамелен и М. Вейган, не питавшие симпатий к России или большевизму (с. 125), превращались в сторонников диалога с Москвой. Были у него и другие сторонники, например, министр авиации П. Кот. В Москве же всячески старались ублажать французские делегации (с. 194–199). И всё же, несмотря на явную взаимовыгодность советско-французского сотрудничества, в том числе и военно-технического, о чём совершенно правильно пишет Вершинин (с. 153–169), развернуть его так и не удалось. В Париже по привычке предпочитали опираться на Польшу (с. 173–174), хотя она по мере усиления Германии всё меньше желала выступать основным союзником Франции на востоке Европы. От Москвы же добивались лишь гарантии нейтралитета в случае франко-германского конфликта (с. 219). Идеологические штампы в восприятии и оценках СССР (с. 220) препятствовали выработке прагматического курса. Даже с итальянцами Советскому Союзу удавалось договариваться быстрее (с. 200–201).

Семь глав (с третьей по девятую), посвящённых деятельности советских и французских военных атташе, написаны преимущественно на архивном материале, позволяющем лучше понять особенности творивших историю лиц. Так, комбриг С.И. Венцов (Венцов-Кранц), имевший весьма незначительный боевой опыт и отличившийся в основном в карательных операциях или на административной работе, на посту управляющего дела-

ми НКВМ по непонятной причине приобрёл репутацию специалиста по французской армии и вследствие этого оказался военным атташе в Париже. Его рассуждения о политике, приведённые в книге, звучали лихо, но вовсе не свидетельствовали о наличии необходимой подготовки к решению стоявших перед ним задач (с. 138–139). Тем не менее, находясь в тяжёлом положении, он старался и делал всё возможное для улучшения отношений между двумя странами и их армиями (с. 140–142).

Не менее выразительно очерчена автором монографии и фигура первого военного атташе Франции в СССР полковника Э. Мандраса, надеждам и разочарованиям которого посвящены пятая и шестая главы (с. 224–320). В них широко использованы мемуары и служебная переписка полковника, однако читателю следовало бы подробнее рассказать о реальном состоянии Красной армии и экономики СССР, чтобы ему было легче судить об адекватности оценок, данных теми же Мандрасом или Эррио. К тому же, если верить Вершинину, «Россия и Советский Союз всегда были интересны первому военному атташе не столько сами по себе, сколько как зеркало современной ему Франции». И в 1936 г., излагая в официальном письме своё мнение «о реальной ценности военного потенциала Советского Союза», он, по сути, «поставил диагноз внутреннему состоянию Третьей республики», заявив: «Моральная атмосфера в стране, её демографическое состояние и военная организация — сегодня всё исключает для неё ведение наступательной войны за пределами её границ». И это убеждало его в необходимости «реформы политического режима, которая сделала бы возможным внутреннее возрождение, являющееся первым условием достойной внешней политики Франции» (с. 320).

В седьмой и восьмой главах (с. 321–454) освещены размышления потенциальных союзников о преимуществах и недостатках обеих армий. Французы указывали на «болезни роста», которые в РККА проявлялись довольно остро (с. 409). Проблем и достижений было немало. В 1928–1935 гг. количество ручных пулемётов в армии увеличилось с 8811 до 83922, станковых — с 24230 до 53492, танков — с 92 до 7663 (в основном лёгких), броневых автомобилей — с 7 до 464, самолётов — с 1394 до 6672, автомобилей — с 1050 до 35303. В 1937 г. в войсках насчитывалось уже 6780 Т-26 и 5000 БТ (с. 341)²⁹. Численность РККА возросла с 617 тыс. до 930 тыс. военнослужащих, а к 1 января 1938 г. в её рядах служили 1513 400 человек. Если в начале 1935 г. 74 % дивизий были территориальными, к концу года — только 23 %³⁰.

Но количественный рост всегда обгоняет качественный, и РККА остро не хватало подготовленных офицеров и унтер-офицеров (с. 422–427), на что обращали внимание и французы (с. 409). Манёвры часто носили постановочный характер, хотя и производили сильное впечатление своим масштабом (с. 392–400). Сделанный в 1937 г. капитаном Ги Ле Гуэстом прогноз о соотношении национализма и интернационализма в будущей войне Советского Союза оказался удивительно точен (с. 416) и свидетельствует о его проницательности. В целом же замечания французских наблюдателей были глубже и интереснее, чем считалось ранее.

Однако ни с Л. Барту с его идеей «восточного Локарно» (с. 467–470), ни с П. Лавалем, ни с Л. Блюмом, ни с Э. Даладье, ни с Вейганом, ни с Гамеленом у Москвы ничего не получилось (с. 489). Не помог даже заключённый в 1935 г. договор о взаимопомощи, о чём наглядно сви-

детельствовал провал взаимодействия между СССР и Францией в период Чехословацкого кризиса, подробно описанный в десятой и одиннадцатой главах (с. 525–667).

К концу 1938 г. в Кремле, похоже, окончательно разочаровались в подходах Литвинова и осознали, что сотрудничество с Парижем и Лондоном пусть и необходимо, но невозможно. Подобный вывод вызывал в СССР почти шоковую реакцию (с. 610–611) и подрывал веру в способность Третьей республики к самостоятельным шагам на международной арене (с. 662). Очевидно, Гитлера её верхи если и боялись, то не так сильно, как коммунистов, по сравнению с которыми он казался меньшим злом.

В двух заключительных главах (с. 668–774) прослеживается финал той политики, которую пытались проводить не только Литвинов, но и его преемник. Несбыточность надежд на построение системы коллективной безопасности становилась всё более очевидной, и это не могло не привести к падению доверия к главе НКВД. В 1935 г. нарком участвовал в 39 заседаниях в кремлёвском кабинете И.В. Сталина, в 1936 г. — в 29, в 1937 г. — в 28, в 1938 г. — в 24 (за четыре месяца 1939 г. — в 15)³¹. 3 мая 1939 г. НКВД возглавил В.М. Молотов. Поначалу он придерживался того же курса, но события ускорились, и четыре месяца спустя пришлось констатировать, что французам и англичанам нечего предложить СССР (с. 689).

Конечно, с Вершининым не во всём можно согласиться. К примеру, он утверждает, ссылаясь на авторитет И.П. Уборевича, что Германия являлась для Советского Союза единственной отдушиной, позволявшей узнать о развитии военного дела за границей, а после того как в 1933 г. эта возможность была утрачена, резко

возросло значение Франции (с. 321). Однако автору хорошо известно о комиссии 1929 г. под руководством И.А. Халепского, которая работала и во Франции, и в Германии, и в Англии, и в США. Кстати, закупки, определившие направление танкостроения в СССР в 1930-е гг., были сделаны именно в Англии и США, результатом чего стал быстрый скачок в развитии бронетанковых сил РККА³². К сожалению, перечисляя модели французской бронетехники (с. 333–334) и авиации (с. 485, 536–537, 614), Вершинин не приводит их тактико-технические характеристики, хотя и обобщает подобные данные об отечественных танках (с. 398–400). Обстоятельства переговоров о заказе кораблей во Франции или в Италии (с. 481–482) стоило бы анализировать с учётом гонки военно-морских вооружений, соперничества в ней между Парижем и Римом и влияния именно итальянской кораблестроительной школы на советскую³³.

Впрочем, подобного рода замечания не меняют главного: монография А.А. Вершинина — тот редкий случай, когда автору удалось сказать своё весьма веское слово о периоде, о котором написаны сотни книг. Он смог убедительно доказать, что «причины фиаско “неудавшегося союза”» более глубоки, чем принято считать, и их комплексное исследование является важным шагом к расширению нашего представления об истоках Второй мировой войны» (с. 13).

Примечания

¹ См.: Вершинин А.А., Наумова Н.Н. От триумфа к катастрофе: военно-политическое поражение Франции 1940 г. и его истоки. СПб., 2022.

² Beck J. Dernier rapport. Politique polonaise 1926–1939. Bruxelles, 1951. P. 7. Из-за неудовлетворительного состояния советских железных дорог Красная армия планировала в случае

войны с Польшей и Румынией 40 дней вести оборонительные бои, а если бы их поддержали Латвия, Эстония и Финляндия, ей пришлось бы отложить наступление на 45 суток (Ibid. P. 216).

³ Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. Статистический обзор. М., 1960. С. 766, 769, 772, 775.

⁴ Там же. С. 778, 782, 786, 790.

⁵ Там же. С. 524, 532.

⁶ Там же. С. 537, 544, 551, 558.

⁷ Чистяков К.А. Убить за Россию! Из истории русского эмигрантского «активизма». 1918–1939. М., 2000. С. 56, 58.

⁸ Ларионов В.А. Боевая вылазка в СССР. Записки организатора взрыва Ленинградского Центрального Парклуба (июнь 1927 года). Париж, 1931. С. 3, 5, 60–61; Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 2. М., 1980. С. 291.

⁹ Борьба в Советской России // Возрождение (Париж). 1927. 7 июля. № 765. С. 1.

¹⁰ Струве П. Единый противобольшевицкий фронт // Возрождение. 1927. 5 июля. № 763. С. 1; Струве П. Начало конца // Там же. 6 июля. № 764. С. 1.

¹¹ Ларионов В. Младшие богатыри // Часовой. 1932. 1 сентября. № 87. С. 17.

¹² Об этой операции см. также: Очерки истории внешней разведки. В 6 т. Т. 3. М., 1997. С. 113.

¹³ Философов Д.В., Мережковский Д.С. Чего мы хотим // Меч. Еженедельник (Варшава). 1934. 20 мая. № 1–2. С. 3.

¹⁴ Фрунзе М.В. «Фронт» и «тыл» в войне будущего // Фрунзе М.В. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1926. С. 99.

¹⁵ Ворошилов К.Е. IX годовщина Октябрьской революции и Красная армия // Ворошилов К.Е. Статьи и речи. М., 1937. С. 88.

¹⁶ 50 лет Вооружённых сил СССР / Под ред. М.В. Захарова. М., 1968. С. 173–174.

¹⁷ Фрунзе М.В. Кадровая армия и милиция // Фрунзе М.В. На новых путях. Статьи и доклады. М., 1925. С. 89.

¹⁸ Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989. С. 85.

¹⁹ Симонов Н.С. ВПК СССР. Темпы экономического роста, структура, организация производства, управление. М., 2015. С. 89.

²⁰ Пуанкаре Р. На службе Франции. Воспоминания за девять лет. Кн. 1. М., 1936. С. 477.

²¹ Tanenbaum J.K. General Maurice Sarrail, 1856–1929. The French Army and the left-wing politics. Chapel Hill, 1974. P. 9, 22–23; Разведчик. 1899. № 453. С. 537–538; Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1904. № 12. С. 819–820.

²² Villari L. The Macedonian campaign. L., 1922. P. 174.

²³ *Tanenbaum J.K.* Op. cit. P. 53.

²⁴ *Шумихин В.С.* Советская военная авиация, 1917–1941. М., 1986. С. 179.

²⁵ *Habeck M.R.* Storm of steel. The development of Armour Doctrine in Germany and the Soviet Union, 1919–1939. Itaca; L., 2003. P. 154.

²⁶ *Shirer W.* The collapse of the Third Republic. An inquiry into the fall of France in 1940. N.Y., 1969. P. 188.

²⁷ *Эрпуо Э.* Из прошлого: между двумя войнами. 1914–1936. М., 1958. С. 673.

²⁸ *Alexander M.S.* The Republic in danger. General Maurice Gamelin and the politics of French defence, 1933–1940. Cambridge, 1992. P. 27.

²⁹ *Ротмистров П.А.* Время и танки. М., 1972. С. 46.

³⁰ 50 лет Вооружённых сил СССР. С. 198; *Болотин Д.Н.* История советского стрелкового оружия и патронов. СПб., 1995. С. 270. Подробнее см.: *Кривопапов А.А.* В тени глубокой операции. Подготовка Красной армии к войне на Западной границе в 1926–1941 гг. М., 2022.

³¹ *Дюллен С.* Сталин и его дипломаты. Советский Союз и Европа 1930–1939 гг. М., 2009. С. 24.

³² *Habeck M.R.* Op. cit. P. 129–130.

³³ См., в частности: *Литинский Д.Ю.* Су-перэсминцы советского флота. СПб., 1998.

Александр Вершинин

«Защитить Европу от самой себя»: новое исследование внешней политики СССР накануне Второй мировой войны*

Aleksandr Vershinin

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

«To protect Europe from itself»: new study of the USSR's foreign policy on the eve of World War II

DOI: 10.31857/S2949124X25030205, EDN: FMXRIA

Советская внешняя политика в период распада Версальской системы представлялась составителям сборника «Истоки Второй мировой войны: дискуссия продолжается», подводившим итоги изучения проблемы за прошедшие полвека, «великой загадкой»¹. Несмотря на появление крупных работ российских и зарубежных учёных², знаменитая фраза У. Черчилля о «загадке в загадке», произнесённая 1 октября 1939 г., остаётся актуальной для многих исследователей. На это указывает известный (в том числе в России³) канадский исследователь М.Дж. Карлей в своей новой монографии о «рискованной игре

Сталина» в его поисках союзников против Гитлера в 1930–1936 гг., которая в прошлом году была переведена на русский язык. Эта книга является первой частью фундаментальной «трилогии» автора о внешней политике СССР в преддверии Второй мировой и Великой Отечественной войн⁴.

Карлей подчёркивает, что над западной историографией по-прежнему тяготеет груз холодной войны, мешающий беспристрастному анализу внешнеполитического курса Советского Союза. Коллеги по цеху из Западной Европы и Северной Америки в лучшем случае опираются на документы из архивов своих стран, а не-

* *Карлей М. Дж.* Рискованная игра Сталина: в поисках союзников против Гитлера, 1930–1936 гг. / Пер. с англ. Н.Л. Алексеевой; предисл. В.Ю. Крашенинниковой, С.В. Кудряшова. М.: Кучково Поле, 2024. 800 с., ил.

Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 24-18-00461 ««Воображаемые регионы» между двумя мировыми войнами: проблемы конструирования и управления», <https://rscf.ru/project/24-18-00461>.

редко предпочитают обращаться лишь к вторичным источникам, принимая во внимание только те доказательства, которые служат их «непоколебимым идеологическим установкам» (с. 22). Избавиться от предвзятости предлагается с помощью максимального расширения источниковой базы, особенно за счёт советских архивных материалов, и эта задача решается исследователем вполне успешно. Помимо всего корпуса документов по внешней политике СССР в 1930-х гг., опубликованных с середины XX в. (действительно лишь от случая к случаю используемых западными историками), Карлей привлёк материалы из восьми фондов АВП РФ, в том числе из богатейших коллекций секретариатов наркома иностранных дел М.М. Литвинова и его заместителя Н.Н. Крестинского, а также из фондов И.В. Сталина и ЦК КПСС в РГАСПИ, секретариата наркома обороны К.Е. Ворошилова в РГВА, ряда зарубежных архивов, сведения из дневников и мемуаров.

На протяжении всей книги Карлей, с одной стороны, критикует широко распространённый тезис об идеологической подоплёке советской внешней политики (о чём он ранее уже кратко высказывался⁵), с другой — прослеживает в ней последовательную реализацию принципа *Realpolitik*. Автор подчёркивает, что Коминтерн «иногда ещё стоял на страже советских национальных интересов» (например, в начавшейся в Испании Гражданской войне), но при выработке внешнеполитического курса Москвы «отошёл на задний план» (с. 19–20). Наоборот, Сталин понимал национальные интересы Советского Союза предельно рационально, как предприниматель смотрит на свою прибыль. «Грузинский кулак» и «великий циник» (с. 42, 77) стремился не только наладить с Западом взаимовы-

годную торговлю, но и добиться прочного мира на границах СССР. Этот взгляд согласуется с известным в российской литературе утверждением, что Москва исходила «не из приверженности идее коллективной безопасности как таковой, а из национально-государственных интересов СССР»⁶. Следование духу «реальной политики», по мнению Карлея, объединяло дипломатические подходы Сталина и Литвинова, хотя их взаимные отношения не были лишены напряжённости. Нарком «с самого начала вёл себя как прагматик, как торговец, который пытался и Западу, и СССР (т.е. коллегам, выступавшим за мировую революцию. — А.В.) продать идею разрядки» (с. 29–30). Не случайно встречавшийся с Литвиновым американский журналист Л. Фишер называл его «на редкость хладнокровным большевиком-реалистом»⁷. Обвинения со стороны современников в упрямстве и несговорчивости, полагает Карлей, оказывались комплиментарными оценками работы Литвинова как дипломата, твёрдо отстаивавшего свою точку зрения перед западными политиками, которые не считали Советский Союз равноправным партнёром.

Основное содержание книги включает 15 глав. Каждая из них, охватывая период в 1–4 года, подробнейшим образом раскрывает перипетии отношений СССР с США, Великобританией и Францией. Примечательно, что связи с Германией автор не причисляет к главным направлениям советской дипломатии 1930–1936 гг. Kontakтам с Берлином отведена часть четвёртой главы (где также анализируются советско-польские отношения), но во всём остальном повествовании они выступают лишь фоном для более важных, по мнению исследователя, сюжетов. Как отмечает Карлей, враждебность гитлеровского режима Со-

ветскому Союзу выявилась на самом раннем этапе, в полной мере осознавалась в Москве и стала одной из базовых констант последующей советской внешней политики. Взаимодействие между странами продолжалось, но не выходило за рамки экономических вопросов (с. 532).

В советско-американских отношениях, наоборот, с 1930 г. происходило медленное сближение, высшей точкой которого стал приезд Литвинова в Вашингтон в ноябре 1933 г. Прямые переговоры с президентом США оказались возможными, потому что «Рузвельт был настроен двигаться вперёд, как и Сталин. Вождь перестал вести себя как циничный грузинский кулак» (с. 104). Но главным героем достигнутого результата Карлею представляется Литвинов, который смог выработать алгоритм урегулирования долговой проблемы СССР и решить ряд других сложных вопросов. Стратегический расчёт советской стороны заключался в вовлечении американцев в систему сдерживания агрессивного ревизионизма в международных отношениях, прежде всего в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где в 1931 г. Япония оккупировала Маньчжурию. Однако этот проект провалился, чему Карлей видит субъективные предпосылки. Успех встречи с Рузвельтом не снял возражений ближайшего его окружения: госсекретарь К. Халл, его сотрудники и посол США в Москве У. Буллит «развалили» достигнутое соглашение. Передаваемые начальству сообщения о содержании переговоров показывают, что обе стороны говорили об одних и тех же проблемах, но понимали их по-разному, своеобразно интерпретируя чужую позицию. Буллит полагал, что Литвинов делает хорошую мину при плохой игре и поддастся нажиму в вопросе о долгах и кредитах. Однако готовность СССР к компромиссам отнюдь

не означала неуверенности в своих силах, и попытки навязать ему американскую точку зрения были обречены на провал. «Буллит абсолютно ничего не понял», — заключает Карлей (с. 318). Конфликт усугубился разногласиями Литвинова и советского полпреда в США А.А. Трояновского, пытавшегося вести собственную игру. Переговоры двух стран завершились отчуждением, сохранявшимся вплоть до 1941 г.

Схожим образом развивались советско-британские контакты, отмеченные скоротечным потеплением в 1934–1935 гг., но страдавшие от взаимной предубеждённости. Отдельная глава посвящена едва не приведшему к полному разрыву между Москвой и Лондоном делу «Метро-Виккерс» в 1933 г., когда британских инженеров обвинили во вредительстве, саботаже и промышленном шпионаже. Если НКВД старался успокоить противоположную сторону, то в Великобритании отрицали наличие у СССР реальных причин для ареста подданных Георга V (с. 112) и сразу перешли к угрозам. Такое поведение Лондона опиралось на представления о слабости оппонента. Причём характерные для большей части британской элиты антисоветские настроения, заявляемые в том числе «громогласно» (О.Г. Сарджент), не всегда распознавались полпредом И.М. Майским (с. 606–607, 682). Те, кто пытался найти общий язык с Москвой (Л. Колльер, У. Черчилль), не могли переломить тенденциозность официальной линии Форин-офиса, а подчас и сами воспринимали в штыки проявляемую советской стороной озлобленность, в частности, англо-германским сотрудничеством (Р. Ванситтарт) (с. 521, 605). Уже к началу 1936 г. незначительный потенциал нормализации отношений между СССР и Великобританией, проявившийся при обсуж-

дении вопроса о коллективной безопасности, был исчерпан.

Для Парижа сближение с Москвой, по мнению Карлея, оказывалось естественным из-за обострения германского реваншизма. И хотя в самом начале рассматриваемого периода проблемы царских долгов и коммунистической агитации заслоняли собой нарастающую опасность перемен в международной конъюнктуре, автор выделяет 1930–1933 гг. как этап нормализации торговых и политических отношений двух стран. Правда, позиция руководства Третьей республики постоянно колебалась: на неё влияли не только военные и представители политических партий, но и преследовавшие взаимно противоположные цели предприниматели (заинтересованные в расширении рынков сбыта) и банкиры (требовавшие в первую очередь вернуть выданные до Октябрьской революции кредиты). Среди сторонников сближения с СССР выделяется Э. Эррио, желавший, по замечанию Карлея, «в том или ином виде восстановить франко-советский альянс против Германии, который существовал до Первой мировой войны» (с. 51). Будучи неоднократно главой правительства, Эррио ещё в 1924 г. установил дипломатические отношения с советской властью, а в 1932 г. сыграл ключевую роль при заключении с Москвой пакта о ненападении.

Следует отметить, что представители Кремля скептически относились к известным просоветским настроениям французским политикам. В переписке полпреда В.С. Довгалевского с Крестинским ряд действий Эррио в качестве премьер-министра осенью 1932 г. оценивались как двусмысленные⁸. В сентябре 1933 г. с помпой состоялся визит Эррио в Советский Союз (с. 202), но, судя по архивным документам, первоначально идея его приезда не вызвала в Москве энтузи-

азма⁹. Действия других членов «просоветской партии», например А. де Монзи и Г. Бержери, полпредство открыто называло нелояльными¹⁰.

Второй этап в советско-французских отношениях (1933–1936) связан с обсуждением, подписанием и ратификацией пакта о взаимопомощи. По материалам напряжённых консультаций подробно анализируется участие французских министров иностранных дел Ж. Поль-Бонкура, П. Лаваля и Л. Барту, советских дипломатов — полпреда в Париже В.П. Потёмкина, первого секретаря посольства М.И. Розенберга, руководства НКВД, а также Политбюро ЦК ВКП(б), скрытого за эвфемизмом «инстанция» (имеется в виду прежде всего сам Сталин). Прослеживая ход переговоров европейских государств в 1934 г. о заключении «Восточного пакта», Карлей не переоценивает вклад Барту в сближение Москвы и Парижа, на который неоднократно указывали французские и советские историки¹¹. Глава Кэ д'Орсэ (министерства иностранных дел Франции) предстаёт колеблющимся, хотя и постепенно нащупывающим свою линию политиком (с. 258–268). «Если бы Барту выжил после ранения, всё равно не факт, что он остался бы надолго министром иностранных дел, учитывая частые перемены в правительстве... Кто знает, смог ли бы Барту что-то изменить и укрепить отношения с Москвой?», — задаёт исследователь резонный вопрос (с. 289).

Одним из наиболее важных сюжетов в книге является подробный разбор трудных дискуссий зимой–весной 1935 г. Как полагает автор, Лаваль действовал не столько злонамеренно, сколько опрометчиво, пытаясь «найти гарантии безопасности везде, где только можно», при этом не понимая, «о какой безопасности идёт речь» (с. 386), а также находясь во власти собствен-

ных политических предрассудков, будучи убеждённым антикоммунистом (с. 367). Советская дипломатия, в свою очередь, демонстрировала большую гибкость и открытость. На основе переписки Литвинова с парижским полпредством и высшим политическим руководством СССР автор показывает переход от жёсткого отторжения англо-французских попыток «растворить» «Восточный пакт» в общеевропейских договорённостях с участием Германии к готовности принять такой проект соглашения, который хотя бы в общем виде удовлетворял пожеланиям Москвы. С этой точки зрения не удивительно, что подписанный в мае 1935 г. вариант советско-французского пакта о взаимопомощи Литвинов считал относительным успехом.

Однако вскоре переговорная схема НКВД рухнула. Ратификация пакта Парижем затягивалась, с осени 1935 г., на фоне наметившегося англо-германского диалога и начавшейся итало-эфиопской войны, Лаваль явно делал ставку на заключение рамочного соглашения о безопасности в Европе, осью которого должна была стать франко-германская сделка, а отношения с СССР использовал во внутривнутриполитической борьбе против коалиции Народного фронта: «Лаваль превратил пакт в макулатуру и инструмент, который можно использовать против сторонников коллективной безопасности» (с. 653). То, что ратификация советско-французского пакта в итоге состоялась как ответ на декларированную Гитлером ремилитаризацию Германии, не меняло сути дела: Франция отказывалась от активного взаимодействия с СССР.

Ответственность за это, скорее всего, лежала не на одном Лавале, который, как полагает Карлей, выражал мнение широких кругов французского политикума. Особое значение имела позиция генерального

директора Кэ д'Орсэ А. Леже. Этой фигуре в книге уделяется внимание (с. 208–209), но, как представляется, роль Леже заслуживает более пристального изучения, так как именно он на протяжении предвоенного десятилетия находился во главе аппарата внешнеполитического ведомства и задавал траекторию движения всей дипломатии Третьей республики, в ряде случаев оказывая определяющее влияние на действия министерства¹². По мнению французского историка Ж.-А. Суту, Барту и Лаваль двигались в коридоре заданных Леже решений¹³. Карлей не сбрасывает со счетов и польский фактор, корректно оценивая его место в дестабилизации международной обстановки: «В Варшаве полагали, что, отстранившись от Франции и приблизившись к Германии, Польша сможет реализовать свои собственные скромные территориальные амбиции. Скромные, конечно, но тоже опасные» (с. 239).

Освещение многочисленных сюжетов в столь крупной работе не лишено определённой недосказанности. Достаточно загадочно выглядит механизм принятия решений в Москве в феврале–апреле 1935 г. при выработке линии переговоров с Францией о пакте о взаимопомощи (с. 546–563). Сначала в ответ на активизировавшиеся англо-франко-германские контакты Литвинов потребовал от Парижа занять чёткую позицию и согласиться на двусторонний пакт с СССР. Эти условия были повторены в начале апреля, причём, как полагает Карлей, Сталин побуждал своего наркома, выступавшего против любых попыток подменить реальное соглашение общими договорённостями, действовать более гибко. Но вскоре Политбюро отказалось от уступок Лавалю, и теперь уже Литвинову приходилось доказывать руководству, что пакт ценен в любом виде, а выдвинутые ра-

нее требования с советской стороны являлись всего лишь переговорным манёвром. При этом из апрельской переписки главы НКВД с парижским полпредством следует, что первоначальная установка на оформление союза только с Францией призвана была напугать Германию и заставить последнюю присоединиться к договору. Противоречивая картина реальных планов и намерений Москвы усложнилась, когда в конце 1935 г. Литвинов развернул бескомпромиссную борьбу против попыток Лавалля превратить соглашение в «ничего не значащую бумажку» (с. 450). Чего именно в СССР хотели от Франции: простой декларации, многосторонней дипломатической комбинации, двустороннего союза? Если цели Москвы менялись, то с чем это было связано? Как позиция Кремля соотносилась с позицией НКВД?

Не совсем ясны роль донесений советской разведки и степень доверия Сталина западным партнёрам. Из разведданных следовало, что в европейских столицах ведут «двойную игру» и пытаются использовать советский фактор, чтобы решить свои проблемы с Германией. В результате открывалась перспектива формирования большой коалиции капиталистических держав и её интервенции в СССР. В этих сообщениях слабо дифференцировалась угроза от конкретных стран — опасные импульсы исходили от всего внешнего мира, вдоль всей государственной границы от Прибалтики до Дальнего Востока (с. 381—386). Карлей, между тем, утверждает, что Москва продолжала «вести ту же политику, что и раньше», чтобы заключить соглашение с враждебными странами, потому что у неё «не было другого выбора» (с. 384). Представляется, что политическое руководство СССР понимало риск возможных договорённостей между «вер-

сальскими державами» и Берлином и, как и в других странах, избегало безальтернативных для себя ситуаций в международной политике.

Карлей подметил характерное для всех сторон «мышление в духе “спасайся кто может”» (*«sauve qui peut mentality»*¹⁴), которое, правда, при переводе оказалось затушёванным: «В переговорах чувствовалось, что англичане пытаются найти *хоть какое-то спасение* (курсив мой. — А.В.), но о том же думали Лаваль и Сталин» (с. 608). Последний, однако, понимал, что безусловную защиту любых интересов может обеспечить только военная мощь, и Красная армия как *ultimo ratio* упоминалась советской стороной всякий раз, когда переговоры заходили в тупик¹⁵. Пакты не гарантировали вечного мира, но давали время и ресурсы для укрепления оборонного потенциала страны накануне будущей схватки.

Книга Карлея подчас читается как детективный роман, местами побуждает проводить параллели с современностью. Комментируя своё сочинение в предисловии для российского читателя, автор сообщает «о полном провале попыток СССР защитить Европу, что называется, от самой себя» (с. 8). С этой точки зрения предпринимаемый сегодня на Западе пересмотр трактовок довоенного периода вполне понятен — за ним стоит мощный психологический дискомфорт от собственных ошибок. Противопоставить политически мотивированным конструкциям прошлого можно лишь одно — ясность реального документа. Книга Карлея указывает тот путь, по которому следует идти, и можно разделить надежду её издателей, что в России будут опубликованы остальные части «трилогии» канадского историка (с. II). Весь этот цикл по праву претендует на роль наиболее подробного исследования внешней политики СССР в предвоенные годы.

Примечания

¹ The origins of World War Two: the debate continues / Ed. by R. Boyce, J.A. Maiolo. Pt. III. N.Y., 2003.

² Дюллен С. Сталин и его дипломаты. Советский Союз и Европа. 1930–1939 гг. М., 2009; Хормач И.А. СССР в Лиге наций, 1934–1939 гг. М.; СПб., 2017; Айранетов О.Р. История внешней политики Советского государства в 1918–1941 годы. В 2 т. М., 2024; Haslam J. The spectre of war: international communism and the origins of World War II. Princeton (NJ); Oxford, 2021.

³ Карлей М.Дж. 1939: альянс, который не состоялся, и приближение Второй мировой войны. М., 2005; Карлей М.Дж. Тайная война: Запад против России, 1917–1930. М., 2019.

⁴ Carley M.J. Stalin's gamble: the search for allies against Hitler, 1930–1936. Toronto, 2023; Carley M.J. Stalin's failed alliance: the struggle for collective security, 1936–1939. Toronto, 2024; Carley M.J. Stalin's great game: war and neutrality, 1939–1941. Toronto, 2025.

⁵ Carley M.J. Behind Stalin's moustache: pragmatism in early soviet foreign policy, 1917–

41 // Diplomacy & Statecraft. Vol. 12. 2001. № 3. P. 159–174.

⁶ Наринский М.М. Отношения между СССР и Францией. 1933–1937 год // СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы. Сборник научных статей. М., 2003. С. 70–71.

⁷ Fischer L. Men and Politics: an autobiography. N.Y., 1941. P. 127.

⁸ АВП РФ, ф. 05, оп. 12, п. 87, д. 79, л. 23.

⁹ Там же, оп. 13, п. 94, д. 64, л. 21.

¹⁰ Там же, оп. 12, п. 87, д. 80, л. 14.

¹¹ Duroselle J.-B. Louis Barthou et le rapprochement franco-soviétique en 1934 // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. Vol. 3. 1962. № 4. P. 525–545; Малафеев К.А. Луи Барту – политик и дипломат. М., 1988.

¹² Meltz R. Alexis Léger dit Saint-John Perse. P., 2008. P. 11.

¹³ Soutou G.-H. Les relations franco-soviétiques, 1932–1935 // La France et l'URSS: dans l'Europe des années 30 / Dir. de M. Narinski, E. du Réau, G.-H. Soutou, A. Tchoubarian. P., 2005.

¹⁴ Carley M.J. Stalin's gamble... P. 766.

¹⁵ Pons S. Stalin and the Inevitable War, 1936–1941. L.; Portland (OR), 2002. P. 104.

Наталья Мельникова

Natalia Melnikova

(Institute of History and Archaeology, Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Yekaterinburg)

Рец. на: P.R. Josephson. Nuclear Russia. The Atom in Russian politics and culture. L.: Bloomsbury Academic, 2022. XIII+140 p.*

DOI: 10.31857/S2949124X25030216, EDN: FMXZDH

Тема «ядерной» России и ядерного в России всегда вызывала и вызывает повышенное внимание за пределами нашего государства. При этом профессиональных изданий, посвящённых этой проблеме, относительно немного. Среди них – работы американского историка, специалиста по истории науки и техники XX в. в СССР/России П. Джозефсона. Спустя 25 лет после первого обзорного исследования использования ядерной

энергии в нашей стране¹ он вновь обратился к этому сюжету.

Книга вышла в серии «Russian Shorts» («Русские короткометражки»), выпускаемой издательством «Bloomsbury Academic», которое специализируется на публикации научной рецензируемой литературы. Книги серии содержат краткое изложение ключевых концепций, моментов и акторов российской истории с древности до современности и предназначены для

* Джозефсон П.Р. Ядерная Россия. Атом в российской политике и культуре. Лондон: Bloomsbury Academic, 2022. XIII+140 с.

широкого круга читателей. В работе Джозефсона рассматриваются как военные, так и мирные советские и постсоветские ядерные программы. Монография основывается на архивных документах, англо- и русскоязычных исследованиях, публицистике, материалах СМИ. Её структура построена по проблемно-хронологическому принципу. Название каждой главы имеет символическое значение, отражающее авторское видение этапов истории атомной энергетики в нашей стране.

Первая глава, озаглавленная «Ядерный большевизм», сосредоточена на ядерной физике, которая быстро развивалась в СССР, отчасти благодаря «её служению большевистским экономическим и политическим программам» (р. 4). Начиная повествование с послереволюционного времени, историк стремится показать, что Советское государство было хорошо подготовлено к тому, чтобы стать крупным игроком в ядерном веке. Этому способствовали институциональные, политические и научные события, которые привели к появлению научного учреждения современного типа. Важную роль сыграли поддержка науки в целях индустриализации, интернационализация науки, активно проводимая государством до начала 1930-х гг., а также регионализация. В качестве примера последней рассмотрен Украинский физико-технический институт (УФТИ) в Харькове. Собственно, именно ему посвящена практически вся первая глава. Такая диспропорция изложения не выглядит достаточно обоснованной, несмотря на подчёркиваемое высокое качество кадрового состава и мировой уровень исследований УФТИ. Репрессии второй половины 1930-х гг., от которых пострадали сотрудники института, трактуются как стремление партии и И.В. Сталина искоренить «остатки украинского

национализма в культуре» (р. 14, 16). Это событие стоит в одном ряду с коллективизацией, раскулачиванием, ссылками, «голодомором». Учреждение маркируется как «центральный институт проекта создания атомной бомбы» (р. 18), что противоречит отечественной историографии атомного проекта, в которой его ведущей научной организацией традиционно считается Лаборатория № 2 (ныне — Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт»). В целом, автор считает, что хотя советская наука после Второй мировой войны должна была подстраиваться под идеологические требования и марксистскую философию, ядерная физика и энергетика бурно развивались (в том числе в союзных республиках) благодаря атомному проекту.

Следующая, самая обширная глава «Ядерная оборона» посвящена истории советского атомного проекта и ядерным испытаниям. СССР, по мнению автора, был склонен «к гигантомании в сочетании с гордыней» (р. 44). Государство стремилось к экономическому развитию через крупномасштабные технологические системы, для создания которых проводились общесоюзные кампании с привлечением множества людей. Одной из таких систем стал атомный проект.

Говоря о том, что шпионаж сыграл свою роль в успехе проекта, Джозефсон главной причиной удаchi разработки первой советской атомной бомбы видит именно мощные внутренние программы и способность «авторитарного государства» оказывать им всю необходимую поддержку. Система управления экономическим снабжением позволяла сосредоточить огромные ресурсы (в том числе подневольную рабочую силу), привлечь превосходную исследовательскую базу. Учёные получили карт-бланш на

свои действия. Появились исследовательские учреждения, промышленные предприятия атомного комплекса и закрытые города, работа в которых шла в условиях секретности. Советский Союз создал, испытал и поставил на вооружение различные образцы ядерного оружия.

Оборотной стороной достижений стали людские жертвы (погибшие или болевшие от воздействия радиации), ограничения свобод при работе и жизни в условиях «шарашек», выселения местных жителей при строительстве объектов, аварии, отстранение гражданского общества от участия «в управлении наследием радиоактивных отходов» (р. 34). Отдельное внимание уделено вредному воздействию предприятий и испытаний на окружающую среду. Автор пишет об отсутствии надлежащих мер безопасности, пренебрежении экологическими проблемами и жизнями советских граждан, испытателей и военных, которых называет «ядерными подопытными кроликами» (р. 36). Проводятся параллели с ядерными испытаниями США, Великобритании и Франции, при которых имело место подобное отношение к людям и природе.

Советский Союз обозначается как государство, которое «безусловно было способно вовлечь капиталистический Запад и в частности Соединённые Штаты в гонку вооружений». При этом обе страны считали, что это оружие — единственное препятствие на пути взаимного уничтожения. Достижение соглашений о его нераспространении в конце 1950-х гг. наталкивалось на противоречия во взглядах двух сверхдержав. СССР вступил в гонку вооружений, «не доверяя американским намерениям, опасаясь новой мировой войны и решив выйти из холодной войны победителем» (р. 45).

Третья глава «Ядерный мир» открывается сюжетом о формировании

в СССР «атомной культуры», после того как советский атом перестал быть секретным. Пуск первой атомной электростанции в Обнинске (1954) очаровал (*entranced*) политиков, учёных и общественность, поверивших в широкое применение атома в гражданской сфере. Эти проекты (в том числе утопические) звучали с трибун, со страниц газет и журналов. «Культом атома» являлся частью более широкого послевоенного «культа науки», возникшего на волне успехов в области ядерного оружия и ракетной техники, а затем — атомной энергетики и космических исследований. Наука стала рассматриваться как ключ к решению широкого круга проблем, включая экономические. Идеологическое значение крупномасштабных программ, таких как освоение энергии атома и космоса, заключалось, по мнению исследователя, в том, что они демонстрировали возможность СССР «догнать и перегнать» Запад.

С «атомной культурой» Джефсон связывает прославление достижений физиков и сопутствующую интернационализацию науки, пришедшую на смену сталинской «научной автаркии». Личный вклад в формирование «культа атома» внесли И.В. Курчатов и Н.С. Хрущёв (р. 52). Оба деятеля побывали в 1956 г. в атомном научном центре в Харуэлле (Великобритания). Советские физики смогли представить результаты своих исследований в Женеве на международных конференциях по мирному использованию атомной энергии в 1955 и 1958 гг. «Капиталистические» учёные приезжали в СССР и посещали ранее секретные учреждения. Советские «атомные» успехи нашли отклик в социалистическом мире — в совместных исследованиях и промышленных программах. СССР начал экспортировать свой «атомный» опыт, получая экономическую выгоду.

На фоне вовлечения советских учёных в деятельность Пагуошского движения против использования ядерной энергии в военных целях и организации «Врачи за социальную ответственность» указывается на отсутствие в СССР общественных объединений, которые могли бы продвигать идеи ядерного разоружения вне строгого государственного контроля. Курчатов старался переключить внимание страны на мирные ядерные технологии. К 1957 г. он и А.Д. Сахаров начали писать об опасности радиоактивных отходов. Подобные действия советских, европейских и американских физиков принесли плоды в виде Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой (1963).

Глава четвёртая, «Ядерная гордыня», концентрируется на эпохе Л.И. Брежнева (1964–1982), которая характеризуется как вершина могущества «атомной» России. Развитие ядерной энергетики, ставшей неотъемлемой частью экономики, анализируется в контексте обещаний объявленного периода «развитого социализма». Причина «ядерного чуда» видится Джозефсону в надежде руководства СССР на то, что атомная энергия сможет решить многие проблемы: облегчит добычу нефти и газа, выработку большого количества электроэнергии, а облучение пищевых продуктов обеспечит их сохранность в магазинах в лучшем состоянии, и всё это «позволит достичь коммунизма» (р. 63–64). Показателем напористости отечественной ядерно-энергетической политики историк считает появление в различных частях Советского Союза атомных электростанций (вплоть до плавучих), разработку различных типов ядерных реакторов (в том числе «абсурдно массивных даже для советских гигантофилов»), развитие атом-

ного ледокольного флота. Так же как в США, реализовывалась обширная программа мирных ядерных взрывов, «чтобы сделать атом менее пугающим для общественности» (р. 71). Однако в этих смелых экспериментах игнорировались риски и опасности.

Производство ядерного оружия расценивается как ещё более значимое для «брежневского руководства», чем гражданское применение атомной энергии. В этот период военный потенциал СССР достиг паритета с Соединёнными Штатами. Был накоплен «огромный арсенал ядерного оружия, который мог быть доставлен по целям США — городам, предприятиям, гражданам» (р. 75). Договоры по контролю над вооружениями автор оценивает как малоэффективные для снятия угрозы гарантированного взаимного уничтожения двумя сверхдержавами.

Военная и гражданская отрасли атомной промышленности создали проблемы с опасными отходами, которые захоранивали «бессистемно», «в том числе на объектах, официально не зарегистрированных». Строительство АЭС и испытательных полигонов велось ценой больших потерь для коренных народов. В этом плане автор противопоставляет русских и чукчей, русских и казахов и т.д.: первым атомная энергия несла пользу, а вторым — вред. Период в целом определяется как «ядерная утопия»: для него было характерно приращение атому «как маяку сияющего будущего» огромного геополитического, экономического и культурного значения (р. 68).

В главе «Ядерный распад» Джозефсон рассказывает историю Чернобыльской АЭС и объясняет, что произошло при аварии. Сама станция, расположенные рядом города, изоляционные сооружения над её разрушенным четвёртым энергоблоком предстают символом советского технологического провала, памятником

«советскому планированию и решимости», некомпетентности и бесчеловечности «планировщиков и партийных чиновников». В действиях властей по преодолению последствий аварии автор усматривает неготовность государства защитить население и оказать ему помощь в чрезвычайной техногенной ситуации. Это разрушило представления советских граждан о безопасности жизни в современном индустриальном обществе.

Исследователь следует довольно распространённой в историографии точке зрения, согласно которой Чернобыльская катастрофа стала катализатором распада СССР. Он объясняет, что именно авария показала М.С. Горбачёву, насколько система, «полная коррупции, подхалимства, лжи и секретности», нуждалась в реформировании. Отсюда выросли перестройка и гласность. Горбачёв намеревался обновить страну через «поощрение инновационных методов ведения бизнеса и производства», ослабление бюрократии и участие граждан в восстановлении экономики. «Разрушение монополии военных на информацию о национальной безопасности» (р. 88–89) обозначается одной из главных целей гласности, вызванной катастрофой. Были обнародованы ранее засекреченные происшествия (такие как Кыштымская авария 1957 г.), проблемы людей и окружающей среды, пострадавших от радиации и ядерных отходов.

Открытие информации вызвало в СССР невиданную ранее общественную активность, которую подпитывали «антиядерные, экологические и националистические движения». В советских республиках звучали претензии, что «Москва эксплуатировала периферию с помощью опасных добывающих отраслей и ненадёжных технологий» (р. 94). Согласно интерпретации автора, Чернобыль спрово-

цировал движение за независимость в нескольких республиках. Реформы «высвободили мощные социальные и политические силы инакомыслия, гнева и разочарования». И, одновременно, экономика оказалась неспособной к инновациям и невосприимчивой к реформам. Наступил кризис легитимности режима. Констатируя развал Советского Союза, Джозефсон проводит аналогии с образами взрыва на АЭС и радиоактивного распада.

Последняя глава «Ядерный ренессанс» посвящена современному состоянию «атомной» России. Отметив тяжёлые времена, наступившие для отрасли в 1990-х гг., Джозефсон характеризует направления её развития в период президентства В.В. Путина, когда она сумела сохранить динамичность и амбициозные цели. Опираясь на «ресурсную экономику», государственная корпорация «Росатом» провозгласила «ядерный ренессанс», сделав ставку на следование советским программам, которые вдохновляют сегодняшние планы.

Автор замечает проявления «ренессанса» в следующем. Атомная энергетика остаётся универсальным средством для производства электроэнергии, мыслится «единственной альтернативой ископаемому топливу». Руководство страны рассматривает её как символ статуса великой державы и «одобряет миллиардные расходы». Атомщики, имеющие поддержку государства, уверены, что смогут спроектировать безопасные реакторы для самых разных задач, и стремятся к внедрению замкнутого топливного цикла. Активно развивается ядерный арктический ледокольный флот — символ «технологического величия». Возобновлены разработка и внедрение ядерного оружия на различных носителях. Россия возвращается к ядерной доктрине и риторике времён «железного занавеса», она

«по-прежнему готова к ядерной войне». Историк утверждает, что «граждане лишены права протестовать против атомного предприятия», но тут же добавляет, что «большинство из них считают ядерную энергетику безопасной и важной для энергетического баланса страны» (р. 111). Современная власть признаёт высокие капитальные затраты в отрасли, аварии, проблемы с отходами, но это не умеряет «смелые планы ядерного ренессанса».

В заключении подчёркивается, что атом в XXI в. остаётся для России важнейшим инструментом внутренней и внешней политики и центральным компонентом энергетической стратегии, а лидеры отрасли не видят ограничений в его потенциальном применении. Россия называется «самой агрессивной нацией в мире, стремящейся к мирному и военному атому» (р. 112). Джозефсон пришёл к выводу, что «с 1930-х годов при Сталине по 2020-е годы атом был центральной чертой российской истории: инструментом экономики, дубинкой во внешней политике и проявлением сциентистской культуры» (р. 7).

Автор сформулировал очевидную антиядерную позицию: «Атомное предприятие — худший преступник» (р. 63). Видимо, исходя из этого, работа сосредоточена скорее на отрицательных сторонах и атомной энергетики в целом, и советского/российского опыта в этой сфере в частности. За рамками изложения остались, например, раз-

работка правил обеспечения ядерной безопасности и их изменения во времени, усилия по переработке отработанного ядерного топлива, утилизации накапливающегося плутония и т.п. Возможно, эти и другие сюжеты не вошли в издание из-за «короткометражного» формата.

В тексте встречаются ошибки и некорректные формулировки. Например, утверждается, что «мечта о массовом производстве реакторного оборудования» на заводе «Атоммаш» осталась не реализована (р. 67), но это крупнейшее в стране производственное объединение атомного энергетического машиностроения благополучно функционирует до сих пор. Временами исследователь забегает вперёд или повторяет уже сказанное, чтобы акцентировать преемственность тех или иных событий, хотя это иногда нарушает структуру книги и логику повествования, что затрудняет восприятие. Вряд ли российский читатель согласится со всеми умозаключениями автора, в том числе, с тем, что Россия стала «атомным агрессором» (р. 115). Книга демонстрирует сохраняющуюся остроту вопроса применения атомной энергии и приглашает продолжить аргументированную дискуссию на эту тему.

Примечание

¹ *Josephson P.* Red Atom: Russia's Nuclear Power Program from Stalin to Today. N.Y., 1999.

Учёный и организатор науки. К 70-летию Ю.А. Петрова

DOI: 10.31857/S2949124X25030228, EDN: FMZCQE

Юрий Александрович Петров родился 10 июня 1955 г. в подмосковном Загорске (до революции и ныне — Сергиев Посад). Его отец, Александр Иванович Петров (1927–2001), впоследствии заслуженный учитель РСФСР, кавалер Ордена Ленина, руководил там профессионально-техническим училищем, мать Валентина Ивановна (1932–2003) работала экономистом-статистиком в Загорском горисполкоме.

Нередко мы задумываемся, может ли влиять место рождения на жизненный путь и карьеру человека? Вряд ли это можно объяснить логически, и найдётся немало примеров, когда такую связь найти не удаётся. Но всё же иногда это предопределение чувствуется. Возможно, и в самом деле появление на свет в древнем русском городе, где эхо истории ощущается глубоко и сильно, каким-то образом предопределило судьбу Юрия. А дальше семья переселилась в другой подмосковный город — Пушкино, знаменитый не только благодаря хрестоматийному стихотворению В.В. Маяковского, но и тем, что в конце XIX — начале XX в. здесь возникло немало предприятий, главным образом текстильной промышленности, принадлежавших московским капиталистам как отечественного, так и иностранного происхождения. Связь места и темы научных изысканий будущего историка уже наметилась, но ещё никем, наверное, не ощущалась.

По окончании школы Юрий поступил на исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, причём со второй попытки, что свидетельствует о верности науке, выбор в пользу которой был сделан ещё на школьной скамье. В том далёком 1973 году ему удалось поступить на вечернее отделение, оказавшись в одной группе вместе с автором этих строк. Занятия проводились по вечерам четыре раза в неделю, но программа обучения в целом совпадала с тем, что было на дневном отделении. Преподаватели направлялись с кафедр факультета, и это обеспечивало должный уровень занятий и требований. Юрий был зачислен в группу с немецким языком в качестве иностранного, поскольку изучал его в школе. Знание немецкого стало в дальнейшем важным подспорьем в науке: германский капитал сыграл большую роль в экономической истории России в целом и Москвы в частности. Освоение английского языка должно было стать рано или поздно необходимым. Так проявилось преимущество тех, кто начинает изучение иностранных языков не с английского, и в итоге становится минимум «двухязычным», что на порядок расширяет спектр получаемой научной информации.

Учёба с самого начала была более чем успешной, и к началу третьего курса Юрий перешёл на дневное отделение, что совпало с выбором научной специализации. Престижным и для многих желанным было попасть тогда на одну из кафедр, связанных со всеобщей историей. Это обещало не только освоение увлекательного материала, но и возможность регулярных выездов за ру-

беж, что в то время казалось особым благом и редкой привилегией. Тем не менее Юрий сделал выбор в пользу отечественной истории, очевидно, понимая, что несмотря на привлекательность всеобщей истории, исследования в области российской истории имеют ряд несомненных преимуществ, прежде всего доступность основного массива архивных источников, на что очевидно и был изначально нацелен будущий учёный. На историческом факультете МГУ тогда функционировало пять кафедр отечественной истории (не считая истории искусства). Юрий выбрал ту, которая ориентировалась на историю России XIX — начала XX в. и в духе того времени называлась «Кафедра истории СССР периода капитализма». Возможно, при этом принималось во внимание, что в сравнении с периодом «феодализма» избранная эпоха гораздо лучше обеспечена источниками, а в отличие от истории КПСС или советского общества, изучение периода до 1917 г. было тогда в меньшей степени подвержено идеологическим догматам. На кафедре тогда работали ведущие специалисты по истории России, отличавшиеся собственной позицией, а их работы были широко известны в нашей стране и за её пределами: П.А. Зайончковский, Е.Д. Черменский, М.Г. Седов, Н.С. Киняпина, Л.Г. Захарова, В.А. Фёдоров и др. При таком выборе наставников можно было отдать предпочтение истории политической, общественного и революционного движения, реформ, революций и т.д. Юрий Александрович сделал выбор в пользу экономической истории. Это предвещало трудоёмкую работу с большими массивами источников, овладение методами их обработки, знакомство со смежными науками. К этому начинающий учёный оказался готов, тем более, что в то время занятие экономической историей в значительной мере обеспечивало новизну и простор исследования, объективность выводов, неопровержимых уже по доказательной массовости данных. Это не исключало связи с историей политической и вообще гражданской в широком смысле слова, поскольку, как известно, экономика представляет собой основу любого общественного процесса.

Тогда и было положено начало сотрудничества с научным руководителем, которым стал для студента-дипломника один из ведущих специалистов по экономической истории России Валерий Иванович Бовыкин, главный научный сотрудник Института истории СССР АН СССР, преподававший и на кафедре источниковедения истфака МГУ. Приступая к изучению экономической истории, Юрий Александрович по рекомендации своего руководителя взялся за историю банков. И это был очень точный выбор. Банки — это кровеносная система экономики и одновременно — зеркало, отражающее экономическое развитие во многих важных аспектах. Поэтому изучение банков в их взаимосвязи с предприятиями (торговыми, промышленными и проч.) является надёжным методом исследования истории бизнеса и экономики в целом.

Конечно, этот подход коренился в доминирующей тогда концепции империализма, одним из признаков которого являлось формирование финансового капитала как проявление сращивания промышленного предпринимательства и денежных потоков. В.И. Бовыкин был автором фундаментального труда на эту тему применительно к российской экономической истории рубежа XIX—XX вв. Юрию Александровичу надлежало для начала в рамках исследования, чётко ограниченного географическими и временными рамками, рассмотреть специфику отношений банковского и промышленного капитала в Центральном районе России во главе с Москвой. Конечно, несомненный интерес представляли и регионы, где промышленный подъём оказался наиболее мощным,

где ярче и глубже шёл процесс взаимодействия банков и индустрии, активно осуществлялись инвестиции капитала отечественного и в ещё большей степени иностранного происхождения. В данном случае имелись бы в виду Новороссия или Кавказ. Но Ю.А. Петров выбрал Москву. И если иметь целью изучение истории именно отечественного предпринимательства в его классических формах, незамутнённых каким-либо внешним влиянием, то трудно сделать более точный выбор.

С незапамятных времён Москва находилась в центре страны, пространстве давно освоенном, с развитыми коммуникациями, достаточно густой сетью городов, населённых торговцами и ремесленниками, в окружении сёл и деревень с крестьянами, работавшими на малопродуктивных землях, что стимулировало их к занятию неземледельческими промыслами. Всё это стало надёжной основой вполне естественного роста торговых и промышленных заведений, создаваемых местными купцами, ремесленниками и крестьянами, которые постепенно накапливали капиталы, основывали династии, с течением времени осваивали соответствующие духу времени инструменты бизнеса. В результате вокруг древней столицы России сформировался так называемый Центральный промышленный район.

Так сошёлся пазл: объект изучения — банки, регион — Москва. Отсюда — тема кандидатской диссертации и первой монографии, увидевшей свет в 1998 г.¹ В этой первой крупной работе Ю.А. Петрова чётко проявились основные черты его творческого почерка. Научная проблем заключалась в том, что московские банки традиционно воспринимались в советской историографии как некое патриархальное, отсталое по сравнению с классическими банками Санкт-Петербурга явление. Чтобы верифицировать эти оценки, потребовалось тщательное источниковедческое исследование. Преимущественное внимание к источникам вело автора к многотрудной и кропотливой работе с материалами делопроизводства московских банков, хранившимся в нескольких архивах Москвы и Санкт-Петербурга. При этом автор ими не ограничился. Источниковая база его работ отличается комплексным характером, широко используются архивы государственных финансовых учреждений, а также периодическая печать, мемуары, разного рода справочники.

Всё это обеспечило многоуровневый характер исследования, расширило его спектр, позволило автору выйти на темы и проблемы общественного и политического звучания, почувствовать роль отдельных деятелей финансового и торгово-промышленного мира в жизни Москвы и всей страны. В связи с этим стоит отметить ещё одну крайне важную черту творчества Ю.А. Петрова: с самого начала ему удавалось сочетать глубину проработки массовых данных о развитии экономики и финансов с мастерским отображением личностей выдающихся представителей тогдашнего делового мира Москвы. Его работы, посвящённые истории банков, непременно содержат яркие характеристики их создателей и руководителей, а труды, нацеленные на жизнеописание тех или иных деятелей, насыщены важным материалом из сферы экономической статистики, делопроизводства и проч. Уже кандидатская диссертация и основанная на ней монография обильно оснащены именами множества банкиров, купцов и про-

¹ *Петров Ю.А.* Роль акционерных коммерческих банков Москвы в процессах формирования финансового капитала в России, конец XIX в. — 1914 г. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.
Петров Ю.А. Коммерческие банки Москвы. Конец XIX — 1914 г. М., 1998.

мышленников. В приводимых в них схемах взаимоотношение между банками и промышленными компаниями показано прежде всего через личные связи.

Разумеется, Ю.А. Петров в своих исследованиях опирался на труды предшественников, в том числе работавших в рамках советской историографии (И.Ф. Гиндина, В.Я. Лавёрычева, своего учителя В.И. Бовыкина и др.), что также представляет собой ценное качество его творчества. Большое значение приобрело и сотрудничество Петрова с видным петербургским историком академиком Б.В. Ананьичем, создавшим в «северной столице» свою школу экономической истории России.

Тем не менее на фоне и во взаимосвязи с трудами предшественников и наставников работы Петрова знаменуют уже новый, современный этап отечественной историографии. Это проявилось в отсутствии приверженности какой-либо изначально заданной схеме, верности принципу *ad fontes*, стремлении населить страницы своих трудов людьми, которые, с одной стороны, действуют в рамках определённых обстоятельств, с другой — оказывают собственное влияние на происходящие процессы.

Эти черты научного творчества Ю.А. Петрова ещё в большей степени проявились на его новом этапе, который привёл к защите в 1999 г. докторской диссертации и вскоре опубликованной очередной фундаментальной монографии². Существенно расширились хронологические и тематические рамки творческого поиска. Автор поставил вопросы о роли московских капиталистов в общественно-политической деятельности, в том числе в период Первой мировой войны и революции. Сформулированные в этих трудах идеи и выводы получили развитие во впечатляющей серии индивидуальных и коллективных работ, созданных в последующие десятилетия. В результате Ю.А. Петров сумел создать объективный образ российского предпринимательства пореформенной эпохи и начала XX в. Коллеги Юрия Александровича отмечают, что его взгляд на историю русского предпринимательства стал «подлинно новаторским», ему удалось «сломать сложившийся в советской историографии отрицательный образ российского буржуа как бессовестного дельца и эксплуататора и показать социальный облик русского капиталиста во всей сложности»³.

Решая эту задачу на основе изучения торгово-промышленного и финансового мира Москвы, Петров пришёл к выводу, что «московское предпринимательство являлось интегральной моделью российской буржуазии в целом», как с точки зрения составляющих её компонентов, так и включённости основных этноконфессиональных групп с преобладанием великорусов (в том числе старообрядцев), а также национальных меньшинств империи (в частности, евреев) и капиталистов иностранного происхождения⁴.

Юрий Александрович противостоит распространённому в советской историографии мнению о неразвитости и консерватизме московской буржуазии. Напротив, как показано в его работах, предприниматели Центрального региона создали эффективный вариант рыночной экономики, в рамках которого возникли «новейшие банковско-биржевые структуры, приспособленные к по-

² Петров Ю.А. Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М., 2002.

³ Пушкарёва И.М. Учёный-исследователь, организатор науки как личность (к юбилею Юрия Александровича Петрова) // В служении Клио. Сборник к 70-летию доктора исторических наук, профессора Ю.А. Петрова / Отв. ред. А.А. Горский, Д.Б. Павлов. М., 2025. С. 46.

⁴ Петров Ю.А. Московская буржуазия... С. 335.

требностям промышленного производства». Устойчивость этой модели обеспечивалась тем, что она опиралась на прочную и естественным образом развивающуюся лёгкую промышленность, в свою очередь связанную с потребностями внутреннего рынка, постоянно расширяющегося за счёт включения в него всего населения страны. Эта система оказалась особенно прочной, поскольку мало подвергалась рискам биржевых спекуляций, неоправданного грюндерства, чрезмерной зависимости от иностранного капитала.

Размышляя над стратегией лидеров московского предпринимательства, её соответствием традиционному поведению или вызовам времени, требующего новых прогрессивных шагов, исследователь не мог не задуматься об общественно-политической позиции представителей деловых кругов Москвы. В его трудах разрабатывались сюжеты об участии московских банкиров и промышленников в политической жизни России.

Ю.А. Петров показал, что ведущие предприниматели Москвы вопреки представлениям об их консерватизме заявляли о себе как о новой политической силе, способной сформулировать программные позиции, отражающие не столько «классовые интересы», сколько потребности развития экономики и социальной сферы страны. В работах Петрова идёт речь не только о предпринимательской деятельности московских промышленников и финансистов, но и представлены политические портреты многих из них. Исследователь подчёркивает, в частности, что в лице Павла Рябушинского и Александра Коновалова «отечественная буржуазия обрела подлинных идеологов, разработавших в общелиберальном русле оригинальную модель национального развития под лозунгом рыночной экономики и конституционно-правового государственного строя»⁵.

Им довелось сыграть важную роль в создании Партии прогрессистов. При их участии была разработана программа реформ, нацеленных на создание правового государства и расширение рыночной экономики. Но в условиях тогдашней России подобная вполне рациональная и объективно нужная стране программа могла быть, по мнению автора, реализована только в экстремальной обстановке войны, Февральской революции и последовавшего вслед за ними общенационального кризиса. В этом нельзя не видеть парадокс того времени и всей истории России: неужели объективно необходимые реформы непременно должны совершаться в ситуации глобального кризиса или большой войны?

Конечно, в фундаментальной работе, посвящённой в первую очередь предпринимательству московских капиталистов в начале XX в., Петров смог уделить их политической деятельности во время революции 1917 г. лишь несколько страниц. При этом он показал, как в огне революционного пожара оказались тщетными все их усилия по реализации идей о консолидации общества, поиску выхода из кризиса. Причину автор видит прежде всего в «общесцивилизационных условиях исторического развития России», слабости гражданского общества, антибуржуазном менталитете большей части населения страны⁶.

Юрий Александрович несколько идеализирует своих героев, не касаясь причин глубокого недоверия народных масс к «капиталистам». Наверное, это приходится за пределами темы книги и является предметом других больших исследований. Тем не менее исследователь взял на себя труд реабилитации лидеров предпринимательского мира, в частности П. Рябушинского, ведь мно-

⁵ Там же. С. 336.

⁶ Там же. С. 338.

гие поколения в нашей стране слышали о Рябушинском только то, что он стремился задушить революцию «костлявой рукой голода». Но, как показал Петров, Рябушинский не призывал к этому, а предвидел и предупреждал, что в условиях катастрофически ухудшающейся ситуации неминуемая «костлявая рука» окажется единственным средством, способным заставить эсеровское Временное правительство отказаться от проводимой им пагубной экономической политики⁷.

Так когда-то поставленные вопросы о банкирах и промышленниках Москвы привели исследователя к общим проблемам социально-политической истории России начала XX в., причинам и особенностями революционных событий 1917 г. К этим проблемам учёный вернулся на новом витке своей научной биографии, который связан с его пребыванием на посту руководителя Института российской истории РАН, крупнейшего в нашей стране академического учреждения по изучению отечественной истории. На эту должность Ю.А. Петров пришёл в 2010 г., что имело существенные предпосылки во всей его предыдущей научной и научно-организационной деятельности.

По окончании исторического факультета МГУ Юрий Александрович в 1978 г. поступил на работу в Государственный исторический музей, где вскоре стал заведующим научно-экспозиционным отделом истории России XIX — начала XX в. Работа в музее способствовала приобретению объёмного представления об истории страны, поскольку стояла задача раскрыть прошлое через комплекс вещей и предметов, актуализировать материальное и нематериальное наследие эпохи. Тогда же приобретался опыт руководства научным коллективом, пока небольшим. Одновременно он поступил в заочную аспирантуру Института истории СССР АН СССР, куда перешёл на должность младшего научного сотрудника в 1985 г., и на многие годы связал свою жизнь с этим научным учреждением. Юрий Александрович сразу зарекомендовал себя одним из наиболее перспективных сотрудников сектора истории СССР периода империализма. Здесь он защитил кандидатскую и докторскую диссертации.

С самого начала работы в Институте Ю.А. Петров отнюдь не сосредоточивался исключительно на исследовательской деятельности в рамках избранной темы. Важным вызовом и в то же время полем совершенствования профессионального мастерства для него стала работа в редакции журнала «История СССР», затем «Отечественная история» (ныне «Российская история»). Он пришёл в журнал в 1990 г. по приглашению К.Ф. Шацилло, ставшего тогда главным редактором, и проработал в редакции до 2003 г. В качестве заведующего отделом Юрий Александрович отвечал за материалы, посвящённые истории России XIX — начала XX в. Благодаря его творческому подходу к работе с текстами, чувству языка и стиля, эрудиции, умению найти контакт с авторами, обширным научным связям в нашей стране и за рубежом, значительно расширилось количество публикаций по данному периоду, в том числе по экономической истории, возрос интерес к ним. Вскоре Юрий Александрович стал членом редколлегии журнала, а в настоящее время он входит в состав его редакционного совета.

С конца 1990-х гг. Юрий Александрович принимает участие в издании ежегодника «Экономическая история». В 2000 г. вместе с В.И. Бовыкиным он стал ответственным редактором сборника, затем его миссия в этом качестве

⁷ Там же. С. 282.

продолжилась совместно с Л.И. Бородинским. В результате каждый год появляется основательный том ежегодника, содержащий исследовательские статьи и обширные публикации по экономической истории, которые из-за их объёма сложно было бы разместить в большинстве научных журналов.

Творческая активность Ю.А. Петрова в период работы в Институте проявлялась и в расширении научных контактов, как в личном, так и в «географическом» плане. Юрий Александрович в полной мере использовал появившиеся тогда новые возможности в развитии международных научных связей, установив контакты с ведущими исследователями из Германии, США, Великобритании, специалистами по истории России и экономической истории. Благодаря этим связям осуществлён целый ряд научных проектов, подготовлены совместные публикации отечественных и зарубежных учёных⁸. Одним из важных направлений этих работ стало изучение деятельности иностранных фирм и банков в России, особенностей российского предпринимательства, проявившихся в процессе взаимодействия с иностранным капиталом. Использовался при этом и опыт музейной работы Юрия Александровича. В начале 1999 г. в Государственном историческом музее прошла выставка, отразившая роль предпринимателей немецкого происхождения и германских фирм и компаний в торговле и промышленности Москвы и России⁹. Идея и концепция выставки принадлежали Ю.А. Петрову.

В 1990-х — начале 2000-х гг. раскрылось ещё одно качество Юрия Александровича — способность объединять людей в рамках научных проектов. Он сотрудничал с коллегами по Институту (А.П. Корелиным, Г.Н. Ульяновой, С.В. Калмыковым и др.), устанавливал связи с издательством РОССПЭН, его руководителем А.К. Сорокиным, ведущими специалистами по экономической истории из других научных центров, в том числе с членом-корреспондентом РАН Л.И. Бородинским (МГУ). Тогда же укреплялись творческие и дружеские контакты с академиком Б.В. Ананьичем и вышедшими из его школы петербургскими историками П.В. Лизуновым и С.К. Лебедевым¹⁰. Юрий Александрович участвовал, а зачастую и выступал руководителем крупных проектов обобщающего характера. Масштабы подобного сотрудничества продолжают расти, ширится тематический спектр.

В центре внимания Ю.А. Петрова остаётся экономическая жизнь России XIX — начала XX в., раскрываемая через историю её главных акторов: компаний, предпринимателей, банков. Кроме того, всё в большей степени уделяется внимание экономической и финансовой политике правительства, налоговой сфере¹¹.

⁸ «Eine grosse Zukunft». Deutsche in Russlands Wirtschaft / Hrsg. D. Dahlmann et al. Berlin, 2000; Commerce in Russian Urban Culture, 1861–1914 / Ed. by W.C. Brumfield, B.V. Anan'ich, Yu.A. Petrov. Washington; Baltimore, 2001; Предпринимательство и городская культура в России, 1861–1914. М., 2002; Eisenbahnen und Motoren — Zucker und Schokolade: Deutsche im russischen Wirtschaftsleben vom 18. bis zum frühen 20. Jahrhundert / Hrsg. D. Dahlmann, K. Heller, Ju.A. Petrov. Berlin, 2005; Купеческая Москва. Образы ушедшей российской буржуазии / Отв. ред. Ю.А. Петров, Дж. Уэст. М., 2007; и др.

⁹ Московские немцы. Четыре века с Россией. [Материалы к выставке. Государственный исторический музей, 15 января — 15 марта 1999 г.] / Сост. Л.А. Дементьева, Ю.А. Петров. М., 1999.

¹⁰ См.: Кредит и банки в России до начала XX в. Санкт-Петербург и Москва / Под ред. Б.В. Ананьича. СПб., 2005.

¹¹ История предпринимательства в России. Кн. 1. От средневековья до середины XIX века / Отв. ред. А.В. Семёнова. М., 2000; Кн. 2. Вторая половина XIX — начало XX века / Отв. ред.

Исследователю удалось ярко проявить себя на ниве энциклопедического дела. В 1990-х гг. им был написан ряд статей для пятитомной энциклопедии по истории России, которая осталась незавершённой¹². Более успешным оказался реализованный в РОССПЭН проект по созданию энциклопедии о политических партиях России конца XIX — начала XX в., в котором появились статьи Петрова о наиболее значимых политических деятелях, происходивших из московских предпринимателей¹³.

В конце 1990-х гг. Юрий Александрович вошёл в редколлегию крупного энциклопедического издания, посвящённого немцам России, в рамках которого удалось собрать информацию о жизни и деятельности в нашей стране выходцев из Германии и их потомков, особенностях их быта и культуры, известных людях, предприятиях и политических организациях со времён средневековья до современности¹⁴. В работе над этой энциклопедией Петров реализовал результаты своих обширных исследований по истории немецкого предпринимательства в России и российско-германских экономических связей, что можно считать особым направлением его научного творчества в рамках большой темы по истории российского предпринимательства.

В начале 2000-х гг. было предпринято издание «Новой российской энциклопедии», по времени выхода в свет её тома опережали «Большую российскую энциклопедию». Редколлегию возглавил вице-президент РАН, академик А.Д. Некипелов. Ю.А. Петров вошёл в состав научно-экспертного совета и стал одним из авторов первого тома, получившего название «Россия». Он написал обширный раздел по экономической истории XIX — начала XX в. для статьи, в которой освещается прошлое страны¹⁵.

Наконец, своего рода вершиной деятельности Ю.А. Петрова по созданию научных энциклопедий стала реализация проекта «Экономическая история России с древнейших времён до 1917 г.». Работа велась в сотрудничестве с издательством РОССПЭН при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Она продолжалась не один год, объём собираемого материала постоянно рос, дополнялся и расширялся словник. И это неудивительно: энциклопедия должна была вместить почти тысячелетнюю историю экономической жизни России, включая сведения о развитии всех отраслей народного хозяйства, инфраструктуры экономики (денежное обращение и кредит, структуры предпринимательства, отношения собственности, страхование, биржевая деятельность и т.п.), а также статьи о многих предприятиях, деятелях бизнеса, администраторах, инженерах, учёных. Исключительно важным стал региональный аспект: широко представлены статьи о предприятиях, располо-

Ю.А. Петров. М., 2000; *Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шаццло М.К.* История налогов в России. IX — начало XX в. М., 2006; *Петров Ю.А., Ульянова Г.Н.* Защита капитала. Опыт российской бизнес-элиты XIX — начала XX века. М., 2006; *Петров Ю.А., Калмыков С.В., Голанд Ю.М.* История Сбербанка России (1841–1991) / Под ред. А.И. Казьмина. М., 2007; Частное предпринимательство в дореволюционной России: этноконфессиональная структура и региональное развитие, XIX — начало XX в. / Отв. ред. Б.В. Ананьич, Д. Дальманн, Ю.А. Петров. М., 2010; и др.

¹² Отечественная история. История России с древнейших времён до 1917 года: энциклопедия. Т. 1–3. М., 1994–2000.

¹³ Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 1996.

¹⁴ Немцы России. Энциклопедия. В 3 т. М., 1999–2006.

¹⁵ Новая российская энциклопедия. Т. 1. Россия. М., 2003. С. 278–297.

женных практически во всех губерниях России, имеются очерки о Донбассе, Урале, Кавказе, Средней Азии и т.д.

Юрий Александрович стал руководителем и ответственным редактором этого грандиозного проекта, а в его разработке приняли участие более двухсот специалистов из многих научных и университетских центров. В итоге получился капитальный труд в двух томах, по полторы тысячи страниц и более двух тысяч статей каждый¹⁶. По мнению специалистов, он не имел прецедента ни в российской, ни в зарубежной историографии¹⁷. Энциклопедия сразу привлекла внимание широкой научной общественности, в 2009 г. её презентация с большим успехом прошла на XV Мировом конгрессе экономической истории в Утрехте.

В результате столь многогранной научной и организационной деятельности Ю.А. Петров уже в начале 2000-х гг. приобрёл авторитет одного из ведущих специалистов по экономической истории. В 1999 г. он вошёл в состав Научного совета РАН по экономической истории, стал в нём одним из наиболее активных членов, поддерживая усилия сопредседателей — членов-корреспондентов РАН Н.М. Арсентьева и Л.И. Бородкина — по расширению исследований данной тематики, в том числе и в регионах страны. С 2016 г. он является членом Бюро Совета.

Всё это способствовало повышению уровня вовлечённости Ю.А. Петрова в международную научную деятельность. В 2006–2014 гг. он избирался представителем от России в Исполнительном комитете Международной ассоциации экономической истории (ИЕНА), с 1990-х гг. принимал участие в работе организуемых ею международных конгрессов. Эти форумы, проводившиеся раз в три-четыре года на разных континентах, собирали сотни, а иногда более тысячи исследователей со всего мира. Само приглашение на конгресс уже означало признание высокого авторитета учёного. Ещё большие требования предъявлялись, если кто-либо из участников брал на себя обязательство организовать секцию («панель») конгресса, причём непременно с интернациональным составом участников. Это также неоднократно удавалось Юрию Александровичу.

В 2004 г. Петров перешёл на работу в Центральный банк России, где оказались востребованы его знания и опыт в изучении истории банковских структур, глубокое понимание их роли в экономике, социальной и общественной жизни страны. Здесь Юрий Александрович возглавил сектор истории Управления внешних и общественных связей. Не прерывая своей обширной научной и организационной деятельности, сохраняя сотрудничество с коллегами из Института российской истории, он начал целенаправленно работать над историей главного банка страны. В 2010 г. под его редакцией (совместно с С.В. Татариновым) вышел двухтомный труд, посвящённый полуторавековой истории Банка России¹⁸. Тогда же Петров, используя свой богатый опыт в области музейной работы, фактически создал музей главного банка страны, открыв постоянную экспозицию и подготовив издание каталога банковской коллекции

¹⁶ Экономическая история России с древнейших времён до 1917 г. Энциклопедия. В 2 т. / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2008–2009.

¹⁷ Хеллер К. Рец.: Экономическая история России с древнейших времён до 1917 г. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2009. № 1(54). С. 219.

¹⁸ История Банка России. 1860–2010. В 2 т. / Отв. ред. Ю.А. Петров, С.В. Татаринов. М., 2010.

ценных бумаг¹⁹. Тем самым он выполнил миссию, с которой пришёл в Банк России в 2004 г.

В 2010 г. Юрий Александрович вернулся в Институт российской истории РАН, будучи избран на должность директора. Для многих это событие оказалось неожиданным. Но в свете всего вышесказанного о творческом пути и научных достижениях Ю.А. Петрова, его многообразных связях, способностях и таланте объединять людей на поприще науки, обширном опыте работы в смежных сферах (музейное, редакционно-издательское дело и проч.), не приходится сомневаться, что он вполне был подготовлен к руководству крупным научным коллективом. Правильность решения Историко-филологического отделения РАН об избрании Юрия Александровича директором Института и согласие с этим выбором Президиума Академии наук в полной мере подтвердились в последующие годы.

Прошло полтора десятилетия деятельности Ю.А. Петрова в качестве руководителя Института российской истории. Эти годы стали определённым новым периодом в истории научного учреждения. Речь идёт не только о продолжительном времени нахождения его в должности директора, но и о ряде важных качественных изменений в жизни Института. На этом посту Юрий Александрович проявляет себя как последовательный сторонник академических принципов науки, в соответствии с которыми первостепенную значимость имеет объективный характер знания, его достоверность, независимость от вненаучных факторов.

Понимание первостепенной значимости личности учёного и научного коллектива находит своё выражение во взвешенной политике по отношению к кадрам и структурным преобразованиям. Следуя в целом руководящим указаниям о снижении среднего возраста сотрудников учреждения, руководство избегало формального подхода, понимая, что в исторической науке учёный в полной мере раскрывается и наиболее эффективно работает в достаточно зрелом возрасте. Благодаря этому в Институте созданы условия для успешной деятельности в науке всех сотрудников независимо от возраста. Здесь продолжали и продолжают работать на высоком уровне учёные, отдавшие Институту десятки лет жизни.

Вступив в должность директора, Ю.А. Петров не стал предпринимать глубоких структурных перемен. Напротив, он сохранил сложившуюся ранее и вполне работающую систему, в основе которой лежало сочетание хронологического и «отраслевого» принципов. Имелись центры, объединявшие учёных, специалистов по истории того или иного периода, от средневековья до современности, а также те, куда входили исследователи по отдельным направлениям исторической науки (истории культуры, военной истории, и т.д.). Юрий Александрович способствовал развитию ряда важных для современной науки направлений. Он дал старт работе новых центров — источниковедения, социальной истории, экономической истории. Особое значение имеет организация в ИРИ РАН центра истории Великой Отечественной войны, который был создан в период подготовки к 80-летию Великой Победы.

Научная работа историка по большому счёту индивидуальна. Коллектив учёных, которые занимаются каждый своей темой, легко может превратиться

¹⁹ Российские ценные бумаги: каталог собрания Музейно-экспозиционного фонда Банка России. В 3 т. / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2010.

в совокупность специалистов, мало связанных друг с другом. Чтобы пресечь эту тенденцию, важно объединить исследователей общей целью. Здесь в полной мере проявилась отмеченная выше способность Петрова генерировать проекты, в которых могут участвовать учёные, представляющие разные подразделения Института, а также другие научные центры. Реализация крупных научных проектов, объединяющих значительное число учёных, стала важным системообразующим признаком деятельности ИРИ РАН в период пребывания Ю.А. Петрова на посту директора.

Зачастую такие проекты приурочивались к юбилеям значимых событий российской истории. В 2010-х — начале 2020-х гг. подобные юбилеи сопровождалась организацией крупных научных конференций с участием учёных из академических институтов и вузов, в том числе из-за рубежа. На этих форумах поднимались актуальные вопросы из истории рассматриваемой эпохи, само событие подвергалось изучению с разных сторон, издавались коллективные труды. Таким образом, празднование юбилейной даты становилось событием большого научного значения. К числу таких юбилейных мероприятий относятся 1150-летие российской государственности, 200-летие Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг., 100-летие начала Первой мировой войны, 100-летие Великой российской революции, 350-летие со дня рождения Петра Великого и, наконец, 80-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Юрий Александрович выступал не только в качестве организатора и руководителя организационных комитетов. Он внёс существенный вклад в научную разработку тем, рассматриваемых на этих форумах и при подготовке к ним. Прежде всего стоит отметить выдвижение и обоснование концепции Великой российской революции, в соответствии с которой события от падения монархии в России в феврале 1917 г. до завершения Гражданской войны на основной территории страны представляют собой единый революционный процесс, когда произошли кардинальные преобразования во всех сферах жизни. Так называемая Февральская революция, захват власти большевиками в октябре 1917 г., дальнейшая вооружённая борьба за установление советской власти являются этапами данного процесса. Слово «Великая» в данном случае отнюдь не означает позитивной коннотации свершившихся преобразований, имеется в виду глубина и значение прошедших перемен для дальнейшей истории страны, а также влияние российской революции на всемирную историю XX в.

Ю.А. Петров выступает последовательным сторонником концепции, согласно которой глубокий революционный кризис в России в начале XX в. был вызван причинами, имевшими объективный характер. Он противостоит всякого рода конспирологическим версиям, мифологизации, а также преувеличению внешнего влияния. Основные противоречия, которые привели к революции, по мнению историка, были порождены «стремительным характером модернизации страны..., трудностями перехода от традиционного общества к современному», неготовностью элиты справляться с вызовами времени²⁰. Эти противоречия не вели неизбежно к революции, но они оказались непреодолимыми в условиях тягот и бедствий, вызванных мировой войной.

²⁰ Петров Ю.А. Великая российская революция: современные историографические тренды // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения. Материалы международной научной конференции (Москва, 9–11 октября 2017 г.) / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2017. С. 19.

Ю.А. Петров инициировал и поддерживал создание целого ряда коллективных трудов ИРИ РАН, отвечавших на самые актуальные вызовы современности средствами академической исторической науки. В середине и второй половине 2010-х гг. реализованы проекты по подготовке обобщающих работ по истории Новороссии, Крыма, дающих объективную оценку истории этих регионов с древнейших времён до возвращения их в состав России. Завершение эта линия получила с изданием трёхтомной «Истории Севастополя»²¹.

Убедительным свидетельством внимания Юрия Александровича к регионам России, является издание восьмитомной академической истории Югры. В качестве сопредседателя редакционного совета он (вместе с губернатором Ханты-Мансийского автономного округа Н.В. Комаровой) стал одним из организаторов этого, без сомнения, грандиозного обобщающего труда²². Ответственным редактором всего издания выступил Р.Г. Пихоя, видный историк, в 1990-х гг. возглавлявший Государственную архивную службу РФ, пришедший в ИРИ РАН при директорстве Ю.А. Петрова.

Большое значение приобрело в последние годы сотрудничество с Республикой Беларусь. Юрий Александрович регулярно принимает участие в научных форумах историков в Минске, подписано соглашение о научном взаимодействии ИРИ РАН с Институтом истории НАН Беларуси.

Но наиболее глобальным и всеохватывающим проектом стала подготовка академической «Истории России» в 20 томах. С этой идеей Ю.А. Петров пришёл на должность директора. Её поддержали ведущие учёные ИРИ РАН, в том числе В.В. Шелохаев, в 2012 г. возглавивший «Центр истории России XIX – начала XX вв.», который разделял убеждённость Петрова в объективно назревшей необходимости создания полномасштабного труда по истории России, в том числе и с точки зрения общественной потребности в адекватном познании прошлого своей страны²³. Хотя были и те, кто сомневался в своевременности такого начинания в силу неготовности к нему исторической науки, возможности его реализации по финансовым и кадровым причинам.

Юрий Александрович проявил свойственные ему упорство и настойчивость, в том числе в поисках источников финансирования, обеспечения поддержки на уровне высшего руководства страны. В итоге президентом России В.В. Путиным было дано поручение на подготовку этого труда, работа была включена в государственное задание ИРИ РАН. Постепенно круг участников проекта расширялся, подключились и другие ведущие академические институты. В их числе Институт археологии РАН во главе с академиком Н.А. Макаровым, Санкт-Петербургский институт истории РАН (директор член-корреспондент РАН А.В. Сиренов), которые взялись за подготовку отдельных томов. Благодаря обширным научным связям Петрова в работе над изданием приняли участие историки Уральского, Сибирского и Дальневосточного отделений РАН, исторических факультетов МГУ и СПбГУ, многих других научных центров и вузов, всего несколько сотен специалистов по всем отраслям отечественной истории. Важное значение приобрела поддержка со стороны Российского исторического общества, председатель которого С.Е. Нарышкин возглавил редак-

²¹ История Новороссии / Отв. ред. В.Н. Захаров. М., 2017; История Крыма. В 2 т. / Отв. ред. А.В. Юрасов. М., 2017; История Севастополя. В 3 т. / Под общ. ред. Ю.А. Петрова, Е.Б. Алтабаевой. М., 2021.

²² Академическая история Югры. В 8 т. / Под общ. ред. Р.Г. Пихои. Ханты-Мансийск, 2024.

²³ Шелохаев В.В. Ю.А. Петров на страницах «Дневника историка» // В служении Клио... С. 60.

ционный совет издания. Ю.А. Петров вместе с академиком Н.А. Макаровым стал ответственным редактором.

В 2023 г. вышла в свет первая книга серии «История России», а именно второй том, посвящённый истории Руси с VI до середины XIII века (отв. ред. А.А. Горский)²⁴. Затем стали появляться и другие тома, некоторые в двух книгах. Всего намечено опубликовать 20 томов в 30 книгах. Давать оценку всему изданию ещё рано. Стоит сказать о проблемах научного характера, которые пришлось преодолевать ответственному редактору. Сотни авторов, три десятка книг. У каждого автора и ответственного редактора тома своё представление об истории России. Как избежать разногласий? Руководителям предыдущих аналогичных многотомных трудов по истории СССР, вышедших в 1950-х и 1960-х гг., было проще, поскольку действовала одна концепция (что, конечно, не исключало дискуссий). При подготовке нынешнего издания «Истории России» во главу угла поставлена задача отразить уровень и достижения современной науки в изучении отечественной истории. Каждый автор или редактор приходил со своей версией, своим представлением. Ю.А. Петров выступает сторонником творческой свободы участников проекта. При этом исключаются крайности, маргинальные версии, мифологизированные сюжеты. Но используя право представить свою позицию, каждый автор или редактор должен отразить и иные существующие в современной науке оценки и версии. Так возникает сложная и многогранная, и вместе с тем подлинно научная картина прошлого страны, в которой авторская позиция органично включена в общий контекст современной науки.

Достижению этой цели способствует и структура всего издания и каждого тома. В основе распределения материала по томам находится современная периодизация истории России, в соответствии с которой выделяется определённый этап, достаточно цельный с точки зрения общих параметров социально-экономического и политического развития, например, пореформенной России второй половины XIX в. или СССР со второй половины 1960-х до середины 1980-х гг. Каждому из этапов посвящается отдельный том.

Отдельные тома целенаправленно посвящены изучению исключительно значимых для страны и мира событий — Великой российской революции, Гражданской войны, Великой Отечественной войны. Единство и цельность всего издания в условиях творческой свободы сотен участников проекта достигается за счёт однородной внутренней структуры каждого из томов, на чём сумел настоять Петров. Каждый том включает главы по историографии периода, территории и населению, экономическому развитию, эволюции социальной структуры, внутренней и внешней политике, культуре и общественной мысли. Важной темой, проходящей через все тома, — и в этом также отразилась позиция Юрия Александровича, — стало представление о России как о полиэтничном и многоконфессиональном социуме, рассмотрение национальной политики российского государства.

Характерной чертой деятельности ИРИ РАН в период руководства Ю.А. Петрова стала большая вовлечённость в области исторического образования, просвещения, популяризации знаний о прошлом родной страны, расширилось взаимодействие на этом поле с музеями, библиотеками, учебными заве-

²⁴ История России в 20 томах. Т. 2. Государства и народы на территории России в VI — середине XIII века. Становление и развитие Руси / Отв. ред. А.А. Горский. М., 2024.

дениями, органами государственной власти и общественными организациями. Речь идёт не только об участии в этом отдельных сотрудников, но и коллектива ИРИ РАН в целом.

В 2013–2014 гг. специалисты Института внесли свой вклад в составление Историко-культурного стандарта преподавания истории России в средней школе, который стал обязательным для подготовки учебников и учебных пособий во всей стране. Авторы из ИРИ РАН разработали серию учебников с 6-го по 9-й класс, выходявших в свет в издательстве «Русское слово» под общей редакцией Ю.А. Петрова. В последнее время обращено внимание и на преподавание истории в высшей школе. С 2022 г. под руководством Юрия Александровича в ИРИ РАН велась работа по подготовке Концепции преподавания, а затем – учебника по истории России для студентов неисторических направлений. К началу 2024/25 учебного года первое издание учебника вышло в свет и было рекомендовано Министерством высшего образования и науки для всех вузов страны.

Активно работая на ниве исторического просвещения, Ю.А. Петров регулярно выступает в СМИ, обращаясь прежде всего к историческим примерам героического служения Отечеству, особенно в годы Великой Отечественной войны. Большое значение имеет участие Юрия Александровича в Совете при Президенте РФ по межнациональным отношениям. Петров находится в постоянном и тесном взаимодействии с фондом «История Отечества», а также с Российским историческим обществом, является членом его Президиума.

Достижения Юрия Александровича в изучении истории России, его заслуги на ниве организации науки и исторического просвещения получили признание и в профессиональном сообществе. В мае 2025 г. он был избран членом-корреспондентом РАН по Отделению историко-филологических наук.

Автору этих строк приходилось бывать в доме Юрия Александровича. В кабинете учёного устроен вместительный стеллаж для размещения томов академической «Истории России». Пока на нём стоит всего несколько уже вышедших книг. Хочется пожелать юбиляру, чтобы этот стеллаж заполнился как можно быстрее. Во-первых, потому, что это, наверное, одно из главных дел в его научной жизни. А во-вторых, по мере заполнения этих полок Ю.А. Петров сможет больше времени уделять созданию новых задуманных им научных трудов.

В.Н. Захаров

Наши авторы

Айрапетов Олег Рудольфович, кандидат исторических наук, доцент факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Беглов Алексей Львович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Вершинин Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Воейков Евгений Владимирович, доктор исторических наук, профессор Педагогического института Пензенского государственного университета

Голиков Андрей Георгиевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Горская Наталья Ивановна, доктор исторических наук, профессор факультета истории и права Смоленского государственного университета

Домнин Артём Игоревич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН

Замулин Валерий Николаевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Юго-Западного государственного университета (Курск)

Захаров Виктор Николаевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Зубкова Елена Юрьевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Котов Александр Эдуардович, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Кудряшов Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Куприянов Александр Иванович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Медведев Тимофей Дмитриевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

Мельникова Наталья Викторовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург)

Мухин Михаил Юрьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Нелипович Сергей Геннадьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Пученков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор
Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Сенин Александр Васильевич, аспирант факультета государственного управления
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Тюрин Владислав Игоревич, аспирант Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Хроленок Евгений Валерьевич, кандидат исторических наук, докторант
Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь)

Шамин Степан Михайлович, доктор исторических наук, ведущий научный
сотрудник Института российской истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

История власти

С.В. Кудряшов

Роль высшего военного и политического руководства СССР в достижении Победы	3
---	---

Лица и взгляды

В.Н. Замулин

Послевоенные споры советских полководцев о проблемах планирования и проведения стратегических операций в годы Великой Отечественной войны. К.К. Рокоссовский против Н.Ф. Ватутина	18
---	----

На защите столицы СССР

Т.Д. Медведев

Истребительные батальоны Москвы и Московской области. Июнь 1941 — 1942 гг.	30
---	----

Россия и мир

А.Л. Беглов

СССР и Ватикан в 1942 г.: нереализованные возможности	39
---	----

Историк и источник

А.И. Домнин

Отражение в картографических материалах действий Красной армии против курляндской группировки Вермахта в октябре 1944 — мае 1945 г.	47
--	----

Институты и общности

Е.В. Воейков

Состояние общепита оборонных заводов Пензенской области в годы Великой Отечественной войны и пути решения продовольственной проблемы	60
--	----

В.И. Тюрин

«Управдом должен быть человеком проверенным»: домоуправления Москвы в годы Великой Отечественной войны	75
---	----

А.И. Куприянов

Война и футбол: организационные и социальные проблемы профессионального спорта	87
---	----

Е.Ю. Зубкова

Фронтовой социум: опыт идентификации и практики консолидации ветеранов Великой Отечественной войны в первые послевоенные годы	98
--	----

М.Ю. Мухин

Система органов мобилизационного планирования экономики в послевоенные годы (1945—1964)	111
--	-----

Сюжеты и эпизоды

<i>А.В. Сенин</i>	
Ф.Ф. фон Берг и русская военная разведка во второй четверти XIX в.	120
<i>Н.И. Горская</i>	
Формирование Смоленского ополчения в годы Восточной войны (1853–1856)	128

Народы и пространства

<i>Е.В. Хроленок</i>	
Военные экспедиции Стародубского полка в 1654–1764 гг.	142

Профессия и сообщество

<i>С.М. Шамин</i>	
От Азовских походов к Азовскому проекту	153

Рецензии

<i>А.Э. Котов</i> — Извилистые тропы славянской взаимности	171
<i>А.Г. Голиков</i> — Визуальная хроника Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. . . .	177
<i>С.Г. Нелипович</i> — Человек против окружающей среды: Ландшафты Великой войны в Восточной Европе	182
<i>А.С. Пученков</i> — «Пожары над страной»	185
<i>О.Р. Айрапетов</i> — А.А. Вершинин. Неудавшийся союз. Военно-политическое сотрудничество СССР и Франции накануне Второй мировой войны (1930–1939 гг.)	189
<i>А.А. Вершинин</i> — «Защитить Европу от самой себя»: новое исследование внешней политики СССР накануне Второй мировой войны	197
<i>Н.В. Мельникова</i> — P.R. Josephson. Nuclear Russia. The Atom in Russian politics and culture	203

Юбилей

<i>В.Н. Захаров</i> — Учёный и организатор науки. К 70-летию Ю.А. Петрова	209
Наши авторы	223

CONTENTS

History of power

- S.V. Kudryashov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
The role of the supreme military and political leadership of the USSR
in achieving Victory 3

Persons and views

- V.N. Zamulin (Southwest State University, Kursk, Russia)*
Post-war disputes between Soviet commanders about the problems of planning
and conducting strategic operations during the Great Patriotic War.
K.K. Rokossovsky vs N.F. Vatutin 18

Defending the capital of the USSR

- T.D. Medvedev (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences)*
Fighter battalions of Moscow and the Moscow region. June 1941 – 1942 30

Russia and the world

- A.L. Beglov (Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
The USSR and the Vatican in 1942: missed opportunities 39

The historian and the source

- A.I. Domnin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
Cartographic materials of the actions of the Red Army against Courland group
of the Wehrmacht from October 1944 – May 1945 47

Institutions and communities

- E.V. Voeikov (Penza State University, Russia)*
The state of catering at defense plants in the Penza region during the Great
Patriotic War and ways of solving the food problem 60
- V.I. Tiurin (HSE University, Moscow, Russia)*
«The housing manager must be a trusted person»: Moscow housing offices
during the Great Patriotic War 75
- A.I. Kupriyanov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
War and football: organizational and social problems of professional sport 87
- E.Yu. Zubkova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
Front-line community: experience of identification and consolidation practices
of veterans of the Great Patriotic War in the first post-war years 98
- M.Yu. Mukhin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
The system of economic mobilization planning bodies in the post-war years
(1945–1964) 111

Scenarios and episodes

<i>A.V. Senin (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i>	
F.F. von Berg and Russian military intelligence in the second quarter of the 19 th century	120
<i>N.I. Gorskaya (Smolensk State University, Russia)</i>	
Formation of the Smolensk Militia during the Crimean War (1853–1856)	128

Peoples and spaces

<i>E.V. Khrolenok (Belarusian State University, Minsk)</i>	
Military expeditions of the Starodub regiment in 1654–1764	142

Profession and community

<i>S.M. Shamin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
From the Azov campaigns to the Azov Project	153

Reviews

<i>A.E. Kotov (Saint Petersburg State University, Russia)</i>	
The winding paths of Slavic reciprocity	171
<i>A.G. Golikov (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i>	
Visual chronicle of the Russian-Turkish War of 1877–1878.	177
<i>S.G. Nelipovich (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Rec. ad op.: Chelovek protiv okruzhayushchey sredy: Landshafty Velikoy Voyny v Vostochnoy Evrope	182
<i>A.S. Puchenkov (Saint Petersburg State University, Russia)</i>	
«Fires over the country»	185
<i>O.R. Airapetov (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i>	
Rec. ad op.: A.A. Vershinin. Neudavshiysia soyuz. Voenno-politicheskoye sotrudnichestvo SSSR i Frantsii nakanune Vtoroy mirovoy voyny (1930–1939 gg.)	189
<i>A.A. Vershinin (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i>	
«To protect Europe from itself»: new study of the USSR's foreign policy on the eve of World War II	197
<i>N.V. Melnikova (Institute of History and Archaeology, Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Yekaterinburg)</i>	
Rec. ad op.: P.R. Josephson. Nuclear Russia. The Atom in Russian politics and culture	203

Anniversaries

<i>V.N. Zakharov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Scientist and organizer of science. Dedicated to the 70 th anniversary of Yu.A. Petrov	209
Contributors to this issue	223